

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 2
Гуманитарные науки

2016. Т. 18

№ 2 (151)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 2
Humanities and Arts

2016. Vol. 18

№ 2 (151)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. В. Алексеев**, акад. РАН
А. Е. Аникин, чл.-корр. РАН
В. А. Виноградов, чл.-корр. РАН
А. В. Головнев, чл.-корр. РАН
С. В. Гольнец, акад. РАН
Ю. С. Пивоваров, акад. РАН
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
Д. Беннер, проф. (Германия)
Дж. Боулт, проф. (США)
П. Бушкович, проф. (США)
Л. Инчуань, проф. (Тайвань)
Н. Коллман, проф. (США)
К. Кроо, проф. (Венгрия)
Дж. Майклсон, проф. (США)
А. Мустайоки, проф. (Финляндия)
Б. Ю. Норман, проф. (Белоруссия)
М. Перри, проф. (Великобритания)
Х. Рюсс, проф. (Германия)
Г. Саймонс, проф. (Швеция)
А. Федотов, проф. (Болгария)
К. Хьюитт, проф. (Великобритания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

- Главный редактор
Т. В. Куш,
докт. ист. наук, доц.
- Заместители главного редактора
Е. П. Алексеев,
канд. искусствоведения, доц.
Ю. В. Матвеева,
докт. филол. наук, доц.
- Ответственный секретарь
Н. В. Мосеева
- ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ
Н. Н. Баранов,
докт. ист. наук, доц.
Л. А. Будрина, канд.
искусствоведения, доц.
Е. М. Главацкая,
докт. ист. наук, доц.
Г. В. Гольнец, доц.
искусствоведения, чл.-корр. РАН
О. В. Зырянов,
докт. филол. наук, проф.
М. В. Капкан, канд.
культурологии, доц.
А. В. Маркин,
канд. филол. наук, доц.
А. М. Плотникова,
докт. филол. наук, доц.
Ю. А. Русина,
канд. ист. наук, доц.
Д. В. Спиридонов,
канд. филол. наук, доц.
А. В. Шаманаев,
канд. ист. наук, доц.
Т. С. Кузнецова,
канд. филол. наук (перевод)

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Индексирование: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science (WoS).

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNAL

- V. V. Alekseev**, Full Member of RAS
A. E. Anikin, Corresponding Member of RAS
A. V. Golovnev, Corresponding Member of RAS
S. V. Golynets, Full Member of RAA
Yu. S. Pivovarov, Full Member of RAS
V. A. Vinogradov, Corresponding Member of RAS
- T. E. Avtuchovich**, Professor (Belarus)
D. Benner, Professor (Germany)
J. Bowlt, Professor (USA)
P. Bushkovitch, Professor (USA)
A. Fedotov, Professor (Bulgaria)
K. Hewitt, Professor (Great Britain)
N. Kollmann, Professor (USA)
K. Kroo, Professor (Hungary)
G. Mikkelson, Professor (USA)
A. Mustajoki, Professor (Finland)
B. Yu. Norman, Professor (Belarus)
M. Perry, Professor (Great Britain)
H. Rüß, Professor (Germany)
G. Simons, Professor (Sweden)
L. Ying Chuan, Professor (Taiwan)

EDITORIAL STAFF OF THE SERIES

- Editor-in-Chief
T. V. Kushch,
 Dr. hab. (History), Associate Professor
- Deputy Editors
E. P. Alekseev,
 PhD (Art Studies), Associate Professor
Yu. V. Matveeva,
 Dr. hab. (Philology), Associate Professor
- Managing Editor
N. V. Moseeva
- EDITORIAL BOARD
N. N. Baranov,
 Dr. hab., Associate Professor
L. A. Budrina,
 PhD, Associate Professor
E. M. Glavatskaya,
 Dr. hab., Associate Professor
G. V. Golynets,
 PhD, Full Member of RAA
M. V. Kapkan,
 PhD, Associate Professor
A. V. Markin,
 PhD, Associate Professor
A. M. Plotnikova,
 Dr. hab., Associate Professor
Yu. A. Rousina,
 PhD, Associate Professor
A. V. Shamanaev,
 PhD, Associate Professor
D. V. Spiridonov,
 PhD, Associate Professor
O. V. Zyryanov,
 Dr. hab., Professor
T. S. Kuznetsova,
 PhD (Philology), translation

The Journal is included into the List of Peer-reviewed Academic Journals and Editions publishing academic results of doctoral theses.

The Journal is indexed in Science Index (eLibrary); Russian Science Citation Index (RSCI), and the Web of Science™ (WoS).

СОДЕРЖАНИЕ

ВРАГИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

- Бовыкин Д. Ю.* Роялисты в Национальном Конвенте 7
- Чудинов А. В.* «Солдаты свободы» или смертельный враг? Французы в Южной Италии 1798–1799 гг. 25
- Митрофанов А. А.* Волнения в эмигрантском корпусе Конде на русской службе в 1798 г. (по материалам РГАДА) 42

ПРОЛЕТАРСКОЕ ГОСУДАРСТВО НА ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ

- Земцов Б. Н.* Дискуссия о сущности пролетарского государства в РКП(б) в 1919–1923 гг. 57
- Пыльцын Ю. С.* Терское казачество на заключительном этапе Гражданской войны на Северном Кавказе (1920 г.).... 69
- Килин А. П.* Налоговые работники и частные предприниматели на Урале как акторы экономики нэпа: по следам «астраханского дела»..... 77

ИСТОРИЯ

- Возчиков Д. В.* Династическая смута в поздней Византии глазами великого канцелярия Венецианской республики 92
- Пятовский С. А.* Польско-украинский конфликт 1918–1919 гг. в контексте зарождения Версальской системы..... 103
- Адамов Д. П.* Британская политическая элита и проект создания партии центра в 1919–1923 гг..... 114
- Калинин Д. М.* Переговоры Дж. Буша и М. С. Горбачева на Мальте в 1989 г. (по материалам Библиотеки Дж. Буша)..... 124

ФИЛОЛОГИЯ

- Королёва Е. И.* Английские экспрессивные словосочетания в текстах современной британской беллетристики 137

- Кашкарева А. П.* Типология женских образов в романе Н. С. Лескова «Некуда»..... 146
- Ягафарова Г. Н.* Фольклорные имена: о чем они говорят (на примере башкирских богатых сказок)..... 155

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

- Борщ Е. В.* Гравюры по рисункам Ш.-Н. Кошена-младшего во французских книгах XVIII в. из собраний Екатеринбурга 169
- Силонова О. Н.* Лаковый кабинет Н. А. Демидова в московском Слободском доме-дворце (1782–1784): история создания, опыт реконструкции..... 184
- Будрина Л. А.* Пять малахитовых каминных (произведения Малахитовой фабрики Демидовых и императорской Петергофской гранильной фабрики, 1847–1856)..... 199

РЕЦЕНЗИИ

- Козлов А. С.* Феномен двух Римов поздней античности. Рец. на кн.: Two Romes: Rome and Constantinople in Late Antiquity / ed. L. Grig, G. Kelly. Oxford ; New York : Oxford Univ. Press, 2012. (Oxford Studies in Late Antiquity) 210
- Решетова А. А.* Яков Полонский на Рязанской земле. Рец. на кн.: Яков Петрович Полонский : личность и творчество в истории русской культуры / под ред. Л. В. Чекурина. Рязань : ПервопечатникЪ, 2014 217

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференции

- Зарождение традиции: Чемпаловские чтения в Уральском федеральном университете (*В. Д. Камынин, К. Г. Муратишина*)..... 231
- Список сокращений 235

TABLE OF CONTENTS

ENEMIES OF THE FRENCH REVOLUTION

<i>Bovykin, D. Y.</i> Royalists in the National Convention.....	7
<i>Tchoudinov, A. V.</i> “Soldiers of Freedom” or Mortal Enemy? The French in Southern Italy, 1798–1799	25
<i>Mitrofanov, A. A.</i> Unrest in the French Émigré Army of Condé in the Russian Military Service in 1798 (With Reference to Documents of the Russian State Archive of Ancient Acts)	42

THE PROLETARIAN STATE IN THE MAKING

<i>Zemtsov, B. N.</i> Discussion about the Essence of the Proletarian State in the CPSU between 1919 and 1923.....	57
<i>Pylytsyn, Y. S.</i> Terek Cossacks in the Final Phase of The Civil War in the Northern Caucasus (1920)	69
<i>Kilin, A. P.</i> Tax Workers and Private Entrepreneurs in the Urals as Actors of the NEP Economy: Following the “Astrakhan Case”	77

HISTORY

<i>Vozchikov, D. V.</i> Late Byzantine Dynastic Turmoil in the Eyes of the Grand Chancellor of the Republic of Venice	92
<i>Piatowski, S. A.</i> The Polish-Ukrainian Conflict of 1918–1919 in the Context of the Rise of the Versailles System.....	103
<i>Adamov, D. P.</i> The British Political Elite and the Centre Party Project in 1919–1923	114
<i>Kalinin, D. M. G. H. W.</i> Bush and M. Gorbachev’s Negotiations at Malta in 1989 (With Reference to G. H. W. Bush Presidential Library Archive)	124

PHILOLOGY

<i>Korolyova, E. I.</i> Expressive English Phrases in Modern British Fiction	137
--	-----

<i>Kashkareva, A. P.</i> A Typology of Female Characters in Nikolai Leskov’s <i>No Way Out</i>	146
<i>Yagafarova, G. N.</i> Folklore Names: What They Speak about (With Reference to Bashkir Heroic Tales)	155

ART STUDIES

<i>Borshch, E. V.</i> Engravings Based on C.-N. Cochin the Younger’s Drawings in 18 th Century French Books from Yekaterinburg Collections	169
<i>Silonova, O. N. N. A.</i> Demidov’s Lacquer Study in the Moscow Slobodskoy Mansion (1782–1784): Creation History, an Attempt at Reconstruction ..	184
<i>Budrina, L. A.</i> Five Malachite Fireplaces (Works of the Demidov Malachite Factory and Imperial Peterhof Lapidary Factory, 1847–1856).....	199

REVIEWS

<i>Kozlov, A. S.</i> The Phenomenon of Two Romes in Late Antiquity. <i>Review of</i> Grig, L., & Kelly, G. (Eds). (2012). Two Romes: Rome and Constantinople in Late Antiquity. <i>Oxford Studies in Late Antiquity</i> . Oxford; New York: Oxford University Press.....	210
<i>Reshetova, A. A.</i> Yakov Polonsky in Ryazan Region. <i>Review of</i> Chekurin, L. V. (Ed.) (2014). <i>Jakov Petrovich Polonskij: lichnost’ i tvorchestvo v istorii russkoj kul’tury</i> [Yakov Polonsky: Personality and Creative Work in the History of Russian Culture]. Ryazan: Pervopeshatnik’b	217

ACADEMIC CURRICULUM

Conferences

The Establishment of a Tradition: Chempalov Readings in Ural Federal University (<i>V. D. Kamynin, K. G. Muratshina</i>).....	231
List of abbreviations	235

DOI 10.15826/izv2.2016.18.2.023

УДК 94(44)“1792/1795” + 929 Людовик (44)*17 +
+ 930.24 + 342.38(44)

Д. Ю. Бовыкин

*1) Московский государственный
университет*

*2) Институт всеобщей истории РАН
Москва, Россия*

РОЯЛИСТЫ В НАЦИОНАЛЬНОМ КОНВЕНТЕ*

В статье анализируется проблема, важная для понимания истории контрреволюционного движения в годы Французской революции XVIII в.: были ли в составе Национального Конвента (1792–1795), начавшего свою работу с провозглашения республики, сторонники реставрации королевской власти? Статья основана на многочисленных документах той эпохи: материалах из Национального архива Франции и Архива внешней политики Российской империи, донесениях роялистских и английских агентов во Франции, прессе, переписке и воспоминаниях современников. Упоминания о роялистах в стенах Конвента неоднократно встречаются и у современников, и у историков, однако обычно не подкрепляются доказательствами. При Термидоре в Конvente была развязана настоящая «охота на ведьм», депутаты во многом столь же бездоказательно обвиняли друг друга в симпатиях к монархии. Тем не менее, на основе анализа документов и сопоставления многочисленных свидетельств можно прийти к выводу о том, что роялисты не только входили в состав Конвента, но и планировали летом 1795 г. сохранить свое политическое влияние, восстановив монархию. При этом они делали ставку на различных претендентов на престол: герцога Орлеанского, Генриха Прусского или планировали организовать регентство при малолетнем Людовике XVII. Только смерть короля в парижской тюрьме Тампль разрушила эти планы.

Ключевые слова: Франция; XVIII в.; Французская революция; контрреволюция; Людовик XVII; Луи-Филипп Орлеанский; Национальный Конвент.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-01116).

© Бовыкин Д. Ю., 2016

Истории контрреволюционного движения в годы Французской революции XVIII в. посвящены десятки книг и статей. Тем не менее, существует один вопрос, который ни разу до сих пор всерьез не исследовался: были ли среди депутатов Национального Конвента (1792–1795) роялисты?¹

На первый взгляд, сама постановка проблемы кажется странной. Именно Конвент провозгласил Францию республикой, его депутаты единодушно голосовали за то, чтобы призывы к восстановлению монархии карались смертной казнью. И все же в историографии то и дело высказывается уверенность в том, что среди членов Конвента насчитывалось немало роялистов. Причем особенно часто об этом говорится, когда речь идет не о диктатуре монтаньяров, а о 1794–1795 гг., о термидорианском периоде.

Известный в середине XIX в. журналист И. Кастиль даже называет этих депутатов поименно: Ж.-Д. Ланжюине, Ж.-Л. Тальен, С. Л. М. Фрерон, Ф.-А. Буасси д'Англа, Ж. Ж. Р. Камбасерес, П. Ф. И. Анри Ларивьер, Л. Г. Дульсе-Понтекулан, П.-Л. Бентаболь, А.-М. Инар, Ж. Дефермон и некоторые другие [Castille, p. 174]. А Вандаль также подчеркивает, что многие из термидорианцев «были менее всего республиканцами» [Вандаль, с. 17]. Е. В. Тарле не сомневается, что многие из вернувшихся в Конвент при Термидоре жирондистов «сами иногда в том не признаваясь, все больше и больше приближались к монархистам. А иные просто стали монархистами» [Тарле, с. 61]. Профессор Ноттингемского университета У. Р. Фрайер оценивал число роялистов в Конвенте в 50–60 человек [Fryer, p. 40]. Добавим к этому многочисленные упоминания о том, что лидеры термидорианцев — Тальен и П. Баррас — вступили в переговоры с роялистами, выдвигая следующие условия: не ворошить прошлое и сохранить нажитые за время революции состояния [Thureau-Dangin, p. 31; Louigot, p. 254; Fuos, p. 56; Souvenirs..., p. 403]. Отметим однако, что никто из упомянутых авторов не приводит никаких реальных доказательств.

Не удалось их найти и в мемуарах современников, в том числе и тех членов Конвента, которые обвиняли своих коллег в преданности интересам монархии. Если верить заметкам М.-А. Бодо, то переговоры с роялистами вели не только Тальен и Баррас, но также Фрерон и Камбасерес. Более того, всем четверым вроде бы даже удалось получить от графа Прованского, дяди находившегося в парижской тюрьме Людовика XVII², письма, дарующие помилование [Vaudot, p. 39, 75, 257]. Л. Ларевельер-Лепо в своих мемуарах также отмечает наличие в Конвенте достаточно сильной роялистской группировки [Larevellière-Léreaux, p. 205, 235] и намекает на симпатии к роялизму Буасси д'Англа, Анри Ларивьера, Ж. Ш. Г. Делаайэ, Ф. Обри «и многих других менее известных» [Ibid., p. 256]. Тибодо, рассказывая в мемуарах о своем участии в работе комиссии по подготовке Конституции III года (так называемой Комиссии одиннадцати), утверждает,

¹ В 2006 г. в Институте французской революции была даже защищена дипломная работа на эту тему, однако исследования, к сожалению, не было ни опубликованы, ни продолжены [Hernandez].

² Как брат Людовика XVI, граф имел также титул Месье.

что в ней «была монархическая партия. Она состояла из Лесажа из Эр-и-Луара, Буасси д'Англа и Ланжюине. Я не говорю о Дюран-Майяне, чье мнение не принималось в расчет» [Thibaudeau, p. 179]. Роялистский агент граф д'Аллонвиль вспоминает, что дижонские роялисты восхищались покровительствовавшим им комиссаром Конвента Ж. Майлем, весьма двусмысленно голосовавшим на процессе Людовика XVI и якобы заявившем: «Если бы послушались моего совета, я бы его спас» [Allonville, p. 339, 354]. «Треть Конвента была роялистской» [Montgaillard, p. 1], — утверждал Ж. Г. М. Рок, граф де Монгайяр, дворянин и роялистский шпион, побывавший во Франции еще при монтаньярах. Но вновь никаких доказательств.

Тем не менее, эти многочисленные свидетельства позволяют поставить вопрос о том, возможно ли в принципе по прошествии двухсот с лишним лет выяснить, кто из депутатов Конвента разделял установки и стремления роялистов.

На этом пути мне видится целый ряд трудностей, и весьма существенных. Прежде всего, начиная с конца 1792 г. обвинение в роялизме регулярно использовалось против едва ли не всех политических противников монтаньяров; а после переворота 9 термидора вернулось оно бумерангом и к Робеспьеру. Депутаты привыкли к тому, что это обвинение могло стоить карьеры, а то и жизни, и едва ли историк может ожидать от них чистосердечного признания в симпатии к королевской власти. Компрометирующие документы старались не хранить, что существенно снижает шансы на успех при поисках в архивах. Письма роялистов часто шифровались, и далеко не все к сегодняшнему дню расшифрованы.

Второй сложностью мне видится стремительное изменение в ту эпоху политического *credo* — не только депутатов Конвента, но сотен и тысяч людей, так или иначе вовлеченных в революционный поток. Порой эта смена убеждений происходила реально, порой диктовалась соображениями личной выгоды — фактически, с каждым случаем необходимо разбираться отдельно. К примеру, если уже упоминавшийся Анри Ларивьер в 1797 г. проходит в переписке роялистов как убежденный сторонник Людовика XVIII [MAE, vol. 592, f. 159v.], это отнюдь не означает, что он являлся таковым и в 1795 г. (хотя, разумеется, и не исключает этого).

И, наконец, третья трудность — свидетельства современников и документы, которые могли бы послужить основой для составления списка роялистов в Конвенте, рассеяны во времени и пространстве и требуют тщательного сопоставления между собой. Не случайно даже в научно-популярных книгах, специально посвященных тем же Баррасу и Тальену, их авторы либо ограничиваются туманными намеками на существование неких компрометирующих бумаг [Vouiquin, p. 283], либо, рассказывая о Термидоре, вовсе обходят эту щекотливую тему [Le Nabour, p. 322]. Одним словом, реальное решение проблемы видится мне возможным лишь после появления капитальных, основанных на архивах трудов, посвященных конкретным депутатам. Однако и сейчас можно сказать, что подозрения, высказанные в адрес некоторых названных выше членов Конвента, кажутся не лишними оснований.

Например, в отношении Камбасереса. При Термидоре он трижды избирался в Комитет общественного спасения, а впоследствии стал консулом, канцлером Империи и герцогом Пармским. «Я совершенно не удивлен, что Камбасерес — один из тех, кто стремится к возвращению королевской власти» [Rescueil..., p. 71], — писал 10 октября 1795 г. граф д'Антрэг, создавший во Франции сеть осведомителей, работавших сразу на несколько европейских дворов. Английская разведка также сообщала, что «Камбасерес может быть полезен для реставрации монархии» [Historical Manuscripts commission, p. 86]. Российский поверенный в делах в Генуе А. Г. Лизакевич докладывал в Петербург: 12 апреля 1795 г. Камбасерес обронил, «что если во Франции когда-нибудь и понадобится король, то нужно, чтобы им стал принц Генрих Прусский» [АВПРИ, ф. 48, оп. 48/2, 1795 г., д. 92, л. 137].

Другой депутат, чьи симпатии к монархии представляются вполне вероятными — Ф. А. Буасси д'Англа, бывший одно время членом Комитета общественного спасения, входивший в Комиссию одиннадцати и даже представлявший депутатам ее конституционный проект. Многие современники были уверены в том, что он — скрытый роялист [Thibaudeau, p. 179; Granier de Cassagnac, p. 73], а Ларевельер-Лепо даже полагал его пристрастия к монархии очевидными [Larevellière-Léreaux, p. 232–233]; переворот 18 фрюктидора V года, после которого Буасси был внесен в проскрипционные списки, только укрепил эту уверенность. Его бумаги были захвачены полицией, но в них мне не удалось обнаружить ни малейшего намека на связи с роялистами [A. N. F7 4606]; в то же время известно, что конституционные монархисты состояли с ним в переписке и высоко оценивали его деятельность. Так, например, П. В. Малуэ писал в сентябре 1795 г. Ж. Малле дю Пану: «Буасси д'Англа — один из самых честных людей в Конвенте (это не о многом говорит, однако он, по крайней мере, не голосовал за казнь короля и первым начал произносить разумные речи в этом собрании каннибалов); так вот, Буасси д'Англа сделал мне немало комплиментов и продемонстрировал мне свой интерес; недавно я с верной оказией отправил ему письмо, поскольку, если те предложения, которые он мне сделал, будут иметь какое-то продолжение, вы и Мунье можете выиграть от этого куда больше меня, и вам вести переговоры касательно эмигрантов» [Malouet, p. 440–441].

Российские дипломаты также полагали, что Буасси — конституционный монархист. В донесениях в Петербург в марте 1795 г. они напоминали, что во время дискуссии в Конвенте о судьбе Людовика XVII Буасси выступал за высылку его в Швейцарию, тогда как Швейцария — это как раз место пребывания многих конституционных монархистов. Тогда же, по их сведениям, в Комитете общественного спасения Буасси д'Англа выступил за возвращение к Конституции 1791 г. [АВПРИ, ф. 48, оп. 48/2, д. 92, л. 77–77 об.].

Небезынтересно, что Буасси, как и Камбасереса, подозревали в симпатиях именно к Генриху Прусскому. В донесении в Петербург от начала июля 1795 г. говорилось: «Сийеса, Мерлена из Дуэ, Буасси д'Англа обвиняют, что они хотят по новой конституции сделать его Регентом при Людовике XVII с тем, чтобы когда все привыкнут к владычеству Короля, того отравили» [Там же, л. 96–96 об.].

Третий депутат, которого называют в числе роялистов [см., например: Bredin, p. 380], — аббат Э. Ж. Сийес, ставший после переворота 9 термидора членом Комитета общественного спасения. Наряду с Буасси д'Англа и Камбасересом, он принадлежал при Термидоре к числу наиболее влиятельных депутатов. «Сийес, Камбасерес и Буасси Данглас суть три члена сей Конвенции, кто всем управляет» [АВПРИ, ф. 35, оп. 35/6, 1795 г., д. 460, л. 10 об.–11.], — сообщал в Петербург из Лондона граф Воронцов. Однако истинные симпатии Сийеса проследить довольно сложно, и не в последнюю очередь из-за его стремления оставаться в тени, играя роль «серого кардинала». Это заставляло современников видеть его руку за самыми разными событиями — от революционного Террора и заговора Бабефа до интриг в пользу герцога Орлеанского. В 1799 г. он будет разрабатывать конституционные проекты, по которым во главе страны встанет так называемый «Верховный представитель»; в 1815 г. он подпишет петицию Сената, призывающую на трон Людовика XVIII, поучаствовав тем самым, как не без восхищения отмечает его биограф, «в своем пятом государственном перевороте» [Bredin, p. 517].

Хотя свидетельства о роялизме Сийеса весьма многочисленны, они опять же лишь косвенные. Известно, что летом 1793 г. существовала идея обратиться к Неаполитанскому двору, где правила Каролина, сестра Марии-Антуанетты, и к Тосканскому двору с предложением обменять детей Людовика XVI на французских пленников. Переговоры не удались: посланники были арестованы австрийцами. По поводу этого сюжета мало что можно сказать определенно, все происходило в полнейшей тайне, поскольку сама инициатива таких переговоров со стороны французских должностных лиц могла рассматриваться как измена, тем не менее существует легенда, что инициатором этих переговоров был Сийес [Turquan, p. 73].

В апреле 1795 г. английский агент во Франции сообщал, что ряд депутатов Конвента, в отчаянии от ухудшающейся экономической ситуации в стране, подготовили заговор с целью возвести на трон монарха из Орлеанской династии, и якобы во главе этого заговора вновь стоит именно Сийес [Historical Manuscripts commission, p. 219]. Немного позднее уже российские дипломаты передавали, что по отправленной им в середине августа информации из Швейцарии, «Сийес говорил о “Королевском кучере”, который приведет в движение Конституцию. <...> Однако прежде чем осмелиться выступить с таким предложением, необходимо вычистить, устранить слишком несговорчивых депутатов» [АВПРИ, ф. 48, оп. 48/2, 1795 г., д. 94, л. 45].

Тот же источник сообщал, что вечером 8 июня 1795 г. на заседании Комитета общественного спасения Сийес предложил учредить во Франции так называемое представительное правительство и объявить герцога Брауншвейгского³

³ Карл-Вильгельм-Фердинанд Брауншвейг-Вольфенбюттель (1735–1806) французам был хорошо знаком: до Революции его с почетом принимали во Франции, он встречался с Вольтером, а впоследствии командовал объединенными австро-прусскими войсками, шедшими на Париж в 1792 г.

его председателем. Тальен якобы высказался против [АВПРИ, ф. 48, оп. 48/2, д. 93, л. 49 об.]. Как правило, среди основных претендентов на престол герцога не называют, и это заставило меня поначалу не поверить информатору, но впоследствии мне удалось найти след той же легенды: Сийеса подозревали в том, что он, в бытность послом в Берлине, договорился с герцогом Брауншвейгским возвести того на французский престол [Souvenirs..., p. 402].

В личных бумагах Сийеса мною были обнаружены копии двух крайне любопытных писем, датированных 1 и 2 января 1795 г. и отправленных из Лондона. Их автор рекомендует адресату (оба никак не обозначены) господина Пюизэ, известного эмигранта и военачальника, которого характеризует следующим образом: он «столь же хороший роялист, сколь вы и я» [A. N. 284 AP 9. Doss. 2]. Если автора, исходя из контекста, можно с определенными основаниями отнести к достаточно влиятельным эмигрантским кругам, то догадаться о личности адресата трудно и, разумеется, я далек от того, чтобы утверждать, будто оба письма адресованы непременно Сийесу. Однако он должен был иметь резонные причины для того, чтобы при всей своей осторожности хранить столь опасные бумаги в личном архиве. Были ли они адресованы ему или какому-либо другому монархисту — это уже из области предположений.

Часто обвиняли в роялизме и Ж.-Л. Тальена — журналиста, монтаньяра, активного участника термидорианского переворота. В октябре 1794 г. российские агенты из Парижа докладывали, что Тальен ведет переговоры с Англией о заключении мира в обмен на сына Людовика XVI [АВПРИ, ф. 74, оп. 74/6, д. 441, л. 26 об.], а также, что он высказался за возвращение эмигрантов [Там же, л. 34]. В начале июня 1795 г. в Петербург доносили о том, что Тальен, Л. Лежандр и Ж.-С. Ровер стремятся к восстановлению монархии [АВПРИ, ф. 48, оп. 48/2, д. 93, л. 46]. В другом донесении рассказывалось, что, поскольку ремонт Версальского дворца вызывал множество вопросов, Комитет общественного спасения распорядился повесить на него табличку: «Это не для тирана». Когда Тальену об этом рассказали, он якобы заметил: «Если вернут короля, он и не будет тираном» [Там же, л. 49].

Г. Ж. Сенар, служивший в 1794 г. секретарем-редактором в Комитете общей безопасности и допущенный ко многим важнейшим документам, одну из глав своего труда почти целиком посвящает тому, как Тальен в 1793 г., будучи в том регионе, покровительствовал вандейцам [Révélations..., p. 273ss]. Он называет множество конкретных имен, подробностей, деталей, но проверить их сегодня едва ли возможно. В мемуарах Тибодо цитируется письмо графа Прованского, перехваченное республиканскими властями и отправленное из Вероны 3 января 1795 г.: «Я не сомневаюсь, что Тальен склоняется к королевской власти, но я с трудом верю, что это настоящая королевская власть» [Thibaudeau, p. 230]. Тибодо комментирует письмо следующим образом: «Поскольку принц писал, что не может сомневаться в том, что Тальен склоняется к роялизму, естественно было бы предположить, что они вели переговоры, и тот внушал большие надежды. Это не истинный роялизм, то есть не Старый порядок в чистом виде,

но восстановление Бурбонов. <...> Одного этого документа было бы достаточно, чтобы погубить любого другого депутата, но не Тальена, а ведь это не было единственным свидетельством против него. Были абсолютно такие же доклады французских дипломатов в Италии и тайного агента в Лондоне. <...> После того, как Ребель и Сийес вернулись из своей поездки в Голландию, они говорили, что собрали ценные свидетельства против Тальена и Фрерона» [Ibid., p. 231–232]. В примечаниях Тибодо пишет, что эти бумаги были переданы Тальену Сийесом, отвечавшим в Комитете общественного спасения за внешние сношения.

Фигура Тальена кажется тем более интересной, что отцом его жены, Терезы, был Франциско Кабаррюс (1752–1810) — личность в то время весьма известная. Торговец, финансист, промышленник, Кабаррюс принимал активное участие в реформаторской деятельности Карла III, после его смерти оказался разорен и два года провел в тюрьме. Полное оправдание (1795) и повторный взлет его политической карьеры обычно объясняют поддержкой всемогущего министра, фаворита королевы и друга Карла IV Мануэля Годоя, герцога Алькудия. Симпатия Годоя к финансисту не в последнюю очередь была обусловлена возможностью поддерживать через него тайную связь с Тальеном, состоявшим до 1797 г. в переписке с тестем [Zylberberg, p. 111].

В своих мемуарах граф д'Алонвиль, проведенный 1792–1794 гг. во Франции, писал: «Несколько влиятельных членов Конвента, в частности, Тальен, подверженные двойному страху быть повешенными роялистами или быть убитым якобинцами, обратили свои взоры на Испанию. Желая сделать ставку на полулегитимность, чью моральную власть он признавал, и отвергая полную легитимность, мести которой он опасался, он интриговал при помощи родственников своей жены с Мадридским кабинетом в пользу второго сына испанского государя (дона Карлоса), тогда еще ребенка, надеясь тем самым объединить французских роялистов, которые должны были быть чрезвычайно счастливы, что за тиранической республикой, которая столь их подавляла, последует монархия Бурбонов». Этим переговорам, продолжает д'Алонвиль, способствовал как страх «наиболее честных депутатов», так и то, что «испанское правительство <...> жадно ухватилось за надежду посадить своего принца на самый желанный трон Европы» [Allonville, p. 351–352].

Действительно, дону Карлосу было в то время всего 7 лет. Известно также, что еще в начале января 1795 г. противники Тальена планировали лишить его влияния, предав гласности его переписку с испанским двором через Терезу Кабаррюс [АВПРИ, ф. 48, оп. 48/2, д. 91, л. 47]. В августе 1795 г. российский агент также сообщал, что этот сюжет, по инициативе Сийеса, обсуждался в Комитете общей безопасности, который склонялся к тому, чтобы «выступить против Тальена как <...> роялиста, находящегося в створе с зарубежными державами» [Там же, д. 94, л. 53 об.; см. также: Там же, л. 112]. Информацию о тайных связях Тальена с испанским правительством получал и Малле дю Пан. В феврале 1796 г. он писал о том, что именно Тальен, став одним из творцов мира с Испанией и находясь в тесной переписке с герцогом д'Алькудия, способствовал восстановлению своего

тестя во всех правах. Малле также был уверен, что Тальен разрабатывал планы предложить корону испанскому инфанту [Mallet du Pan, p. 213].

Наконец, совершенно непонятно, почему при Реставрации Тальен не был выслан как другие цареубийцы и даже получил от Людовика XVIII небольшой пенсioen. Потому ли, что имел информацию об исчезновении Людовика XVII? [Roche, p. 276]. Потому ли, что за него попросила графиня Грабовская, которую он спас при терроре? [Ducrest, p. 402]. Потому ли, что король, узнав о его бедственном положении, решил, что нужно поддержать литератора и журналиста? [Houssaye, p. 468–469]. «Вещь необъяснимая» [Boucher de Perthes, p. 170], напишет один из современников.

Любопытно также, что у двоих из упомянутых депутатов до Революции жизненные пути пересекались с графом Прованским: Буасси д'Англа до сентября 1791 г. занимал должность его гофмейстера, Тальен работал мастером цеха (*prote*) в типографии Месье.

Подобные «досье» можно подобрать по многим членам Конвента: роялистов в те годы искали все. Искали коллеги, чтобы арестовать и отправить в тюрьму. Искали эмиссары графа Прованского, готового щедро вознаградить тех, кто поможет ему получить корону. Д'Антрэг сообщал, что в Комитете общественного спасения есть всем ему обязанный человек — Ф. Ж. Гамон [Recueil..., p. 71]. Другой французский эмигрант уверял, будто Тальен и Трейар не сомневались, что «англичанам проданся» Ж. Б. Р. Ленде, член Комитета общественного спасения со дня его создания [АВПРИ, ф. 74, оп. 74/6, д. 441, л. 25].

Чаще всего в роялизме подозревали тех депутатов, от которых что-то зависело. Через Гарденберга⁴ и полномочного министра России во Франции И. М. Симолина⁵ в Петербург доходили слухи о «проекте генерала Пишегрю и Мерлена из Тионвиля заставить провозгласить королем Людовика XVII» [АВПРИ, ф. 93, оп. 93/6, 1795 г., д. 518, л. 41]. Писал об этом проекте и английский государственный секретарь по иностранным делам лорд Гренвиль. По словам одного из прусских советников, вернувшегося из Парижа, влиятельный депутат А. К. Мерлен (из Тионвиля) во время обеда однажды сказал: «Всем известно, что я республиканец, но необходимо знать мнение Нации; если большинство выскажется за короля, то король необходим, а меньшинство, которое выступит против, будет рассматриваться как клика и будет подавлено» [Там же, л. 43]. Другой российский дипломат писал о Мерлене в феврале 1795 г., что он «должен быть ныне менее варварским и менее подлым, у него есть репутация, даже полагают, что у него есть чувства» [АВПРИ, ф. 32, оп. 32/6, д. 1249, л. 15].

Английские агенты, перечисляя наиболее влиятельных депутатов термидорианского Конвента, старались выявить среди них и роялистов. Про Ш. Ж. М. Алкье, юриста и дипломата, на которого еще при монтаньярах поступил

⁴ Карл Август фон Гарденберг (1750–1822) — прусский дипломат, участвовал в заключении Базельского мира. Впоследствии министр иностранных дел и канцлер Пруссии.

⁵ Симолин сохранил за собой этот пост и после того, как революционные события заставили его покинуть территорию Франции.

донос в Комитет общей безопасности, где его обвиняли в связи с известным заговорщиком бароном де Батцем, говорилось, что он «может быть полезен для партии, которая предпримет реставрацию королевской власти» [Historical Manuscripts commission, p. 86].

Особенно выделяли адвоката Ж.-Д. Ланжюине. Сразу после избрания в Конвент он отказался принести клятву в ненависти королевской власти. Ланжюине делает хорошую карьеру и при Наполеоне, и при Людовике XVIII, станет даже пэром Франции, однако о его политических симпатиях в 1795 г. говорить с уверенностью сложно. В Петербурге получали сведения о том, что Тальен выступал против возвращения в Конвент Ланжюине и Инара, полагая, что они принадлежат к группировке Мунье и ратуют за Конституцию 1791 г. [АВПРИ, ф. 48, оп. 48/2, д. 92, л. 59 об.]. Информатор российского посла в Генуе уверенно называл Ланжюине агентом вандейцев и роялистской партии [Там же, д. 94, л. 113]. Тот же источник сообщал, что в планы Ланжюине входило восстановление монархии через выборы в новый Законодательный корпус. 13 июля 1795 г. он якобы принял двух шуанов — А. де Бежари и М.-П. де Скепо, которых он знал еще по тем временам, когда скрывался от ареста при диктатуре монтаньяров, и сказал им: «Мы не случайно так вас торопим, будьте уверены, что у вас будет Король, которого мы вам обещали, но ради Бога дайте нам время претворить в жизнь наши планы» [Там же, л. 52]. В английском же донесении о Ланжюине говорилось: «Ни один человек не проявил большей храбрости, противодействуя осуждению Короля. В настоящий момент он, похоже, приобретает большое влияние, и говорят, что он открыто выступил за восстановление королевской власти» [Historical Manuscripts commission, p. 86].

В переписке англичан встречается и еще одно имя: Ш. Кошон де Лапаран — цареубийца, при Термидоре член Комитета общественного спасения. В 1796 г. он станет министром полиции. Коллеги обвиняли его в роялизме, Кошон защищался, напоминая, что голосовал за казнь короля. Донесение посла Англии в Швейцарии У. Уикхэма не оставляет сомнений: еще будучи в Комитете общественного спасения он переправлял англичанам секретные документы. «Кошону нужно платить много, — писал Уикхэм, — но за деньги он сделает все и предаст любого» [Ibid., p. 198].

Особенно активно роялистов стали преследовать сразу после восстания 13 вандемьера IV года Республики. 24 вандемьера (16 октября) Лежандр обвинил Ланжюине, Анри Ларивьера, Буасси и Лесажа (из Эра-и-Луары): «Я спрашиваю их, отчего заговорщики в первичных собраниях расхваливали их в то же время, когда распространяли клевету на самых отважных представителей» [Réimpression..., vol. 26, p. 220]. В своем выступлении Лежандр привлек внимание коллег к тем мерам, которые принимал Ф. Обри, «чтобы удалить из наших армий лучших республиканцев и заменить их роялистами», а также обрушился на другого своего коллегу, Ровера [Ibid., p. 221]. Обвинения против Обри не были новыми: будучи вначале членом Военного комитета, а после Термидора и Комитета общественного спасения, имея звание бригадного генерала, Обри отвечал

за кадровую реорганизацию армии и давно уже ходили разговоры о том, что он продвигает подозрительных и бездарных офицеров, а талантливых увольняет. Ровер, хотя и был цареубийцей, также давно вызывал подозрения коллег: бригадный генерал, член Комитета общей безопасности, он не пользовался любовью ни робеспьеристов, ни термидорианцев. Припоминали ему и покровительство роялистам во время пребывания в Буш-дю-Рон, где его действия вызвали всеобщее возмущение. В день выступления Лежандра Ровер был арестован, потом при Директории выпущен на свободу и скончался в 1798 г. в Кайенне, куда был отправлен после 18 фрюктидора.

Любопытно, что Лежандр и сам был одним из тех, кого подозревали в роялизме. Бодо вспоминал позднее, что Лежандр пользовался у роялистов большим доверием, поскольку во множестве освобождал их из тюрем [Baudot, p. 239]. В документах российских информаторов, полученных из Парижа, говорилось, что Лежандр и Л. Лекуантр, хотя и находились в орбите Тальена, выступали за реставрацию с использованием фигуры Луи-Франсуа-Жозефа Бурбона, принца де Конти. Его предлагали назначить регентом, тогда как сам Тальен считал этот план детищем Ланжюине и полагал его неудачным, поскольку принц де Конти не удовлетворит ни одну из группировок [АВПРИ, ф. 48, оп. 48/2, д. 91, л. 50 об.].

Выступавший следом за Лежандром Ж.-Б. Лувэ, заявил, что не верит в виновность Ларивьера, Лесажа, Ланжюине и Буасси, но горячо поддержал обвинение против Ровера. Прозвучало в его речи и еще одно имя: Ж.-Б.-М. Саладен [Réimpression..., vol. 26, p. 221–224]. Цареубийца и монтаньяр, он покинул скамьи Горы после 2 июня, сидел в тюрьме при диктатуре монтаньяров и вернулся в Конвент уже после Термидора. К 1797 г. политическая эволюция привела его в ряды сторонников монархии, но многие и ранее подозревали его в симпатиях к роялистам и эмигрантам. Итогом дискуссии стал декрет об аресте не только Ровера, но и Саладена.

На следующий день, 25 вандемьера, разразился еще один скандал. Ш.-А. Изабо, выступая в Конвенте от имени Комитета общей безопасности, доложил о перехвате переписки роялистского агента Лемэтра [Ibid., p. 239–240, 243]. Изабо отметил, что в переписке встречаются имена Тальена, Фрерона, Буасси, Камбасереса, Ларивьера, Дульсе, Бентаболя, Левассера, Инара, Дефермона, Ломона, Таво, Дюбуа-Дюбея, Бомеля и др., однако это отрывочные заметки, из которых трудно сделать определенные выводы. Депутаты тут же стали выступать с оправданиями и обвинениями, Конвенту с трудом удалось перейти к порядку дня.

Тем не менее, обстановка оставалась накаленной. 30 вандемьера IV года (21 октября) депутаты заподозрили, что армия, которая должна была перейти Рейн, отступила не просто так. Стоило Тальену заявить: «Контрреволюция может произойти конституционным путем в течение трех месяцев» [Ibid., p. 283], как посыпались новые обвинения: вновь потребовали арестовать депутата Обри, его секретаря, любовницу, которая якобы добывала места в Комитете общественного спасения для роялистов, и нескольких его сотоварищей [Ibid., p. 286]. Трудно

сказать, были ли обвинения Обри в роялизме истинными, но подозрения в симпатиях к монархии сопровождали едва ли не всю его карьеру вплоть до переворота 18 фрюктидора, после которого он был репрессирован.

Другой депутат, арестованный в тот же день, К.-Ж.-Б. Ломон, был обвинен в сомнительном поведении во время восстания 13 вандемьера (тем более сомнительном, что он был в это время членом Комитета общей безопасности), а также в том, что помогал Обри в развале армии. При Директории его спасет от тюрьмы его коллега Л. Г. Дульсе де Понтекулан, который заявит, что Ломон даже не знает, где находится Рейн. Конец связям Ломона с агентами Людовика XVIII также положит 18 фрюктидора [Kuscinski, p. 414–415].

1 брюмера (23 октября) Тибодо вновь поднялся на трибуну и обвинил Тальена в том, что тот — «организатор всех интриг, которые разрывают нас на части» [Réimpression..., vol. 26, p. 291]. В его речи Тальен предстал ответственным за «роялистскую реакцию», лидером «золотой молодежи». «Письма правительственных агентов в Генуе и Венеции, — говорил Тибодо, — сообщают о том, что эмигранты возлагают на Тальена большие надежды в плане возвращения. В Комитете общественного спасения существует письмо претендента, Месье, в котором он говорит, что очень рассчитывает на Тальена в деле восстановления монархии» [Ibid., p. 291–292]. Тальену с трудом удалось отбиться при поддержке своих соратников. Конец этой «охоте на ведьм» положила лишь амнистия, объявленная в самом конце работы Национального Конвента.

Россыпь имен... Роялизм одних депутатов представляется весьма вероятным, других — значительно более сомнительным. И все же, можем ли мы уверенно говорить, обобщая, что «термидорианцы оставались республиканцами» [Soboul, p. 425]? Думаю, что нет. Безусловно, анализ политических пристрастий членов Конвента не позволяет (по крайней мере, на нынешнем уровне освоения источников) дать ответ на вопрос, сколько же роялистов было в его стенах — треть, сотня или несколько десятков, не оказывавших существенного влияния на события. Ничто не мешает, тем не менее, отказавшись от попыток проникнуть в помыслы и стремления депутатов, посмотреть на их действия. Существуют ли какие-либо свидетельства о том, что Конвент пытался в 1795 г. восстановить монархию?

Как отмечал А. Вандаль, у термидорианцев «была задняя мысль, затаенная и неотступная: упрочить свою олигархию, поставить во главе ее короля, взятого из чужой династии или из младшей линии своей, короля, который не будет настоящим властелином, но лишь их креатурой, который будет править им на пользу и через их посредство, посадив пэрами королевства цареубийц. Такое государственное устройство, которое упрочило бы их власть и сделало бы их несменяемыми, казалось им более надежным, чем республика, всегда изменчивая и шаткая» [Вандаль, с. 17]. Однако в начале 1795 г. не было нужды менять традиционный порядок наследования: для целей депутатов Конвента прекрасно подходил и законный король Франции. Находившийся в заключении, ничем не связанный с лидерами эмиграции. Ничто не мешало новым конституционным законом предусмотреть любые принципы формирования регентского

совета при несовершеннолетнем Людовике XVII, тем более, что права Месье как регента так и не были признаны европейскими державами. В этом ракурсе его политическая программа не имела никакого значения: депутатам он был просто не нужен.

«Еще совсем ребенок, но легитимный король Франции, — писал английский историк А. Коббан о Людовике XVII, — он своим присутствием на троне примирил бы нацию с ее правительством; от его имени и с помощью обновленной Конституции 1791 г. новые правители Франции могли бы находиться у власти, не боясь контрреволюции и, следовательно, не прибегая к террору» [Cobban, p. 249]. «Многое можно сказать в пользу Людовика XVII, — соглашается с ним другой английский исследователь Н. Хэмпсон, — который мог бы стать символом объединения французов вокруг умеренной конституционной монархии и проложить путь через лабиринт ненависти, в котором блуждала вся страна» [Hampson, p. 245].

В начале 1795 г. в роли членов регентского совета могли бы оказаться преимущественно депутаты Конвента, которые прочно держали в своих руках власть в стране и вряд ли уступили бы ее добровольно. Это обеспечило бы преемственность власти и одновременно гарантировало безопасность цареубийцам. В записке одного из французских дворян, отправленной Екатерине II из Австрии, говорилось: «Самое насущное желание членов Конвента — избежать грозящей цареубийцам казни», что заставляет их удерживать в своих руках дофина, «чье царствование, если они будут вынуждены вернуться к монархии, обеспечит им безнаказанность их преступлений и основное влияние на развитие событий» [АВПРИ, ф. 32, оп. 32/6, 1795 г., д. 839, л. 2–2 об.]. Этот вопрос был для депутатов одним из самых принципиальных, тем более что позиция графа Прованского на сей счет была хорошо известна: никакого прощения цареубийцам. 4 жерминаля III года (24 марта 1795 г.) Ж.-М. Колло д'Эрбуа произнесет характерные слова: «Тень Капета здесь, она реет над вами и воодушевляет ваших врагов. Вы, кто судил, уже намечены; вы, кто его не спас, вы тоже» [Réimpression..., vol. 24, p. 56].

Есть ли еще какие-то свидетельства того, что Конвент думал о реставрации королевской власти? В переписке монархистов и дипломатов держав антифранцузской коалиции их немало. В одной из секретных инструкций лорд Гренвиль заявлял в ноябре 1794 г., что король Англии выступает за смену власти во Франции при условии возникновения некоей стабильной формы правления. «Если же под реставрацией монархии имеется в виду лишь провозглашение юного Короля, который фактически останется в тюрьме, а его полномочия окажутся в руках Конвента или его комитетов, такая система будет отличаться от нынешней лишь по названию» [The Correspondence..., p. 12–13].

В начале 1795 г. российская «разведка» доносила, что 4 января в парижском доме Тальена на улице Перль в течение пяти часов заседал Комитет общественного спасения и большая часть членов Комитета общей безопасности. Депутаты П.-А.-М. Бабея и Т. Вернье, бежавшие некогда от преследований Робеспьера в Швейцарию, якобы представили на этом заседании план заключения мира

с европейскими державами при условии восстановления Конституции 1791 г. Их план также предусматривал «регентство м-ра принца де Конти под руководством регентского совета, составленного из главных деятелей умеренной партии», и восстановление католической религии. Буасси д'Англа попросил их уточнить, от чьего имени они выступают, однако те отказались назвать конкретные имена до того, как убедятся, что этот план устраивает комитеты. Тальен выступил против, тем более, что Бартелими уже получил указание начать переговоры о мире [АВПРИ, ф. 48, оп. 48/2, д. 91, л. 51–52].

В апреле 1795 г. генуэзский поверенный в делах в Париже предполагал, что правящая партия восстановит монархию [Там же, д. 92, л. 91]. 21 мая 1795 г. Малле дю Пан сообщил в Вену, что в Конвенте сложилась коалиция, выступающая за возвращение королевской власти. Она состоит из людей двух типов: «Ланжюине стоит во главе честных людей, разумных голов, всех тех, кто хочет вернуться к монархии по убеждению или по зову сердца. Тальен ведет часть умеренной партии в том же направлении, но по иным причинам. Мало просвещенные, равнодушные как к республике, так и к монархии, настоящие революционеры-игроки, они действуют лишь в своих интересах, а интересы эти состоят в том, чтобы избежать вместе с Конвентом кораблекрушения и новых несчастий, сыграв на опережение событий, которые они предвидят, и искупив три года запредельных преступлений огромнейшими услугами, которые они окажут Франции, Европе и королевскому дому. Девять человек возглавляют эту коалицию, трое из них вошли в Комитет общественного спасения, остальные — в Комитет общей безопасности и в Комиссию одиннадцати... <...> Монархическая партия занимается сейчас тем, чтобы добавить к этой поддержке армию в сорок пять тысяч человек, которая подойдет к Парижу под предлогом защиты продовольствия. Они уверены в генерале Пишегрю, и мне сообщили, что вызывали его из Майнца в Париж для того, чтобы с ним договориться. <...> Хотя эту партию объединяет принципиальное согласие восстановить на троне юного короля, она еще не договорилась по поводу выбора регента. Самая небольшая ее часть выступает за Месье, по поводу окружения которого и в особенности против графа д'Артуа существуют самые сильные и самые главные предубеждения. Другие мечтают об иностранном принце, которым, говорят, мог бы быть Генрих Прусский. Третьи предлагают выбрать регента-француза и регентский совет посредством первичных собраний» [Correspondance...].

Есть в документах эпохи и рассказы о конкретных проектах. Весьма информированный американец Г. Моррис записал в своем дневнике о разговоре с К. Крауфордом — богатым шотландским дворянином, одно время жившим в Париже и входившим в ближний круг Марии-Антуанетты: «Г-н Крауфорд также рассказал мне историю про г-на Лербаха⁶, которая важна во многих отношениях. Г-н Гарденберг, после заключения Базельского мира, встретился в Гааге с Бартелими, Пишегрю, Мерленом из Тионвиля и, как он думает (но в этом он,

⁶ Граф Лербах — австрийский министр и дипломат.

должно быть, ошибается), Тальеном. Было достигнуто соглашение посадить Дофина на трон и сформировать Регентский совет, состоящий из них и их друзей, сохранить все существующие законы против эмигрантов и т. д. Гарденберг принес самые торжественные клятвы не сообщать этот секрет никому, кроме Короля, своего государя».

Однако Гарденберг слова не сдержал, и информация дошла до Лербаха. «Лербах, вне себя от ярости, на следующей же день попросил о встрече Крауфорда и все рассказал ему, желая, чтобы тот немедленно донес эту информацию до Британского двора. Он отметил, что этот совет, назначенный под влиянием Пруссии, отдаст всю мощь Франции в руки Берлинского двора, и рассказал, что уже отправил курьера с этой информацией и своими размышлениями в Вену, и позаботится, чтобы она стала известна всем кабинетам Европы. <...> Французы, чувствуя себя преданными, естественно, оказались вынужденными отказаться от своего проекта, но те меры, которые были ими уже приняты, не имели обратного хода, так что потребовалась внезапная смерть ребенка. <...> Этот разговор имел место в июне 1795 года» [Morris, p. 352–354].

Какие-то слухи о том, что депутаты могут захотеть восстановить королевскую власть, видимо, ходили и по Парижу. Один из агентов докладывал, что 18 апреля 1795 г. на дверь Конвента прикрепили плакат, на котором было написано: «Конвент хочет голодом заставить нас потребовать Короля, мы же его требовать не станем» [АВПРИ, ф. 48, оп. 48/2, д. 92, л. 138].

Реальны ли были все эти планы или существовали только в воображении современников? Едва мы когда-нибудь сможем это установить. Как мне видится, в стенах Конвента роялистов было немало. В 1795 г. на ул. Клиши был создан клуб, вошедший в историю как Клуб Клиши [подробнее см.: Challamel, p. 483ss.; Suratteau, p. 231–232]. Его членами стали монархисты самого разного толка, многие из которых были репрессированы после 18 фрюктидора. Посещали его и депутаты, упомянутые выше, в частности, Буасси д'Англа, Дульсе-Понтекулан, Обри, Анри Ларивьер. Множество их коллег, как Баррас или Кошон де Лапаран, колебались, к какой стороне примкнуть: вели переговоры с роялистами, но клялись в верности республике.

Конец эти планам положило лишь объявление о смерти Людовика XVII в июне 1795 г. Членам Конвента пришлось сделать ставку на то, чтобы остаться у власти самим: они приняли новую Конституцию III года Республики и постановили, что в новый законодательный корпус в обязательном порядке должно быть переизбрано две трети депутатов Конвента. Таким образом, ни один из сценариев реставрации монархии так и не воплотился в жизнь. Республика просуществовала до 1804 г.

АВПРИ. Ф. 32. Оп. 32/6. 1795 г. Д. 839, 1249; Ф. 35. Оп. 35/6. 1795 г. Д. 460; Ф. 48. Оп. 48/2. 1795 г. Д. 91–94; Ф. 74. Оп. 74/6. Д. 441; Ф. 93. Оп. 93/6. 1795 г. Д. 518.

Вандаль А. Сочинения : в 4 т. Т. 1 : Возвышение Бонапарта. Ростов н/Д : Феникс, 1995.

- Тарле Е. В.* Жерминаль и прериаль. М. : Изд. Акад. наук СССР, 1957.
- Allonville A. F.* Mémoires secrets de 1770 à 1830 par M. le comte d'Allonville. P. : Werdet, 1841. Vol. 3. A. N.
- Baudot M.-A.* Notes historiques sur la Convention Nationale, le Directoire, l'Empire et l'exil des votants. Genève : Slatkine, 1974.
- Boucher de Perthes J.* Sous dix rois. Souvenirs de 1791 à 1860. P. : Jung-Treuttel : Derache : Dumoulin : Veuve Didron, 1863. T. 3.
- Bourquin M.-H.* Monsieur et Madame Tallien. P. : Perrin, 1987.
- Bredin J. D.* Sieyès. La clé de la Révolution française. P. : de Fallois, 1988.
- Castille H.* Histoire de soixante ans. P. : Poulet-Malassis, 1863. Vol. 4.
- Challamel A.* Les clubs contre-révolutionnaires: cercles, comités, sociétés, salons, réunions, cafés, restaurants et librairies. P. : L. Cerf, 1895.
- Cobban A.* A History of Modern France. Middlesex : Penguin Books, 1963. Vol. 1.
- Correspondance inédite de Mallet du Pan avec la Cour de Vienne (1794–1798). P. : E. Plon, Nourrit et Cie, 1884. Vol. 1.
- Ducrest G.* Paris en province et la province à Paris. P. : Ladvoat, 1831. T. 2.
- Fryer W. R.* Republic or Restoration in France? 1794–1797. D'André and the Politics of French Royalism. Manchester : Manchester University Press, 1965.
- Fuoc R.* La réaction thermidorienne à Lyon (1795). Lyon : Impr. artistique en couleurs, 1989.
- Garnier de Cassagnac A.* Histoire du Directoire. P. : Plon frères, 1851. Vol. 1.
- Hampson N.* A Social History of the French Revolution. Toronto : University of Toronto Press, 1966.
- Hernandez Ph.* Une mouvance royaliste au sein de la Convention Nationale. Master 2, sous dir. J.-C. Martin, 2006.
- Historical Manuscripts commission. Report on the Manuscripts of J. B. Fortescue, Esq., preserved at Dromore. L. : Eyre and Spottiswoode, 1894. Vol. 3.
- Houssaye A.* Notre-Dame de Thermidor. P. : H. Plon, 1867.
- Kuscinski A.* Dictionnaire des conventionnels. Yvelines : Editions du Vexin Français, 1973.
- Larevellière-Lépeaux L.* Mémoires de Larevellière-Lépeaux, membre du Directoire exécutif de la République française et de l'Institut national publiés par son fils. P. : E. Plon, Nourrit et Cie, 1895. Vol. 1.
- Le Nabour E.* Barras, le vicomte rouge. P. : J.-C. Lattès, 1982.
- Louïgot A.* Baudot et St-Just ou les secret de la force des choses. P. : Les presses de l'imprimerie S.E.G., 1976.
- MAE. Mémoires et documents. France. Vol. 542. F. 159v.
- Mallet du Pan J.* Mémoires et correspondance de Mallet du Pan pour servir à l'histoire de la Révolution française. P. : Amyot, J. Cherbuliez, 1851. Vol. 2.
- Malouet P.-V.* Mémoires de M. Malouet publiés par son petit-fils le baron Malouet. P. : E. Plon, Nourrit et Cie, 1874. Vol. 2.
- Montgaillard M.-J. de.* The State of France in May 1794. L., 1794.
- Morris G.* The Diary and Letters of Gouverneur Morris, Minister of the United States to France; Member of the Constitutional Convention. N.-Y. : C. Scribner's sons, 1888. Vol. 2.
- Recueil de la correspondance saisie chez Lemaître, et dont la Convention a ordonné l'impression. Paris, De l'Imprimerie de la République. Brumaire, an IV.
- Réimpression de l'Ancien Moniteur. P. : Plon frères, 1842. Vol. 24, 26.
- Révélation puisées dans les cartons des Comités de salut public et de sureté générale, ou Mémoires (inédits) de Sénart. 2ème éd. P. : Baudouin frères, 1824.
- Roche X. de.* Louis XVII. P. : Editions de Paris, 1986.
- Soboul A.* La Révolution française. P. : Éditions sociales, 1983.
- Souvenirs et fragments pour servir aux Mémoires de ma vie et de mon temps. Par le Marquis de Bouillé (Louis-Joseph-Amour). P. : A. Picard et fils, 1908. Vol. 2.

- Suratteau J.-R.* Clichy/clichyens // Dictionnaire historique de la Révolution française / Sous dir. d'A. Soboul. P. : Presses universitaires de France, 1989. P. 231–232.
- The Correspondence of the Right Honourable William Wickham from the year 1794. L. : R. Bentley, 1870. Vol. 1.
- Thibaudeau A.C.* Mémoires sur la Convention et le Directoire. P. : Baudouin frères, 1824. Vol. 1.
- Thureau-Dangin P.* Royalistes & Républicains. P. : E. Plon, Nourrit et Cie, 1874.
- Turquan J.* La Dernière Dauphine Madame duchesse d'Angoulême 1778–1851. P. : Émile-Paul, 1903.
- Zylberberg M.* Des affaires de l'administration. Un échec de François Cabarrus // L'Espagne, l'État, les Lumières. Mélanges en l'honneur de Didier Ozanam. Madrid : Casa de Velázquez ; Bordeaux : Maison des pays ibériques, 2004. P. 109–119.

Статья поступила в редакцию 18.02.2016 г.

Бовыкин Дмитрий Юрьевич

кандидат исторических наук, доцент
кафедры новой и новейшей истории
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
119991, Москва, Ломоносовский проспект,
27, корп. 4
старший научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
119334, Москва, Ленинский проспект, 32А
E-mail: bovykine@yandex.ru

Bovykin, Dmitry Yuryevich

PhD (History), Senior lecturer,
Moscow State University
27-4, Lomonosovsky Ave., 119991 Moscow,
Russia
Senior researcher
Institute of World History,
Russian Academy of Sciences
32a, Leninsky Ave., 119334 Moscow,
Russia
E-mail: bovykine@yandex.ru

ROYALISTS IN THE NATIONAL CONVENTION

The article studies an issue that is important for the understanding of the history of the counter-revolutionary movement during the French Revolution of the 18th century: i.e. whether there were any supporters of the restoration of the monarchy among the deputies of the National Convention (1792–1795), which had begun its work with the proclamation of the republic. The article is based on a vast variety of documents, such as materials from the National Archives of France and the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, reports of royalist and British agents in France, different journals, letters and memoirs of the contemporaries. References to royalists in the Convention repeatedly appear both in the works of its contemporaries and historians, though mostly without any sufficient proof. A real “witch hunt” was unleashed in the Convention during the Thermidor period when the deputies accused each other of being sympathetic of the monarchy, but again no evidence was provided. Nonetheless, a thorough analysis of the documents and comparison of different evidence conducted by the author make it possible to conclude that not only were there royalists in the Convention, but they planned to maintain their influence and restore the monarchy in the summer of 1795. They counted on various pretenders to the throne, such as the Duke of Orleans, Henrich of Prussia or planned to organize a regency for minor Louis XVII. Only the death of the king in the Temple prison in Paris ruined their plans.

Keywords: France; 18th century; French Revolution; counter-revolution; Louis XVII; Louis Philippe Joseph d'Orléans; National Convention.

Acknowledgements

The research is sponsored by the *Russian Science Foundation* (Project 14-18-01116).

Allonville, A. F. (1841). *Mémoires secrets de 1770 à 1830 par M. le comte d'Allonville* [The Secret Memoirs from 1770 till 1830 by M. le Count d'Allonville] (Vol. 3). Paris: Werdet. (In French)

Baudot, M.-A. (1974). *Notes historiques sur la Convention Nationale, le Directoire, l'Empire et l'exil des votants* [Historical Notes about the National Convention, the Directory, the Empire and the Exile of Voters]. Genève: Slatkine. (In French)

Boucher de Perthes, J. (1863). *Sous dix rois. Souvenirs de 1791 à 1860* [Under Ten Kings. Memoirs from 1791 till 1860] (Vol. 3). Paris: Jung-Treuttel: Derache: Dumoulin: Veuve Didron. (In French)

Bourquin, M.-H. (1987). *Monsieur et Madame Tallien* [Mr. and Mrs. Tallien]. Paris: Perrin. (In French)

Bredin, J. D. (1988). *Sieyès. La clé de la Révolution française* [Sieyès. The Key of the French Revolution]. Paris: de Fallois. (In French)

Castille, H. (1863). *Histoire de soixante ans* [History of Sixty Years] (Vol. 4). Paris: Poulet-Malassis. (In French)

Challamel, A. (1895). *Les clubs contre-révolutionnaires: cercles, comités, sociétés, salons, réunions, cafés, restaurants et librairies* [The Counter-Revolutionary Clubs: Circles, Committees, Societies, Salons, Meetings, Cafés, Restaurants and Bookshops]. Paris: L. Cerf. (In French)

Cobban, A. (1963). *A History of Modern France* (Vol. 1). Middlesex: Penguin Books.

Ducrest, G. (1831). *Paris en province et la province à Paris* [Paris in the Provinces and the Provinces in Paris] (Vol. 2). Paris: Ladvoat. (In French)

Fortesque, J. B. (1894). *Historical Manuscripts Commission. Report on the Manuscripts of J. B. Fortescue, Esq., preserved at Dropmore* (Vol. 3). London: Eyre and Spottiswoode.

Fryer, W. R. (1965). *Republic or Restoration in France? 1794–1797. D'André and the Politics of French Royalism*. Manchester: Manchester University Press.

Fuoc, R. (1989). *La réaction thermidorienne à Lyon (1795)* [The Thermidorian Reaction in Lyon (1795)]. Lyon: Impr. artistique en couleurs. (In French)

Gallois, L.-Ch. (1842). *Réimpression de l'Ancien Moniteur* [A Reprint of Old *Le Moniteur*] (Vol. 24, 26). Paris: Plon frères. (In French)

Granier de Cassagnac, A. (1851). *Histoire du Directoire* [History of the Directory] (Vol. 1). Paris: Plon frères. (In French)

Hampson, N. (1966). *A Social History of the French Revolution*. Toronto: University of Toronto Press.

Hernandez, Ph. (2006). *Une mouvance royaliste au sein de la Convention Nationale* [Royalist Movement in the National Convention]. Master 2, sous dir. J.-C. Martin. (In French)

Houssaye, A. (1867). *Notre-Dame de Thermidor* [Our Lady of Thermidor]. Paris: H. Plon. (In French)

Kermaingant, P.-L. (Ed.). (1908). *Souvenirs et fragments pour servir aux Mémoires de ma vie et de mon temps. Par le Marquis de Bouillé (Louis-Joseph-Amour)* [Memoirs and Fragments to Serve the Memoirs of My Life and My Time. By Marquis de Bouillé (Louis-Joseph-Amour)] (Vol. 2). Paris: A. Picard et fils. (In French)

Kuscinski, A. (1973). *Dictionnaire des conventionnels* [Dictionary of the Convention Members]. Yvelines: Editions du Vexin Français. (In French)

Larevellière-Lépeaux, L. (1895). *Mémoires de Larevellière-Lépeaux, membre du Directoire exécutif de la République française et de l'Institut national publiés par son fils* [Memoirs of Larevellière-Lépeaux,

- Member of the Executive Directory and of the National Institute Published by His Son] (Vol. 1). Paris: E. Plon, Nourrit et Cie. (In French)
- Le Nabour, E. (1982). *Barras, le vicomte rouge* [Barras, the Red Viscount]. Paris: J.-C. Lattès. (In French)
- Louigot, A. (1976). *Baudot et St-Just ou les secret de la force des choses* [Baudot and Saint-Just or the Secret of the Force of Things]. Paris: Les presses de l'imprimerie S.E.G. (In French)
- Mallet du Pan, J. (1851). *Mémoires et correspondance de Mallet du Pan pour servir à l'histoire de la Révolution française* [Memoirs and Correspondence of Mallet du Pan to Serve the History of the French Revolution] (Vol. 2). Paris: Amyot, J. Cherbuliez. (In French)
- Malouet, P.-V. (1874). *Mémoires de M. Malouet publiés par son petit-fils le baron Malouet* [Memoirs of Mr. Malouet Published by His Grandson Baron Malouet] (Vol. 2). Paris: E. Plon, Nourrit et Cie. (In French)
- Michel, A. (Ed.). (1884). *Correspondance inédite de Mallet du Pan avec la Cour de Vienne (1794–1798)* [The Unpublished Correspondence of Mallet du Pan with the Court of Vienna] (Vol. 1). Paris: E. Plon, Nourrit et Cie. (In French)
- Montgaillard, M.-J. de. (1794). *The State of France in May 1794*. London.
- Morris, G. (1888). *The Diary and Letters of Gouverneur Morris, Minister of the United States to France; Member of the Constitutional Convention* (Vol. 2). New-York: C. Scribner's sons.
- Recueil de la correspondance saisie chez Lemaître, et dont la Convention a ordonné l'impression [The Collection of Correspondence Captured at Lemaître, Published according to the Order of the Convention]. Paris, De l'Imprimerie de la République. Brumaire, an IV. (In French)
- Roche, X. de. (1986). *Louis XVII* [Louis XVII]. Paris: Editions de Paris. (In French)
- Senar, G.-J. (1824). *Révélation puisées dans les cartons des Comités de salut public et de sureté générale, ou Mémoires (inédits) de Sénart* [Disclosures Taken from the Files of the Committees of Public Safety and General Security, or (Unpublished) Memoirs of Sénart]. (2nd ed.). Paris: Baudouin frères. (In French)
- Soboul, A. (1983). *La Révolution française* [The French Revolution]. Paris: Éditions sociales. (In French)
- Suratteau, J.-R. (1989). Clichy / clichyens. In d'A. Soboul (Ed.), *Dictionnaire historique de la Révolution française* [Historical Dictionary of the French Revolution]. Paris: Presses universitaires de France. (In French)
- Tarle, E. V. (1957). *Zherminal' i prerial'* [Germinal and Prairial]. Moscow: Izd. Akademii nauk SSSR. (In Russian)
- Thibaudeau, A. C. (1824). *Mémoires sur la Convention et le Directoire* [Memoirs about the Convention and the Directory] (Vol. 1). Paris: Baudouin frères. (In French)
- Thureau-Dangin, P. (1874). *Royalistes & Républicains* [Royalists & Republicans]. Paris: E. Plon, Nourrit et Cie.
- Turquan, J. (1903). *La Dernière Dauphine Madame duchesse d'Angoulême 1778–1851* [The Last Dauphine Madame Duchess of Angoulême]. Paris: Émile-Paul. (In French)
- Vandal, A. (1995). *Sochinenija* [Works] (Vols. 1–4) (Vol. 1: Vozvyshenie Bonaparta [The Rise of Bonaparte]). Rostov-na-Donu: Feniks. (In Russian)
- Wickham, W. (1870). *The Correspondence of the Right Honourable William Wickham from the Year 1794* (Vol. 1). London: R. Bentley.
- Zylberberg, M. (2004). Des affaires de l'administration. Un échec de François Cabarrus [The Affairs of Administration. Failure of Francisco de Cabarrús]. *L'Espagne, l'État, les Lumières. Mélanges en l'honneur de Didier Ozanam* [Spain, State, Enlighteners. Collected Articles in Honour of Didier Ozanam]. Madrid: Casa de Velázquez; Bordeaux: Maison des pays ibériques. (In French)

Received 18 February 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.2.024
УДК 94(450)“17” + 94(44)“1798/1799” +
+ 323.27

А. В. Чудинов
Институт всеобщей истории РАН
Москва, Россия
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

«СОЛДАТЫ СВОБОДЫ» ИЛИ СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВРАГ? ФРАНЦУЗЫ В ЮЖНОЙ ИТАЛИИ 1798–1799 гг.*

В статье поднимается проблема взаимоотношений войск революционной Франции и населения Италии в период французской оккупации Аппенинского полуострова конца XVIII в. Автор задается вопросами: Какие социальные группы местного населения сотрудничали с оккупационной армией и какие, напротив, оказывали ей сопротивление? Какими мотивами руководствовались те и другие? Ответы на эти вопросы автор ищет, исследуя военную кампанию французской армии в Южной Италии 1798–1799 гг. Проанализировав источники с французской и с итальянской стороны, он приходит к выводу, что вступление французской армии на территорию Неаполитанского королевства вызвало глубокий раскол неаполитанского общества, в основе которого лежал конфликт ценностных парадигм. Часть местных элит, чье мировоззрение сформировалось в русле космополитичной культуры Просвещения, увидела во французской армии воинство «солдат свободы» и не только приветствовала ее, но и оказала ей вооруженную поддержку против собственных соотечественников. «Низы» же неаполитанского общества (крестьяне и плебс), оставшиеся носителями традиционной культуры, восприняли приход французов как угрозу своим ценностям, прежде всего католической религии, и оказали иностранному вторжению беспрецедентно упорное сопротивление. Такой раскол имел далеко идущие последствия, оказав долговременное влияние на последующую политическую жизнь Италии и продолжая сказываться на итальянской историографии до сих пор.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Италия; Французская революция XVIII в.; военная оккупация; народное восстание; Просвещение; традиционная культура.

Каждому, кто когда-либо читал главный труд советского историка А. З. Манфреда «Наполеон Бонапарт», наверняка запомнилось вдохновенное описание автором первого из походов его героя — Итальянской кампании 1796–1797 гг. Даже если подробности со временем и забываются, память сохраняет то светлое впечатление, что оставляет эта глава, бесспорно, одна из лучших в книге.

...Небольшая армия раздетых и голодных солдат под командованием юного полководца и его молодых генералов, «армия двадцатилетних», презирающих смерть, но любящих жизнь во всех ее проявлениях, приходит в прекрасную

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10041).

Италию, чтобы изгнать угнетателей. Освободителей встречают с восторгом: «Цветы, цветы, гирлянды цветов, улыбающиеся женщины, дети, огромные толпы народа, вышедшие на улицы, бурно приветствовали солдат Республики...» [Манфред, с. 145].

Такие образы не могут не запомниться. Впрочем, Манфред также отмечал, что история французского завоевания Италии была окрашена не только в мажорные тона. Правда, делал он это явно без большой охоты, словно мимоходом упоминая о досадных издержках, не способных, впрочем, испортить сияющего великолепия праздника Свободы. Не случайно он, великолепный стилист, на пространстве менее чем в полстраницы дважды использует один и тот же извиняющий оборот «несмотря на»:

Продвижение французских войск в Италии, несмотря на контрибуции, реквизиции и грабежи, способствовало пробуждению и развитию революционного движения на всем Аппенинском полуострове [Там же, с. 148].

Несмотря на все реквизиции, контрибуции, насилия <...> сочувствие прогрессивных общественных сил Италии, итальянцев завтрашнего дня, «Молодой Италии», было на стороне «солдат Свободы» — армии Французской республики, несшей освобождение от чужеродного австрийского и феодального гнета [Там же, с. 149].

И уж совсем скороговоркой, словно вполголоса, Манфред упоминает о таком «неудобном» аспекте «войны народов против тиранов», как жестокое подавление Бонапартом антифранцузского восстания в Павии, «в котором участвовали крестьяне» [Там же, с. 148].

Однако печальная судьба Павии была отнюдь не исключительным эпизодом, диссонирующим с праздничной атмосферой пришествия французов на Аппенины, а скорее одним из многих. Уже 23 мая 1796 г., всего лишь 8 дней спустя после описанного Манфредом триумфального вступления Бонапарта в Милан («цветы, цветы, гирлянды цветов...»), в городе, едва только его покинули главные силы французской армии, началось антифранцузское вооруженное восстание. Сводная же хронология аналогичных событий показывает, что утверждение на итальянской земле «свободы, равенства и братства» по-французски сопровождалось систематическим и массовым сопротивлением местных жителей вплоть до полного изгнания французов из Италии в 1799 г. объединенными усилиями итальянских повстанцев, русско-австрийской армии и русско-турецкого флота [Viglione, p. 12–15].

Иными словами, оккупация французами Италии выглядела далеко не столь празднично, как она представлена в «Наполеоне Бонапарте» Манфреда. Отсюда, впрочем, отнюдь не следует, что уважаемый историк сознательно вводил читателей в заблуждение, искажая факты. Просто он подробно осветил одну из сторон описываемого явления, лишь пунктиром наметив остальные. Некоторая часть населения Италии, действительно, восторженно приветствовала французов [см., например: Rao, p. 143]. Однако известный историк Е. В. Тарле, прямой предшественник Манфреда в изучении биографии Бонапарта, советовал

не брать на веру официальную версию французской пропаганды тех лет «о том, как великий итальянский народ сбрасывает долгое иго суеверий и притеснений и несметной массой берется за оружие, чтобы помогать освободителям-французам» [Тарле, с. 60]. Напротив, Тарле считал, что французы удерживали местных жителей в повиновении исключительно угрозой террора [Там же, с. 60–61]. Манфред же, очевидно, этой точки зрения не разделял и предпочитал сделать упор на их сотрудничестве.

Откровенная избирательность в освещении темы французской оккупации Италии характерна и для многих итальянских историков левого толка. Рассматривая Рисорджименто как продолжение Французской революции, они акцентировали внимание прежде всего на деятельности итальянских якобинцев в 1796–1799 гг., видя в них предшественников Рисорджименто, и мало интересовались антифранцузским повстанческим движением [подробнее см.: Viglione, p. 111–146].

Впрочем, даже те работы, где борьба итальянцев против армии революционной Франции составляет предмет специального исследования, содержат достаточно фрагментарные сведения об этом явлении. Так, в монографии видного французского историка Ж. Годшо «Контрреволюция» описан ряд наиболее заметных выступлений населения Италии против французской оккупации, однако все эти факты изложены практически вне связи друг с другом, а как перечень отдельных событий, каждое из которых имело особые причины: где-то в качестве таковых указаны социальные противоречия между крестьянством и буржуазией, где-то — историческое соперничество между теми или иными городами, где-то — ложный слух, запущенный сторонниками Старого порядка [Godechot, p. 320–334, 348–358].

Обобщающей же картины взаимоотношений местного населения и французских войск во время оккупации Италии 1796–1799 гг. до сих пор не создано. И до сих пор не дано исчерпывающих ответов на следующие вопросы: Какие социальные группы населения Италии шли на сотрудничество с французами? Какая часть итальянского общества не приняла оккупации и оказывала вооруженное сопротивление французской армии? Какими мотивами руководствовались те и другие?

Не претендуя на широкие обобщения, я попытаюсь здесь ответить на перечисленные вопросы для одного эпизода данной темы — военной кампании французской армии в Южной Италии в ноябре 1798 — январе 1799 гг., завершившейся провозглашением в Неаполе Партенопейской республики. Источниками исследования станут отчет, который по горячим следам тех событий составил и в 1800 г. опубликовал начальник штаба Римской армии Франции генерал Шарль-Огюст-Жан-Батист-Луи-Жозеф Бонами де Бельфонтэн (1764–1830); опубликованный в 1801 г. «Опыт истории Неаполитанской революции 1799 года» участника событий Винченцо Куоко (1770–1823) и биография командующего Римской армией генерала Жана-Этьена Шампионе, которую на основе широкого круга документов подготовил Александр-Шарль Русселен

Корбо де Сент-Альбен (1773–1847), занимавший в то время пост генерального секретаря Военного министерства Франции. При описании общего хода военных действий будет использована также работа Бонапарта «Очерки военных событий за 1798 г.».

* * *

В 1798 г. французская экспансия в Швейцарии и высадка Бонапарта в Египте побудили ряд европейских держав приступить к формированию Второй антифранцузской коалиции. Основными ее участниками должны были стать Австрия, Великобритания, Османская империя и Россия. Решил примкнуть к коалиции и неаполитанский король Фердинанд IV, который после вторжения французов в Папскую область зимой 1798 г., смещения ими Папы и создания сателлитной Римской республики имел все основания опасаться за свои владения. В августе он сообщил Павлу I о готовности выступить против Франции, а 20 ноября заключил союзный договор с Великобританией [см.: Сибирева, с. 95–97].

В Неаполитанском королевстве был проведен срочный набор 40 тыс. рекрутов, после чего общая численность его армии достигла 80 тыс. чел. [Saint-Albin, p. 118]. Командовать ею пригласили австрийского генерала Карла Мака, имевшего тогда репутацию незаурядного военачальника, правда, как позже выяснилось, не слишком оправданную. Рассчитывая быстро одержать верх над Римской армией Франции, формально имевшей в своих рядах лишь чуть более 32 тыс. чел., а реально, по признанию Бонами, вполнину меньше [Bonnamy, p. 6], Фердинанд не стал дожидаться союзников и открыл военные действия. 23 ноября 1798 г. 70 тыс. неаполитанцев тремя колоннами вступили на территорию Римской республики.

Французские войска также существенно уступали противнику в артиллерии и испытывали нехватку боеприпасов: на каждого солдата приходилось по 15 патронов. К тому же их положение осложнялось восстаниями жителей Романьи: «всё вокруг французов кипело мятежом и фанатизмом; всё представляло для них опасность близ Рима и в самом Риме» [Saint-Albin, p. 118]. Шампионе вынужден был покинуть город и занял севернее него проходы в горах. 29 ноября Фердинанд IV и Мак вступили в Рим во главе неаполитанской армии: «Все улицы, по которым шествовало Его Сицилианское величество, <...> были застланы коврами и усеяны цветами; множество кардиналов и священнослужителей следовало за королевской армией, распевая *Te Deum* и торжественные гимны». Римляне с энтузиазмом принялись искоренять все, что напоминало об оккупации: дерево Свободы было срублено, трехцветные кокарды попирались ногами [Ibid., p. 125].

Однако уже первые бои выявили превосходство французских ветеранов над необстрелянными неаполитанскими частями, наполовину состоявшими из новобранцев. 5 декабря основные силы Мака, сосредоточенные на левом фланге и насчитывавшие до 40 тыс. чел., атаковали правый фланг французов, которым командовал генерал Ж. Макдональд, имевший лишь 7 тыс. чел. Одновременно

солдатам Макдональда приходилось отражать натиск 8–10 тыс. вооруженных крестьян, обстреливавших их с фланга [Saint-Albin, p. 128]. Тем не менее, занимая хорошо укрепленную позицию у Чивита Каstellано, опытные французские войска отразили все атаки неаполитанской армии и отбросили ее, захватив много трофеев и пленных.

Мак приказал отходить к крепости Капуя. Французы, преследуя его, 15 декабря вошли в Рим, а затем тремя колоннами вступили на территорию Неаполитанского королевства. Левое крыло под командованием генерала Ф. Дюэма (Duhesme) двигалось вдоль Адриатики к Пескаре. Центр, возглавляемый генералом Л. Лемуаном, наступал на Аквилу и Пополу. Правое крыло — основные силы Шампионе — двумя колоннами через Террачино (дивизия Л. Э. Рея) и Сан-Джермано (дивизия Макдональда) шло на Капую. Неаполитанские войска не оказывали организованного сопротивления. Война армий практически закончилась, но отнюдь не война вообще. «...До сих пор — отмечает Бонами, — приходилось сражаться только с солдатами неаполитанского короля, а вскоре придется защищаться от самого ужасного из восстаний» [Vonnamu, p. 33].

Едва французские части вступили на неаполитанскую территорию, как столкнулись с упорным вооруженным сопротивлением местных жителей. Особенно трудно приходилось французам в горах, где невозможно было использовать артиллерию. Для отряда офицера Марешаля, прикрывавшего на марше дивизию Лемуана с правого фланга «этот переход было очень трудно осуществить: только колонна вступила в Виковаро, как там самым ужасным образом вспыхнуло восстание, весьма пугающее из-за упорства его предводителей. Гражданину Марешалю пришлось сражаться с 7–8 тыс. разбойников (*brigands*) на протяжении всего пути, имея с собой всего лишь 600–700 чел.» [Ibid., p. 43].

Углубившись внутрь неаполитанского королевства, все три колонны французской армии оказались фактически в полной изоляции друг от друга: «Неопределенность в отношении судеб дивизий Дюэма и Лемуана доставляла главнокомандующему немало беспокойства. На протяжении очень долгого времени он не получал от них никаких вестей: все ординарцы, все офицеры, отправлявшиеся из одной воинской части в другую, были убиты по дороге, а их депеши перехвачены. <...> Абруцци по обе стороны гор находились в состоянии открытого восстания; много беспокойства доставляла Римская республика; армия была окружена опасными врагами, и чем дальше она продвигалась, тем больше их становилось» [Ibid., p. 50–51].

Показательна история офицера Клэ (Claye), адъютанта Шампионе, отправленного установить связь с дивизией Лемуана. Не желая привлечь внимания местных жителей, Клэ отказался от эскорта и, переодевшись в гражданское, попытался прокрасться к месту назначения в сопровождении крестьянина, которому посулил большую награду. Но в ближайшей деревне проводник выдал француза ее обитателям. Офицера схватили, подвесили за ноги к балке и порубили на части секачом для разделки мяса. Находившиеся при нем депеши попали к Маку [Ibid., p. 52].

Со своей стороны, французы активно практиковали террор в отношении местного населения. Когда основные силы Шампионе форсировали реку Гарильяно и вышли на подступы к Капуе, «офицер, сумевший ускользнуть от убийц», принес в штаб-квартиру весть с левого фланга о том, что Дюэм взял Пескару. Захват этой крепости «был доверен генералу Мунье, который знал, что основным его оружием должны стать хитрость и террор. <...> На всем своем пути он сеял ужас и, прибыв к стенам города, властно потребовал его сдачи под угрозой полного разграбления, обещав быть милостивым в случае подчинения ему и страшным в случае отказа. У его солдат оставалось лишь по несколько патронов. Но город сдался» [Vonpamy, p. 58–59].

На протяжении всего этого марша солдатам Дюэма приходилось сражаться с многочисленными отрядами повстанцев: «мятежники числом от 5 до 6 тыс. захватили Терамо и Джулия Нова, сожгли мост в Тронто и вырезали всех, кто походил на француза». При этом они избегали прямого столкновения с французскими войсками и рассеивались с их приближением, но затем вновь соединялись у них в тылу [Ibid., p. 61–62].

Точно в таких же условиях проходил марш центральной дивизии Лемуана. «Дикие и дерзкие» жители гор «убивали любого из французских солдат, оставшего от своих хотя бы на двадцать шагов». Тем не менее, войска Лемуана в соответствии с заранее намеченным планом достигли Пополы, откуда установили связь с правым и левым крылом армии [Ibid., p. 62].

Регулярные части неаполитанцев с генералом Маком во главе расположились на левом берегу реки Вольтурно под защитой укреплений и батарей Капуи. Шампионе не спешил их атаковать, дожидаясь подхода дивизий Лемуана и Дюэма. Французский командующий, очевидно, был уверен в превосходстве своих войск над неприятелем и отклонил сделанное 31 декабря 1798 г. Маком предложение о перемирии [Vonpamy, p. 55; Наполеон, с. 348]. Однако подкрепления всё не подходили, а между тем положение французов вдруг резко осложнилось, хотя и не из-за действий неаполитанской регулярной армии.

Вернувшись после рекогносцировки с командующим в штаб-квартиру, Бонами обнаружил, что там все пребывали в крайней степени тревоги: «Генерал Рей слал одного ординарца за другим, докладывая, что повстанцы в огромном количестве соединились в Сессе, угрожают перерезать нам коммуникации, идущие по мостам через Гарильяно, и намерены нас атаковать в нашем же лагере. Мы отправили сильные отряды, чтобы восстановить коммуникации. Они должны были пройти через Сессу и спешно выйти на берег Гарильяно. Но враг там оказался силен и яростно сопротивлялся; наши отряды потерпели поражение и были отброшены. Мы их усилили, но они вновь потерпели неудачу и были вынуждены отступить. Тем временем повстанцы, воодушевленные этими успехами, захватили и заблокировали мост через Гарильяно, разгромили резервный парк боеприпасов, сожгли зарядные ящики и овладели всеми позициями» [Vonpamy, p. 70–71]. Французская армия оказалась зажата между находившимися в Капуе неаполитанскими войсками и отрядами повстанцев, перерезавшими ее коммуникации с Римом.

Однако Мак даже не попытался воспользоваться отчаянным положением французов и вновь прислал к Шампионе парламентаров, предлагая перемирие. Столь настойчивое миролюбие, вероятно, было обусловлено переменной политической ситуацией в Неаполе: король еще 23 декабря бежал с правительством на Сицилию, а назначенный наместником граф Франческо Пиньятелли спешил любой ценой закончить войну [Куоко, с. 87–90]. Мак обещал французам сдать Капую, если после этого начнутся переговоры о мире, но Шампионе отослал парламентаров обратно, потребовав безоговорочной капитуляции [Вонпату, р. 71–72].

Чем была обусловлена подобная самоуверенность? Возможно, французский командующий столь дерзко повышал ставку, рассчитывая на помощь профранцузской «партии», которая, как ему было известно, существовала среди офицерского состава неаполитанской армии. Сообщая о первой, имевшей место 31 декабря попытке Мака заключить перемирие, Бонами так описывает неаполитанского парламентаря (судя по фамилии, родственника наместника королевства): «Г-н Пиньятелли, который знал о недовольстве неаполитанцев и не сомневался в том, что существует сильная партия, питающая надежду свергнуть старое правительство; которому было известно, что часть неаполитанских офицеров расположена в нашу пользу, уехал весьма впечатленный нашим ответом» [Вонпату, р. 55]. Если обо всем перечисленном знали как Пиньятелли, так и Бонами, то выглядит вполне резонным предположить, что именно первый и рассказал французам о существовании в неаполитанском лагере «партии» их тайных приверженцев. Сегодня историкам известно, что некоторые из таковых не ограничивались одними лишь симпатиями к французам, а осознанно саботировали приказы своего командования, способствуя поражению неаполитанской армии [см.: Куоко, с. 320–321]. Вполне вероятно, что присланный Макком парламентар и сообщил французам об этих тайных союзниках и что Шампионе как раз и рассчитывал на их помощь, требуя от противника безоговорочной капитуляции, несмотря на плачевное положение собственных войск.

То же самое он потребовал и день спустя, когда Мак повторил свое предложение. Однако, возвращаясь с переговоров в городок Теано, где находилась французская штаб-квартира, Шампионе и Бонами обнаружили, что их войска оттуда ушли: «Это было связано с тем, что бесчисленная толпа повстанцев овладела высотами и приготовилась к атаке» [Вонпату, р. 72]. Введя в действие резерв, французы сумели рассеять инсургентов и вернуть контроль над своей штаб-квартирой, однако ситуация не разрядилась и продолжала ухудшаться:

Тем же вечером мы узнали, что восстание приобрело всеобщий характер, что все коммуны королевства взяли за оружие и возглавляются опытными офицерами. Генерал Лемуан сообщил, что его штаб-квартиру в Пьедемонте атакуют и что положение становится весьма критическим. Шеф бригады Пуату не мог получить никаких известий о генерале Дюэме. Ни курьеры, ни отряды не смогли до того добраться. Он полагал, что тот окружен крестьянами, и сам выражал беспокойство слухами из своего округа. Сан-Джермано и вся округа подняли знамя мятежа. Там был разграблен

обоз главнокомандующего. Один из его адъютантов, капитан Гурдель, судя по всем рапортам, дельный офицер, раненный в деле под Сессой и оставшийся на поле боя, был захвачен разбойниками и приведен в город. Эти варвары сожгли его заживо. Итри, Фонди стали местом ужасных сцен. Женщины, дети, путешественники и солдаты — все были безжалостно убиты. Главнокомандующий потерял здесь одного из своих адъютантов, гражданина Дюбюка; но тот лишь попал в плен. Он проявил ловкость, и ему посчастливилось избежать смерти. <...> Эти монстры со свирепой яростью топтали трупы наших несчастных братьев по оружию. Их количество было ужасающим [Vonpamy, p. 72–75].

Положение французской армии стало критическим. Войска испытывали нехватку продовольствия и боеприпасов. После уничтожения повстанцами резервного парка у французских солдат оставалось лишь по одному комплекту патронов. Соединиться с дивизиями центра и левого фланга не удавалось. Коммуникации с Римом были перерезаны. Французское командование также узнало, что в устье Гарильяно должен высадиться 7-тысячный неаполитанский отряд, чтобы вместе с повстанцами ударить по французам с тыла. Армия Шампионе, пишет Бонами, приготовилась стоять насмерть, чтобы победить или умереть [Ibid., p. 77]. И в этот критический момент поистине вестью о чудесном спасении прозвучало очередное предложение Мака о перемирии. Он соглашался отдать французам всё, кроме Неаполя. На сей раз Шампионе долго не колебался, и 10 января 1799 г. перемирие было подписано. Французы получили Капую со всеми находящимися там обильными запасами, право оккупировать все королевство, кроме Неаполя с округой, и контрибуцию в 10 млн франков [Ibid., p. 80].

Французскому правительству, выразившему недовольство заключением перемирия, Шампионе ответил, что сделал это, находясь в критической ситуации. Однако, успокаивал он Директорию, соглашение — не более чем военная хитрость: оно обставлено таким количеством условий, что всегда может быть нарушено под предлогом несоблюдения неаполитанцами [Ibid., p. 81–82].

Французская армия, благодаря перемирию, действительно, стала хозяйкой положения. Избавившись от угрозы с фронта и заняв Капую, Шампионе отправил на берега Гарильяно сильные отряды, отбросившие повстанцев и восстановившие коммуникации с Римом.

Прибыла дивизия Дюэма вместе со своим раненым командиром. Когда накануне он и его эскорт, опередив основную колонну, заехали в Сульмону, улицы городка заполнила толпа вооруженных крестьян. Офицеры с трудом сумели вырваться за город, но в общей свалке Дюэм получил три ранения — пулей, секирой и алебардой. Когда он вернулся с войсками, враг исчез. Проявив великодушие, Дюэм не стал карать всю Сульмону, чем заслужил неодобрение Бонами: «Бесполезное милосердие по отношению к народу, который не знает ничего, кроме вероломства!» [Ibid., p. 84–85].

С подходом подкреплений французская армия сконцентрировалась на подступах к Неаполю, и ее командование приступило к подготовке захвата города.

Для работы с «патриотами Неаполя», как Бонами называет профранцузскую «партию», был создан специальный комитет под руководством К. Лауберга (Бонами пишет его имя на французский манер — Laubert), неаполитанского политического эмигранта. Комитет постоянно получал информацию из города о происходящем, а обратно «эmissары везли инструкции о том, как должны вести себя патриоты» [Вонпаму, р. 88].

Впрочем, развязка не заставила себя ждать. Появление 14 января 1799 г. [Наполеон, с. 349] в городе французского чиновника Аркамбаля, прибывшего поторопить неаполитанские власти с уплатой контрибуции, вызвало всплеск негодования плебса (лаццарони): «Народ хотел его убить. Патриоты его спасли» [Вонпаму, р. 89]. В стычке был убит один из «патриотов», после чего события приобрели лавинообразный характер: «Лаццарони захватили всё оружие [в городе]. Они объявили генерала Мака предателем, а остатки его армии — “якобинцами”, продавшимися, как говорили они, за французское золото. Они поклялись его убить и направились к нему. Даже вице-король [наместник] попал под подозрение. Он едва успел вывести свою лодку в море и отправился в Сицилию...» [Ibid., р. 89–90]. Это предложенное Бонами описание начала восстания практически полностью совпадает с рассказом Куоко, находившегося в городе [Куоко, с. 94].

Покинутый своими войсками, Мак, спасая жизнь, бежал к французам. «Лаццарони, — пишет Бонами, — разъяренные тем, что их добыча ускользнула, отчаянно ринулись на один из наших постов у Понте Ротте, опрокинули передовое охранение и преследовали его до линии наших войск. Там их ожидали во всеоружии. Шеф бригады Пуату, не дав им времени опомниться, атаковал это воинство в отряпьях, рассеял его, убив множество людей, и вернулся на свой пост» [Вонпаму, р. 91–92].

Куоко ничего не говорит об этой стычке плебса с французами (оставаясь в городе, он мог не знать подробностей), но рассказывает о реакции горожан, очевидно, последовавшей за ней: «Всеобщие общественные узы были порваны. Обезумевшие орды вооруженного народа носились по всем улицам города, крича: “Да здравствует святая вера! Да здравствует неаполитанский народ!”» [Куоко, с. 94]. Восставшие избрали своими предводителями двух молодых полковников — герцога Роккароману и Молитерни, отличившихся в ходе предшествующей военной кампании. Им, по свидетельству Куоко, удавалось в течение двух последующих дней удерживать народ от насилия.

Однако мирное разрешение конфликта не устраивало французов. Случившийся инцидент, признает Бонами, полностью отвечал интересам Шампионе, поскольку развязал ему руки для отказа от перемирия [Вонпаму, р. 92]. Поэтому, когда неаполитанцы отправили к французам депутацию с просьбой воздержаться от вступления в город, обещав за это увеличить сумму выплачиваемой контрибуции, они получили отказ в демонстративно провокационной форме: «Какой-то наш эмигрант, — пишет Куоко, — <...> добавил к данному негативному ответу еще оскорбления и угрозы. Кончилось тем, что все это привело народ в ярость». Свой

гнев плебс обрушил на тех, кого считал пособниками врага: «Весь город явил собой обширную картину грабежей, пожаров, горя, ужаса и многочисленных убийств. Среди жертв народного неистовства заслуживают не быть забытыми герцог делла Торре и Климент Филомарино, его брат...» [Куоко, с. 94–95].

Впрочем, Шампione не спешил атаковать хорошо укрепленный город. В тылу его армии продолжалось крестьянское восстание, на борьбу с которым пришлось отрядить значительные силы, и французский командующий хотел получить гарантию того, что захват Неаполя пройдет достаточно безболезненно. В качестве такой гарантии он потребовал от профранцузской «партии» до начала приступа занять господствующий над городом замок Сант-Эльмо. Республиканцы, рассказывает Куоко, «при сотрудничестве Молитерни и Роккароманы под различными предложениями и ложными фамилиями проникли в форт Сант-Эльмо; им удалось изгнать лаццарони, которые были его хозяевами» [Там же, с. 95]. Французы, по словам Бонами, с нетерпением дожидались этой новости и, едва получив ее, начали выдвигаться к Неаполю для атаки [Vonpamy, p. 92].

Дивизии Дюэма, правда, «пришлось на марше сражаться с огромной массой вооруженных крестьян, которых она опрокинула. Но за победу она дорого заплатила: генерал Мунье получил опасное ранение». Бригада под командованием Бруссье, шедшая на соединение с Дюэмом, также оказалась неожиданно атакована с тыла 5–6 тыс. повстанцев, была вынуждена сделать полный разворот и занять оборону. Бруссье «устроил ловушку для негодяев, которые его преследовали и энергично на него наседали. Он притворился, что отступает, укрыл свои войска, а потом неожиданно их развернул. Он устроил страшную резню этому неопытному ополчению и с победой привел свои войска под стены Неаполя» [Ibid., p. 93–94].

Когда французские войска 20 января [Наполеон, с. 349] заняли исходные позиции для атаки, Шампione отправил в город парламентаря с предложением властям сдать: «Но в городе больше не было властей <...> Под ружьем находились только 60 тыс. лаццарони; их предводители решили обороняться; они встретили парламентаря ружейным огнем...» [Vonpamy, p. 96]. Шампione назначил штурм на следующий день.

Получив от «патриотов», занявших Сант-Эльмо, сигнал о том, что замок под их полным контролем, французы ночью кружным путем провели туда два своих батальона. Залп из всех орудий форта по защитникам Неаполя стал французским войскам сигналом для штурма:

Колонны [солдат] с факелами несут огонь везде, где только можно что-либо поджечь. Мы идем от руины к руине. <...> Лаццарони, эти удивительные люди, сражаются, как львы. Отброшенные назад, они не сдаются. Однако они теряют пространство, теряют артиллерию. Мы занимаем несколько улиц; они оказываются в тупике, но не уступают. Ночь опускается, стрельба не стихает. Войска, охваченные усталостью, делятся надвое: одна часть бодрствует и сражается, другая спит рядом с трупами на пепле и щебне [Ibid., p. 98–99].

На другой день сражение продолжалось с тем же ожесточением. И только после того, как французы заняли ключевые укрепленные пункты — Кастелло Нуово и форт Кармин, а затем подожгли квартал лаццарони, вожаки повстанцев согласились на переговоры с Шампионе. Французский командующий обещал никого не притеснять, защищать религию и чтить небесного покровителя города святого Януария, после чего восставшие сложили оружие [Vonnamu, p. 100–101]. А уже 23 января Шампионе назначил первое правительство Парthenопейской республики, поставив во главе него прибывшего с французами Лауберга.

Хотя лаццарони и пришлось сложить оружие, они не забыли, что своим поражением были обязаны не столько военному превосходству французов, сколько вероломству своих соотечественников — «патриотов Неаполя», ударивших им в спину. Куоко, не примыкавший ни к одной из сторон конфликта, так охарактеризовал произошедший в те дни разрыв между «благонравными людьми» и «народом»:

Все благонравные люди желали прихода французов. Они были уже у ворот. Но народ, упорствуя в желании защищаться, хотя и был плохо вооружен и не имел никакого руководителя, проявил такое мужество, которое было бы достойно лучшей цели. В незащищенном городе он на два дня задержал вступление врага-победителя, защищая пядь за пядью свою землю; затем, когда народ понял, что Сант-Эльмо уже не был в его распоряжении, когда обнаружил, что в Неаполе республиканцы со всех сторон вели огонь у него за спиной, побежденный, но не утративший мужества, отступил, менее униженный победителями, нежели раздраженный против тех, кого он почитал за предателей [Куоко, с. 95].

Не удивительно, что всего полгода спустя новое народное восстание сметет Парthenопейскую республику, а те из «патриотов», кто не успеет бежать из страны, будут повешены в замке Сант-Эльмо.

* * *

Рассмотрев фактическую канву французского завоевания Южной Италии 1798–1799 гг., обратимся теперь к вопросам, поставленным в начале этой статьи.

Как мы видели, часть населения Неаполя действительно считала французов «солдатами свободы» и готова была не просто встречать их цветами, но и помогать им делами, содействуя поражению собственной страны и стреляя в спину защищавшим город от иноземного неприятеля. Любопытно, что, хотя на словах революционная Франция объявляла «мир хижинам, войну дворцам», союзников себе она нашла именно во «дворцах» или, по крайней мере, в домах зажиточных людей. Профранцузскую «партию» внутри неаполитанской армии составляли отнюдь не нижние чины, а офицеры. Захватку замка Сант-Эльмо содействовали дворяне Молитерни и Роккаромана, обманувшие доверие повстанцев. Да и жертвами народной расправы по подозрению в сотрудничестве с французами стали, прежде всего, аристократы делла Торре и Филомарино. О том же пишет и Куоко: «Все первые республиканцы были из самых лучших семейств столицы

и провинции: среди них было много аристократов, дворян, богатых и хорошо образованных...» [Куоко, с. 22].

Соответственно, выясняя мотивы, побудившие этих людей поддержать иностранное вторжение, не приходится говорить о материальной заинтересованности: «верхи» общества и при Старом порядке имели всё. Скорее эти мотивы следует искать в сфере идеологии. Это же подтверждает и Куоко, сам принадлежавший к просвещенной элите Неаполя и прекрасно ее знавший:

Сначала у неаполитанского народа развилась легкомысленная страсть к модным иностранным изделиям. <...> От подражания в одежде перешли к подражанию в обычаях и манерах, а потом к подражанию в языках: изучались французский и английский, между тем было бы более постыдным не знать итальянского. Подражание языкам принесло с собой, наконец, подражание мнениям. Страсть к чужеземным странам сначала унижает, потом обедняет и, в конце концов, губит народ, гася в нем какую бы то ни было любовь ко всему своему. <...> Сколько среди нас были демократами только потому, что ими были французы? [Там же, с. 43–44].

Говоря в данном случае о «народе», Куоко явно имеет в виду просвещенную национальную элиту. В другом же месте он подчеркивает, что между нею и подавляющим большинством нации в сфере мировоззрения образовалась настоящая пропасть:

Но точки зрения у патриотов и у народа были разными: у них были разные воззрения, разные обычаи и даже разные языки. <...> Поскольку просвещенная часть сложилась согласно иностранным образцам, то наша культура отличалась от той культуры, в которой нуждался весь народ и которую можно было надеяться иметь только благодаря развитию наших способностей. Одни стали французами, другие англичанами, а те, которые остались неаполитанцами и составляли большинство, все еще были невежественными. <...> Никогда не может быть свободным тот народ, часть которого, предназначенная природой в силу ее ума управлять им, то ли посредством власти, то ли прибегая к примерам, запрдала свои убеждения чужой стране... [Там же, с. 103–104].

Действия той части элит Неаполя, которая в ходе описанных событий выступила на стороне неприятеля, определялись прежде всего утратой ею своей национальной идентичности вследствие активного усвоения в предшествующий период ценностей космополитичной культуры Просвещения. «Патриоты» в гораздо большей степени ощущали свою общность с французами, чьи идейные установки они полностью разделяли, нежели с «невежественным» народом Неаполя.

Обитатели «хижин», напротив, встретили иноземную армию с оружием в руках. Хотя среди восставших находились и представители элит (Бонами упоминает об офицерах, Сент-Альбен и Куоко — о священниках [Bonnamy, p. 72; Saint-Albin, p. 143, 148; Куоко, с. 95]), все же именно простой люд составил основную массу участников антифранцузского сопротивления.

Говоря о бойцах многочисленных партизанских отрядов, заполонивших сельскую местность и фактически взявших французские колонны в огненное кольцо, Бонами и Сент-Альбен называют их «крестьянами» и «разбойниками» (*brigands*). Если первый термин в уточнении не нуждается, то второй требует некоторого комментария. Разбой (*brigandage*) был тогда широко распространенным явлением в Италии вообще и на юге полуострова в особенности. В период оккупации многие члены разбойничьих шаяк действительно приняли активное участие в антифранцузском сопротивлении, однако при том гигантском размахе, какой носило повстанческое движение, криминальные элементы составляли лишь незначительную его часть [Viglione, p. 92–100]. Соответственно, использованное французами определение «разбойники» по отношению к восставшим представляется в данном контексте скорее эмоционально окрашенным негативным эпитетом, нежели социальной характеристикой. Что же касается упомянутых выше проявлений крайней жестокости в обращении с попадавшими в плен французами, то подобные эксцессы были не столько результатом асоциальных наклонностей отдельных лиц, сколько обычной для традиционных обществ реакцией на внешнюю угрозу:

Речь идет о феномене, хорошо известном историкам ментальности: насилие становится реакцией на тревогу, охватывающую общество, когда оно сталкивается с опасностью, которая угрожает самому его существованию или воспринимается как таковая, причем ситуация усугубляется упадком законной власти и крушением традиционных ориентиров. <...> Насилие в данной связи представляется средством, способным предотвратить ниспровержение естественного порядка вещей путем устранения виновного, которого физически убивают, а символически отторгают как чужеродный и вредный элемент, дабы этой жертвой восстановить сплоченность и онтологическую целостность общества [Генифе, с. 19–20].

Отдельного комментария требует также термин «лаццарони», которым историки определяют население Неаполя, принявшее участие в январском антифранцузском восстании 1799 г. Согласно отечественным словарям XIX–XX вв., этот термин, возникший в период восстания Мазаньелло 1647 г., использовался в дальнейшем для обозначения неаполитанского люмпен-пролетариата, т. е. деклассированных слоев населения, не занятых в экономике [Советская историческая энциклопедия, т. 8, с. 495]. Однако подобное определение полностью противоречит тому, что писал о лаццарони Куоко, называвший этим термином ту часть городского плебса, что обслуживала морскую торговлю и мореплавание — важнейший сектор неаполитанской экономики: «В Неаполе этот класс [торговцев] дружелюбен народу, ибо от него зависит и благодаря нему живет все то множество рыбаков, моряков, грузчиков и им подобных, которые составляют ту многочисленную и всегда непостоянную часть народа, которая называется “лаццарони”» [Куоко, с. 123].

Итак, основную массу участников антифранцузского сопротивления составляли представители «низов» неаполитанского общества: крестьяне

и городской плебс. Но что побудило их оставить мирные занятия и взять в руки оружие?

Сразу же в качестве подобного мотива следует отвергнуть ксенофобию или неприятие иноземцев как таковых. На протяжении предшествовавших столетий, да и в самом XVIII в., Италия не раз подвергалась иностранным вторжениям, приводившим порою к смене правящих династий, но ни одно из них не вызвало столь массового и ожесточенного отпора со стороны местных жителей, как нашествие войск революционной Франции.

Вызывает сомнения и попытка Годшо объяснить это народное движение социальными противоречиями, представив его как борьбу между «низами» и «верхами» неаполитанского общества. Поскольку, считает Годшо, значительная часть «верхов» симпатизировала французским идеям, классовая ненависть к буржуазной элите со стороны крестьян и плебса была перенесена и на источник таких идей [Godechot, p. 350, 354–355]. Однако, доказывая это, историк ссылается прежде всего на события, последовавшие за провозглашением Партенопейской республики, когда основным противником повстанцев действительно стали неаполитанские республиканцы, поставленные у власти французским командованием. О рассмотренной же нами здесь истории возникновения этой республики Годшо упоминает лишь походя, не касаясь противоречащих его концепции фактов: «В 1799 г. к Неаполю приблизилась французская армия под командованием генерала Шампионе. Неаполитанский король имел неблагоприятное объявить войну Франции до того, как великие державы Европы подготовятся, и его армия была разбита в окрестностях Рима. 23 января 1799 г. Шампионе вошел в Неаполь, который королевская семья покинула, поспешив на Сицилию. Шампионе вступил в переговоры с небольшой группой дворян и якобинской буржуазии, захватившей власть» [Ibid., p. 350]. И ни слова о том народном сопротивлении, которое французам пришлось преодолевать, пробиваясь к Неаполю, о том, что эту группу местных якобинцев собственно сам Шампионе и поставил управлять оккупированным им городом.

Между тем, главным противником для восставших, как мы видели, изначально была именно французская армия. Неаполитанские же элиты рассматривались крестьянами и лаццарони скорее в качестве союзников. Крестьяне доставляли перехваченные французские депеши в штаб Мака, а взбунтовавшиеся лаццарони первым делом выбрали себе в предводители боевых офицеров из числа аристократии. Деление на «своих» и «чужих» определялось не социальным положением, а идеологическими предпочтениями, о чем свидетельствует и Куоко: «Некоторые республиканцы — а тогда республиканцами в Неаполе были почти все те, у кого были состояние и нравственные принципы, — воспрепятствовали большим бедам; они смешались с народом и притворно высказывали те же суждения, дабы направлять его» [Куоко, с. 95]. И ведь к ним прислушивались, несмотря на разницу в социальном положении!

Если часть неаполитанских элит выступила на стороне французов сугубо по идеологическим мотивам — в силу общности разделявшихся теми и другими

ценностей, то и «низы» общества, оказавшие французской армии ожесточенное сопротивление, руководствовались мотивами идеологии, каковой в традиционном обществе неизменно выступает религия. Именно она стала мощнейшим средством мобилизации активности масс на борьбу с иностранным вторжением. Поэтому Сент-Альбен и называет крестьян-повстанцев «бандами фанатиков, ведомых на убой разъяренными священниками» [Saint-Albin, p. 143]. Городской плебс Неаполя, по словам Сент-Альбена, поднялся на восстание с возгласами: «Смерть предателям! Да здравствует святая вера! Да здравствует король!» [Ibid., p. 151]. О том же говорит и Куоко: «...Не было недостатка в фанатичных священниках и монахах, которые, благословляя оружие армий суеверного народа во имя Бога, усиливали вместе с надеждой отвагу, а с отвагой и неистовство» [Куоко, с. 95]. Характерно, что Шампионе уговорил лаццарони сложить оружие, только когда обещал уважать их веру и чтить святого Януария.

Причем народ отнюдь не представлял собою всего лишь слепое орудие в руках духовенства, каким пытались его изобразить французы и их союзники. Хотя среди повстанцев можно было встретить и священников, и монахов, значительная часть духовенства, особенно высшего (тридцать епископов из сорока! [Там же, с. 233]), не поддержала сопротивление и признала Партенопейскую республику. Однако народ пошел не за ними и сделал свой выбор.

Вопрос о том, какие именно представления о Французской республике имели к началу вторжения итальянские крестьяне и городской плебс, пока подробно не исследован. Понятно, что к концу 1798 г. до неаполитанцев не только могли, но и должны были дойти какие-либо известия о тех притеснениях, которым в предшествующие три года французы подвергали духовенство в Северной и Центральной Италии, по крайней мере — об их вторжении в соседнюю Папскую область, сопровождавшемся арестом и высылкой Папы. Однако, как уже отмечалось, антифранцузские народные выступления начались практически сразу же после появления французских армий на Аппенинах. Это дает основание предположить, что к тому времени в массовом сознании итальянцев уже существовал тот или иной негативный образ Французской революции.

Проведенный выше анализ показывает, что вторжение французов в Южную Италию вызвало в неаполитанском обществе острый конфликт ценностных парадигм. Элитарное меньшинство увидело в революционной армии «солдат свободы», несущих на своих штыках дорогие ему ценности Просвещения. Основная же масса населения восприняла приход войск Французской республики как смертельную угрозу ценностям традиционного общества, выраженным в религии, и поднялась на ее защиту. Эхо этого конфликта еще многие десятилетия отдавалось в политической жизни Италии, а в историографии его можно слышать и до сих пор.

- Куоко В.* Опыт истории Неаполитанской революции 1799 года. СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2006.
- Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт. 3-е изд. М. : Мысль, 1980.
- Наполеон.* Избранные произведения. М. : Воениздат, 1956.
- Сибирева Г. А.* Неаполитанское королевство и Россия в последней четверти XVIII в. М. : Наука, 1981.
- Советская историческая энциклопедия : в 16 т. / гл. ред. Е. М. Жуков. М. : Советская энциклопедия, 1961–1976.
- Тарле Е. В.* Наполеон // Тарле Е. В. Соч. : в 12 т. М. : Изд-во АН СССР, 1957–1962. Т. 7. 1959.
- Bonnamy.* Coup d'oeil rapide sur les opérations de la Campagne de Naples, jusqu'à l'entrée des français dans cette ville, par le général de brigade Bonnamy, chef de l'État-Major-Général de l'Armée de Naples. P. : Dentu, an VIII [1800].
- Godechot, J.* La contre-révolution. Doctrine et action. 1789–1804. 2e éd. P. : Quadrige/PUF, 1984.
- Rao A. M.* Guerre et politique. L'ennemi dans l'Italie révolutionnaire et napoléonienne // Annales historiques de la Révolution française. 2012. № 369. P. 139–151.
- Saint-Albin A.-R.-C.* Championnet, général des armées de la République française ou les Campagnes de Hollande, de Rome et de Naples. 2e éd. P. : Poulet-Malassis et De Broise, 1861.
- Viglione M.* Le Insorgenze. Rivoluzione e Controrivoluzione in Italia 1792–1815. Milano : Edizione Ares, 1999.

Статья поступила в редакцию 27.05.2016 г.

Чудинов Александр Викторович

доктор исторических наук, руководитель лаборатории «Мир в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн» Институт всеобщей истории РАН
119334, Москва, Ленинский проспект, 32А
главный научный сотрудник ИГНИ
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: tchoudin@mail.ru

Tchoudinov, Alexander Victorovich

Dr. Hab. (History), Director of laboratory “The World during the French Revolution and Napoleonic Wars”
Institute of World History,
Russian Academy of Sciences
32a, Leninsky Ave., 119334 Moscow, Russia
Chief researcher
Institute of Humanities and Arts
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
E-mail: tchoudin@mail.ru

**“SOLDIERS OF FREEDOM” OR MORTAL ENEMY?
THE FRENCH IN SOUTHERN ITALY, 1798–1799**

The author analyzes the issue of relations between the French revolutionary troops and of the Italian population during the French occupation of Italy between 1796 and 1799. He poses a number of questions, such as: which social groups of the local population collaborated with the occupation army, and which, on the contrary, fought it? What was the motivation of the former and the latter? He seeks answers to these questions, exploring the military campaign of the French army in Southern Italy between 1798 and 1799. Analyzing the French and Italian sources, the author concludes that the French invasion of the Kingdom of Naples a caused deep split

in Neapolitan society, which was produced by the conflict of opposing value paradigms. A part of the local elite, whose worldview was formed by the cosmopolitan culture of the European Enlightenment, treated the French troops as an army of “Soldiers of Freedom”. This social stratum was eager not only to welcome the foreign invaders but also to support them with arms against its own countrymen. On the contrary, Neapolitan peasants and plebs, the real partisans of traditional culture, treated the invasion of the French as a mortal danger to its values, especially to the Catholic religion. That is why the “lower” Neapolitan society showed fierce resistance to the foreign invasion. These social divisions had far-reaching implications, providing a long-term impact on Italy’s future political life, affecting Italian historiography to date.

Key words: Italy; French Revolution; military occupation; popular insurrection; Enlightenment; traditional culture.

Acknowledgements

The article is sponsored by the *Russian Science Foundation*, project 16-18-10041.

Bonnamy. (1800). *Coup d’oeil rapide sur les opérations de la Campagne de Naples, jusqu’à l’entrée des français dans cette ville, par le général de brigade Bonnamy, chef de l’État-Major-Général de l’Armée de Naples* [A Brief Review of the Naples Campaign Operations until the Entrance of the French in the City, by the Brigade of General Bonnamy, Chief of the General Staff of the Naples Army]. Paris: Dentu.

Cuoco, V. (2006). *Opyt istorii Neapolitanskoi revolucii 1799 goda* [An Essay on the History of the Neapolitan Revolution of 1799]. Saint Petersburg: Edition of Philological faculty.

Godechot, J. (1984). *La contre-révolution. Doctrine et action. 1789–1804* [The Counter-revolution. Doctrine and Action]. 2e éd. Paris: Quadriga/PUF.

Guenniffey, P. (2003). *Politika revoliucionnogo terrora 1789–1794* [The Politics of Revolutionary Terror 1789–1794]. Moscow: Editorial URSS.

Manfred, A. Z. (1980). *Napoleon Bonaparte* [Napoleon Bonaparte] (3rd ed.). Moscow: Mysl.

Napoleon. (1956). *Izbrannye proizvedenia* [Selected Works]. Moscow: Voenizdat.

Rao, A. M. (2012). Guerre et politique. L’ennemi dans l’Italie révolutionnaire et napoléonienne [War and Politics. The Enemy in Revolutionary and Napoleonic Italy]. *Annales historiques de la Révolution française*, 369, 139–151.

Saint-Albin, A.-R.-C. (1861). *Championnet, général des armées de la République française ou les Campagnes de Hollande, de Rome et de Naples* [Championnet, General of Armies of the French Republic or the Campaigns of Holland, Rome, and Naples] (2e éd). Paris: Poulet-Malassis et De Broise.

Sibireva, G. A. (1981). *Neapolitanskoe korolevstvo i Rossia v poslednei chetverti XVIII veka* [The Kingdom of Naples and Russia in the Last Quarter of the 18th Century]. Moscow: Nauka.

Tarlé, E. V. (1959). Napoleon. In E. V. Tarlé, *Sochinenia* [Works] (Vols. 1–12) (Vol. 7). Moscow: Izd-vo AN SSSR.

Viglione, M. (1999). *Le Insorgenze. Rivoluzione e Controrivoluzione in Italia 1792–1815*. [The Emergence. Revolution and Counter-Revolution in Italy 1792–1815]. Milano: Edizione Ares.

Zhukov, E. M. (Ed.) (1961–1976). *Sovetskaya istoricheskaya enciklopedia* [The Soviet Historical Encyclopaedia] (Vols. 1–16). Moscow: Sovetskaya enciklopedia.

Received 27 May 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.2.025
УДК 94(44)“1797/1798” + 929.733 Конде +
+ 930.25 РГАДА + 355.083

А. А. Митрофанов
Институт всеобщей истории РАН
Москва, Россия

ВОЛНЕНИЯ В ЭМИГРАНТСКОМ КОРПУСЕ КОНДЕ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ В 1798 г. (по материалам РГАДА)*

В 1797–1798 г. французский эмигрантский корпус принца Конде перешел на русскую военную службу и зимой 1798 г. был расквартирован на Волыни. Весной принц Конде начал вводить в своем корпусе русский военный устав и правила военной службы, провел реорганизацию воинских частей своего корпуса. В ответ на действия принца французские офицеры корпуса начали проявлять недовольство и протест, солдаты массово дезертировали. Одной из форм ненадлежащего протеста дворянства против новых порядков военной службы являлась личная переписка, которую отправляли по неофициальным каналам. Двое из младших офицеров корпуса, де Бомануар и де Клозе, были арестованы за «дерзкую» переписку с родственниками и друзьями в Австрии, Англии и германских землях. Вопрос о наказании аристократов-бунтовщиков решался лично императором Павлом I. Вначале оба француза были помилованы императором, но спустя некоторое время они были понижены в звании и сосланы в Тобольск.

В статье показано, что среди офицеров корпуса Конде в России были широко распространены протестные настроения, офицеры не были подготовлены к военной службе в России, критически оценивали российскую действительность, а также павловские военные порядки. В апреле-июне 1798 г. военные части корпуса принца Конде находились на грани неповиновения командующему.

К л ю ч е в ы е с л о в а: принц Конде; эмигранты; роялисты; дворянство; Павел I; Французская революция; Российская империя; цензура; Боннеман де Бомануар; Жак де Клозе.

История французского эмигрантского корпуса принца Конде хорошо изучена как в западной, так и в отечественной историографии [Бовыкин; Васильев; Щепкина; Bittard des Portes; Grille; Grouvel; Muret], поэтому в настоящей статье мы коснемся только одного важного аспекта, а именно недовольства и протестов в эмигрантском корпусе на русской службе в мае-июне 1798 г. Отметим, что данный эпизод традиционно оставался в стороне от внимания историков, его освещение стало возможным только благодаря анализу неизученного до настоящего времени корпуса писем, сохранившихся в деле Тайной экспедиции при Сенате Российской империи «Об офицерах корпуса принца Конде поручиках де Бомануаре и де Клозе, арестованных за злобную переписку и о негодовании в этом корпусе (1798 г.)» [РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 3088, л. 1–39].

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 14-18-01116.

Принц Луи-Жозеф де Бурбон де Конде (1736–1818) [Les Français en Russie..., р. 101–103] одним из первых покинул Францию почти сразу после взятия Бастилии. Располагая огромным авторитетом, после эмиграции он сразу же оказался в роли одного из вождей контрреволюции (ил. 1). В июле 1790 г. он выступил с манифестом, где объявлял себя защитником дела всех монархов и всех дворян и приглашал последних сплотиться под его знаменами и предпринять все усилия к освобождению Людовика XVI [Вайнштейн, с. 19]. Из присоединившихся к его армии эмигрантов принц сформировал дворянские части, выполнявшие впоследствии роль ядра всего военного формирования. После отступления войск коалиции из Франции предводители эмигрантов, истратившие на содержание войск все свои средства, вынуждены были распустить «армию принцев» и корпус герцога Бурбонского. Но этой участи, благодаря помощи Екатерины II, удалось избежать армии принца Конде. В обмен на свою субсидию императрица предложила офицерам и солдатам принца основать французскую военную колонию на восточном побережье Азовского моря. Планам этим не суждено было воплотиться [Ростиславлев]. В январе 1793 г. уже Венский двор согласился принять армию Конде на службу, а в июне 1795 г. она перешла на содержание английского правительства, которое субсидировало его более щедро, чем австрийцы. Благодаря этому принц осуществил набор новых наемных частей, доведя численность «армии» к марту 1797 г. до 13 000 человек. Но в апреле 1797 г. были подписаны предварительные условия мира между Францией и Австрийской империей. Теперь, когда вслед за Пруссией и Австрия прекратила военные действия против Франции, Англии не имело смысла содержать армию эмигрантов за свой счет. Именно поэтому начались переговоры о переходе корпуса Конде на русскую службу [Diesbach, р. 397–398].

Окончательное решение о переходе на русскую службу корпуса Конде было принято Людовиком XVIII в середине сентября 1797 г. [Бовыкин, с. 83]. В октябре 1797 г. эмигрантский корпус принца Конде покинул германские квартиры и отправился к новому месту службы — на Волынь. К концу декабря, после долгого перехода через баварские и австрийские земли, корпус достиг реки Буг, переправившись через который, 1 января 1798 г. эмигрантами была принесена присяга на верность императору Павлу Петровичу.

Тем временем в Петербурге в торжественной обстановке невиданной роскоши был принят сам принц Конде [Васильев, с. 322]. Именно в это время император обсудил с ним все, что касалось военной организации корпуса, который должен был существовать в рядах русской армии на правах отдельной инспекции, в составе трех пехотных и двух кавалерийских полков. В конце декабря 1797 г. император вручил принцу знамена и штандарты для корпуса. В начале февраля 1798 г. в столицу прибыл и герцог Энгиенский, но вскоре радушный прием для Конде сменился весьма сухим обращением. До Петербурга дошли первые слухи о том, что «кондейцы» не слишком соблюдают дисциплину, занимаются браконьерством, допускают и стычки с местными жителями.

Многие дворяне из корпуса Конде в связи с перспективой перехода в Россию покинули его ряды: эмигранты в большинстве своем с осторожностью и недоверием относились к планам по отправлению в Россию. Состав корпуса заметно редел: дворянский полк пеших егерей, в марте 1797 г. насчитывавший 2 431 человека, отправился в Россию в составе 1 047 человек; 1-й дворянский кавалерийский полк уменьшился с 565 до 284 человек, а кавалерийский полк «рыцарей Короны» с 568 до 209 человек [Васильев, с. 320] (ил. 2).

Тем не менее, как показано в специальных исследованиях по истории корпуса [Бовыкин; Васильев; Diesbach; Vidalenc; Bittard des Portes], мемуаристика дает практически исчерпывающие сведения о русском «эпизоде» в его истории. Кроме того, как показал Д. Ю. Бовыкин на основе письма императора Павла I принцу Конде от 3 августа 1797 г., можно однозначно судить о планах петербургского кабинета относительно «кондейцев»: они приглашались для несения военной службы в России и для последующего участия в войне с революционной Францией. В этом вопросе российские ученые придерживаются единой точки зрения, в отличие от трудов некоторых французских коллег [Diesbach, p. 89], ошибочно полагающих, что в 1798 г. армии Конде было предложено, как и в 1793 г., основать колонии на берегах Черного моря.

Штаб корпуса Конде вскоре был расквартирован в городе Дубно, а воинские части разместились в городках, деревнях и местечках на довольно значительном удалении от главной квартиры. Общая численность корпуса к концу января 1798 г. составляла 4 320 человек, в числе которых насчитывалось 355 генералов и офицеров [Васильев, с. 321]. В дворянских частях корпуса Конде на штаб-офицерских и капитанских должностях находились, как правило, генералы королевского производства. Для этих военных формирований в целом был характерен избыток командных кадров [Там же, с. 323].

Поскольку корпус разместился по большей части в сельской местности, недостаток денег вынуждал многих французов селиться непосредственно в избах или же строить себе аналогичные жилища, где все было для них непривычно, к тому же почтовое сообщение между деревнями отсутствовало, а русская дисциплина накладывала строгое наказание за отлучки от места службы. Другой трудностью оставалась нехватка продовольствия, поскольку в период распутицы его было невозможно переправить на дальние расстояния. Дополнительной проблемой были антисанитарные условия, из-за которых летом 1798 г. в районе Дубно была зафиксирована вспышка эпидемии моровой язвы.

Реорганизацию войск корпуса принц Конде начал в апреле 1798 г., когда сам уже прибыл в Дубно. С середины апреля генерал Бутийе приступил к введению русского воинского устава в частях бывшей армии Конде. Речь шла о гарнизонной службе, экзерцициях, дисциплинарных порядках и даже о закаливании. В городах бывшие щеголи выходили едва ли не ежедневно на караулы. Полковники разъезжали по ротным квартирам и проводили смотры, которые начинались самым ранним утром. Войска начали переодеваться понемногу в жесткие русские мундиры, строгости в ношении формы вызывали долгие препирательства,

даже герцог Энгийенский получал от своего деда — принца Конде — замечания за невнимание к пуговицам и обшлагам. Положение дел осложнялось тем, что французский корпус отличался свободомыслием и полным отсутствием дисциплины [Щепкина, с. 62].

Введение российского военного устава и строгое соблюдение требований императора весьма тяготило «кондейцев» и привело к массовому дезертирству солдат, но за солдатские побегі наказание накладывалось на офицеров-дворян, что вызывало заметное недовольство среди аристократов.

Хорошо иллюстрирует настроения высшего офицерства корпуса письмо самого герцога Энгийенского — внука принца Конде, — написанное им герцогу де Бурбону летом 1798 г.: «Какую тягостную жизнь придется вести в России. Прежде всего, невозможно быть до такой степени раздраженным службой, что перестаешь нравиться самому себе. Все полностью противоречит нашим идеям, принципам, все в тягость: работа и никакого развлечения. На самом деле все здесь так отличается от обычаев и нравов нашей страны, что, даже желая чем-то нравиться государю и благодетелю, который нас кормит, невольно мы не нравимся ему по многим причинам. То же самое верно и в отношении местных жителей, и в отношении гражданских властей. Также я полагаю, что эту военную колонию невозможно рассматривать как постоянное и прочное учреждение» [Bittard des Portes, p. 336].

Переходя к вопросу о формах протеста в эмигрантском корпусе, отметим, что поведение отдельных офицеров уже по пути в Россию казалось вызывающим, так, Маркиз Марк-Мари де Бомбель отмечал особенности поведения офицеров и солдат армии Конде: «Среди нашей несчастной знати есть превосходные люди, исполненные чести, достоинства, великолепного поведения, но в частях “рыцарей Короны” и дворянских стрелков имеется несколько отвратительных персонажей... Полагают, что этот тип людей испытает в России неприятности и невзгоды, что в этой стране решат обращаться с ними жестоко и даже свирепо и, следует согласиться, что это мнение верно» [Vidalenc, p. 182] (ил. 3).

Сообщения о судьбе эмигрантского корпуса на протяжении 1798 г. появлялись в парижской прессе со ссылкой на корреспонденцию из Петербурга или с берегов Вислы. Так, в феврале 1798 г. читатели газеты «*Moniteur*» могли узнать, что император Павел «вручил корпусу Конде знамя с черным крестом и цветами лилии», а также о том, что «бывший принц Конде получает по 600 золотых ливров в месяц, бывшие герцоги Бурбонский и Энгийенский по 300 ливров» [Moniteur, № 157, 7 ventôse, an VI (1798 25 février)]. И если в статьях из Митавы, где размещился двор Людовика XVIII, можно было прочитать сообщение некоего офицера-француза, весьма довольного сытой и спокойной службой в России: «вдали от опасности и потрясений, которые изводили нас целых шесть лет» [Moniteur, № 203, 23 germinal, an VI (1798, 12 avril)], — то в заметках из Петербурга и других городов сообщалось обратное. Например, в конце апреля 1798 г. газета информировала о конфликтах между эмигрантами и местными жителями: «Россия, с берегов Вислы. 12 жерминаля (1 апреля 1798). Новости, что мы получаем из армии

Конде, сообщают, что между несколькими охотниками-дворянами и крестьянами происходят многочисленные стычки, завершающиеся кровавыми сценами. Еще неизвестно, каковы будут последствия этих стычек, но степень озлобления и враждебности с одной и другой стороны может послужить причиной большим бедам, если властями не будут приняты самые решительные меры. Император Павел собрал военный совет и, как говорят, из числа дворян шестеро признаны виновными. Конде немедленно отправился к своей армии, сразу после того, как получил это известие» [Moniteur, № 215, 5 floréal, an VI (1798, 24 avril)].

В мае того же года «Moniteur» поведал о глубоком возмущении русского двора прибывшими на службу французами, их «порочностью» и склонностью к скандалам: «Петербург, 16 жерминаля (5 апреля 1798). Поведение французских эмигрантов, а особенно эмигрантов из корпуса Конде, расквартированного гарнизоном на Волыни, вызывает негодование у русских. Они будоражат жизнь супругов и влюбленных внезапными вспышками ярости. Павел приказал направить категоричный приказ принцу Конде немедленно покинуть Петербург. За свою подверженность порокам и дебоши эмигранты были наказаны. Возмутившись, император приказал отправить немедленно всех этих лиц, кого в Тобольск, что в Сибири, кого на Камчатку и даже в Архангельск, на 67 градус широты» [Moniteur, № 236, 26 floréal, an VI (1798, 15 mai)].

В условиях отсутствия постоянной почтовой связи с расквартированными на Волыни «кондейцами», а также с подачи газет, в эмигрантской среде мгновенно расползались «новости» о происшествиях, якобы сотрясавших армию принца. Герцог де Бурбон из Лондона писал в мае 1798 г. принцу Конде следующее: «Много судачат о вещах огорчительных насчет армии, которые, как я надеюсь, являются большими преувеличениями. Постоянно говорят о том, что дворяне убили инструкторов, посланных императором, чтобы обучать их на прусский манер и пустивших в ход палки, что затем еще один священник и многие крестьяне также были убиты другими дворянами, которые охотились, что император, разъяренный этим событием сослал многих в Сибирь. У меня спрашивали сведений обо всем этом, но я отвечал, что не имею об этом никакого понятия, что ни вы, ни кто-либо из армии не рассказывал мне об этом в письмах. Я очень надеюсь, что все эти слухи окажутся ложными и распространяются только весьма злонамеренными людьми» [Créteineau-Joly, p. 234].

Газеты не переставали сообщать известия из далекой России, которые не всегда отличались достоверностью. И, наконец, в октябре 1798 г. «Moniteur» опубликовала слух о якобы трагической гибели самого принца Конде в момент, когда он лично пытался восстановить порядок в своем корпусе, и уточняла, «что в России запрещено говорить о смерти принца Конде под угрозой жестоких наказаний» [Moniteur, № 26, 26 vendémiaire, an VII (1798, 17 octobre)].

Поведение, слишком вольные мнения и оценки российской реальности, указов императора и военного устава спровоцировали внимательный надзор за перепиской французов, в связи с чем в обычной своей почте эмигранты могли рассказывать о своей службе и о России только положительное, тогда как

критические замечания оставляли для писем, отправлявшихся тайно, минуя официальную почту.

В Российском государственном архиве древних актов хранится немало дел, повествующих о неблагонадежном поведении французов, перешедших на русскую службу. Знаменательно, что в самом начале пребывания корпуса в России скандалы с политическим подтекстом удавалось замять. Так, одно из дел повествует о скандальном эпизоде со старшим сержантом кавалерии из легиона Роже де Дама Жаном-Конрадом Андре. Андре, расквартированный вместе с сослуживцами в Луцке, был обвинен двумя православными священниками в том, что он выказывал неуважение к императору Павлу, называя его по латыни «*Diabolus Imperator*» и к тому же вознося жесткие ругательства против православных священников, заявляя, опять же на латыни, что все русские священники — собаки («*Omnes sacerdotes — russici sobaki*»). Как повествует следственное дело, офицер Андре обвинял самого императора в том, что тот разместил французские части в таком краю, где нечего поесть и не с кем даже поговорить. В связи с инцидентом, офицеры легиона Дама создали собственный трибунал, чтобы рассудить его. В составе многочисленного трибунала были исключительно аристократы, в том числе граф Валь, генерал-комендант корпуса Конде и Шарль-Франсуа Луи — граф дю Отей в роли президента. Трибунал отверг все обвинения священников, подчеркнув также, что офицер в ходе процесса принес клятву верности и что он не говорит ни слова по латыни [РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 3218; *Les Français en Russie...*, p. 17].

Тем не менее, самому большому скандалу в корпусе Конде суждено было разгореться именно вокруг личной корреспонденции «кондейцев», который в то же время обнажил существование в корпусе глубокой трещины между высшей аристократией, средним и мелким дворянством в корпусе.

Именно летом 1798 г. в корпусе Конде из-за дела двух поручиков Жака де Клозе (*Jacques de Closets*) и Боннемана де Бомануара (*Bonnemain de Beaumanoir*) начались волнения. В начале июня пакет французских писем, среди которых находились и письма двух вышеупомянутых офицеров, с оказией был отправлен в Галицию, чтобы далее отправиться австрийской почтой, но на таможне пакет был перехвачен и самые откровенные письма были переданы для ознакомления начальству.

За дело принялся генерал-майор, флигель-адъютант императора и его представитель при корпусе Конде князь Василий Николаевич Горчаков 3-й. В своем докладе императору он, между прочим, отмечал: «...узнал я, что корпусное негодование в пятом дворянском полку доводит до непозволительных изречений противу вводимого порядка службы, а иныя дошли и до того, что неблагодарно и открыто роптали на Грубе, будто наложенное им одеяние и отличие от офицеров шерстяным голуном, намереваясь спарывать оной...» [РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 3088, л. 2]. И поскольку на таможне была перехвачена большая партия писем «до 30-ти одинаково наполненных неблагодарностью, противу правительства и совершенной злобой, также противу и принца»,

Горчаков принял меры, чтобы выявить и арестовать их авторов и прекратить распространение недовольства в частях, вверенных принцу Конде.

Де Бомануар и де Клозе были арестованы в самом начале июня. Вся рота Жака де Клозе составила коллективное прошение о его освобождении. Принц Конде, по русским правилам, вынужден был арестовать командира и старших офицеров роты за составление коллективной жалобы без требуемых формальностей. Как государственные преступники, де Бомануар и де Клозе были препровождены в Каменец-Подольскую крепость и также приговорены к ссылке в Сибирь; затем их перевезли в Петербург, куда давно уже были отправлены их письма. Там их ждала милость государя: вместо ссылки их перевели на службу в Сибирский драгунский полк, к эмигранту, графу де Виоменилю. Так, генерал-прокурор А. Б. Куракин сообщал генералу и военному подольскому губернатору И. В. Гудовичу в начале июля 1798 г., что при дворе ситуация с двумя поручиками из корпуса Конде была улажена благополучно: «Его Императорское Величество из всегдашняго своего милосердия соизволил их простить и высочайше повелел определить офицерами в Сибирский полк» [РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 3088, л. 27].

Смягчение участи де Бомануара и де Клозе в июле 1798 г. немного успокоило негодование французских офицеров. Срок отпуска для оставшихся за границей чинов корпуса Конде продлили до 1 июля н. ст., но переезд в Россию уже был затруднен так, что явиться к месту службы могли немногие. В июле же многих остановил на границе полный запрет въезда в Россию, тогда как русские представители в германских землях отказывались под разными предлогами оформлять паспорта (ил. 4).

При внимательном прочтении писем де Бомануара и де Клозе центральным персонажем «дерзкой» переписки французских офицеров оказывается вовсе не российский император, но сам принц Конде, который покрыл себя бесчестьем, предав белое знамя с лилиями и согласившись на звание генерала русской армии. Вместе с тем, из-за «лживых обещаний» принца, многим офицерам корпуса также пришлось вновь стать солдатами [Там же, л. 16–17], что и вызвало протесты, поскольку речь шла не только о социальном статусе в рамках корпуса, но и о денежном довольствии и всех прочих вопросах армейского быта. Детальных свидетельств о формах этого коллективного протеста немного. По свидетельству де Бомануара скандальный оттенок имела и церемония вручения знамен в присутствии принца Конде, некоторые дворяне из полка пеших егерей без должного почтения относились к новым знаменам с российским двуглавым орлом и королевскими лилиями, не соблюдали новые требования воинского распорядка, например, пользовались личными повозками, чтобы добраться до своих квартир [Там же, л. 6]. И де Бомануар, и де Клозе подчеркивали в письмах к родным, что причиной недовольства в корпусе были неверные шаги командующего, так как принц Конде «преуспел в искусстве приводить в состояние недовольства всех подряд» [Там же, л. 23, 16].

Второй проблемой корпуса оказалось массовое дезертирство солдат. Принц Конде, будучи не в силах обуздать это явление, начал наказывать офицеров,

де Бомануар в одном из писем сообщает, что для этого по указанию принца был придуман метод жребия — виновным назначался самый невезучий офицер, что только подогревало фрондерские настроения в офицерской среде [РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 3088, л. 22].

О том, что проблема дезертирства была чрезвычайно серьезной, свидетельствует и письмо шевалье де Бомануара матери — баронессе де Монтель — в Вену, в котором он отмечал: «Наши нижние офицеры весьма недовольны тем, что вновь вынуждены стать солдатами, а наши солдаты расстроены тем, что их разлучили с их прежними офицерами и что они подвержены новым трудностям русской службы, не имея надежды освободиться от нее, и оплачиваемые негодными ассигнациями, по которым можно потерять, по меньшей мере, треть при обмене, и прочими затруднениями, которые было бы очень долго вам расписывать в деталях, вынудили весьма большое число из них дезертировать. Те же, кто остался, остались только благодаря надежде отбыть отсюда вместе с нами в сентябре месяце или же, если нам в том откажут, то совершить этот переход вооруженным путем» [Там же, л. 23].

Третья неразрешимая для французов проблема была связана с выплатой жалованья. Оба француза в своих письмах подчеркивают, что поскольку выплаты осуществлялись ассигнациями, то при обмене бумажных денег на серебро терялась примерно третья часть их стоимости. Некоторые офицеры, как де Клозе, замечали, что задержка в выплате жалованья достигла двух месяцев с коварной целью «заставить нас подольше проедать те серебряные монеты, что у нас были, и которые мы могли бы сохранить, чтобы чувствовать себя уверенно, а во-вторых, заставить нас принять самую суровую дисциплину» [Там же, л. 16].

И, наконец, введение русского военного устава, неудобной формы на прусский манер, вахтпарадов и муштры также не обошлось без протестов: «...Каждые три дня в гвардейском корпусе, все прочее время вынуждены исполнять роль марионеток на плацу на забаву публике, старики, как и молодежь, вынуждены выучивать русские экзерциции и маневры, вот какова благодарность за ту священную жертву, что мы принесли за свою веру и своего короля» [Там же, л. 16 об.], отмечал в одном из писем Жак де Клозе.

Общая обстановка на Волыни ничуть не способствовала успокоению страстей, терзавших корпус Конде после перехода под русскую военную юрисдикцию. Крайне негативно офицеры и солдаты оценивали и размещение войск корпуса по квартирам в местечках и деревнях, стеснявших их передвижение по территории: «Мы здесь находимся абсолютно на положении рабов, — писал де Бомануар, — до такой степени, что мы не можем даже перемещаться из одной деревни в другую без позволения или паспорта и никакой командир не осмеливается взять на себя ответственность выдавать таковые из страха скомпрометировать лично себя. Я не удивлюсь, увидев нас [однажды] выставленными на продажу на одной из местных ярмарок, точно так же, как это делают с мужчинами, женщинами, девочками и их детьми, которые являются собственностью частных лиц, абсолютных хозяев сих несчастных рабов» [Там же, л. 21–21 об.]. В других

фрагментах переписки офицеры сообщали о возможности дальнейшего марша корпуса, что и вызвало массовое дезертирство солдат: «к тому же так много других раздражений и разочарований, поскольку наши нижние офицерские чины вновь вынужденным образом превратились в рядовых, не имея надежды покинуть эту страну и все время находясь в страхе, что вынуждены будут проделать путь вглубь России...» [РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 3088, л. 21 об.]. Кроме того, над каждым французом, по мнению де Бомануара, нависала реальная опасность оказаться в Сибири, поскольку «все подряд говорят так в этих краях, что если совершишь провинность, то отправят в Сибирь» [Там же, л. 18 об.] (ил. 5).

Офицеры в переписке касались и неудобств при отправлении католического культа: «Вы полагаете, что мы здесь принадлежим к господствующей религии? Вовсе нет, мой дорогой, расстаньтесь с этим заблуждением!», утверждал де Бомануар в письме к аббату Мардюэлю. «Мы верно отправляем наш культ и делаем это публично, но с большим количеством предосторожностей и мы не можем даже повздыхать или посожалеть вместе с теми, кто еще вчера были католиками, и единственно самодержавная власть заставила их изменить веру; те, кто еще остаются (в прежней конфессии. — А. М.), дрожат всякий день, что грядет новый удар и он также погрузит их в ту же самую пучину» [Там же, л. 21–21 об.]. На следствии де Бомануар признался в том, что его сентенция о религиозной нетерпимости в России «полностью лжива» и это не более, чем плод его «беспримерного легкомыслия».

Отметим, что косвенно или прямо большинство из этих фактов подтверждаются и в докладе князя В. Н. Горчакова императору Павлу, а также в материалах допросов двух поручиков, которые состоялись 7 июня 1798 г. в Дубно. Следствие, исходя из материалов писем, интересовалось не только делами самих авторов, но также данными об их корреспондентах и прочими подробностями. Среди вопросов, заданных на следствии де Бомануару, прозвучал и такой: «Вы заявляете, что если и остались еще солдаты, то только из надежды уйти вместе с вами в сентябре и в готовности проложить себе путь с оружием в руках, если в этом будет отказано. Как и в чем вы могли заметить признаки этого?» [Там же, л. 18]. На что де Бомануар сослался целиком на то, что сам слышал от солдат слова о том, что они останутся на службе, если им позволят уйти в сентябре, но если им тогда же не позволят уйти, тогда они готовы и на вооруженный мятеж. Пожалуй, это был самый важный эпизод, на который обратило внимание следствие.

Дело о «дерзкой» переписке и волнениях в корпусе Конде пришлось на период, когда император Павел особенно пристально отслеживал все события, связанные с французами и Францией. Так, 17 июня 1798 г. последовали сразу два именных указа о немедленном возвращении учащихся в чужих краях российских подданных и об аресте французских товаров, находящихся на кораблях [ПСЗ, т. 25, с. 280]. Поводом к возвращению служило распространение опасных французских идей под видом пересылки обычной корреспонденции и учебных сочинений. Второй указ, правда, был связан не с французскими «развратными правилами и буйственным воспалением рассудка», а с тем, что «французы даже

и в портах держав, кои с ними не в войне, корабли с товарами, России принадлежащими, берут под арест». Такие поступки требовали ответных мер и император повелел то же самое делать с товарами французскими, на чьих бы кораблях они ни были доставлены и кому бы ни принадлежали, во всех российских портах.

Заметим, что указ императора от 17 мая о введении жесткой цензуры и запрета на ввоз западноевропейской прессы [ПСЗ, т. 25, с. 247] и ряд других схожих законодательных актов были изданы задолго до скандала с «дерзкой» перепиской, поэтому вряд ли проступок двух младших офицеров из корпуса Конде мог иметь столь большое значение для политики государя, стремившегося «к отражению всякого зла от пределов империи».

Волнения в корпусе, массовое дезертирство, наконец, открытый протест лично против принца привели к публикации Конде 16/27 июня 1798 г. приказа, в соответствии с которым офицерам и дворянам, не согласным с условиями службы в России, с ношением русского мундира, разрешалось просить отставки до сентября месяца — им гарантировалась быстрая выдача документов для выезда [Щепкина, с. 65]. Приказ принца достиг цели, поскольку он был рассчитан на гордость дворянства, которое таким образом приглашали ради верности общему делу, своему командующему и во избежание еще больших неприятностей примириться с уже избранным положением вещей. Даже те, кто протестовал против принца и введения русских военных правил и регламентов, не решились в этой ситуации просить об отставке. Между тем проблемы, ярко обозначившиеся во время скандального дела о переписке де Бомануара и де Клозе, устранены не были, свободомыслие французов и отвращение к новой форме скоро вызвало настоятельные требования удалять из частей инспекции принца Конде подозрительных лиц. Принц вынужден был сам отправлять в отставку и высылать за границу виновных в разных выходках. 9/20 июля 1798 г. выслали сразу 17 человек. Людям пожилым или офицерам безупречной службы сначала делали только внушения. Подчеркнем, что исключение из службы производилось без личного прошения и считалось самой тяжкой карой в этом дворянском корпусе, для которого честь и знамя были дороже всего на свете [Там же, с. 66]. Окончательно остудить «горячие головы» и разрешить ситуацию с протестами в своем корпусе принцу Конде удалось только к сентябрю. Все расквартированные в Дубно части к осени 1798 г. приняли все необходимые нововведения и русскую униформу (ил. 6).

Между тем, история двух незадачливых «фрондеров» де Бомануара и де Клозе вовсе не закончилась в июле 1798 г. Если следовать официальной версии, то суть обвинений, выдвинутых против арестованных французских офицеров, направленных из Каменец-Подольского замка в Санкт-Петербург, ограничивалась только ведением ими «дерзкой переписки» [РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 3088, л. 10]. Вместе с тем, наказание, которое их ожидало, выглядело непропорционально суровым, принимая во внимание политические обстоятельства в канун подготовки похода русских войск в Италию. Из более позднего доклада князя А. Б. Куракина генерал-прокурору А. А. Беклешову от 25 мая 1801 г. выясняется,

что оба офицера были понижены в звании, а затем сосланы в Тобольск [РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 3088, л. 29]. В этой связи также процитируем более поздний документ еще одного известного французского эмигранта — генерала от кавалерии на русской службе, графа Ш.-Ж.-Г. дю У де Виомениля (1734–1827) [Les Français en Russie..., р. 418], который, как следует из его ходатайства 1801 г. к князю А. Б. Куракину, в 1798 г. приложил немало усилий, чтобы помочь двум провинившимся соотечественникам как можно скорее покинуть пределы России с соблюдением всех формальностей. После императорского прощения де Бомануар и де Клозе были направлены служить в качестве «сулейтенантов» под начало де Виомениля в Сибирский драгунский полк, затем, по представлению своего генерала, они получили согласованные документы об увольнении со службы по состоянию здоровья, но этому помешал очередной каприз императора Павла, который приказал отправить их немедленно в Тобольск [РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 3088, л. 30]. Виомениль признавал, что «хотя за ними и была вина, но, я полагаю, что она не настолько серьезна, чтобы ее нельзя было искупить за три года, проведенные в неволе в Сибири при содержании на шесть копеек в день» [Там же]. Из документов следственного дела известно, что прапорщики де Клозе и де Бомануар, находившиеся в Тобольске, были освобождены только после получения местным губернатором высочайшего указа императора Александра от 22 марта 1801 г. [Там же, л. 38; Les Français en Russie..., р. 93].

Оценивая в целом положение эмигрантов в России, обратимся к мнению Д. Ю. Бовыкина, который замечает, что «в конечном счете, французы, даже зная, что лучшего ожидать не приходилось, остались недовольны. Людовик XVIII ощущал себя пленником и тяготился тем, что вынужден согласовывать свои политические решения с петербургским двором, Конде полагал, что заслуживает большего, его офицеры были недовольны условиями жизни, перлюстрацией писем на родину и тяготами русской службы» [Бовыкин, с. 84]. Как видно из дела Тайной экспедиции, недовольство во французском воинстве в мае-июне 1798 г. приняло необычно широкий характер и явно перешло обычные рамки дозволенного в корпусе «фрондерства».

Подробное изучение писем офицеров не оставляет сомнений в том, против чего они были направлены. Во-первых, офицеры демонстрировали полное непонимание сложнейшей ситуации, в которой оказался и весь корпус, и принц Конде еще в 1797 г., оказавшись перед угрозой расформирования. Во-вторых, из писем следует, что круг общения офицеров в России был чрезвычайно ограничен (как по причине языкового барьера, так и в связи с расквартированием по отдаленным местечкам, и с доминированием польского дворянства в круге общения французов), что не способствовало какой-либо «ассимиляции» служащих корпуса. В-третьих, виновником всех бед в корпусе офицеры называли самого принца Конде [РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 3088, л. 11–11 об.], а вовсе не российского императора. Вместе с тем, сам генерал-майор В. Н. Горчаков преподносил волнения в корпусе в совершенно ином свете, акцентируя внимание на критике французами российских порядков, что в действительности имело

Ил. 1. «Луи Жозеф де Бурбон, принц де Конде. Принц крови, пэр и великий магистр Франции, генерал-полковник пехоты французской и иностранной». Гравюра Ф. Бартолоцци, изд. де Тотта. Лондон, 1802 г. Национальная библиотека Франции

Ил. 2. «Великая армия бывшего принца Конде: Месье Конде в своем будуаре в замке Вормса, устраивает своей огромной армии, присланной ему из Страсбурга дилижансом, большой смотр». Раскрашенный сатирический эстамп, Париж, 1791 г. Национальная библиотека Франции

Ил. 3. «Они вернутся!». Граф д'Артуа, брат короля, будущий Карл X, Месье — брат короля, будущий Людовик XVIII, Луи-Жозеф де Бурбон принц Конде. Автор неизвестен. Раскрашенный эстамп, Германия, 1791–1793 гг. Национальная библиотека Франции

Ил. 4. Портрет неизвестного в форме кавалерийского офицера армии принца Конде. Вторая половина 1790-х гг. Частная коллекция

Ил. 5. Знамя дворянского пехотного полка корпуса Конде на русской службе образца 1797 г. В центре российский двуглавый орел, по краям на белом поле золотые королевские лилии. Музей Конде, Шантийи, Франция

Ил. 6. Знамя Бурбонского гренадерского полка корпуса Конде на русской службе. Образца 1799–1800 гг. В центре знамени под двуглавым орлом надпись: «За взятие знамен у французов при Констанце в 1799 году». Изображения лилий отсутствуют. Музей Конде, Шантийи, Франция

второстепенное значение, поскольку отзывы о политическом устройстве России в письмах де Бомануара и де Клозе не отличались оригинальностью, напоминая заурядные газетные статьи того времени. Таким образом, вся история с «дерзкой перепиской» показывает, что протест офицеров носил в большей степени политический характер и был направлен против принца Конде, ради спасения корпуса и собственного политического статуса согласившегося на превращение французского воинства в части русской армии на правах отдельной инспекции. В центре внимания возмущенных офицеров находился вопрос о будущем корпуса Конде как ведущей военно-политической силы в контрреволюционном движении. Что касается протеста против российского военного распорядка и новой военной формы, то в этом отношении возмущение «кондейцев» было продиктовано исключительно здравым смыслом и мало чем отличалось от знаменитых протестов А. В. Суворова против павловских нововведений в армии на «пруссский» манер [Суворов, с. 126–127].

Таким образом, волнения в эмигрантском корпусе в России оказались принципиально новым явлением для контрреволюционной эмиграции, поскольку при наличии неразрешенного конфликта между офицерством и высшей аристократией протест принял всего-навсего характерную для Старого порядка форму малой «фронды», исход которой в сложившихся обстоятельствах зависел не от ее непосредственных инициаторов или от противостоявшего им принца Конде, а от настроения и взглядов российского императора.

Бовыкин Д. Ю. Эмигрантский корпус Конде на русской службе // Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 7 / отв. ред. П. П. Черкасов. М. : Наука, 2006. С. 77–86.

Вайнштейн О. Л. Очерки по истории французской эмиграции в эпоху Великой революции (1789–1796). Харьков : Гос. изд-во Украины, 1924.

Васильев А. А. Роялистский эмигрантский корпус принца Конде в Российской империи // Великая Французская революция и Россия / отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М. : Прогресс, 1989. С. 314–329.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленное. Собр. первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб. : Тип. 2 Отд-ния Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 25 : 1798–1799.

РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 3088, 3218.

Ростиславлев Д. А. Французская контрреволюционная эмиграция и проекты колонизации юга России в конце XVIII века // Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 3 / отв. ред. П. П. Черкасов. М. : Наука, 2000. С. 62–79.

Суворов А. В. Наука побеждать. СПб. : Азбука, 2010.

Щепкина Е. Армия роялистов в России // Журнал Министерства народного просвещения. 1889. Ч. 241. С. 38–79.

Bittard des Portes R. Histoire de l'armée de Condé pendant la révolution française (1791–1801): d'après les archives de l'État, les mémoires de l'émigration et des documents inédits. P. : E. Dentu, éditeur, 1896.

Crétineau-Joly J. Histoire des trois derniers princes de la maison de Condé: prince de Condé, duc de Bourbon, duc d'Enghien, d'après les correspondances originales et inédites de ces princes. 2 vol. P. : Amyot, 1867.

- Diesbach G. De.* Histoire de l'émigration 1789–1814. P. : Edition Perrin, 1998.
- Grille F.-J.* L'Émigration angevine, les princes, l'armée de Condé. Angers : Cosnier et Lachèse, 1840.
- Grouvel F. M. L. R.* Corps de troupe de l'émigration française. L'Armée de Condé. 2 vol. P. : La Sabretache, 1961.
- Les Français en Russie au siècle des Lumières: Dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones en Russie de Pierre Le Grand à Paul 1-er. 2 vol. / sous la dir. de A. Mézin & V. Rjéoutski. Ferney-Voltaire : Centre international d'étude du XVIII-e siècle, 2011.
- Moniteur universel. № 157. 7 ventôse, an VI (1798, 25 février); № 203. 23 germinal, an VI (1798, 12 avril); № 215. 5 floréal, an VI (1798, 24 avril); № 236. 26 floréal, an VI (1798, 15 mai); № 26. 26 vendémiaire, an VII (1798, 17 octobre); № 36. 6 brumaire, an VIII (1799, 28 octobre).
- Muret T.* Histoire de l'armée de Condé. 2 vol. P. : Bureau de la Mode, 1844.
- Vidalenc J.* Les émigrés français 1789–1825. Caen : l'Université de Caen, 1963.

Статья поступила в редакцию 10.04.2016 г.

Митрофанов Андрей Александрович

кандидат исторических наук,
научный сотрудник лаборатории
«Мир в эпоху Французской революции
и Наполеоновских войн»
Институт всеобщей истории РАН
119334, Москва, Ленинский проспект, 32А
E-mail: thermidor1794@mail.ru

Mitrofanov, Andrei Aleksandrovich

PhD (History), researcher, laboratory
“The World during the Era of the French
Revolution and Napoleonic Wars”
Institute of World History,
Russian Academy of Sciences
32a, Leninsky Ave., 119334 Moscow, Russia
E-mail: thermidor1794@mail.ru

**UNREST IN THE FRENCH ÉMIGRÉ ARMY OF CONDÉ
IN THE RUSSIAN MILITARY SERVICE IN 1798
(With Reference to Documents of the Russian State Archive of Ancient Acts)**

Between 1797 and 1798, the Prince of Condé's French Military Corps entered the Russian army and was quartered on the territory of Volyn Region (Ukraine) in the winter of 1798. Later that spring the Prince began to introduce Russian military statutes and rules of military service in his Corps, and reorganized its military units. In response to the Prince's actions, the French officers of the Corps started expressing discontent and protest, and the soldiers deserted on a massive scale.

One of the forms of non-violent protest of the nobility against the new order of military service was personal correspondence that was sent through unofficial channels. Two of the Corps' junior officers, de Beaumanoir and de Closets, were arrested for their daring correspondence with their relatives and friends in Austria, England and the German states. It was Emperor Paul I that personally decided upon the punishment of the rebellious aristocrats. Initially, both the Frenchmen were pardoned by the Emperor, but after some time they were demoted and exiled to Tobolsk.

The article demonstrates that unrest and protest were very common in the Corps of Condé in Russia, as the officers were not prepared for the military service in the country, and were critical of the Russian reality and the military orders under Emperor Paul I. Between April and June, 1798, the military units of the Corps of Prince Condé were on the verge of open disobedience to his commands.

Keywords: Prince of Condé; emigrants; royalists; nobility; Paul I; French Revolution; Russian Empire; censorship; Bonnemain de Beaumanoir; Jacques des Closets.

Acknowledgements

The article is supported by the *Russian Science Foundation*, project 14-18-01116.

Bittard des Portes, R. (1896). *Histoire de l'armée de Condé pendant la révolution française (1791–1801): d'après les archives de l'État, les mémoires de l'émigration et des documents inédits* [The History of Condé's Army during the French Revolution (1791–1801): From State Archives, Memoirs of Emigration and Unpublished Documents]. Paris: E.Dentu, éditeur. (In French)

Bovykin, D. Yu. (2006). Emigrantskii korpus Konde na russkoi sluzhbe [The Émigré Corps of Condé in the Russian Military Service]. In P. P. Cherkassov (Ed.), *Rossiia i Frantsiia XVIII–XX veka* [Russia and France in 18th–20th Centuries] (Vol. 7, pp. 77–86). Moscow: Nauka. (In Russian)

Créteineau-Joly, J. (1867). *Histoire des trois derniers princes de la maison de Condé: prince de Condé, duc de Bourbon, duc d'Enghien, d'après les correspondances originales et inédites de ces princes* [The History of the Last Three Princes of the House of Condé: Prince of Condé, Duke of Bourbon, Duc d'Enghien, according to the Original and Unpublished Correspondence of the Princes] (Vol. 1–2). Paris: Amyot. (In French)

Diesbach, G. De. (1998). *Histoire de l'émigration 1789–1814* [The History of Emigration 1789–1814]. Paris: Edition Perrin. (In French)

Grille, F.-J. (1840). *L'Émigration angevine, les princes, l'armée de Condé*. [Emigration from the Region of Anjou, Princes, the Army of Condé]. Angers: Cosnier et Lachèse. (In French)

Grouvel, F. M. L. R. (1961). *Corps de troupe de l'émigration française. L'Armée de Condé* [Military Units of French Emigration. The Army of Condé] (Vols. 1–2). Paris: La Sabretache. (In French)

Mézin, A., & Rjéoutski, V. (Eds.) (2011). *Les Français en Russie au siècle des Lumières: Dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones en Russie de Pierre Le Grand à Paul 1-er* [The French in Russia during the Enlightenment: A Dictionary of the French, the Swiss, Walloons, and Other French-Speaking Nationals in Russia from Peter the Great to Paul I]. Ferney-Voltaire: Centre international d'étude du XVIII-e siècle.

Moniteur universel (1798, 25 février), 157, 7 ventôse, an VI. (In French)

Moniteur universel (1798, 12 avril), 203, 23 germinal, an VI. (In French)

Moniteur universel (1798, 24 avril), 215, 5 floréal, an VI. (In French)

Moniteur universel (1798, 15 mai), 236, 26 floréal, an VI. (In French)

Moniteur universel (1798, 17 octobre), 26, 26 vendémiaire, an VII. (In French)

Moniteur universel (1799, 28 octobre), 36, 6 brumaire, an VIII. (In French)

Muret, T. (1844). *Histoire de l'armée de Condé* [The History of the Army of Condé] (Vols. 1–2). Paris: Bureau de la Mode (In French).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, poveleniem Gosudaria Imperatora Nikolaiia Pavlovicha sostavlennoe. Sobr. pervoe. S 1649 po 12 dekabria 1825 goda [A Complete Collection of Laws of the Russian Empire, Compiled by Order of the Sovereign Emperor Nicholas Pavlovich. Collection One. From 1649 to 12 December, 1825] (Vol. 25). (1830). Saint Petersburg: Tip. 2 Otdeleniia Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kanceljarii. (In Russian)

Rostislavlev, D. A. (2000). Frantsuzskaia kontrrevoliutsionnaia emigratsiia i proekty kolonizatsii iuga Rossii v kontse XVIII veka [The French Counter-Revolutionary Emigration and Colonization Projects in the South of Russia in the Late 18th Century]. In P. P. Cherkassov (Ed.), *Rossiia i Frantsiia XVIII–XX veka* [Russia and France in 18th–20th Centuries] (Vol. 3, pp. 62–79). Moscow: Nauka.

Shchepkina, E. (1889). Armia roialistov v Rossii [The Army of Royalists in Russia]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, CCXLI, 38–79. (In Russian)

Suvorov, A. V. (2010). *Nauka pobezhdat'* [The Science of Victory]. Saint Petersburg: Azbuka. (In Russian)

Vainshtein, O. L. (1924). *Ocherki po istorii frantsuzskoi emigratsii v epokhu Velikoi revoliutsii* (1789–1796) [Essays on the History of French Emigration in the Era of the Great Revolution (1789–1796)]. Khar'kov: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Ukrainy. (In Russian)

Vasil'ev, A. A. (1989). Roialistskii emigrantskii korpus printsa Konde v Rossiiskoi imperii [The Corps of Royalist Emigrants Commanded by Prince Condé in the Russian Empire]. In A. L. Narochnizkij (Ed.), *Velikaia Frantsuzskaia revoliutsiia i Rossiia* [The Great French Revolution and Russia] (pp. 314–329). Moscow: Progress. (In Russian)

Vidalenc, J. (1963). *Les émigrés français 1789–1825* [French Emigrants 1789–1825]. Caen: l'Université de Caen. (In French)

Received 10 April 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.2.026
УДК 342.31 + 94(47 + 57)“1919/1923” +
+ 329(47 + 57)РКП(б) + 329.052

Б. Н. Земцов
*Московский государственный технический
университет им. Н. Э. Баумана*
Москва, Россия

ДИСКУССИЯ О СУЩНОСТИ ПРОЛЕТАРСКОГО ГОСУДАРСТВА В РКП(б) В 1919–1923 гг.

Актуальность исследования предопределяется темой: становление государственного механизма большевистской России. История первых лет советской власти была одной из наиболее политизированных тем, и ее академическая реконструкция еще находится в стадии разработки.

Целью исследования стало выяснение причин расхождения между дореволюционными взглядами большевиков на диктатуру пролетариата и политические реалии периода Гражданской войны. Методологической основой исследования являлось признание единства исторического процесса: при диаметрально противоположных целях самодержавного и большевистского режима, их объединяла слабость гражданского общества и доминирование государства в политической системе.

Автор полагает, что перераспределение на протяжении 1918 г. власти от рабочих к партийно-государственному руководству было вызвано отсутствием предпосылок для социалистической революции. В работе показаны взгляды В. И. Ленина на эти предпосылки, полемика между ним и группами «демократический централизм» и «рабочая оппозиция».

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что одновременно не правы были и фракционные группы, и большинство ЦК РКП(б). Оппозиция настаивала на воплощении в жизнь марксистского положения о необходимости передачи власти в руки рабочих, В. И. Ленин же доказывал схоластичность этих требований и призывал исходить из политических реалий.

К л ю ч е в ы е с л о в а: пролетарское государство; большевистская Россия; диктатура пролетариата; оппозиционные группировки в РКП(б); группа «демократический централизм»; группа «рабочая оппозиция».

Интерес к теме становления государственного механизма большевистской России в последние годы нельзя назвать значительным. Были защищены три диссертации [Санду; Корнилова; Резник], написано несколько статей биографического характера [Горинов], в 2004 г. издательство «РОССПЭН» ввело в научный оборот ряд новых материалов и документов [Внутрипартийная борьба...]. В отличие от работ 90-х гг. XX в., где члены оппозиционных группировок представляли бескомпромиссными героями, носителями революционных идеалов и жертвами безжалостного большевистского террора, новизна работ последних лет довольно спорная. По оценкам самих авторов, в основном, она состоит в «комплексном исследовании проблемы». Такие результаты представляются вполне естественными, поскольку основываясь на либеральной методологии (базирующейся на обобщении политических процессов и духовных ценностей Западной Европы) сделать шаг вперед в изучении проблемы уже сложно. Сегодня постепенно приходит понимание, что методологией исследований должна быть теория, созданная на основе изучения истории собственной страны. И если исходить из того, что радикального разрыва между дореволюционной и послереволюционной Россией быть не могло, что развитие многих (если не всех) политических институтов предопределялось предшествующими десятилетиями, то при обращении к идейно-теоретической борьбе внутри РКП(б) на рубеже 20-х гг. XX в. можно придти к более глубокому пониманию проблемы.

* * *

Теория будущего социалистического общества создавалась К. Марксом как теория общества посткапиталистического. Это состояние развитого (и одновременно достигшего своего предела развития) капитализма было в восприятии К. Маркса ключевой объективной предпосылкой. Поскольку Россия к числу таких стран не относилась, то в марте 1917 г. все находившиеся в России большевистские руководители дружно выступили в поддержку буржуазного Временного правительства.

И вдруг вернувшийся из эмиграции В. И. Ленин, который всего лишь два месяца назад утверждал, что нынешнее поколение революционеров вряд ли доживет до революции, провозглашает курс на социалистическую революцию. В его понимании острота социально-классовых антагонизмов вполне могла детонировать в нужном направлении «в силу исторических причин — большей отсталости России, особых трудностей войны для нее, наибольшей гнилости царизма, чрезвычайной живости традиций 1905 года» [Ленин, т. 34, с. 198]. С точки зрения марксистской теории, эти рассуждения и призывы являлись авантюрой. Не случайно реакция первого русского марксиста — Г. В. Плеханова — была стремительной и простой: «бред». Однако еще в середине 1990-х гг. Е. А. Самарская предположила, что противоречия в позиции В. И. Ленина не было: по ее мнению, В. И. Ленин отнюдь не был ортодоксальным марксистом.

У Ленина бывали периоды западничества: до 1905 года он активно отстаивал перспективы капиталистического развития России и боролся в этой связи с народниками, с их идеей ее особого исторического пути... Но его идея осуществить в России социалистическую революцию, т. е. обойтись в ней без капитализма и в рамках посткапиталистического общества догнать и перегнать экономически капиталистические страны... Скорее это попытка спасти Россию от вестернизации, и постольку ленинская программа социалистической революции объективно приобретала сходство со славянофильской идеей особого пути России [Самарская, с. 127].

Реконструкция мыслей и действий В. И. Ленина апреля-октября 1917 г. достаточно сложна. С одной стороны, В. И. Ленин уже отказался от мысли о ближайшем социалистическом будущем России; с другой — продолжал пользоваться привычной марксистской терминологией, поскольку иной не существовало. Так, осенью 1917 г., отвечая меньшевикам на их очередное указание на отсутствие в России предпосылок для социалистических преобразований, В. И. Ленин повторил: они подменяют «абстрактным вопросом о “социализме” вообще конкретный вопрос, можно лечить раны, нанесенные войной, без решительных шагов к социализму» [Самарская, с. 112].

В течение апреля-сентября В. И. Ленин призывал своих товарищей к революции, в октябре сделал всё для ее подготовки. Нехватку необходимых предпосылок, по его убеждению, должна была компенсировать стоящая на пороге европейская пролетарская революция. Вопрос о том, какой *продолжительности* может оказаться промежуток времени между захватом власти и победой европейской революции, для В. И. Ленина был чисто схоластическим.

В течение октября 1917 г. — января 1918 г., на волне революционной эйфории, национальных эгалитаристских представлений о справедливости, а отчасти и марксистских представлений о будущем социалистическом обществе, большевики создали систему самоуправления народа:

— в конце декабря 1917 г. НКВД принял «Обращение к местным Советам об организации местного самоуправления» и «Инструкцию о правах и обязанностях Советов», на основании чего вся власть на местах переходила в руки Советов;

— в соответствии с декретом II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов «О земле», вся власть в деревне переходила в руки крестьян;

— в соответствии с постановлением НКВД «О рабочей милиции» от 28 октября 1917 г., в городах была создана рабочая милиция (как общественная структура, а не государственный орган);

— начало власти рабочих на предприятиях, транспорте и даже в банковской сфере было положено декретом ВЦИК от 14 ноября 1917 г. об установлении рабочего контроля. Рабочим была предоставлена вся полнота власти на местах, разрешены любые формы выражения мнений;

— декретом СНК от 29 декабря 1917 г. «О выборном начале и об организации власти в армии» власть в каждой войсковой части передавалась от офицеров выборным солдатским комитетам. Солдаты сами выбирали командный состав

вплоть до командиров полков. СНК 28 января 1918 г. принял декрет «О Рабоче-крестьянской Красной Армии», в котором предполагалось создание профессиональной армии на добровольных началах из числа трудящихся. 11 февраля на аналогичных началах был создан Красный флот;

— 2 ноября 1917 г. в «Декларации прав народов России» была провозглашена отмена всех национальных привилегий, равенство и суверенитет всех народов России. Вслед за этим в короткое время независимость получили Финляндия, Польша, Украина, Белоруссия, Молдавия, Тува. В рамках РСФСР возникли автономные образования [Суздалева, с. 62];

К марту 1918 г. власть Советов утвердилась по всей стране, причем в 73 губерниях из 91 — мирным путем. Столь легкая победа была предопределена тем, что новая власть дала возможность народным массам самостоятельно решать свои первичные социально-бытовые проблемы.

Большевистское правительство быстро обрело опыт решения конкретных проблем. В марте 1918 г. в статье «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин, в частности, предложил приступить к созданию государственных трестов, ведущую роль в которых играли бы буржуазные эксперты и собственники, но под наблюдением «пролетарского» государства. Причем далее он высказал фактически контрреволюционную идею: «...Революция, и именно в интересах социализма, требует *беспрекословного повиновения* масс *единой воле* руководителей трудового процесса» [Ленин, т. 34, с. 200]. Это принципиально расходилось с представлениями большевиков о пролетарской революции и путях построения послереволюционного общества. Поэтому со стороны одного из членов большевистского правительства — Председателя Высшего Совета народного хозяйства РСФСР Н. Осинского — последовало быстрое и резкое возражение: «Мы не стоим на точке зрения “строительства социализма под руководством организаторов трестов”. Мы стоим на точке зрения строительства пролетарского социализма — классовым творчеством самих рабочих, не по указке “капитанов промышленности”... Ставя вопрос таким образом, мы исходим из доверия к классовому инстинкту, к классовой самодеятельности пролетариата. Иначе и невозможно его ставить. Если сам пролетариат не сумеет создать необходимые предпосылки для социалистической организации труда, — никто за него это не сделает и никто его к этому не принудит» [Осинский, с. 5–6].

К осени 1918 г. органы местного самоуправления были вытеснены местными партийно-государственными органами, построенными на основе централизма. В среде большевиков с дооктябрьским стажем это вызвало сначала недоумение, а затем протест. Диктатура пролетариата воспринималась ими диктатурой по отношению к другим классам и социальным группам, по отношению же к самому пролетариату она представлялась системой самоуправления. Поэтому в 1919 г. вокруг Н. Осинского и его товарищей Т. В. Сапронова, В. М. Смирнова в РКП(б) сложилась группа «демократического централизма» (децисты). Это были большевики с дооктябрьским партийным стажем, прошедшие тюрьмы и ссылки и имевшие ясные и логичные представления о будущем социализме и путях

его достижения. Они исходили из марксистской аксиомы, что социализм есть результат творчества пролетариата.

На VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г. представитель децистов, председатель Моссовета рабочих и крестьянских депутатов Т. В. Сапронов обвинил В. И. Ленина и его единомышленников в создании «диктатуры партийного чиновничества» [Восьмой съезд РКП(б), с. 61–62]. Выступая на съезде, он с возмущением говорил, что центральные ведомства совершенно не считаются с местными Советами, присылают никем не избранных чиновников, узурпирующих права местной власти [Там же, с. 316, 320]. Жаркая полемика продолжалась на заседании организационной секции съезда. «У нас создалась чиновничья иерархия, — утверждал Н. Осинский. — Когда мы выставляли в начале революции требование государства-коммуны, то в это требование входило следующее положение: вы, чиновники, должны быть выборными учреждениями. У нас теперь получилось фактически такое положение, когда низкий чиновник, действующий в губернии или в уезде и ответственный перед своим комиссаром, в большинстве случаев ни перед кем не ответственен. Этим в значительной степени объясняются безобразия, которые производят “люди с мандатами”, на этой почве и развивается произвол» [Восьмой съезд РКП(б), с. 186].

Причиной бюрократизации государственного механизма являлась невозможность создания системы самоуправления рабочих. В реальности могла существовать или демократия (которую большевики не воспринимали и о которой без унижительного, в их понимании, определения «буржуазная» никогда не говорили), или ничем не ограниченное всевластие государства. Но децисты объясняли бюрократизацию Гражданской войной, необходимостью быстрых преобразований и неожиданно обнаружившейся в большевистской среде тягой к власти.

Исходя из понимания причин бюрократии, децисты и предлагали соответствующие решения. Так, на VIII съезде РКП(б) Н. Осинский, в частности, предложил разграничить функции центральных и местных советских органов, предоставить местным органам власти возможности «широко осуществлять права местного самоуправления», «сосредоточить полномочия по вопросам общегосударственного значения в руках центральной власти» [Восьмой съезд РКП(б), с. 217–218, 307–309, 320].

В декабре 1919 г. на VII съезде Советов РСФСР децисты получают большинство голосов по вопросу о советском строительстве, и съезд принимает их резолюцию, а не резолюцию В. И. Ленина, Л. Б. Каменева и Е. Г. Зиновьева.

Вполне предсказуемо, что и на IX съезде РКП(б) в марте-апреле 1920 г. децисты вновь подняли вопрос о коллегиальности и единоначалии. Они выступали категорически против отмены коллегий как руководящих органов исполнительных комитетов советов и замены их на единоначальное управление. Бюрократизация уже четко ассоциировалась с конкретными лицами. Делегат Т. В. Сапронов на IX съезде РКП(б) бросил с трибуны: «...ЦК находит, что партийный комитет — это буржуазный предрассудок... и что вот новая форма — замены

партийных комитетов политотделами, заведующие которых заменяют собой выбранные комитеты... Думаете ли вы, что в машинном послушании все спасение революции?» [Девятый съезд РКП(б), с. 52–53]. Делегат Ю. Х. Лутовинов: «...Тов. Ленин говорил в своем отчете об единоначалии, противопоставляя его коллегальности... Тов. Ленин в последнее время вообще говорит об единоначалии, где только представляется возможность говорить» [Там же, с. 53]. В. И. Ленин был далеко не самый радикально настроенный большевистский руководитель: например, Л. Д. Троцкий шел гораздо дальше — предлагал милитаризацию труда, — но на съездах упреки сыпались прежде всего в адрес В. И. Ленина.

Делегаты съездов и оппозиционеры мучительно искали пути решения проблем. Например, Е. А. Преображенский считал необходимым чистки партии (вплоть до расстрела властных преступников), ликвидацию зарождающейся системы привилегий [Правда]. Постоянно повторялись предложения регулярного возвращения партийных чиновников на заводы, по крайней мере, на месяц. Н. И. Бухарин, например, считал все это несерьезным. При обсуждении этих предложений он с сарказмом заметил: «Нам предлагается, в первую очередь, никого решительно не выбирать на руководящую должность из тех, кто не занимался физическим трудом. Это смехотворное предложение. ...Получается то, что и т. Чичерина надо отправить на завод» [Девятый съезд РКП(б), с. 325].

После Гражданской войны фракционная борьба разгорелась с новой силой. Помимо децистов, зимой 1920–1921 гг. в РКП(б) возникла группа «рабочая оппозиция».

С одной стороны, так же, как и децисты, группа считала, что существуют объективные условия, мешающие существованию рабочей власти: прежде всего, государство вынуждено учитывать интересы разных классов и социальных групп.

С другой стороны, группа требовала установления политических свобод именно для рабочих: «...Кому осуществлять творчество диктатуры пролетариата в области хозяйственного строительства? — задавала А. М. Коллонтай риторический вопрос: — Органам ли классовым по составу, непосредственно, жизненными нитями связанным с производством, т. е. производственным союзам или же советским аппаратам, оторванным от непосредственной, живой хозяйственно-производительной деятельности, к тому же смешанным по своему социальному составу? В этом корень расхождения. Рабочая оппозиция стоит за первое» [Коллонтай, с. 171].

Вроде бы Н. И. Бухарин был прав, когда отвечал своим товарищам на X съезде РКП(б): «Формы демократии идут в убывающем порядке в зависимости от двух обстоятельств: во-первых, от социально-классового состава данной организации... во-вторых, этот демократизм еще определяется в зависимости от функций тех аппаратов, которые имеются в виду, чем больше функций воспитательных и функций лабораторно-мыслительных (подготовка ее и т. д.), тем больше демократизм необходим, и наоборот, чем больше административных функций, тем меньше демократизма. Этими двумя факторами исчерпывается основная премудрость, касающаяся демократизма» [Десятый съезд РКП(б),

с. 272]. Однако он остановился перед признанием очевидной истины: диктатура пролетариата в России невозможна не только потому, что пролетариат в общей массе населения составляет не более 1 %, а главным образом потому, что это теоретическая ошибка. В результате, проводя социалистические преобразования, большевики с неизбежностью движутся к политической изоляции (что и показали события весны 1921 г.).

Не признавали этого и оппозиционеры. Будучи большевиками, они отказывались понимать, что удержать власть большевистская партия может лишь в условиях недемократии. И всевластие ЦК РКП(б) во главе с В. И. Лениным в этих условиях — естественное состояние.

Дискуссии между большинством ЦК и «рабочей оппозицией» не получилось. Ключевая теоретическая проблема быстро обернулась фракционной борьбой. В силу темперамента всех участников борьбы и давних традиций нелегальной партии, эта борьба велась «в духе большевистской непримиримости к другой точке зрения, которая быстро объявлялась ошибочной, немарксистской, синдикалистской, анархистской, меньшевистской и т. п., с преувеличением разногласий, наклеиванием ярлыков, личных оскорблений, групповых склок» [Якимов, с. 18]. И В. И. Ленин с его окружением (Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Я. Э. Рудзутак, И. В. Сталин, М. И. Калинин, Г. И. Петровский, Ф. А. Сергеев (Артем), М. П. Томский, А. С. Лозовский), и «рабочая оппозиция» стремились не столько понять друг друга, сколько яростно доказывали свою правоту. Никому не приходило в голову, что сам факт существования иной точки зрения имеет объективные корни, требующие пристального и спокойного анализа.

В. И. Ленин не смог объяснить оппозиционерам их неправоту. Его раздражало, что они не понимают элементарных вещей и мыслят догматически:

— партия, став правящей, перестает быть выразителем интересов одного класса и трансформируется в социальный регулятор в виде государства с более широкими задачами;

— призыв «передать власть рабочим» являлся в его глазах ненужной и опасной схоластикой. «Диктатуру пролетариата через его поголовную организацию осуществить нельзя. Ибо не только у нас, в одной из самых отсталых капиталистических стран, но и во всех других капиталистических странах пролетариат все еще так раздроблен, так принижен, так подкуплен кое-где (именно империализмом в отдельных странах), что поголовная организация пролетариата диктатуры его осуществить непосредственно не может. Диктатуру может осуществлять только тот авангард, который вобрал в себя революционную энергию класса» [Ленин, т. 42, с. 204].

Еще в начале своего революционного пути в книге «Что делать?» он доказывал, что пролетариат будет бороться только за свои социально-бытовые права, а никак не за политические, что движущей силой политических преобразований может быть не пролетариат, а партия.

Немаловажно и то, что В. И. Ленин не столько полемизировал, сколько излагал собственную позицию. Историк О. Г. Кирыкова отмечает, что, например,

меньшевиков В. И. Ленин клеймил «как сознательных пособников буржуазных или мелкобуржуазных сил, внутренних врагов рабочего класса и его партии, которые, якобы, стремились столкнуть трудящихся с революционного пути» [Кирякова, с. 10–11]. Эту нетерпимость к иной точке зрения отмечает и Е. С. Козлова: «Пока борьба велась с заведомыми “оппортунистами”, В. И. Ленин был относительно спокоен, но когда ему начали противоречить ближайшие сподвижники, его поведение, по его собственному выражению, становилось “бешеным”» [Козлова, с. 11]. Эти черты характера В. И. Ленина многократно проявлялись на протяжении всей его политической жизни.

В. И. Ленин упорно не желал дискутировать по существу проблемы. Хотя его оппоненты говорили о внутреннем содержании понятия «диктатура пролетариата», о механизме власти рабочих в условиях этого политического режима, В. И. Ленин говорил о внешней стороне диктатуры: «Диктатура пролетариата есть *продолжение* классовой борьбы пролетариата в *новых* формах. В этом гвоздь, этого не понимают. Пролетариат, как *особый* класс, один *продолжает* вести свою классовую борьбу. 2. Государство лишь = *орудие* пролетариата в его классовой борьбе. Особая *дубинка*» [Ленин, т. 39, с. 261–262]. «Диктатура пролетариата означает вот что: только определенный класс, именно городские и вообще фабрично-заводские, промышленные рабочие, в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплуатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле созидания нового, социалистического, общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов» [Ленин, т. 29, с. 387].

В полемике с децистами, вместо обсуждения сложнейшей теоретической проблемы, В. И. Ленин высмеивал их: «Если взять это всерьез, — это — худший меньшевизм и эсеровщина. Но Сапронова, Осинского и К нельзя брать всерьез, когда эти — по-моему, высокоценные — работники перед каждым партсъездом (“кажинный раз на эфтом самом месте”) впадают в какой-то лихорадочный пароксизм, стараются крикнуть обязательно громче всех (фракция “громче всех крикунов”) и торжественно садятся в калошу» [Ленин, т. 42, с. 243].

Проблему бюрократии В. И. Ленин воспринимал не как логичный результат отсутствия предпосылок для движения к социализму, а как грубую теоретическую ошибку оппозиционеров и культурную отсталость России. Выступая на VIII съезде РКП(б), он повторил: «Тут мы страдаем от того, что Россия была недостаточно развита капиталистически. Германия, по-видимому, переживает это легче, потому что у нее бюрократический аппарат прошел большую школу, где выжимают все соки, но где заставляют делать дело, а не просиживать кресла, как бывает в наших канцеляриях» [Восьмой съезд РКП(б), с. 169].

В конце XIX в. Э. Бернштейн предложил посмотреть на марксизм не как на абсолютную истину, а как на научную гипотезу. Он обратил внимание на спорность выводов К. Маркса и Ф. Энгельса 30–40-летней давности о невозможности дальнейшего развития капитализма.

Развивающаяся политическая система капитализма, по его мнению, позволяет без революционной борьбы добиться улучшения положения рабочего класса. Следовательно, отпадает необходимость в классовой борьбе, социальной революции и диктатуре пролетариата. И Э. Бернштейн делает вывод: если научные гипотезы К. Маркса и Ф. Энгельса не подтвердились, но их продолжают цитировать и строить на их основе политическую программу, то они превратились в догму и в этом качестве опасны [Земцов, с. 352]. Но до Первой мировой войны идеи Э. Бернштейна, в основном, были его личной точкой зрения. В Интернационале преобладала иная: на его конгрессах принимались решения о невозможности союза с буржуазией, недопустимости вхождения в буржуазные правительства, и т. п. Аргументы же эсеров и меньшевиков, а тем более кадетов, В. И. Ленин не воспринимал.

Ленинское понимание марксизма отнюдь не полностью соответствовало букве и духу этого учения. Прежде всего, К. Маркс несколько раз подчеркивал, что его анализ основывается на историческом опыте Западной Европы. В 1917 г. В. И. Ленин это, вроде бы, признал, но создать новую политическую теорию, адекватную новой ситуации, не успел.

Из творческого наследия К. Маркса и Ф. Энгельса В. И. Ленин взял прежде всего положение о классовой сущности государства и идею диктатуры пролетариата. О классах и классовой борьбе В. И. Ленин писал много, но при этом никогда не полемизировал с авторами теории солидаризма (Л. Буржуа, Л. Дюги), отказываясь признать, что кроме борьбы классов существует их солидарность, без которой невозможно существование общества вообще. Он не задумывался над тем, что закон диалектики о единстве и борьбе противоположностей, применительно к пониманию классов, означает как их борьбу, так и единство, сотрудничество, гармонию [История политических партий России, с. 368].

Что касается оппонентов В. И. Ленина, то все они были революционными романтиками, пытавшимися воплотить в жизнь красивые марксистские идеалы. Они не смогли понять, что этому мешал не Ленин, а политическая ситуация, в которой оказалась партия.

В. И. Ленин ясно осознавал отсутствие объективных предпосылок для социализма, которые должны были появиться в ходе развития капитализма, поэтому он столь отчаянно боролся за сохранение субъективной предпосылки — единой партии, — буквально продавив принятие съездом резолюции «О единстве партии». Оказались запрещены фракционные группы, а вместе с этим и опасные дискуссии.

В 1922 г. возникла «рабочая группа», возглавляемая старыми большевиками-рабочими Г. И. Мясниковым, В. Кузнецовым и П. Б. Моисеевым. В Москве, по разным источникам, группа насчитывала от 200 до 3 000 человек. В начале 1923 г. Г. И. Мясников от имени «Рабочей группы Российской коммунистической партии» выпустил манифест, в котором требовал восстановления политических свобод для всех политических течений «от монархистов до анархистов». В апреле 1923 г. на XII съезде РКП(б) группу объявили контрреволюционной.

В мае Г. И. Мясников был арестован. В большевистской партии начался период арестов и ссылок.

Внутрипартийная борьба в двадцатые годы : документы и материалы : 1923 г. М. : РОС-СПЭН, 2004.

Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М. : Госполитиздат, 1959.

Горинов М. М. Евгений Преображенский: большевик из поповичей // Россия XXI. 2011. № 5. С. 76–103; № 6. С. 88–113.

Девятый съезд РКП(б). Март-апрель 1920 г. Протоколы. М. : Госполитиздат, 1960.

Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет. М. : Политиздат, 1963.

Земцов Б. Н. История политических и правовых учений. М. : Юрайт, 2015.

История политических партий России / под ред. А. И. Зевелева. М. : Высш. шк., 1994.

Кирыкова О. Г. Большевистская элита на пути становления: формирование и эволюция (1903–1917) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004.

Козлова Е. С. Кризис РСДРП 1903–1904 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1992.

Коллонтай А. Рабочая оппозиция // Геббс Я. Левые коммунисты в России. 1918–1930. М. : Праксис, 2008.

Корнилова Е. Л. А. Г. Шляпников — революционер, историк, мемуарист : дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2008.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1967–1970.

Осинский Н. Строительство социализма // Коммунист. № 2. 27 апреля 1918 г.

Правда. 1920. 19 сентября, 20 сентября.

Резник А. В. Левая оппозиция в РКП(б) в 1923–1924 гг. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014.

Самарская Е. А. Социал-демократия в начале века. М. : ИФ РАН, 1994.

Санду Т. А. «Рабочая оппозиция» в РКП(б): 1919–1923 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2006.

Суздалева Т. Р. Был ли СССР империей: национальный аспект // Этносоциум и межнациональная культура. 2013. № 7 (61). С. 61–67.

Якимов А. Е. Эволюция политической дискуссии 20-х годов (опыт историко-критического анализа) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

Статья поступила в редакцию 21.03.2016 г.

Земцов Борис Николаевич

доктор исторических наук,
заведующий кафедрой истории
Московский государственный технический
университет им. Н. Э. Баумана
105005, Москва, ул. 2-я Бауманская, 5
E-mail: zemtsovbn@mail.ru

Zemtsov, Boris Nikolayevich

Dr. hab. (History),
Head of the Chair of History
Bauman Moscow State Technical University
5, 2nd Baumanskaya Str., 105005 Moscow,
Russia
E-mail: zemtsovbn@mail.ru

DISCUSSION ABOUT THE ESSENCE OF THE PROLETARIAN STATE IN THE CPSU BETWEEN 1919 AND 1923

The author considers a still relevant topic, i.e. the formation of the state mechanism of Bolshevik Russia. The history of the first years of Soviet rule was one of the most politicized issues, and its academic reconstruction is still in progress.

The author aims to clarify the reasons for the discrepancy between the Bolsheviks' pre-revolutionary views on the dictatorship of the proletariat and the political realities of the period of civil war. The methodological basis of the research is the recognition of integrity of the historical process: while having opposite objectives, the autocratic and the Bolshevik regimes were both characterized by the weakness of civil society and the domination of the state in the political system.

The author maintains that the transfer of power during 1918 from workers to the party state management was caused by the absence of prerequisites for a socialist revolution. The article describes V.I. Lenin's views on these prerequisites, as well as his polemics with groups of "democratic centralism" and "working opposition".

The analysis conducted allows the author to draw a conclusion that both the fractional groups and the majority of the Central Committee of the CPSU were wrong. The opposition insisted that the Marxist provision requiring the transfer of power to workers be implemented, while V.I. Lenin emphasized the scholastic character of these requirements and urged to proceed from political realities.

Key words: dictatorship of the proletariat; oppositional groups in CPSU; «democratic centralism» group; «working opposition» group.

Desyatyj s"ezd RKP(b). Mart 1921 goda [10th Congress of the CPSU. March, 1921]. (1963). Moscow: Politizdat. (In Russian)

Devyatyj s"ezd RKP(b). Mart-aprel' 1920 [9th Congress of the CPSU. March – April, 1920]. (1960). Moscow: Gospolizdat. (In Russian)

Gorinov, M. M. (2011). Evgenij Preobrazhenskij; bol'shevik iz popovichej [Evgeny Preobrazhensky: A Bolshevik from Priest's Family]. *Rossiya XXI*, 5, 76–103; 6, 88–113. (In Russian)

Kiryakova, O. G. (2004). *Bol'shevistskaya ehлита na puti stanovleniya: formirovanie i ehvoljuciya (1903–1917)* [Bolshevik Elite on the Way of Formation: Establishment and Evolution (1903–1917)]. (Doctoral dissertation). Saratov. (In Russian)

Kollontai, A. M. (2008). *Rabochaya oppozitsiya* [Working Opposition]. Moscow: Praksis. (In Russian)

Kornilova, E. L. (2008). *Shlyapnikov – revolyucioner, istorik, memuarist* [A. G. Shlyapnikov: A Revolutionary, a Historian, a Memoirist]. (Doctoral dissertation). Ivanovo. (In Russian)

Kozlova, E. S. (1992). *Krizis RSDRP 1903–1904* [The Crisis of the RSDLP of 1903–1904]. (Doctoral dissertation abstract). Saint Petersburg. (In Russian)

Lenin, V. I. (1967–1970). *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works]. Moscow: Political Literature's Publishing House. (In Russian)

Osinsky, N. (1918, April 27). Stroitel'stvo socializma [The Construction of Socialism]. *Communist*, 2. (In Russian)

Pravda. (1920, September 19). (In Russian)

Pravda. (1920, September 20). (In Russian)

Reznik, A. V. (2014). *Levaya oppozitsiya v RKP(b) v 1923–1924* [The Left Opposition in the CPSU in 1923–1924]. (Doctoral dissertation). Saint Petersburg. (In Russian)

Samarskaya, E. A. (1994). *Social-demokratiya v nachale veka* [Socialist Democracy at the Beginning of the Century]. Moscow: IF PAN. (In Russian)

Sandu, T. A. (2006). *«Rabochaya oppozitsiya» v RKP(b): 1919–1923* [«Working Opposition» in the CPSU: 1919–1923]. (Doctoral dissertation). Tyumen. (In Russian)

Suzdaleva, T. R. (2013). Byl li SSSR imperiej: nacional'nyj aspekt [Was the USSR an Empire? The National Aspect]. *Ethnosocium i mezhdunarodnaia kultura*, 7 (61), 61–67. (In Russian)

Vnutripartijnaya bor'ba v dvadcatye gody: Dokumenty i materialy [Inner-Party Struggle in the 1920s: Documents and Materials]. (2004). Moscow: ROSSPEN. (In Russian)

Vos'moj s'ezd RKP(b). Mart 1919 goda. Protokoly [8th Congress of the CPSU. March, 1919. Minutes]. (1959). Moscow: Gospolitizdat. (In Russian)

Yakimov, A. E. (1992). *Evoljuciya politicheskoi diskussii 20-h godov (opyt istoriko-kriticheskogo analiza)* [The Evolution of the Political Debate of the 1920s (A Historico-Critical Analysis)]. (Doctoral dissertation abstract). Moscow. (In Russian)

Zemtsov, B. N. (2015). *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenij* [The History of Political and Legal Doctrines]. Moscow: Yurayt. (In Russian)

Zevelev, A. I. (Ed.). (1994). *Istoriya politicheskikh partij Rossii* [The History of Political Parties of Russia]. Moscow: Vysshaya Shkola. (In Russian)

Received 21 March 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.2.027

УДК 94(470)“1920” + 94(479)“1920” +
+ 94(479.22)“1920” + 392.5

Ю. С. Пыльцын

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ТЕРСКОЕ КАЗАЧЕСТВО НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (1920 г.)

В статье анализируется малоизученный этап Гражданской войны на Юге России: оборона Терско-Дагестанского края от наступающих советских войск (прежде всего, силами Терского казачьего войска) и последующее отступление остатков Вооруженных Сил Юга России в Закавказье. Вышеуказанная тема анализируется с помощью историко-генетического метода с привлечением архивных (Государственный архив Российской Федерации) и мемуарных материалов. В начале 1920 г. части Красной армии развернули широкомасштабное наступление на Северный Кавказ, с целью разгромить воинские части Белой армии, которые находились в Терско-Дагестанском крае. Основной контингент антибольшевистских частей в этом регионе составляли терские казаки, поэтому история боев на Северном Кавказе в начале 1920 г. тесно переплетается с историей Терского казачьего войска. В ходе исследования были проанализированы бои на Тереке в марте 1920 г. и реконструирована эвакуация основной массы беженцев из Владикавказа в Грузию. Был выявлен и другой путь эвакуации — из Дагестана в Азербайджан. Отмечается, что, несмотря на отступление, командованию войска удалось сохранить терские казачьи части для продолжения антибольшевистской борьбы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Гражданская война в России; Кавказ; Грузия; беженцы; Терское казачество.

Война всегда была одной из популярных тем среди историков. Армия и флот, оружие и битвы, военное искусство и роль полководцев — всё это освещалось в исторической науке. Наиболее подробно были исследованы крупные сражения. Охотнее всего исследователи обращаются к битвам, которые оказались успешными для их Родины, военные неудачи, отступления гораздо реже попадают в зону их внимания.

Гражданская война в России, как и всякая гражданская война, имела свою специфику. Об отступлениях белых и красных было написано немало. Особенно это характерно для антибольшевистских сил с их многочисленными «походами». Эти события заняли почетное место в пантеоне воинской славы Белой армии, так как, несмотря на крайне тяжелые условия, войска сумели сохранить боеспособность и воинский дух.

Однако, отступлению Вооруженных Сил Юга России (ВСЮР) в ноябре 1919 г. — марте 1920 г. в этом отношении не повезло. Конечно, были и в это время примеры воинской доблести, но в целом само отступление запомнилось всем мемуаристам как стремительный отход среди общего развала фронта,

дезорганизации тыла и эпидемии тифа. При этом следует учесть, что с этими событиями связана не только важная веха в истории Белого движения в целом (переход командования от А. И. Деникина к П. Н. Врангелю), но и заключительный этап в истории Гражданской войны на Северном Кавказе. Тем не менее, эта тема почти не освещалась в исторической литературе. «Последние остатки сил противника в Терско-Дагестанском крае пробивались в Грузию» — вот и всё, что написал об этих событиях советский военный историк Н. Е. Какурин [Какурин, с. 328]. Современные исследователи также почти не затрагивают этот сюжет. Так, в работе В. Шамбарова данному событию уделена половина абзаца [Шамбаров, с. 445], в книге О. Гончаренко лишь упоминаются бои на Северном Кавказе в феврале-марте 1920 г. [Гончаренко]. Данная статья пытается восполнить этот пробел и восстановить, насколько это возможно, последние дни белой власти на Тереке и отступление войск и беженцев в Грузию.

Представленное исследование в значительной степени базируется на неопубликованных источниках, прежде всего, находящихся в коллекции отдельных документов и мемуаров эмигрантов (ф. 5881) Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). В статье использованы, в частности, воспоминания атамана Пятигорского отдела Д. С. Писаренко «Терское казачество. Три года революции и борьбы (1917–1920 гг.)». Ценный материал содержат воспоминания полковника Г. Хутиева, начальника штаба Терского казачьего войска, «На Тереке в 1919 году и в 1920 году. Борьба терских казаков с большевиками». Любопытен и хранящийся в архиве дневник офицера Добровольческой армии, некоего Н. Н. Идентифицировать автора не удалось, судя по всему, он являлся офицером неказачьих частей. Особая ценность использованных воспоминаний заключается в том, что в них представлены разные уровни восприятия обстановки на фронте: стратегический (Г. Хутиев), тактический (Д. Писаренко) и уровень рядового офицера — дневник Н. Н. Представленные мемуары не предназначались авторами для публикации, они содержат сведения о ситуации внутри белого лагеря, которые не сообщались в прессе. Вместе с тем, верификация этой информации возможна путем ее сопоставления с данными других источников. Наряду с архивными материалами, были использованы также опубликованные сборники документов и мемуары (как большевиков, так и участников антибольшевистского движения).

Следует учитывать, что основную массу белых войск в Терско-Дагестанской области на тот период составляли Терские казачьи части, эвакуацией руководило Терское войсковое правительство. Исходя из этого, исследование боев на Северном Кавказе в 1920 г. совпадает с историей Терского казачества в указанный период.

К началу 1920 г. на южном фронте Гражданской войны всё отчетливее проявлялось превосходство красных. После поражения в начале 1920 г. донской конницы генерала А. А. Павлова, части ВСЮР стали быстро и по всему фронту отходить к югу. Вооруженные силы белых отходили в трех направлениях: на Екатеринодар — Новороссийск, на Майкоп — Туапсе и в Терско-Дагестанский край [Какурин, с. 328]. На последнем направлении наступала и XI Красная армия.

Этой армии противостояли Северокавказские войска ген. И. Г. Эрдели, которые на начало 1920 г. удерживали фронт возле городов Святого Креста и Кизляра [Деникин, с. 753]. По советским данным в войсках насчитывалось 5 200 штыков и 6 300 сабель [Гражданская война в СССР, с. 296]. Армия состояла из терских и кубанских казаков, уральцев, пробившихся из армии Колчака осенью 1919 г., и добровольцев-горцев, оставшихся верными генералу Эрдели [Махров, с. 146].

В начале февраля 1920 г. Ставка Терского казачьего войска переместилась во Владикавказ. Большинство населения восприняло эту передислокацию как свидетельство того, что Ставка собирается уходить в Грузию. Сочувствовавшие большевикам элементы стали действовать более смело, порой нагло. К тому же казачество устало от войны. Видя, что белый фронт стремительно рушится и откатывается все ближе к границам России, рядовые казаки стремились остаться в своих станицах, с семьями. Некоторые казаки стремились «купить прощение» тем, что приводили вместе с собой своих офицеров. Так, ночью одна из застав 2-го Сунженско-Владикавказского пластунского батальона перешла на сторону красных, причем командиру батальона пришлось уговаривать казаков не брать его с собой [ГАРФ, ф. р-5881, оп. 1, д. 534, л. 24].

Другое происшествие этого периода описывает полковник Хутиев в своих воспоминаниях. Один из Сунженско-Владикавказских батальонов стоял в марте 1920 г. на станции Минеральные Воды. Командир батальона донес, что среди казаков идет сильная агитация в пользу красных. Войсковой атаман Вдовенко с начальником штаба выехал к батальону. В ходе встречи с атаманом казаки не высказали никаких жалоб — интересовались только вопросом, когда кончится война. Казаки не встречали своего атамана с энтузиазмом, но и вражды не чувствовалось. Тем не менее, ситуация вызывала беспокойство. Через некоторое время штаб войска получил донесение, что Сунженско-Владикавказский батальон покинул в полном составе, за исключением офицеров, станцию Минеральные Воды и двинулся к себе на Сунжу походным порядком. Командованию все-таки удалось перехватить батальон при подходе к станице Георгиевской. Атаман Вдовенко указал казакам на их позорное поведение по отношению к Войску. Как вспоминали очевидцы, «по приказанию Атамана, три зачинщика, все на командных должностях, вышли вперед». Зачинщики военно-полевым судом были приговорены к смертной казни через повешение. Батальон же вернулся на следующий день на станцию и до конца нес службу исправно [Там же, л. 25–25 об.].

К марту 1920 г. в Терско-Дагестанском крае сложилась критическая ситуация. 2 марта 1920 г. части XI Красной армии взяли Ставрополь, а другая группировка советских войск вышла в район Минеральных Вод [Гончаренко, с. 219]. В результате стремительного наступления Красной армии Терская область могла в любой момент быть отрезана от Кубани, начались волнения кубанских казачьих частей. По данным атамана Пятигорского отдела Д. С. Писаренко, фронт держался лишь благодаря терцам [ГАРФ, ф. р-5881, оп. 1, д. 569, л. 342].

23 февраля 1920 г. атаман отправился в район г. Георгиевска. Фронт еле держался всего в нескольких верстах от города. Казачьи части были охвачены паникой. Кубанцы накануне приезда атамана снялись целыми батальонами и ушли домой, оставив фронт без артиллерии. Разрыв фронта заткнули только что прибывшими из станиц безоружными казаками из числа допризывных и стариков. Красные почувствовали слабость терцев и яростно атаковали. Вдовенко прибыл на фронт в тот момент, когда некоторые части под влиянием обстановки намеревались бросить фронт и уйти по домам. Атаман вновь спас положение: он лично восстановил порядок и послал казаков в бой [ГАРФ, ф. р-5881, оп. 2, д. 569, л. 343–344].

Казаки продержались после этого лишь около полутора суток. Красные подкатились почти к самому Георгиевску, а на правом фланге красноармейцы разгромили терцев. Погиб и председатель Терского Войскового круга П. Д. Губарев [Там же, л. 334].

Между тем, в средствах массовой информации причины крушения белого фронта под г. Георгиевском оценивались иначе. Так, 22 марта 1920 г. в тифлисской газете «Вольный горец» появилась информация, что «с Георгиевского фронта ушли терцы; тогда и кубанцы, находившиеся в гор. Георгиевске, ушли к себе на Кубань. Фронт расстроился, и большевики без выстрела продвигаются вперед». Газета заявляла, что «самыми неустойчивыми оказались терские казаки». Они первыми изменили делу «единой и неделимой России» [Сообщение газ. «Вольный горец»...]. Однако, как показывают привлеченные нами исторические источники, основная вина за поражение ложится на кубанские части.

После взятия 12 марта станицы Кавказской была полностью перерезана железнодорожная, телефонная, телеграфная связь терцев с остальными войсками [Елисеев, с. 76]. При этом в области находилось еще достаточно воинских частей для обороны края. Некоторые части находились в районе станицы Наурской и в 40 верстах от г. Георгиевска. В г. Пятигорске находились штаб Войска, 3 сотни Гвардейского дивизиона, Атаманская пешая сотня, терский инженерный батальон (в стадии формирования) [ГАРФ, ф. р-5881, оп. 1, д. 534, л. 27 об.]. Г. Хутиев вспоминает, что «...в штабе были сведения (?), что в Моздоке закончилось формирование 3-хсотенного <отряда?> под командованием полковника <Латиева?>. Там же было собрано много казаков в запасные сотни. С этими силами борьбу можно было еще вести». Однако вскоре обстановка изменилась. Запасные казаки под влиянием агитации, хотя и без эксцессов, разошлись по станицам. Учебный пулеметный и Инженерный батальоны ушли из Пятигорска, забрав с собой пулеметы. В этих условиях отход терских частей на Владикавказ был неизбежен [Там же, л. 29–29 об.].

В марте 1920 г. город Владикавказ превратился в военный лагерь. Как указывает в своем дневнике офицер Добровольческой армии, «по улицам стояли обозы, артиллерия, разбитые коновязи, стояли грузовые и легковые автомобили, танки, походные кухни, лазаретные линейки, толпами бродили вооруженные люди. Везде была сутолока. <...> Все суетились и спешили и, казалось, что о возможности сопротивления ни у кого и мысли не было, все настроились уходить

как можно скорее подальше, а куда? — едва ли кто думал об этом» [ГАРФ, ф. р-5351, д. 569, л. 345].

23 марта белые войска оставили Владикавказ. Покидали столицу Терской области без должного воинского порядка, в огромном обозе перемешались и воинские чины, и мирные жители. По подсчетам Хутиева, из Владикавказа ушло примерно 7 000 бойцов, а также 300–500 человек, принадлежавших к Владикавказскому и Полтавскому кадетским корпусам («полтавец» Г. Хижняков вспоминал об отступлении 800 человек «со всем персоналом и семьями» [Хижняков, с. 24]), имевших 9 броневтомобилей, самолеты, 2 танка и 8 орудий [ГАРФ, ф. р-5881, оп. 1, д. 534, л. 35].

Не все казаки приняли окончательное решение уходить. Колебания казаков активно использовали большевистские подпольщики, они старались, чтобы казаки прекратили борьбу и остались на Тереке, во Владикавказе. Отказались отступить, например, 3-я Терская запасная батарея и один из Сунженских полков [Пшеничный, с. 347], а в одной из терских казачьих частей в последний момент произошло столкновение между сторонниками ухода с белыми и оставшимися, в результате которого были убитые и раненые [Грибеник, с. 336].

Те, кто ушел из Владикавказа, по Военно-грузинской дороге двигались в Грузию. Огромный и неповоротливый обоз был легкой добычей для врагов. Командование пыталось обезопасить путь до Грузии. Так, вблизи Джараховского укрепления на Военно-Грузинской дороге стояла четырехорудийная батарея, которая должна была помешать нападению на казаков красных частей Н. Ф. Гикало [ГАРФ, ф. р-5881, оп. 1, д. 587, л. 14].

Тем не менее, 10/23 марта, утром, на хвост колонны, проходившей мимо Джараховского укрепления, было сделано нападение. Кто совершил нападение, не совсем ясно: либо красные отряды Гикало, либо «аполитичные» банды ингушей. Со стороны белых стреляла артиллерия, у нападавших были только пулеметы. Нападение было отбито казаками и ротой юнкеров, с большими потерями среди нападавших. Но нападения на отступавшие войска продолжались, некоторые казаки были ранены [Там же, л. 24–25; Хижняков, с. 24].

По воспоминаниям кадета Хижнякова, переход совершался почти без горячей пищи, имелись лишь сухой паек и чай. Обычно «переходы совершались по 25–30 километров в день, с таким расчетом, чтобы в случае непогоды не ночевать под открытым небом. <...> Приходя на ночлег к вечеру, когда еще только начинало темнеть, мы устраивались на таких полустанках под навесом прямо на цементном полу. Ложились вповалку, подложив под себя одеяло, и закрывшись буркой, которые нам выдали перед эвакуацией во Владикавказе» [Хижняков, с. 24].

Грузинские власти выдвинули главное условие для принятия Кавказской армии — ее разоружение, что, по сути, превращало армию в огромную толпу беженцев. Однако белые офицеры и солдаты категорически отказывались разоружаться, так как для них это было сродни бесчестью. Отношение к грузинам выражено в дневнике офицера владикавказского офицерского полка Н. Н.: «Ишь, шашлычник!» — раздался за мной негодующий голос какого-то офицера.

Какого из себя великодушного победителя разыгрывает! Погодите, придет время, за все вы нам ответите» [ГАРФ, ф. р-5881, оп. 1, д. 587, л. 21–22].

Поэтому неудивительно, что многие уничтожали имущество, чтобы оно не досталось грузинскому правительству. Солдаты пригоршнями бросали в Терек патроны. Многие из офицеров стали уничтожать свои винтовки, бросая затворы в реку или разбивая приклады о камни. «Пусть лучше совсем пропадет, чем достанется грузинам», приговаривали они. Но некоторые осуждали эту порчу, говоря, что сданное оружие будет обращено против большевиков грузинским правительством [Там же, л. 9].

У г. Мцхета грузинскими войсками под командованием Ноя Рамишвилли у казаков были отобраны их собственные лошади с седлами и конским снаряжением, сумы с предметами обмундирования, кинжалы и шашки, бурки и пр. Значительная часть снаряжения тут же продавалась казакам, чтобы потом вновь быть отобранной. Этот неприкрытый грабеж, по свидетельству очевидцев, сопровождался издевательствами и оскорблениями казаков. Как свидетельствуют источники, несмотря на обещания, материальный ущерб казакам компенсирован не был [ГАРФ, ф. р-5351, оп. 2, д. 569, л. 348].

Обезоруженные грузинами войска и беженцы были интернированы в лагере в районе г. Поты [Деникин, с. 800]. И в то время, когда командование казаков пыталось договориться с грузинскими властями о переброске беженцев в Крым, последние были предоставлены сами себе. Как отмечает Хижняков, «ни грузинские власти, ни кто-либо другой нами совершенно не занимались и не оказали нам никакой помощи ни в чем». Казаки вынуждены были самостоятельно добывать средства к существованию в Грузии [Хижняков, с. 24].

Эвакуация частей из Грузии в Крым была поэтапной. Основная масса казаков была вывезена в Крым в конце мая 1920 г. вместе с владикавказскими и полтавскими кадетами [Там же, с. 25].

Д. Писаренко и А. И. Деникин сообщают, что существовали и иные маршруты эвакуации терцев. Так, атаман Кизлярского отдела полковник Д. А. Мигузов с войсками и беженцами отходил на Баку. Часть терцев из этой группы задержалась в Баку и была захвачена красными, интернирована на о. Нарген, а затем вывезена в большевистские концлагеря и там загублена [ГАРФ, ф. р-5881, оп. 2, д. 569, л. 348]. Остальная часть отряда генерала Драценко заключила договор с Азербайджаном, в силу которого, ценой передачи оружия и снаряжения, войскам был разрешен проход в Поты [Деникин, с. 800].

Итак, в результате проведенного исследования прежде всего была реконструирована эвакуация терских казаков и иных частей ВСЮР в Закавказье в марте 1920 г. Также были проанализированы последние бои в Терско-Дагестанском крае, показано, что терские казаки в военном плане имели возможности для сопротивления. Однако, с одной стороны, общий развал фронта, с другой — психологические причины (общая усталость от войны рядовой массы казаков) в конечном итоге решили исход противостояния на Юге России в пользу Советской Республики. Также, на основании источников, были опровергнуты

тезисы некоторых периодических изданий о том, что терские казаки первыми прекратили борьбу и ушли в тыл. Источники свидетельствуют, что первыми начали уходить по домам части кубанских казаков.

В целом, можно сказать, что, несмотря на все трудности, Терское войсковое правительтельство сделало самое главное: сохранило свой основной «капитал» — людей — для дальнейшей борьбы с большевизмом.

ГАРФ. Ф. р-5881. Оп. 1. Д. 534, 587; Оп. 2. Д. 569.

Гончаренко О. Г. Тайны Белого движения. Победы и поражения. 1918–1920 годы. М. : Вече, 2003.

Гражданская война в СССР : в 2 т. Т. 2 / под ред. Н. Н. Азовцева. М. : Воениздат, 1986.

Грибенник Х. И. Страницы из истории подпольной борьбы против деникинцев во Владикавказе // Гражданская война в Северной Осетии по воспоминаниям участников / под ред. М. Д. Ботоева. Орджоникидзе : Северо-Осетин. кн. изд-во, 1965. С. 330–337.

Деникин А. И. Очерки русской смуты : в 3 кн. Кн. 3. Т. 4, 5. Вооруженные силы Юга России. М. : Айрис-Пресс, 2005.

Елисеев Ф. И. Лабинцы. Побег из красной России. М. : Центрполиграф, 2006.

Какурин Н. Е. Как сражалась революция. Т. 2. 2-е изд., уточн. М. : Политиздат, 1990.

Махров П. С. В Белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб. : Logos, 1994.

Пшеничный Н. А. Провозглашение власти революционного комитета во Владикавказе // Гражданская война в Северной Осетии по воспоминаниям участников / под ред. М. Д. Ботоева. Орджоникидзе : Северо-Осетин. кн. изд-во, 1965. С. 342–350.

Сообщение газ. «Вольный горец» об отказе терских казаков продолжать борьбу против большевиков // Борьба за Советскую власть в Северной Осетии : сб. документов и материалов / под ред. А. К. Джанаева. Орджоникидзе : Ир, 1972. С. 345–346.

Хижняков Г. Полтава — Владикавказ — Крым // Кадетская переключка. 1974. № 8. С. 22–27.

Шамбаров В. Е. Белогвардейщина. М. : Алгоритм, 2004.

Статья поступила в редакцию 19.02.2016 г.

Пыльцын Юрий Сергеевич

аспирант кафедры истории России
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: imperets.92.9292@mail.ru

Pylytsyn, Yuri Sergeevich

Postgraduate student,
Chair of the History of Russia
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
E-mail: imperets.92.9292@mail.ru

**TEREK COSSACKS IN THE FINAL PHASE OF THE CIVIL WAR
IN THE NORTHERN CAUCASUS (1920)**

The article explores the little-studied period of the Civil War in the southern territories of Russia: the defense of Terek-Dagestan region from the advancing Soviet forces (mainly, by the Terek Cossack army) and subsequent retreat of the remaining part of the Southern Russian Armed Forces to the other side of the Caucasus Mountains.

For his analysis, the author uses the historical and genetic method, referring to archive materials (from the State archive of the Russian Federation) and the participants' memoirs. At the beginning of 1920, units of the Red army began a large-scale operation in the northern Caucasus aiming to destroy parts of the White army in Terek-Dagestan Region. The main part of the anti-Bolshevik forces in the region was made up of Terek Cossacks. For this reason the history of battles in the northern Caucasus at the beginning of 1920 is strongly connected with the history of the Terek Cossack army. The author analyzes battles at Terek in March, 1920, and reconstructs the evacuation of refugees from Vladikavkaz to Georgia. Also he discovers another way of evacuation – from Dagestan to Azerbaijan. The analysis demonstrates that in spite of retreat, the commanders of the army managed to preserve the Cossack units for subsequent anti-Bolshevik struggle.

К е y w o r d s: Civil War in Russia; Caucasus; Georgia; refugees; Terek Cossacks.

Azovcev, N. N. (Ed.) (1986). *Grazhdanskaya vojna v SSSR* [The Civil War in the USSR] (Vols. 1–2) (Vol. 2). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. (In Russian)

Denikin, A. I. (2005). *Ocherki russkoj smuty* [Essays on the Russian Time of Troubles] (Books 1–3). (Book 3, Vols. 4–5, *Vooruzhyonnye sily Yuga Rossii* [The Armed Forces of Southern Russia]). Moscow: Airis-Press. (In Russian)

Eliseev, F. I. (2006). *Labincy. Pobeg iz krasnoj Rossii* [Labinsk Locals. An Escape from Red Russia]. Moscow: Centrpoligraf. (In Russian)

Goncharenko, O. G. (2003). *Tajny Belogo dvizheniya. Pobedy i porazheniya. 1918–1920 gody* [Secrets of the White Movement: Victory and Defeat]. Moscow: Veche. (In Russian)

Gribenik, X. I. (1965). Stranicy iz istorii podpol'noj bor'by protiv denikincev vo Vladikavkaze. [Pages from the History of the Underground Struggle against Denikin in Vladikavkaz]. In M. D. Botoev (Ed.), *Grazhdanskaya vojna v Severnoj Osetii po vospominaniyam uchastnikov* [The Civil War in North Ossetia in the Recollections of the Participants] (pp. 330–337). Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)

Kakurin, N. E. (1990). *Kak srazhalas' revolyuciya* [How Revolution Fought]. (Vol. 2) (2nd ed. made more precise). Moscow: Politizdat. (In Russian)

Maxrov, P. S. (1994). *V Beloj armii generala Denikina: Zapiski nachal'nika shtaba Glavnokomanduyushhego Vooruzhyonnymi Silami Yuga Rossii* [In the White Army of General Denikin: Notes of the Chief of Staff of the Armed Forces of Southern Russia]. Saint Petersburg: Logos. (In Russian)

Pshenichnyj, N. A. (1965). Provozglashenie vlasti revolyucionnogo komiteta vo Vladikavkaze [The Proclamation of the Power of the Revolutionary Committee in Vladikavkaz]. In M. D. Botoev (Ed.), *Grazhdanskaya vojna v Severnoj Osetii po vospominaniyam uchastnikov* [The Civil War in North Ossetia in the Recollections of the Participants] (pp. 342–350). Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)

Shambarov, V. E. (2004). *Belogvardejskhina* [Belogvardeyshchina]. Moscow: Algoritm. (In Russian)

Soobshhenie gazety «Vol'nyj gorec» ob otkaze terskix kazakov prodolzhat' bor'bu protiv bol'shevikov [The Message of the *Vol'ny Gorets* Newspaper about the Terek Cossacks' Refusal to Continue the Fight against Bolsheviks] (1972). In A. K. Dzanaev (Ed.), *Bor'ba za Sovetskuyu vlast' v Severnoj Osetii. Sbornik dokumentov i materialov* [The Struggle for Soviet Power in North Ossetia. A Collection of Documents and Materials]. Ordzhonikidze: Ir. (In Russian)

Zizhnyakov, G. (1974). Poltava – Vladikavkaz – Krym [Poltava – Vladikavkaz – Crimea]. *Kadetskaya pereklichka*, 8, 22–27. (In Russian)

Received 19 February 2016

НАЛОГОВЫЕ РАБОТНИКИ И ЧАСТНЫЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ НА УРАЛЕ КАК АКТОРЫ ЭКОНОМИКИ НЭПА: ПО СЛЕДАМ «АСТРАХАНСКОГО ДЕЛА»*

В статье анализируются материалы судебно-следственного дела, возбужденного в 1929 г. по фактам взяточничества и мошенничества работников Свердловского окружного и Уральского областного финансовых отделов и частных торговцев города Свердловска. На региональном материале рассматривается реализация всероссийской кампании, начавшейся с «Астраханского дела» и направленной на ликвидацию частнокапиталистического хозяйственного уклада в экономике страны. Целью работы является изучение процессов взаимодействия частных предпринимателей конца 1920-х гг. и сотрудников финансовых органов, которые рассматриваются как акторы предпринимательской деятельности в годы нэпа. Предмет исследования — интересы сторон, характер взаимодействия сотрудников фискальных органов и частных предпринимателей. Хронологические рамки (1928–1929) предопределены течением как «астраханского», так и «свердловского» процессов. На основе акторной модели модернизации рассматриваются: интересы сторон как акторов хозяйственной деятельности; мотивы их поведения; проблемы взаимодействия частных предпринимателей и сотрудников финансовых органов; причины, по которым сотрудники фискальных органов саботировали процесс форсированной ликвидации частника (проблема не сводится исключительно к коррупционной составляющей); роль судебного процесса в обосновании ликвидации окружного деления в рамках Уральской области.

К л ю ч е в ы е с л о в а: новая экономическая политика; «астраханское дело»; финансы; налоги; частные предприниматели; фискальная политика; администрирование; правый уклон; коррупция; судебно-следственное дело; «замкнутый круг частного сектора хозяйства»; Уральская область; Свердловский округ.

Рассмотрение процесса восстановления экономики Уральской области после окончания Гражданской войны невозможно без учета места и роли частного сектора хозяйства. Необходимо учитывать специфические черты региона, которые, с одной стороны, ограничивали поле деятельности для частного сектора хозяйства, с другой — повышали его значимость в сфере занятости, снабжения населения товарами и обеспечении необходимым набором услуг.

Методологические принципы, заложенные в основу нашего исследования можно рассматривать в контексте акторной модели модернизации. При этом

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Частный сектор хозяйства в экономике Уральской области 1923–1934 гг.» №15-11-66003.

под акторами мы понимаем субъектов, которые осознают свои интересы и в практической деятельности стремятся к их реализации. «Центральным в рамках модели является понятие оптимизации: предполагается, что акторы ведут себя рационально в том смысле, что они будут стремиться выбирать действие, которое максимизирует разницу между выгодами и затратами. Действуя рационально, актер всегда участвует в своего рода оптимизации, которая в некоторых случаях может восприниматься как стремление к достижению максимальной полезности или минимизации затрат» [Побережников, с. 97]. Особое значение приобретает деятельность акторов в условиях переходного периода, в период трансформации общественных институтов, когда речь идет не только об адаптации, но и о физическом выживании. Поэтому особенно важно рационально распределить имеющиеся активы (ресурсы, собственность, квалификация) и минимизировать риски, диверсифицируя свои вложения.

Важной теоретической составляющей исследования является проблематика конструирования социальной идентичности в условиях советского общества [Фицпатрик, с. 9]. Не вдаваясь в детальный анализ историографии, отметим ряд работ, которые важны при рассмотрении нашей темы. Это публикации, посвященные непосредственно «астраханскому делу» [Тюрин]; проблемам коррупции [Орлов, Маркосян], частным предпринимателям Сибири [Демчик; Шейхетов]; маргинальным слоям населения советской России [Маргиналы в социуме; Маргиналы в советском социуме].

Целью данной статьи является анализ процессов взаимодействия частных предпринимателей и сотрудников финансовых органов. В качестве объекта исследования рассматриваются акторы предпринимательской деятельности в годы нэпа, а предметом изучения являются интересы сторон, характер взаимодействия сотрудников фискальных органов и частных предпринимателей, причины, по которым сотрудники фискальных органов саботировали процесс форсированной ликвидации частника. Хронологические рамки (1928–1929) предопределены периодом проведения «астраханского» и «свердловского» процессов. Территориальные рамки — Свердловский округ Уральской области.

Основным источником явились судебно-следственные дела, представляющие собой разновидность делопроизводственной документации, содержащие комплекс материалов, фиксирующих все стадии разбирательства и достаточно подробно изученные в источниковедении.

Рассмотренные нами документы имеют общий заголовок — «Дело по обвинению А. А. Гудкова, М. В. Мухина, А. Г. Якобсона, П. С. Логинова, Ф. Ф. Вешкорцева, П. М. Брегман и др. в извращении налоговой политики (01.01.1929–31.12.1929)». Дело находится на хранении в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) в фонде Свердловского областного суда (Ф. 148-р) и состоит из пяти томов, общим объемом более 900 листов [ГАСО, ф. 148-р, оп. 1 (1921–1934 гг.), д. 385 (т. 1); д. 381 (т. 2); д. 383 (т. 3); д. 384 (т. 4); д. 382 (т. 5)]. Шестой том дела выбыл из ГАСО без указания причин в деле фонда. Деятельность финансовых органов, помимо судебно-следственного дел,

рассматривается нами на материалах фонда Свердловского Окружного финансового отдела (далее — Окрфо) и его вышестоящей организации Уральского Областного финансового отдела (далее — Облфо) [ГАСО, ф. 72-р; ф. 593-р].

Свертывание нэпа нуждалось в идеологическом обосновании, которое виделось в борьбе с оппозицией, получившей в «пространственно-пропагандистской» системе координат наименование «правой» и персонифицированной в лице Н. И. Бухарина [Не только идейно..., с. 2].

Сообщения об астраханском процессе и выявленные на Урале примеры злоупотреблений, факты сращивания части государственного аппарата с частным капиталом сопровождалась пространными статьями дискуссионного характера, в которых критиковалась оппозиция [Лейканд, с. 2].

Кампания, которая началась в городе Астрахань в 1928 г. с сотрудников Губернского финансового отдела исполкома и городского торгового отдела, прокатилась по всей стране и ознаменовала собой очередной этап наступления на частный капитал. Маневр заключался в том, что удар наносился по «тылам» частника, по тем сотрудникам советских органов, которые поддерживали частных предпринимателей. Ю. Ларин, перечисляя источники первоначального накопления частного капитала в народном хозяйстве СССР, называл такие элементы «агенты и соучастники частного капитала в госаппарате» [Ларин, с. 9].

Суть астраханского дела сводилась к тому, что ряд частных и кооперативных организаций при помощи взяток должностным лицам снижали свои налоговые отчисления. При этом были арестованы и репрессированы не только непосредственно виновные лица, чистке подверглись многие хозяйственные, государственные и партийные организации Астраханского округа. Расследование длилось весь 1928 г. и закончилось в мае 1929 г. Первоначально арестованным было предъявлено обвинение по ст. 117 и 118 УК РСФСР (дача и получение взяток). Однако по указанию из Москвы вину переквалифицировали по ст. 57 ч. 7 (экономическая контрреволюция), и дело приобрело политический оттенок. Средства массовой информации делали все, чтобы придать этим делам политический характер, а на митингах и собраниях говорилось о контрреволюционерах и диверсантах, осуществлявших подрывную деятельность. По мнению А. О. Тюрина «долгое время имя древнего города стало нарицательным ярлыком, обозначающим крайнюю степень коррупции и казнокрадства» [Тюрин, с. 26].

В отличие от «астраханского», где в центре внимания оказался рыбный промысел, «свердловское дело» основывалось не на выявлении злоупотреблений в конкретной отрасли хозяйства, а в фискальной сфере. Отметим, что кампания охватила несколько округов Уральской области, помимо Свердловского, аналогичные проверки, а затем и судебные дела были возбуждены в Курганском и Златоустовском округах.

Дело Свердловского Окрфо рассматривалось по трем направлениям: 1) работа налогового аппарата по взиманию прямых налогов; 2) деятельность отделений по взиманию прямых и косвенных налогов; 3) функционирование «Отделения

ликвидации недоимок налогоплательщиков и реализация имущества государственных фондов» [ГАСО, ф. 148-р, оп. 1, д. 382 (т. 5), л. 162–194].

В качестве обвиняемых по делу проходили 14 служащих Областного и Окружного финансовых отделов, эксперты Института государственно-бухгалтерских экспертиз Рабоче-крестьянской инспекции (ИГБЭ РКИ). Среди них не было ни одного руководителя высшего звена, а только их подчиненные. Трое, на момент следствия, являлись членами ВКП(б), один выбыл из партии, остальные были беспартийными. Им инкриминировались следующие статьи Уголовного кодекса РСФСР (редакция 1926 г.): ст. 109 (злоупотребление служебным положением), ст. 116 (присвоение и растрата), ст. 117 (взятка) и ст. 169 (злоупотребление доверием и обман) [Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.]

Обвиняемыми выступали также частные предприниматели и рядовые граждане, дававшие взятки, в количестве 20 человек. Среди них были частные торговцы (11 человек), владельцы хлебопекарен (4), держатели парикмахерских (2), бань и номеров (1) и рядовые граждане (2). Отметим интернациональный состав обвиняемых: двое являлись греческими подданными, один — гражданином Чехословакии, а остальные — гражданами СССР. Абсолютное большинство обвиняемых уже были лишены избирательных прав как частные предприниматели. Этой категории лиц вменялось в вину нарушение следующих статей Уголовного кодекса РСФСР (редакция 1926 г.): ст. 118 (дача взятки и посредничество во взяточничестве), ст. 169 ч. 2 (мошенничество, имевшее своим последствием причинение убытка государственному или общественному учреждению) [Там же].

Обвинительное заключение строилось на том, что чиновники занижали уровень налогообложения частного искателя исключительно из личных, корыстных целей, брали за это взятки в денежной и натуральной форме. На наш взгляд, это обстоятельство, несмотря на его очевидность, не может объяснить массовость такого явления, так как подобные факты были вскрыты на всей территории страны, на самых разных уровнях управления, охватывали различные отрасли и сферы деятельности. Если явление носит системный характер, то необходимо проанализировать предпосылки, которые носили объективный характер, а дефекты системы не списывать исключительно на несовершенство человеческой природы и жажду наживы.

По нашему мнению, проблема неадекватности налогообложения лежит в самой системе взимания налогов. Достаточно резкое возвращение в хозяйственную практику элементов рыночного хозяйства потребовало оперативного создания соответствующих институтов, в том числе фискальных. Система налогообложения была заимствована из дореволюционного прошлого, а в качестве объектов налогообложения выбирались те, которые были наиболее доступны, легче поддавались учету, которые было трудно скрыть от контролирующих органов [см.: Промысловый налог; Килин].

Отметим, что недостатки финансового, бухгалтерского и товарного учета были повсеместной практикой в условиях нэпа, встречались как в частных, так

и в государственных организациях, а дефекты могли быть выявлены как в предпринимательской среде, так и в практике работы налоговых органов.

Точный расчет налоговой базы был затруднен, так как предполагал получение данных об обороте торговых заведений. Как правило, использовали примерные нормы для однотипных заведений как по объему, так и по предметам торговли. Проблема в том, что и в этих однородных группах обнаруживались серьезные различия, что ставило под сомнение объективность начисления налогов.

Политика налогообложения строилась на классовом принципе и отражала изменения экономической политики государства по отношению к частнику. Этапы либерализации в отношении частного капитала сменялись прессингом, очередной и заключительный этап которого пришелся на начало 1930-х гг. Сотрудники налоговых органов были вынуждены оперативно реагировать на изменения политической конъюнктуры. По объективным причинам реакция налогового аппарата в провинции порой запаздывала. В протоколе допроса финансового инспектора и управляющего делами Окрфо А. А. Гудкова отмечается, что политика в отношении частника изменилась слишком резко и сотрудники не успели оперативно среагировать: «...Отношение к частнику со стороны Облфинотдела было сдерживающее, которое я характеризовал так “к [бухгалтерским] книгам надо относиться осторожно и если книги имеют незначительные дефекты с формальной стороны, то их нужно принимать” или “частник свертывается, а если мы будем усиленно нажимать, то мы не выполним бюджета”, “частника нужно сохранить, т. к. наши госорганы и кооперация еще не могут охватить рынок”. Твердое и устное, и письменное руководство, т. е. классово-правильное руководство в области борьбы с частником через налоговый [аппарат] уже появилось лишь со стороны области в последнее время, т. е. август-сентябрь. Достойного руководства работой городских инспекторов со стороны Окрфо, начиная с 1923 г. я не видел, лишь потому, что в аппарате Окрфо люди сидели с меньшей квалификацией, чем инспектора участков» [ГАСО, ф. 148-р, оп. 1, д. 385 (т. 1), л. 278–278 об.].

По словам обвиняемого, он, член ВКП(б) с 1919 г., обладает практическим политическим чутьем: «О своей политической подготовке я могу заявить лишь, что я могу самостоятельно разбираться в той или иной политической ситуации. Никакой специальной подготовки я, за исключением ленинского кружка, в каких-либо школах не проходил и не получил, считаю себя политически слабо развитым, но могущим определять и разобраться самостоятельно в вопросах политической жизни партии и советской власти, а также до сего времени достаточно верно разбирался в уклонах различных партийных группировок» [Там же, л. 279]. Как показала практика, этого чутья было недостаточно, так как А. А. Гудков оказался на скамье подсудимых.

Наступление на частника как отражение «генеральной линии партии» было очевидным, возникал вопрос только в сроках и темпах этого маневра. Несомненно, финансовые работники были осведомлены о планах властей, более того, предупреждали об этом частных предпринимателей, однако,

на наш взгляд, недооценили интенсивность перемен. Из протокола допроса свидетеля, частного торговца Г. В. Кругляшева: «Также Чумичев (частный предприниматель. — А. К.) мне говорил, что когда он ликвидировал торговлю и хотел отстроить гараж, для автопроката, то его друзья из Окрфо определенно предупредили, что это гиблое дело, что предполагается нажим на частных и налогами разденут донага. Характерно, что почти на второй же день после ликвидации дела Чумичев устроился на работу в Комхоз» [ГАСО, ф. 148-р, оп. 1, д. 381 (т. 2), л. 184].

По нашему мнению, региональные органы власти, в том числе и фискальные, не были заинтересованы в форсированном процессе ликвидации частного сектора хозяйства по ряду причин.

Формирование в годы нэпа территориально-рыночной, регионально-корпоративной модели региональной политики дало положительные результаты. Специфика этой модели заключалась в локализации производства, в наличии многоукладности, в общности интересов предприятий различных форм собственности. Территориальный принцип управления экономикой способствовал развитию кооперативных связей, осуществляемых через рынок. В дихотомии «план — рынок» рыночные начала порой доминировали, так как органично вписывались в ценностные ориентиры субъектов хозяйственной деятельности, акторов рыночных отношений. Напротив, идеи тотального планирования и распределения не всегда находили понимание, тем более что реальная практика свидетельствовала о неэффективности данных механизмов. Эти элементы «рыночности» и адекватной оценки экономической ситуации на локальном уровне встречаются в протоколах допросов. Допрошенный в качестве свидетеля помощник финансового инспектора Второго участка, молодой коммунист из семьи рабочих А. С. Васильев, подвергал критике осторожность своих старших товарищей: «...На Облфинсовещании т. Румянцев (заведующий Облфо. — А. К.) в своем выступлении так говорил: “Вы, товарищи, не спешите с переобложением, не увлекайтесь этим делом, что их (частников. — А. К.) надо сохранить”» [ГАСО, ф. 148-р, оп. 1, д. 385 (т. 1), л. 96 об.].

Активизация товарооборота, наполнение рынка товарами, продуктами питания и потребительскими товарами происходили не без участия частного сектора. Это отчасти снимало социальную напряженность, которая возникала в связи с дефицитом продовольствия и товаров повседневного спроса. Выступая в качестве коммерческого посредника, частник позволял наладить деятельность обобщественного сектора в той части, которая была ему выгодна. Темпы развития обобщественного сектора были недостаточно высоки, поэтому в полном объеме заменить частника он не мог. Система централизованного распределения была не в состоянии удовлетворить запросы населения. Это обстоятельство было очевидно региональным руководителям, поэтому форсированное уничтожение частника сулило им массу проблем, решение которых было возможно, но было чревато большими издержками, сопровождалось карьерными рисками. Насколько это понимание ситуации выливалось в реальное противодействие конкретных

руководителей, сказать сложно. Обращение к судебнo-следственным делам позволяет нам обнаружить факты «саботажа» генеральной линии, основанные не только на личных, но и на региональных интересах. Это особенно важно, так как традиционно рассматриваются прямо противоположные факты, примеры радикализации директив центра на низовом уровне, ситуации, при которых задачи, декларируемые на высшем уровне власти, реализуются на местах с бoльшим рвением, чем планировалось (пресловутые «перегибы на местах»).

И. Н. Кайдалов, работавший областным ревизором, на допросе показал следующее: «...В январе месяце 1929 г. при обложении промналогом работал на 3 участке Свердловского Окрфо, благодаря моему нажиму обложение торговцев этого участка проведено, по-моему, достаточно высоко. В остальных участках, особенно первом, было, безусловно, недообложение. Причем т. Мухлынин (инспектор 3 участка) мне говорил, что т. Пилюгин (инспектор 1 участка) несколько раз его предупреждал “Ты не слушайся Кайдалова, не особенно поднимай обороты, а то за переобложение не он, а ты сядешь на скамью подсудимых”. Надо сказать, что работать по обложению было чрезвычайно трудно, т. к. в течение прошлого года материала, характеризующего обороты и доходы предприятий, собрано не было» [ГАСО, ф. 148-р, оп. 1, д. 382 (т. 5), л. 78 об.–80].

Сбор налогов с крупных предприятий, пусть и по заниженным ставкам виделся для сотрудников Окрфо более предпочтительным, чем взимание налогов с мелких предприятий, с минимальным фискальным эффектом, так как требовал больших затрат времени и сил. Была высока вероятность ликвидации мелких частных предприятий после уплаты налога, что влекло за собой необходимость заново проводить работу по выявлению, фиксации и обследованию частника. Стабильность работы крупных частных предприятий была залогом того, что налоговые проверки приобретали систематический и менее затратный характер, позволяли пополнять местный бюджет, решали проблемы снабжения на местном рынке, позволяли процветать неформальным связям, которые затем конвертировались во вполне конкретные материальные блага.

По этой причине практика налогообложения крупной, оптовой и мелкой, розничной торговли отличалась. А. С. Васильев, инспектор 2 участка г. Свердловска на допросе показал: «“Дело Миркина”, после признания его книг дефектными — стал облагать по повышенной ставке. <...> Недообложение выражается в 100 с лишним тысяч рублей, когда об этом узнал заведующий Окрфо Абрамович, он вызвал меня в кабинет и заявил, какое я имел право облагать Миркина, не согласовав этого вопроса с работниками Облфо. <...> Затем Абрамович вызвал Глузмана из Облфо и сделали переобложение, но как ни вертели, все равно эта сумма недообложения выявляется. Одновременно Абрамович заявил, что как я буду отвечать перед общественностью за недообложение [в прошлом]. <...> Это уже хуже, когда начиная с головы идут поблажки. <...> Все те лица, которые прямо говорили о недочетах, они оказались виновными, а те, кто ставил вопрос о том, что в аппарате нужны не коммунисты, а специалисты (слова зав. Окрфо) оказались правыми. Замазывание фактов разложения было, старые работники

аппарата знали каждый про другого многое, но при этом молчали...» [ГАСО, ф. 148-р, оп. 1, д. 385 (т. 5), л. 1–3].

Налоги частника пополняли местный бюджет, который в 1920-е гг. обладал достаточной долей самостоятельности. Задолженность частного сектора по налогам («недообложение», «недоимочность» частника) можно рассматривать как потерю бюджетных средств, а можно как плату обобщественного сектора за неэффективное хозяйствование и возможность компенсировать недостатки собственной деятельности с помощью частника. В Заключении экспертной комиссии приводятся данные о состоянии недоимочности по Свердловскому округу. «Состояние недоимок (без учета сельхозналога) по Свердловскому округу характеризуется следующими данными: принимая сумму недоимки, числящейся как за обобщественным, так и за частным секторами, на 01.10.1926 г. за 100 %, на 01.10.1927 г. она составляла 112,4 %, на 01.10.1928 г. — 87 % и на 01.10.1929 г. — 82 %. Недоимочность отдельно (в том числе) по частному сектору, также принимая ее на 01.10.1926 г. за 100 %, на 01.10.1927 г. составляла 130 %, на 01.10.1928 г. — 113 % и на 01.10.1929 г. — 132 %. Таким образом, усматривается, что если общая сумма недоимки (числящаяся за обобщественным и частными секторами) имеет тенденцию к постепенному из года в год снижению, то недоимочность по частному сектору, наоборот, из года в год увеличивается» [ГАСО, ф. 148-р, оп. 1, д. 381 (т. 2), л. 67–67 об.]. Эти данные призваны подтвердить недостатки в работе налоговых органов, которые не прилагают усилий для взимания долгов с частного сектора. На наш взгляд, эти цифры свидетельствуют о закрытии частных предприятий, в том числе и по причине усиления налогового бремени, даже с учетом неправомерного, по мнению членов комиссии, «льготирования» со стороны Окрфо.

Протокол допроса свидетеля финансового агента Третьего участка С. Ф. Белоусова: «По нашему 3 участку констатируется большое недообложение частников, главным образом кустарей. <...> Для меня лично становится несколько непонятной политика, нисходящая по НКФ. С одной стороны общая политика диктуется о наступлении на частника, а с другой говорит, что частника надо сохранить, не нажимать, это по линии нашей НКФ. Так, например, кажется в декабре месяце 1928 г. приезжал член правления НКФ РСФСР Шалимов, который, как мне передавал Пилюгин, накричал и натопал ногами на Мухлынина Порфирия, назвал нас баранами, за то, что мы работаем неправильно, что нас надо выпороть, что мы работаем день и ночь, а четкости в работе нет. Или взять, например, дело с Миркиным: когда его опорочили и хотели переобложить, зав[едующий] Окрфо Рабинович или Антонов, точно не помню, говорил, что Миркина надо сохранить, что Миркин для бюджета полезен. Миркина, между прочим, помню, тогда переобложили, но под давлением это переобложение отменили. То же самое получилось и с частником Мунастыевым (Мунасыповым. — А. К.), последнему была даже отсрочка и, как это на собрании коллектива отмечено, вопрос был согласован с администрацией. Особенно резко выступил по вопросам искривления политики инспектор 1 участка Пилюгин. Он же, кажется,

настаивал на обложении арендатора крупорушки Фефера, но ему доказывали, что он не прав. Характерно, что этот самый Фефер, судя по выступлению Пилюгина, принес даже бумажку из Окргорга, которая защищала его как якобы кустаря (а он имеет наемных рабочих). Работаю я с 1923 г., работал с охотой, а теперь совсем затерялся; не пойму политики, которую надо проводить. Вот теперь, когда накружили, что назначается, Абрамович приказал переобложить якобы недообложенных кустарей в двухдневный или трехдневный срок, а через день-два спрашивает, как обстоит дело, и сказал: «Обложить без всяких обследований» [ГАСО, ф. 148-р, оп. 1, д. 385 (т. 1), л. 136–137].

Доминирование идеологии над экономикой предопределяло рассмотрение любых явлений действительности под классовым углом зрения, в контексте глобальной борьбы «старого» и «нового», «добра» со «злом». Соответственно на налоговые органы накладывались обязательства быть не столько инструментом для пополнения доходной части бюджета и экономического регулирования хозяйственной деятельности, сколько оружием «возмездия», экспроприатором незаконно нажитых средств частником (в том числе в прошлые годы) в пользу обобщественного сектора, в духе теории «первоначального социалистического накопления» Евгения Преображенского.

Акторам предпринимательской деятельности, как частным торговцам и промышленникам, так и сотрудникам налоговых органов, стремились навязать не свойственные им роли. Финработник рассматривался не только как экономист и бухгалтер, счетовод и чиновник, но и как идеологический работник, пропагандист. По этой причине в прессе раздавались призывы рассматривать деятельность фининспектора как идеологическую, а не сугубо административную. «Канцелярская техника заменяет классовый подход в работе ревизорского аппарата финорганов. Формально правильная ревизия часто объективно покрывает загнивание в отдельных звеньях налогового аппарата. Финансовый ревизор должен быть не только контролером-техником, но и политическим работником. ...Ревизор не делает никаких попыток прощупать обложение по линии классового содержания. ...Никто определенно и жестко не требовал с ревизора оценки обложения по существу и выводов о правильности осуществления классовой политики» [Ивников, с. 2].

На волне борьбы с «правым» уклоном этот термин проникает и в повседневную деятельность органов фиска, отражается в материалах следствия. Протокол допроса свидетеля М. П. Пилюгина, учащегося финансовых курсов, проходившего в августе 1928 г. практику в 1 участке Окргфо, содержит в себе идею презумпции вины частника: «В июле 1928 г. было областное совещание налоговых работников, где по результатам обложения за 1927/28 г. были констатированы факты: а) недоучет плательщиков, б) недообложение и переобложение не только отдельных лиц, а целых групп плательщиков. Главное отметили в п. 11, что налоговые работники якобы имеют тенденцию к необоснованному отклонению книг, к увеличению размеров доходов и оборотов. Это... предложено изжить, т. е. иными словами облагать больше можно лишь тогда, когда будут

материалы — доказательства, зная хорошо, что каждый частник старается вести дело так, чтобы не было доказательств, и обосновать материалами не всегда бывает возможно, а *книги безусловно признать нельзя, хотя формально они ведутся как бы правильно* (выделено нами. — А. К.). <...> Есть письмо, секретное, зав[едающего] Облфо за подписью тов. Румянцева от 26.02.1929 за № 23/26 и Оквнторга приблизительно в то же время, номера я не знаю, в котором предлагается никоим образом не допускать переобложения старых мясников-торговцев и не тормозить открытие новых, чтобы сохранить их на местном рынке» [ГАСО, ф. 148-р, оп. 1, д. 385 (т. 1), л. 257–258].

Доминирование идеи революционной законности и политической оценки хозяйственной деятельности встречается повсеместно. Из протокола допроса свидетеля, инспектора 3 участка Свердловского Окрфо П. Ф. Мухлынина: «Вопрос: Было ли допущено искривление классовой линии в практической налоговой работе Окрфо? Ответ: Да, искривление классовой линии было, как со стороны налогового подотдела Окрфо, так и со стороны <...> работников налоговых участков Окрфо. Искривление классовой линии выражалось в том, что работниками налогового п[од]отдела Окрфо предоставлялась рассрочка по уплате платежа налогов частным торговцам (Мунасыпов и К°, Кузьмин и К°), в то время как кооперативные организации в рассрочке платежа налогов получали отказ (Свердловская контора товарищества рыболовов и охотников). Заключалось в неполноте охвата всех объектов и субъектов обложения, и недообложения крупных кустарей с наемной силой и переобложении мелких кустарей-одиночек. <...> Думаю, что умышленного, с корыстной целью искривления классовой линии допущено не было. <...> Причины: Политическая близорукость налоговых работников Окрфо. Плохая постановка в работе как самого Окрфо, так и в работе налоговых участков. Отсутствие честности в работе и контроля за проделанной работой. Это положение объясняется невероятной перегруженностью в работе налоговых работников и текучестью аппарата. <...> Недостаточность следовательского материала. <...> Послабление частному капиталу в Третьем участке (как то: предоставление рассрочки платежа, поимущественного и подоходного налога, и т. д.) объясняю тем, что Третий участок обвинили в том, что он допустил переобложение частных предприятий. Этот вывод сделала комиссия Наркомфина в лице Шалимова и Фохта, и обл[астной] ревизор Кайдалов. Привожу подлинные слова Фохта, который на техническом совещании сказал, что обложение произведено так: *Первый участок недообложение (правый уклон), Второй участок нет ни того ни другого, т. е. обложение произведено правильно (центральная линия), Третий участок небольшое переобложение (левый уклон)* (выделено нами. — А. К.). Впоследствии мне сказали на словах, конечно, областной ревизор и Мухлынин С. Ф. зав[едающий] налоговым подотделом, что тебе, Мухлынин, придется регулировать переобложение на подоходном налоге и другими путями, чтобы избежать массового свертывания частных предприятий. В результате чего я старался сохранить здорового частника, а налоговый п[од]отдел мне в этом помогал, если не сказать больше. Целому ряду частников

предоставлялись понижения в налоге...» [ГАСО, ф. 148-р, оп. 1, д. 382 (т. 5), л. 40–41 об., 54].

В период нэпа ярко проявились противоречия между идеологическими установками и реальной практикой в оценке оптимального соотношения частного и общественного интереса. Уместен образ узкой и извилистой «тропинки», которая носила звучное название — «генеральная линия партии», которая проходила между «правым» и «левым» уклоном и по которой ответственным работникам следовало двигаться с ловкостью канатоходца.

Эти факты нашли отражение в статьях, опубликованных в газете «Уральский рабочий» [Лапин, с. 2; М. Н., с. 5]. Интерес широких слоев населения к судебным процессам был высок. Частные предприниматели, которые участвовали в процессах в качестве зрителей, использовали их с пользой для себя, повышали свою финансово-правовую грамотность. В «Уральском рабочем» была опубликована статья, описывающая аналогичный процесс над сотрудниками Курганского Окрфо, который, по мнению корреспондента, дал негативный идеологический и слабый пропагандистский эффект. «...Массы не присутствовали на процессе. Зал судебного совещания представлял “краткосрочные курсы” для всевозможных частников по изучению методов налогового обложения. Мясные торговки, бакалейщики галантерейщики, хлебные спекулянты, чиновники, изгнанные из госаппарата, вот кто сидел в зале суда с записными книжечками в руках и записывал “на всякий случай” интересные детали практики налогового дела. Суд работал буквально в мелкобуржуазном окружении. Допрос частника Кириллова, например, проходил под всеобщий гул “аудитории”, причем все симпатии этой “уважаемой публики” были, разумеется, на стороне частного заводчика. Нужно сказать, что и Окружной суд в этом деле, как и вообще в деле борьбы с правым уклоном и извращениями политической линии партии, был не на высоте положения. Судебные работники, как и профсоюзные руководители, не учли важности показательных моментов процесса, не обеспечили себе рабоче-крестьянское окружение: суд проходил в тесном помещении Окрсуда, тогда как помещений, рассчитанных на большой состав публики, в Кургане достаточно» [Литвинов, с. 3].

Анализ материалов судебно-следственного дела дает возможность на региональном материале рассмотреть характер взаимоотношения частного сектора хозяйства и фискальных органов, проследить, какими интересами они руководствовались в своей повседневной практике. Как нам представляется, сводить суть дела исключительно к проблеме коррупции было бы нецелесообразно, такой подход, безусловно, вызывает живой интерес и позволяет популяризировать тему, но упрощает ситуацию.

1929 г. вошел в историю не только как год нажима на частника, но и привнес переоценку роли хозяйственных укладов, которые стали рассматриваться не через экономическую, а исключительно через идеологическую «оптику». Идеология вытесняла экономическую целесообразность, а порой и здравый смысл. Стремление ликвидировать многоукладную экономику и сконцентрировать в руках

государства все ресурсы оправдывалось не экономической целесообразностью, а наличием внешней или внутренней угрозы. Эта угроза явно переоценивалась, но сама идея находила отклик в широких массах, впрочем, не столь единодушный, как показывают материалы «астраханского» и «свердловского» дел.

Свертывание частного сектора хозяйства привело к сжатию налогооблагаемой базы, сокращению сферы деятельности налоговых органов. Полное исчезновение субъектов и объектов налогообложения, огосударствление всех сфер жизни сводило деятельность финансовых органов исключительно к исполнению бюджета и контролю. Уход частных предпринимателей в тень делал их объектами внимания не столько налоговых, сколько правоохранительных органов. Понятно стремление сотрудников налоговых органов не форсировать, а затянуть процесс полного и окончательного вытеснения частного капитала. Угроза безработицы была вполне реальна, учитывая биографии сотрудников Окрфо [ГАСО, ф. 72-р, оп. 1 «Л», д. 158, 159, 160, 236].

Особое внимание к деятельности региональных, в частности окружных органов власти именно в этот период закономерно. В рамках политики централизации и форсированной модернизации требовалось нивелировать региональные интересы, сосредоточить все ресурсы, а также рычаги стратегического и оперативного управления в руках Центра. Предпосылки к реформированию административно-территориального деления Урала закладывались в 1929 г. Ликвидация округов в 1930 г. — первый шаг к централизации и перераспределению полномочий. В условиях отказа от саморегулирования, в том числе с использованием рыночного механизма, появилась потребность централизовать и унифицировать систему административно-территориального деления. В новых условиях требовалась смена региональных элит. В результате борьбы с правым уклоном, в процессе свертывания рыночных начал в экономике, в ходе показательных судебных процессов над оппозицией, чисток партийного и советского аппарата, произошла ротация региональных элит, замена «регионалов», имеющих опыт руководства в условиях рынка, на классово близких выдвиженцев, более лояльных и зависимых управленцев. В условиях, когда нет самостоятельности регионов, нет автономного бюджета, исчезает и необходимость сохранять слой налогоплательщиков в лице частных предпринимателей.

ГАСО. Ф. 72-р. Оп. 1 «Л». Д. 158, 159, 160, 236; Ф. 148-р. Свердловский областной суд. Оп. 1 (1921–1934 гг.). Д. 385 (т. 1); Д. 381 (т. 2); Д. 383 (т. 3); Д. 384 (т. 4); Д. 382 (т. 5); Ф. 593-р. Демчик Е. В. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е годы. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998.

Ивников. Канцелярская техника заменяет классовый подход в работе ревизорского аппарата финорганов // Урал. рабочий. 1929. 19 сентября. С. 2.

Килин А. П. Частное торговое предпринимательство на Урале в годы НЭПа : препринт / РАН. Урал. отд-ние. Ин-т истории и археологии. Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 1994.

Лавин. Искривление классовой линии в налоговой практике. Свердловский Окрфо делает поправки частникам // Урал. рабочий. 1929. 24 декабря. С. 3.

- Ларин Ю.* Частный капитал в СССР. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1927.
- Лейканд М.* В борьбе за генеральный план // Урал. рабочий. 1929. 19 сентября. С. 2.
- Литвинов М.* Агентура классового врага разоблачена. Процесс курганского финотдела // Уральский рабочий. 1929. 24 декабря. С. 3.
- М. Н.* Дело о миллионах, подаренных частнику // Урал. рабочий. 1930. 28 февраля. С. 5.
- Маргиналы в советском социуме, 1930-е — середина 1950-х гг. / отв. ред. С. А. Красильников, А. А. Шадт. 2-е изд., расш. и доп. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2010.
- Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь. 1920–1930-е годы / ред. С. А. Красильников, Л. Пыстина. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2004.
- Не только идейно, но и организационно разоружить правый уклон группы Бухарина // Урал. рабочий. 1929. 26 октября. С. 2.
- Орлов И. Б., Маркосян Г. М.* Взятка и борьба с ней в годы нэпа. М. : Принципиум, 2013.
- Побережников И. В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2006. С. 95–100.
- Промысловый налог. Обложение патентным сбором. М. : НКФ СССР. Финанс. изд-во, 1926.
- Торин А. О.* «Частник прорывает фронт диктатуры пролетариата»: «Астраханское дело» в протоколах собраний трудящихся // Вестн. РУДН. Сер. «История России». 2009. № 1. С. 19–28.
- Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. [Электронный ресурс] // Юридическая Россия. Федеральный правовой портал. URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241189> (дата обращения: 26.08.2015)
- Фицпатрик Ш.* Срывайте маски!: идентичность и самозванчество в России XX века / [пер. с англ. Л. Ю. Патиной]. М. : РОССПЭН, 2011.
- Шейхетов С. В.* Нэпманы Сибири. М., 1999. [Электронный ресурс] / Электронный журнал «Сибирская заимка». URL: <http://zaimka.ru/soviet/cheikh1.shtml> (дата обращения: 26.08.2015)

Статья поступила в редакцию 29.02.2016 г.

Килин Алексей Павлович

кандидат исторических наук,
доцент кафедры документационного
и информационного обеспечения
управления
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: Alexey.Kilin@urfu.ru

Kilin, Alexey Pavlovich

PhD (History), Assistant Professor
Chair of Management Documentation
and Information
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg,
Russia
E-mail: Alexey.Kilin@urfu.ru

**TAX WORKERS AND PRIVATE ENTREPRENEURS
IN THE URALS AS ACTORS OF THE NEP ECONOMY:
FOLLOWING THE “ASTRAKHAN CASE”**

The article analyzes materials of a legal case initiated as a result of bribery and fraud committed by workers of the Sverdlovsk district and the Ural regional financial departments and private traders in Sverdlovsk in 1929. Referring to regional documents, the author considers the all-Russian campaign which started with

the so-called “Astrakhan case” and aimed at the abolition of private capitalist economic structures in the economy.

The aim of research is to examine the interaction between private entrepreneurs and the staff of financial agencies in the late 1920s that are regarded as actors of entrepreneurial activity during the NEP. The subject of the research is the parties’ interests, the nature of the interaction between the employees of the fiscal authorities and private entrepreneurs. The chronological framework (1928–1929) is predetermined by the “Astrakhan” and “Sverdlovsk” lawsuits. Based on the actor model, the author considers the parties’ interests as actors of economic activity, motives of their behavior, problems of interaction between private entrepreneurs and employees of financial authorities; reasons for which the staff of the fiscal authorities sabotaged the process of the forced liquidation of private owners; the role of the judicial process in the justification of the elimination of district division within Ural Region.

К е y w o r d s: new economic policy; “Astrakhan case”; finance; taxes; private entrepreneurs; fiscal policy; administration; the right bias; corruption; forensic investigation case; “vicious circle of the private sector of the economy”; Ural Region; Sverdlovsk district.

Acknowledgements

The research is part of project 15-11-66003 “The Private Sector in the Economy of Ural Oblast between 1923 and 1934” supported by the *Russian Scientific Foundation for the Humanities*.

Demchik, E. V. (1998). *Chastnyj kapital v gorodah Sibiri ot vozrozhdenija k likvidacii* [Private Capital in the Cities of Siberia from Revival to Elimination]. Barnaul: Izdatel'stvo Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian)

Fitzpatrick, S. (2011) *Sryvajte maski!: identichnost' i samozvanchestvo v Rossii XX veka* [Tear off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia]. Moskva: Rosspen. (In Russian)

Ivnikov (1929, September 19). Kanceljarskaja tehnika zamenjaet klassovyj podhod v rabote revizorskogo apparata finorganov [Office Equipment Replaces the Class Approach in Audit Personnel's Work of Financial Bodies]. *Ural'skij rabochij*, p. 2. (In Russian)

Kilin, A. P. (1994). *Chastnoe torgovoe predprinimatel'stvo na Urale v gody NEPa* [Private Trade Entrepreneurship in the Urals during the NEP]. Yekaterinburg: Institut istorii Ural'skogo otdelenija Rossijskoj Akademii nauk. (In Russian)

Krasil'nikov, S. A., & Shadt, A. A. (Eds.). (2010). *Marginaly v sovetskom sociume. 1930-e – seredina 1950-h gg.* [Marginal People in Soviet Society]. Novosibirsk: Institut istorii Sibirskogo otdelenija Rossijskoj Akademii nauk. (In Russian)

Krasil'nikov, S. A., & Pystina, L. (Eds.). (2004). *Marginaly v sociume. Marginaly kak socium. Sibir'. 1920–1930-e gody* [Marginal People in Society. Marginal People as a Society. Siberia. 1920s–1930s]. Novosibirsk: Sibirskij hronograf. (In Russian)

Lapin (1929, December 24). Iskrivlenie klassovoj linii v nalogovoj praktike. Sverdlovskij Okrfo delaet poblazhki chastnikam [The Curvature of the Class Line in the Tax Practice. Sverdlovsk Okrfo Makes Concessions to Private Traders]. *Ural'skij rabochij*, p. 3. (In Russian)

Larin, Yu. (1927). *Chastnyj kapital v SSSR* [Private Capital in the USSR]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo. (In Russian)

Lejkand, M. (1929, September 19). V bor'be za general'nyj plan [Fighting for the Master Plan]. *Ural'skij rabochij*, p. 2. (In Russian)

Litvinov, M. (1929, December 24). Agentura klassovogo vruga razoblachena. Process kurganskogo finotdela [Class Enemy's Agents Exposed. The Kurgan Process of Finance Department]. *Ural'skij rabochij*, p. 3. (In Russian)

М. Н. (1930, February 28). Delo o millionah, podarenyh chastniku [Case of Millions Given to a Private Trader as a Present]. *Ural'skij rabochij*, p. 5. (In Russian)

Ne tol'ko idejno, no i organizacionno razoruzhit' pravyy uklon grupy Buharina [Not only Ideologically, but also Organizationally to Disarm the Right Deviation of Bukharin's Group]. (1929, October 26). *Ural'skij rabochij*, p. 2. (In Russian)

Orlov, I. B., & Markosjan, G. M. (2013). *Vzjatka i bor'ba s nej v gody nepa* [Bribery and Fight against It in the Years of NEP]. Moscow: Principium. (In Russian)

Poberezhnikov, I. V. (2006). *Perehod ot tradicionnogo k industrial'nomu obshhestvu: teoretiko-metodologicheskie problemy modernizacii* [The Transition from Traditional to Industrial Society: Theoretical and Methodological Issues of Modernization]. Moscow: Rosspen. (In Russian)

Promyslovij nalog. Oblozhenie patentnym sborom [Trade Tax. Patent Fees Imposition]. (1926). Moscow: Finansovoe izd-vo. (In Russian)

Shejhetov, S. V. (1999). *Njepmany Sibiri* [The NEP Men of Siberia]. *Jelektronnyj zhurnal «Sibirskaja zaimka»*. Retrieved from <http://zaimka.ru/soviet/cheikh1.shtml>. (In Russian)

Tjurin, A. O. (2009). «Chastnik proryvaet front diktatury proletariata»: «Astrahanskoe delo» v protokolah sobranij trudjashhihsja [A Private Entrepreneur Breaks through the Front of the Dictatorship of the Proletariat: The "Astrakhan Case" in the Minutes of Workers' Meetings]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija «Istorija Rossii»*, 1, 19–28. (In Russian)

Ugolovnyj kodeks RSFSR 1926 g. [The Criminal Code of the RSFSR as of 1926]. In *Juridicheskaja Rossija. Federal'nyj pravovoj portal*. Retrieved from <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241189>. (In Russian)

Received 29 February 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.2.029
УДК 94(4)“1373/1379” +
+ 929.52 Палеологи + 930.24

Д. В. Возчиков
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ДИНАСТИЧЕСКАЯ СМУТА В ПОЗДНЕЙ ВИЗАНТИИ ГЛАЗАМИ ВЕЛИКОГО КАНЦЕЛЛЯРИЯ ВЕНЕЦИАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В статье рассматривается картина борьбы за власть в династии Палеологов между императором Иоанном V и его сыном Андроником IV (1373–1379), представленная в хронике великого канцелярия Венецианской республики Раффаино Карезини (ок. 1314–1390). В настоящем исследовании автор рассматривает изложение венецианским хронистом событий смуты в доме Палеологов в контексте конструирования венецианского мифа, в котором образы Другого были призваны оттенять идею уникальности и превосходства Венецианской республики. Карезини был достаточно информирован о ситуации в Византии, он обращал пристальное внимание на бедственное внешнеполитическое положение империи в XIV в. Борьба между Иоанном и Андроником в хронике Карезини представлена через призму борьбы интересов венецианцев, поддерживавших легитимного василевса Иоанна V, и генуэзцев, стоявших за его сыном. В венецианском нарративе XIII–XIV вв. сложилось представление об исключительном вероломстве византийцев, однако в хронике Карезини такими характеристиками, как интриганство, жестокость и склонность к разбою, наделены не греки, а главные соперники Венеции — генуэзцы. В целом, канцелярий рассматривал Византию не столько как актора международных отношений, сколько как объект борьбы между более могущественными региональными игроками: Генуей, Венецией и Османским государством.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Венецианская республика; поздняя Византия; венецианское историописание; Иоанн V Палеолог; династия Палеологов; династический конфликт; Генуя.

Современный американский венециевед Т. Мэдден констатировал связь ретроспективного конструирования образа Византии в венецианском историческом нарративе XIV–XVI вв. с формированием и развитием в это же время венецианского политического мифа [Madden, p. 337]. Замечание Мэддена во многом справедливо также применительно к представлениям венецианского историописания XIV–XV вв. о Византийской империи в последнее столетие ее существования.

В этом плане огромный интерес для исследователя венецианско-византийских связей и венецианских образов Византии представляет такой источник, как хроника Раффаино Карезини (ок. 1314–1390), великого канцелярия Венецианской республики [Chronicon Raphaelni Caresini cancellarii Veneti; о нем см.: Carile]. Великий канцелярий, занимавший высшую ненобильскую должность венецианского государственного аппарата, фактически был, по замечанию отечественного исследователя Л. Г. Климанова, главой венецианской бюрократии [Климанов, 2009, с. 348]. Независимый от дожа канцелярий коммуны, избравшийся с 1268 г. Большим Советом пожизненно, ведал канцелярией, выполнявшей функции архива, и был хранителем государственной печати [Климанов, 1990, с. 88]. Очевидно, располагая доступом ко всем политическим документам Республики, канцелярий имел все возможности для историописательской деятельности. Характерно, что Раффаино Карезини был сыном кремонского нотариуса и обосновался в Венеции только в 1341 г., где быстро зарекомендовал себя в качестве квалифицированного и способного делопроизводителя, а летом 1365 г. был назначен великим канцелярием [Carile, p. 80–81]. Текст широкоизвестного венециано-генуэзского договора о торговой блокаде Золотой Орды составлял от лица Республики в 1345 г. именно Карезини, «императорский нотариус и секретарь Дуката Венецианского» [Diplomatarium Veneto-Levanticum, vol. 1, № 161, p. 305]. Хроника Раффаино Карезини продолжала «Краткую хронику» дожа Андреа Дандоло [Andreae Danduli Chronica brevis], написанную тем еще в бытность прокуратором Святого Марка, завершённую в самом начале догата [см.: Marin, p. 52–54] и доведенную до 1342 г. В отличие от того же дожа-интеллектуала, чья более подробная «Пространная хроника» заканчивалась 1280 г. [Andreae Danduli Chronica per extensum descripta], Карезини в своей хронике, не ставя задачу освещения всей венецианской истории, охватил события за сравнительно краткий и близкий по времени период с 1343 по 1388 гг. Р. Уитт подчеркивает ряд историописательских новшеств, внесенных Карезини в венецианскую традицию, замечая, что тот «писал историю так, как будто защищал дело в суде» [Witt, p. 469].

Особенно примечательно в этом отношении свидетельство Карезини о событиях византийской династической смуты 1370-х гг. Он первым из официальных хронистов Венецианской республики поведал о мятеже Андроника IV против своего отца Иоанна V (1341–1391). Описание в хронике великого канцелярия противоборства императора-отца и императора-сына за власть над стремительно слабеющей империей ромеев представляет значительный исследовательский интерес не только в плане реконструкции событийной канвы этой жестокой

междоусобицы, но не в меньшей степени с точки зрения конструирования в венецианском историческом нарративе образа поздней Византии в качестве сегмента венецианской политической мифологии.

Смута в императорском доме Палеологов в 1370-х гг. [см.: Васильев, с. 278; Острогорский, с. 649–652; Куц, 2011; 2012; 2014, с. 89–92] наглядно продемонстрировала уязвимость Византии и активную вовлеченность в ее внутренние дела более могущественных и богатых внешних акторов. Когда Иоанн V был задержан в Венеции в качестве заложника из-за огромных долгов в 1370–1371 гг. [Nicol, p. 306–307], его старший сын и соправитель Андроник IV под предлогом того, что венецианцы требовали отдать им о. Тенедос в счет долга, а император-отец принял это условие [Острогорский, с. 646–647], отказал отцу в денежной помощи. Иоанн получил ее от другого сына, будущего императора Мануила II. Вернувшись из Италии, василевс-отец лишил старшего сына соправительства, и тот, сговорившись с наследником османского султана Мурада I (1362–1389) Савджи Челеби о союзе против отцов, попытался свергнуть Иоанна в мае 1373 г. Заговор принцев потерпел поражение, после чего Мурад настоял на их ослеплении. Ослепленный Савджи Челеби вскоре скончался. По версии поздневизантийского историка Лаоника Халкокондила, Иоанн приказал ослепить Андроника IV посредством выплескивания на глаза сыну кипящего уксуса [Laonikos Chalkokondyles, I. 48], поэтому тот не окончательно потерял зрение. В 1376 г. Андроник бежал из башни Анема, служившей императорской тюрьмой, в генуэзскую Галату при поддержке генуэзцев, которых не устраивал провенецианский курс Иоанна. Затем с помощью тех же генуэзцев и турок Андроник захватил власть и заточил в Анему отца с братом Мануилом [Куц, 2014, с. 89]. Узурпатор продержался на троне, назначив сына Иоанна соимператором, до лета 1379 г., когда, в свою очередь, Иоанн V сумел вместе с Мануилом бежать из Анемы и вскоре вернулся на престол при помощи Мурада I, а узурпатор бежал к генуэзцам в Перу. Вскоре отец и сын вынуждены были прийти к компромиссу: в 1381 г. Андроник вновь был провозглашен наследником и получил в управление Силимврию [Куц, 2012, с. 76]. Умер Андроник вскоре после новой неудачной попытки свержения отца в 1385 г. [Васильев, с. 278].

В «греческих» сюжетах своего труда Раффаино Карезини обращал пристальное внимание на бедственное внешнее и внутреннее положение империи Палеологов в XIV в., погрязшей в гражданских войнах и оказавшейся легкой добычей турок и генуэзцев. Великий канцелярий проявил достаточную осведомленность о состоянии дел в империи ромеев. События в хронике Карезини излагались кратко, но весьма экспрессивно, с вкраплениями назидательных рассуждений: «Кир Андроник, первородный сын Калояна, императора греков, и Сауцибей Залабей (Савджи Челеби. — Д. В.), сын Амурата (Мурада I. — Д. В.), бея турок, сговорились о безбожном и омерзительном союзе против отцов. Однако они потерпели поражение под отцовским натиском. Амурат полностью лишил глаз собственного сына, грек же свое порождение и его сына, ослепив частично, навсегда заточил в темницу. Генуэзцы, договорившись со стражниками,

кира Андроника и сына его из тюрьмы освободили, взлелеяли гибельный пример противостояния отеческому благочестию, через следование против всех естественных и гражданских законов, а также против добрых нравов»¹ [Chronicon Raphaeli Caresini cancellarii Veneti, col. 443].

Про новый бунт Андроника IV при поддержке генуэзцев и отчасти османов в 1376 г., на три года приведший его к власти в Константинополе, Карезини также сообщил с негодованием, добавив некоторые подробности: Андроник пообещал Мураду I, «врагу имени христианского», в наложницы свою сестру, «прекраснейшую христианскую деву», не названную в хронике канцелярия по имени, но той Бог ниспослал смерть, «не дав свершиться столь омерзительному злодейству» [Ibid.]. В византийских источниках этот сюжет о смерти сестры Андроника, предназначенной в жены Мураду, не встречается, однако практика династических браков византийских принцесс с османскими правителями становится в середине XIV в. достаточно привычным явлением во внешней политике Константинополя. Практике положил начало Иоанн Кантакузин, который, стремясь заручиться поддержкой османского бей Орхана, в 1346 г. выдал за него замуж свою дочь Феодору [Острогорский, с. 625–626]. В 1358 г. дочь Иоанна V, по-видимому, Ирина, была отдана в жены сыну Орхана и брату Мурада Халилю [Luttrell, p. 103–104]. По мнению А. Латтрелла, дочь Иоанна V Мария, умершая, согласно одной из кратких греческих хроник, в сентябре 1376 г. или несколько позднее, и была той самой «прекраснейшей христианской девой» хроники Раффаино Карезини [Ibid., p. 104]. Также эта не названная по имени принцесса в хронике Карезини, очевидно, фигурировала не только как вполне реальный персонаж династической смуты, но и в качестве символа умирающей империи или столицы, которую ее правитель-узурпатор готов был отдать на разграбление иноверцам.

«Захвачена империя Константинопольская, — продолжал хронист, — заточен в тюрьму отец, истинный император, причем вместе с императрицей и другими сыновьями жесточайшим образом был он избит. Попали в заточение благородные мужи: байло Пьетро Гримани и наши купцы, проживающие в Константинополе, имущество было разграблено, а торговые сделки — сорваны»² [Chronicon Raphaeli Caresini cancellarii Veneti, col. 443]. Венецианский дипломат и хронист первой половины XVI в. Джованни Джакомо Карольдо (ок. 1480–1538) также сообщал, что «кир Андроник», действуя в интересах властей Генуи и ректоров

¹ Chier Andronicus primogenitus Calojani Graecorum Imperatoris, necnon Saucibeus Zalabei filius Amurati Bey Turchorum profana ac detestabili unione conspiraverunt in Patres; sed paterna persecutione devictis, Amuratus filium proprium oculis privavit totaliter; Graecus autem suum genitum et geniti filium coecatos, se non plene, perpetuum ad carcerem damnavit. Januenses tractatu cum custodibus habito, Chier Andronicom et filium a carceribus liberant, et confovent contra paternam pietatem, et per consequens contra omnia naturalia, et civilian jura, contraque bonos mores et periciosum exemplum.

² Occupatur Imperium Constantinopolitanum; carceratur Pater Verus Imperator, & una cum Imperatrice, ac ceteris filiis acerbissime affligitur; carceratur nobiles viri Petrus Grimanus Bajulus & mercatores nostri Constantonopoli conversantes, bonisque et mercatoribus spoliatur.

Галаты (Перы), арестовал в Константинополе байло, его советников, корабли и купцов [Giovanni Giacomo Caroldo, vol. 5, p. 339a].

Один из самых устойчивых в средневековом венецианском дискурсе топосов о Византии — представление об исключительной злокозненности греков. Описание ареста купцов и разграбления венецианских товаров в Византии не могло не вызывать у венецианцев ассоциацию с такой поворотной вехой, как конфискация венецианских товаров и задержание венецианских граждан указом Мануила I Комнина. 12 марта 1171 г. василевс приказал арестовать венецианцев в империи и конфисковать их имущество, суда и товары, что было незамедлительно сделано [см.: Острогорский, с. 476; Nicol, p. 97–98; Andreae Danduli Chronica per extensum descripta, p. 250]. В «Истории дождей венецианских» первой половины XIII в. про мотивы Мануила было сказано вполне однозначно: «Уж затаил он зло в сердце своем на венецианцев, увидев изобилие их богатств и сияние их добродетелей»³ [Historia ducum Venetorum, p. 28]. Андреа Дандоло в «Пространной хронике» изображал Мануила коварным врагом Венеции, полагавшимся на шпионаж и затягивание переговоров в течение кризиса 1171–1172 гг., во время которого венецианцев на кораблях застигла чума: «Император действительно отправил с возвращающимися послами своего посланника, но не для заключения мира, а для затягивания, а также, чтобы тот разузнал положение в войске»⁴ [Andreae Danduli Chronica per extensum descripta, p. 252]. Для Дандоло взятие Константинополя венецианцами и крестоносцами в 1204 г. было великим актом исторического отмщения «злодеянию нечестивого Мануила» [Ibid., p. 270]. Карезини воздерживался от проведения параллелей между событиями 1171 и 1376 гг. в тексте хроники, однако, по-видимому, сходство недавней ситуации с историей двухсотлетней давности, столь значимой в венецианском нарративе, едва ли не бросалось хронисту в глаза. Впрочем, во взгляде Карезини на арест венецианцев и захват их товаров в Константинополе при Андронике IV Палеологе прослеживается одно существенное отличие от традиционной венецианской трактовки «греческого вероломства» при Мануиле Комнине: в повествовании о разрыве Византии с Венецией главным зловещим актором предстала Генуя, проводником козней которой хронист не без оснований видел Андроника.

Враждебность генуэзцев по отношению к Иоанну V, которому Карезини вполне симпатизировал, справедливо связывалась венецианским историком с его провенецианской позицией, в частности, с тем, что Иоанн обещал передать стратегически важный о. Тенедос Венеции. Когда Андроник IV передал остров генуэзцам, его жители сохраняли верность Иоанну V и его решению, и в октябре 1376 г. Тенедос был занят венецианцами [Острогорский, с. 650]. Карезини писал о благах венецианского правления для греков острова по сравнению с «ужасами» генуэзского владычества: «Народ Тенедоса, помнящий

³ *Iam conceperat malum in corde suo contra Venetos, videns eos divitiis habundare et virtutibus refulgere.*

⁴ *Imperator equidem cum legatis redeuntibus nuncium mictit, non ad pacem, sed ad moram, et ut condiciones exercitus integraliter presentiret...*

об обещании Калояна пожаловать эту землю в залог венецианской дожеской власти и желающий избежать бесчеловечного и тягчайшего ига рабства генуэзского, с поднятыми крестами и великим благочестием смиренно покорился по доброму праву законного императора Калояна кротчайшему покровительству венецианцев»⁵ [Chronicon Rarhauini Caresini cancellarii Veneti, col. 443]. Далее Карезини утверждал, что хрисовулы, по которым Андроник жаловал Тенедос Генуе по требованию последней, недействительны, поскольку он — узурпатор, покушавшийся на отцеубийство и совершивший «преступление оскорбления величества» [Ibid.]. Начавшаяся вскоре Кьоджская война в хронике именована «справедливейшей» [Ibid., col. 444]. По Туринскому миру 1381 г., венецианская и генуэзская стороны, завершив эту кровопролитную войну, объявили Тенедос нейтральным, причем все жители острова были принудительно эвакуированы [Thiriet, p. 178].

Демонизация генуэзцев, главных торговых соперников Венеции, — характерная черта венецианской колониальной пропаганды XIV–XV вв. — позже будет особенно заметна в хронике потомственного нотариуса и канцлера Кандии Лоренцо де Моначи (1351–1428). В частности, в его хронике приводился следующий эпизод. После землетрясения 1303 г. многие греки венецианского Крита уговаривали архонта Алексея Каллерги, который в недавнем прошлом был вождем антивенецианского восстания, а в 1299 г. заключившего с Венецией почетный мир, воспользоваться грозным знаменем и возглавить новое восстание против Венеции. Архонт ответил, что «самостоятельно этот остров управляться не может», а «иго венецианское» лучше, чем владычество «проклятых» генуэзцев, каталонцев или империи греков [Laurentii de Monacis..., p. 163]. Не исключено, что эти слова де Моначи приписал архонту, чтобы предостеречь критскую элиту от нелояльности метрополии.

В эпизоде о противостоянии Иоанна V и Андроника IV Раффаино Карезини изобразил последнего жестокой и вероломной фигурой, однако ничего специфически «греческого» в его поведении не выявлял. Так, его мятеж против отца не отличался от аналогичного поступка Савджи Челеби, а при бегстве из темницы Анема Андроник предстал не столько интриганом и заговорщиком, сколько орудием генуэзских интриг против Иоанна, активно поддерживаемого Венецией. Иоанну V, как законному государю, Карезини, напротив, симпатизировал. Турки в хронике Карезини — непримиримые противники христианства. Но, несмотря на то, что султан Мурад I изображен в хронике сугубо отрицательным персонажем, врагом христианского мира, вероломный бунт Савджи Челеби против него для хрониста — безбожный акт в силу «естественного закона». Подлинным же эталоном вероломства, беспринципности и коварства, в том числе и по отношению к грекам, у Карезини выступали не византийцы, а главные соперники

⁵ Populus Tenedos memor promissionis Calojani Imperatoris de concedendo dictum locum sub mutuo, & pignore Ducali Dominio Venetiarum, volensque inhumanum et asperrimum servitutis jugum Januensium evitare, cum Crucibus elevatis et devotione maxima suppliciter se submiserunt, salvo jure Calojani legitimi Imperatoris, ad protectionem mitissimam Venetorum.

Венеции — генуэзцы. В другом месте своей хроники Карезини отмечал, что про генуэзцев «известно, что они всегда жили грабежом» [Chronicon Raphaelni Caresini cancellarii Veneti, col. 442].

Весьма любопытное освещение событий династической смуты приводится в сочинении венецианца Джакомо Зено «Жизнь Карло Зено», в котором интеллектуал середины XV в. поведал историю жизни и приключений своего деда — прославленного авантюриста, воина и флотоводца Карло Зено (1333–1418), долгое время проживавшего в Византии. Зено-внук писал: «Примерно в это время в Константинополе разразилась государственная смута. Андроник, сын Карояна⁶, константинопольского государя, опираясь на помощь генуэзцев, отстранил отца от власти и сам захватил власть, плененных отца и братьев предал темнице и цепям. Так слепая⁷ страсть к царствованию потрясла души смертных»⁸ [Vita Caroli Zeni, p. 12–13]. Иоанн передал Зено, с которым имел дружеские связи, письмо с просьбой спасти его через некую «бабенку» (*muliercula*), жену начальника крепости, уже давно бывшую любовницей императора [Ibid., p. 13]. Зено сумел на лодке подойти к темнице и по стене забрался к окну камеры Иоанна, выходящему на море, однако тот отказался покинуть тюрьму с венецианцем без сыновей, и побег не состоялся. Вскоре Иоанн вновь умолял Зено о помощи, пообещав в своем письме венецианцу передать Тенедос Венецианской республике, но и этот план провалился, поскольку жена начальника крепости была схвачена и под страхом пыток раскрыла намерения свергнутого императора [Ibid., p. 13–14]. Рассказ Джакомо Зено содержал, по крайней мере, один явный анахронизм: башня Анема, где бы она в действительности ни находилась, определенно была расположена вдали от Золотого Рога [Куш, 2014, с. 95].

В хронике Раффаино Карезини, старшего современника Карло Зено, последний фигурировал как герой Кьоджской войны с Генуей, совершивший летом 1379 г. несколько успешных рейдов против генуэзского флота в Восточном Средиземноморье. Как сообщал Карезини, Зено, «захватив и предав огню несколько генуэзских судов, отправив многих генуэзцев в тюрьмы Крита, имея при себе галей с Негропонта и галею с Тенедоса, поспешил в Константинополь, где, изгнав кира Андроника, восстановил во власти императора Калояна» [Chronicon Raphaelni Caresini cancellarii Veneti, col. 446–447]. В дальнейшем хронист живописал участие флота под командованием «благородного мужа» Карло Зено, вернувшегося с Востока в Адриатику, в судьбоносном противостоянии с генуэзцами при Кьодже в 1380 г. [Ibid., p. 451–452]. Несмотря на то, что Зено в беглом рассказе Карезини предстал способным воином, чьи действия

⁶ Искаженный вариант имени Калоян — «Прекрасный Иоанн», стандартного именованья византийских императоров по имени Иоанн в западных источниках.

⁷ По-видимому, игра слов: намек на слепоту самого Андроника.

⁸ Circiter ea tempora Constantinopoli novae rerum turbationes erant exortae. Andronicus Caroianni Constantinopolitani principis filius, ope Genuensium fretus, patrem imperium truserat, rerumque ipse potitus, patrem, fratresue interceptos, carceri vinculisque adegerat. Ita mortalium animos caecus regnandi furor vexat.

были определяющими в истории восстановления Иоанна V на троне, великий канцелярий не упоминал первой, неудавшейся (если не вымышленной) попытки Зено выволить василевса из темницы. Стоит обратить внимание, что в момент написания хроники Карезини Карло Зено был жив и здравствовал, и его слава только росла.

Приводимые в источниках версии обстоятельств побега Иоанна V из Анемы достаточно разнообразны (о версиях побега Иоанна в сочинениях Димитрия Кидониса, Дуки, Псевдо-Сфрандзи и других авторов см.: [Куш, 2014, с. 91–92]), и история об освобождении василевса непосредственно венецианским адмиралом не подтверждается византийскими источниками. В частности, в «Истории» Халкокондила сообщалось, что Андроник, заточив отца и брата в башню, три года держал их там внутри маленькой деревянной клетки, но убить их все же не пожелал, хотя сделать это ему настоятельно советовал султан Баязид [Laonikos Chalkokondyles, 2.6] (в действительности султаном в то время был Мурад I). На четвертом году заточения отец и сын сумели уговорить слугу, приносившего узникам пищу, дать им некий железный предмет, с помощью которого Иоанн и Мануил быстро выбрались из темницы и вскоре бежали к султану, пообещав ему сколь угодно большую дань и любую военную помощь [Ibid.]. Так или иначе, наиболее значимым в деле возвращения Иоанна Палеолога к престолу внешним актором был Мурад I, к которому бежали, освободившись из Анемы, Иоанн и Мануил [Nicol, p. 320]. Очевидно, приведенный в хронике великого канцелярия портрет Карло Зено, при написании которого Карезини добавил к вполне реальным подвигам флотоводца недостоверные подробности, отвечал запросу венецианцев на образ героя-современника.

Общий авантюрный настрой жизнеописания Зено и в частности эпизода с попыткой освобождения Иоанна V также не способствует восприятию данного рассказа как достоверного. Однако, если оставить вопрос о точности изложения автором событийной стороны и сосредоточиться на имагологическом ракурсе проблемы, то при всем авантюрном характере изложения у Джакомо Зено и юридизме Карезини, нельзя не заметить общего настроения в изложении у Карезини и у Зено. В обоих источниках «Калоян» представлен другом венецианцев, а Андроник — узурпатором, скупаемым жестокими страстями, положившимся на помощь Генуи.

В целом, византийская династическая смута 1370-х гг. в изложении Карезини предстала не столько борьбой между императорами дома Палеологов, сколько противодействием внешних игроков. В той же мере, в какой Андроник изображался орудием в руках генуэзцев, в той и «Калоян» предстал у Карезини, в первую очередь, послушным союзником Республики Святого Марка. Начиная с этой хроники великого канцелярия Республики Раффаино Карезини, сосредоточившегося, в отличие от дожа-хрониста Дандоло, на близких по времени событиях, явственно обозначился один из важных трендов восприятия Византии эпохи Палеологов в венецианском интеллектуальном дискурсе: империя ромеев в повествовании Карезини постепенно теряет субъектность и рассматривается,

главным образом, как арена борьбы за влияние между венецианцами, генуэзцами и османами.

Васильев А. А. История Византийской империи. От начала крестовых походов до падения Константинополя. СПб. : Алетея, 1998.

Климанов Л. Г. *Cor nostri status*: историческое место канцелярии в венецианском государстве // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.). Л. : Наука, 1990. С. 80–105.

Климанов Л. Г. *Consilia et Officia*: историографические заметки о венецианской бюрократии // Античная древность и Средние века. 2009. Вып. 39. С. 339–351.

Куц Т. В. Внутридинастическая борьба в поздней Византии (по «Диалогу о браке» Мануила II Палеолога) // Урал. ист. вестн. 2011. № 3 (32). С. 35–40.

Куц Т. В. Матримониальный путь укрепления императорской власти: рассуждения Мануила II Палеолога о браке // Средние века. 2012. Вып. 73 (1–2). С. 73–91.

Куц Т. В. Узники башни Анема // Вопр. истории. 2014. № 11. С. 82–95.

Острогорский Г. А. История Византийского государства / пер. с нем. М. : Сибирская Благозвонница, 2011.

Andreae Danduli Chronica brevis / a cura di E. Pastorello // *Rerum Italicarum scriptores*. Bologna : Nicola Zanichelli, 1940. T. 12. Partes 1–2. P. 333–373.

Andreae Danduli Chronica per extensum descripta / a cura di E. Pastorello // *Rerum Italicarum scriptores*. Bologna : Nicola Zanichelli, 1940. T. 12. Partes 1–2. P. 5–327.

Carile A. Caresini, Rafaino // *Dizionario Biografico degli Italiani* / a cura di A. M. Ghisalberti. Roma : Istituto dell'Enciclopedia italiana, 1977. Vol. 20. P. 80–83.

Chronicon Raphayni Caresini cancellarii Veneti / ed. L. A. Muratorius // *Rerum Italicarum Scriptores*. T. 12. Mediolani : Ex typographia Societatis Palatinae in regia curia, 1728. Col. 417–514. *Diplomatarium Veneto-Levantinum*. Vol. 1 / ed. G. M. Thomas. Venice : Sumptibus Societatis, 1880.

Giovanni Giacomo Caroldo. *Istorie Venetiane*. Vol. V : Ultima parte a dogatului lui Andrea Contarini (1373–1382) / ed. îngrijită de Ș. V. Marin. București : Arhivele Naționale ale României, 2012.

Historia ducum Venetorum / a cura di L. A. Berto // *Testi storici veneziani (XI–XIII secolo)*. Padova : Cooperativa Libreria Editrice Università di Padova, 1999. P. 2–83.

Laonikos Chalkokondyles. *The Histories*. Vol. 1 / transl. by A. Kaldellis. Cambridge ; London : Harvard Univ. Press, 2014.

Laurentii de Monacis Veneti Cretae cancellarii Chronicon de rebus Venetis ab U.C. ad annum MCCCLIV: sive ad conjunctionem ducis Faledro. Venetiis : Ex typ. Redmondiniana, 1758.

Luttrell A. John V's Daughters: a Palaiologan Puzzle // *Dumbarton Oaks Papers*. 1986. Vol. 40. P. 103–112.

Madden T. The Venetian Version of the Fourth Crusade: Memory and the Conquest of Constantinople in Medieval Venice // *Speculum*. № 87. 2 (April 2012). P. 311–344.

Marin Ș. A Double Pathfinder's Condition: Andrea Dandolo and His Chronicles // *Annuario dell'Istituto Romeno di Cultura e Ricerca Umanistica di Venezia*. XII–XIII, 2010–2011. București : Editura Academiei Române, 2015. P. 41–122.

Nicol D. Byzantium and Venice. A Study in Diplomatic and Cultural Relations. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1992.

Thiriet F. La Romanie vénitienne au Moyen âge. Le développement et l'exploitation du domaine colonial vénitien (XIIe–XVe siècles). Paris : De Boccard, 1959.

Vita Caroli Zeni. *Rerum italicarum scriptores*, XIX, 6 / ed. L. A. Muratori ; re-ed. G. Zonta. Bologna : Nicola Zanichelli, 1940.

Witt R. In the Footsteps of the Ancients: The Origins of Humanism from Lovato to Bruni. Leiden : Brill Academic Publishers, 2000.

Статья поступила в редакцию 27.02.2016 г.

Возчиков Дмитрий Викторович
 аспирант кафедры истории Древнего
 мира и Средних веков
 ассистент кафедры востоковедения
 Уральский федеральный университет
 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
 E-mail: catullus89@mail.ru

Vozchikov, Dmitry Viktorovich
 Postgraduate student,
 Chair of Ancient and Medieval Studies
 Teaching fellow, Chair of Oriental Studies
 Ural Federal University
 4, Turgenev Str., 620000 Yekaterinburg, Russia
 E-mail: catullus89@mail.ru

LATE BYZANTINE DYNASTIC TURMOIL IN THE EYES OF THE GRAND CHANCELLOR OF THE REPUBLIC OF VENICE

The article deals with the narrative of the intra-dynastic conflict between John V Palaiologos and his son Andronikos IV (1373–1379), as depicted in the contemporary chronicle of the Venetian Grand Chancellor Raffaino Caresini (ca. 1314–1390). The author examines Caresini's narration about the discord in the house of Palaiologos in the context of the Venetian myth. Various images of *the Other* were essential for this myth to underline the uniqueness and superiority of the Republic of Venice. Caresini was well aware of the current state of affairs in Byzantium. The chronicler paid special attention to the precarious international position of the Empire in the 14th century. The struggle between John and his heir is regarded in Caresini's chronicle through the prism of Veneto-Genoese rivalry, where Venice supported John and Genoa stood behind Andronikos. The Venetian narrative of the 13th and 14th centuries contained a stereotype about the Byzantine perfidy, but Caresini ascribed such negative characteristics as insidiousness, cruelty and inclination to robbery to the Genoese, the main rivals of the Venetians, not to the Greeks. In general, Caresini regarded Byzantium as an object of struggle between more powerful regional players: Genoa, Venice and the Ottoman state rather than a subject of international relations.

Key words: Republic of Venice; Late Byzantium; Venetian historiography; John V Palaiologos; house of Palaiologos; intra-dynastic conflict; Genoa.

Caresini, R. (1728). *Chronicon Raphayni Caresini cancellarii Veneti* [Chronicle of Raffaino Caresini, the Chancellor of Venice]. In L. A. Muratorius (Ed.), *Rerum Italicarum Scriptores* [Writers of Italian Affairs] (Vol. XII, col. 417–514). Milano: Ex typographia Societatis Palatinae in regia curia. (In Latin)

Carile, A. (1977). Caresini, Rafaino. In A. M. Ghisalberti (Ed.), *Dizionario Biografico degli Italiani* [Biographical Dictionary of the Italians] (Vol. 20, pp. 80–83). Roma: Istituto dell'Enciclopedia italiana. (In Italian)

Caroldo, G. G. (2012). *Istorie Veneziene* [Venetian Stories], V: *Ultima parte a dogatului lui Andrea Contarini (1373–1382)* [The Last Part of Andrea Contraini's Dogeship (1373–1382)]. București: Arhivele Naționale ale României. (In Italian)

Dandolo, A. (1940a). *Andreae Danduli Chronica brevis* [Andrea Dandolo's Short Chronicle]. In E. Pastorello (Ed.), *Rerum Italicarum scriptores* [Writers of Italian Affairs] (Vol. 12, Parts 1–2, pp. 333–373). Bologna: Nicola Zanichelli (In Latin)

Dandolo, A. (1940b). *Andreae Danduli Chronica per extensum descripta* [Andrea Dandolo's Extended Chronicle]. In E. Pastorello (Ed.), *Rerum Italicarum scriptores* [Writers of Italian Affairs] (Vol. 12, Parts 1–2, pp. 5–327). Bologna: Nicola Zanichelli. (In Latin)

- Historia ducum Venetorum [History of the Venetian Doges] (1999). In L. A. Berto (Ed.), *Testi storici veneziani (XI–XIII secolo)* [Venetian Historical Texts (11th–13th Centuries)] (pp. 2–83). Padova: Cooperativa Libraria Editrice Università di Padova. (In Latin)
- Klimanov, L. G. (1990). Cor nostri statu: istoricheskoe mesto kanceljarii v venecijskom gosudarstve [Cor nostril statu: The Historical Place of the Chancery in the Venetian State]. In V. I. Rutenburg (Ed.), *Politicheskie struktury jepohi feodalizma v Zapadnoj Evrope (VI–XVII vv.)* [Political Structures of the Age of Feudalism in Western Europe (from 6th to 17th Century)] (pp. 80–105). Leningrad: Nauka. (In Russian)
- Klimanov, L. G. (2009). Consilia et Officia: istoriograficheskie zametki o venetsianskoi biurokratii [Consilia et Officia: Historiographical Notes on the Venetian Bureaucracy]. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 39, 339–351. (In Russian)
- Kushch, T. V. (2011). Vnutridinasticheskaja bor'ba v pozdnej Vizantii (po «Dialogu o brake» Manuila II Paleologa) [Intra-dynastic Struggle in Late Byzantium (With Reference to Manuel II Palaiologos's *Dialogue on Marriage*)]. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, 3 (32), 35–40. (In Russian)
- Kushch, T. V. (2012). Matrimonial'nyi put' ukrepleniia imperatorskoi vlasti: rassuzhdeniia Manuila II Paleologa o brake [Marriage as a Way of Consolidation of the Imperial Authority: The Arguments of Manuel II Palaiologos]. *Srednie veka*, 73 (1–2), 73–91. (In Russian)
- Kushch, T. V. (2014). Uzniki bashni Anema [Prisoners of the Tower of Anemas]. *Voprosy istorii*, 11, 82–95. (In Russian)
- Laonikos Chalkokondyles (2014). *The Histories* (transl. by A. Kaldellis). (Vol. I). Cambridge; London: Harvard University Press.
- Luttrell, A. (1986). John V's Daughters' a Palaiologan Puzzle. *Dumbarton Oaks Papers*, 40, 103–112.
- Madden, T. (2012). The Venetian Version of the Fourth Crusade: Memory and the Conquest of Constantinople in Medieval Venice. *Speculum*, 87, 2, 311–344.
- Marin, Ș. (2015). Double Pathfinder's Condition: Andrea Dandolo and His Chronicles. *Annuario dell'Instituto Romeno di Cultura e Ricerca Umanistica di Venezia*, 12–13, (2010–2011), 41–122. București: Editura Academiei Române.
- Monaci, L. de. (1758). *Laurentii de Monacis Veneti Cretae cancellarii Chronicon de rebus Venetis ab U.C. ad annum MCCCLIV: sive ad conjurationem ducis Faledro* [Cretan Chancellor Lorenzo de Monaci's Chronicle of the Venetian Affairs from the Foundation of the City to 1354, or on the Conspiracy of Doge Faliero]. Venice: Ex typographia Redmondiniana. (In Latin)
- Muratori, L. A. (Ed.), & Zonta, G. (Re-ed.) (1940). *Vita Caroli Zeni* [The Life of Carlo Zen]. Bologna: Nicola Zanichelli. (In Latin)
- Nicol, D. (1992). *Byzantium and Venice. A Study in Diplomatic and Cultural Relations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ostrogorsky, G. A. (2011). *Istoriia Vizantiiskogo gosudarstva* [The History of the Byzantine State]. Moscow: Sibirskaiia Blagozvonnitsa. (In Russian)
- Thiriet, F. (1959). *La Romanie vénitienne au Moyen âge. Le développement et l'exploitation du domaine colonial vénitien (XIIe–XVe siècles)* [Venetian Romania in the Middle Ages. Development and Exploitation of the Venetian Colonial Possessions (13th–14th Centuries)]. Paris: De Boccard. (In French)
- Thomas, G. M. (Ed.). (1880). *Diplomatarium Veneto-Levanticum* (Vol. 1). Venice: Sumptibus Societatis, 1880.
- Vasiliev, A. A. (1998). *Istoriia Vizantiiskoi imperii. Ot nachala krestovyykh pokhodov do padeniia Konstantinopolia* [The History of the Byzantine Empire. From the Beginning of the Crusades to the Fall of Constantinople]. Saint Petersburg: Aletheia. (In Russian)
- Witt, R. (2003). *In the Footsteps of the Ancients: the Origins of Humanism from Lovato to Bruni*. Leiden: Brill Academic Publishers.

DOI 10.15826/izv2.2016.18.2.030

С. А. Пятовский

УДК 327.3 + 323.1 + 341(438:477)(091)

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия***ПОЛЬСКО-УКРАИНСКИЙ КОНФЛИКТ 1918–1919 ГГ.
В КОНТЕКСТЕ ЗАРОЖДЕНИЯ ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ***

В статье исследуется процесс урегулирования польско-украинского конфликта в Восточной Галиции 1918–1919 гг. Проводится сравнительный анализ политики Польши и ЗУНР по легитимации власти в спорном регионе. Рассматриваются посреднические инициативы стран Антанты и процесс разрешения вопроса в ходе Парижской мирной конференции, выявляются мотивы действий различных сторон. Главная задача автора — на конкретном наглядном примере продемонстрировать факт размывания и разрушения четких представлений о праве и справедливости в условиях гегемонии западных держав, получивших статус мировых арбитров после военной победы над германо-австрийским блоком. Такое положение позволяло им игнорировать принципы международных отношений и принимать решения, исходя из геополитических соображений, собственных империалистических интересов.

В работе использованы архивные и опубликованные документы: тексты международных договоров, протоколы заседаний Верховного совета Антанты, дипломатическая переписка, рапорты поветовых комиссаров ЗУНР, воззвания от имени польского населения Галиции и пр. Кроме того, учтены достижения современной историографии вопроса на русском, польском, украинском и английском языках.

К л ю ч е в ы е с л о в а: международные отношения; конфликты; международное право; мирное урегулирование; польско-украинская война; Парижская мирная конференция; Версальская система; легитимность; справедливость.

Истоки польско-украинского конфликта в Восточной Галиции берут свое начало в середине XIX в., когда идея украинско-русинского этнокультурного самоопределения была выражена в форме общественно-политического движения, получившего название «украинофильство». В современной историографии существует точка зрения, согласно которой процесс складывания украинского этноса был поддержан Габсбургами для создания противовеса польскому сепаратизму и галицийскому движению «москвофилов» [см., например: Михутина, 2012; Wyszczelski, 2013]. Как бы то ни было, внутренняя политика австрийских властей обеспечила украинофильскому движению свободу развития. На рубеже XIX и XX вв. впервые появились массовые украинские партии, которым вскоре

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-00390) в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена.

удалось пробиться как в краевой сейм, так и в австрийский Рейхсрат. Наиболее влиятельные из них — национально-демократическая, радикальная и социал-демократическая — ограничивались требованием выделения восточной части Галиции в качестве украинской национальной автономии, выражая при этом лояльность австрийскому государству. Эта относительно умеренная, но вполне реалистическая на тот момент стратегия стала препятствием для полноценного сотрудничества с приднепровским украинским движением. Разразившаяся в 1914 г. мировая война углубила противоречия. Галицийские политики сделали ставку на победу Германии и Австро-Венгрии, призывая создать независимую Украину на отвоеванных у Российской империи территориях. После получения санкции из Вены была создана Главная украинская рада, под эгидой которой затем формировался добровольческий полк Украинских сечевых стрельцов (УСС). Большая часть российских украинофилов либо поддержала царское правительство, либо заняла выжидательную позицию. Только основанный приднепровскими политэмигрантами Союз освобождения Украины поддержал войну против России [Литвин, с. 181]. В дальнейшем раскол украинского движения закрепился сепаратным миром между УНР и Центральными державами в феврале 1918 г. Его условия не предполагали объединения украинских территорий в рамках единого государства, оставляя Восточную Галицию в составе империи Габсбургов [Советско-германские отношения, д. 136, с. 300].

Польская политическая жизнь развивалась относительно свободно лишь начиная с последней трети XIX в., когда ослабленная внешними поражениями Австро-Венгрия смягчила свою национальную политику и пошла на уступки, предоставив галицийским полякам культурно-административную автономию. На рубеже веков возникли польские партии современного типа, и в отличие от украинских оппонентов, как правило лояльных Габсбургам, они имели различную внешнеполитическую ориентацию. Традиционной опорой монархии была правоцентристская партия консерваторов, однако самую заметную роль в борьбе за национальную независимость сыграли впоследствии две силы: революционная фракция Польской социалистической партии во главе с Ю. Пилсудским и Национал-демократическая партия под руководством Р. Дмовского. Стратегической целью обеих было возрождение независимого польского государства, однако тактика использовалась разная. В начале мировой войны пилсудчики — как и галицийские украинофилы — сделали ставку на победу Центральных держав, в то время как национал-демократы ориентировались на сотрудничество со странами Антанты. В августе 1914 г. союзу левых и демократических партий и организаций удалось достичь соглашения с консерваторами, которые стали посредниками в переговорах с Веней по вопросу создания польских легионов в составе австрийской армии [Garlicki, s. 259]. Для политического и хозяйственного обеспечения боевых формирований был учрежден Главный национальный комитет, куда вошли представители различных партий.

Нетрудно заметить, что ориентированные на Австро-Венгрию польские и украинские политические силы Галиции в условиях мировой войны

действовали по одному и тому же сценарию. Получив разрешение имперских властей, они учредили коалиционные организующие центры — Главный национальный комитет и Главную украинскую раду. Под эгидой данных органов формировались военные части: польский легион и батальон УСС. Таким образом, при всей непримиримости борьбы в Галиции, соперники имели как минимум одну точку соприкосновения — антироссийскую. Войну против царской империи они восприняли как необходимый этап национально-освободительного процесса.

Польский и украинский политические лагеря Восточной Галиции опирались на этнокультурные группы, обособленные друг от друга ввиду различий родного языка, традиционного вероисповедания, а также резкого социального расслоения. По данным австрийской переписи 1900 г. на русинско-украинском языке разговаривали 63,09 % из почти 5 млн жителей края. Польский язык называли в качестве родного 32,71 % населения, причем таковым его считали и многие галицийские иудеи, т. е. реальная доля этнически польского элемента была еще ниже. Это косвенно подтверждают сведения переписи о вероисповедании: в то время, как приверженцами греко-католической церкви назвали себя 63,48 % жителей Восточной Галиции, что примерно совпадает с количеством русиноговорящих, то католиками римского обряда обозначились только 22,7 % населения [Макарчук, 1983, с. 36]. Исходя из этих цифр, можно сделать вывод о том, что поляки составляли не более четверти всех жителей спорного края. Тем не менее, они преобладали среди городских жителей, крупных и средних землевладельцев, доминировали в органах местного самоуправления. Это давало возможность неофициально проводить политику колонизации через оказание экономического и национально-религиозного давления на малоимущих русинских крестьян и батраков [Савченко, с. 60]. Однако, несмотря на подобное «этносоциальное» расслоение, польско-украинский конфликт 1918–1919 гг. так и не получил однозначно выраженного классового характера. Среди тех же бойцов УСС бытовали скорее радикально-националистические взгляды — ненависть не к «пану», а к поляку и еврею [Макарчук, 1997, с. 26].

Поражение германо-австрийского блока в конце 1918 г. кардинальным образом изменило ситуацию. Стремительный процесс распада Австро-Венгрии и Ноябрьская революция в Германии привели к ослаблению внешнего контроля как над оккупированными территориями бывшей Российской империи, так и над Галицией. Значительным фактором стали также революционные события и гражданская война в России. Отсутствие легитимных источников власти и неопределенность национальных границ привели к ряду локальных конфликтов, один из которых проходил в 1918–1919 гг. в Восточной Галиции.

Национальные границы послевоенной Европы зависели исключительно от воли держав-победителей. В основу будущей системы международных отношений были положены «14 пунктов» президента США В. Вильсона. Этот документ давал большие надежды народам, не имеющим государственности. Десятый пункт гарантировал всем народам Австро-Венгрии — а следовательно,

и галицийским русинам — «возможность автономного развития» в этнических границах. В тринадцатом пункте речь шла о создании независимой Польши, в состав которой должны были войти территории, «населенные бесспорно польским населением» [Wybór źródeł, 1997, Nr. 1, s. 9–10]. Нельзя однозначно сказать, какая сторона несла ответственность за разгоревшийся в ноябре 1918 г. вооруженный конфликт. Характерны слова Ю. Пилсудского, которыми он охарактеризовал восточное направление своей внешней политики: «там — двери, которые открываются и закрываются, и все зависит от того, кто и как широко распахнет их силой» [Kamiński, s. 13]. Не только Польша, но и ЗУНР стремилась добиться своей цели, поставив Запад перед свершившимся фактом. Однако военной победы было недостаточно — требовалась легитимация власти в глазах правящей элиты великих держав. Так первоочередной задачей обеих сторон стало обоснование своего права на власть в Восточной Галиции.

Первым шагом стало образование центров, призванных исполнить роль самопровозглашенного временного правительства, взяв территорию края под свой контроль. 18 октября 1918 г. во Львове собрались украинские депутаты местного сейма и австрийского Рейхсрата, а также представители основных партий: национал-демократической, христианско-социалистической, радикальной и социал-демократической. Провозгласив себя Украинской национальной радой, съезд избрал на пост председателя Е. Петрушевича, а затем объявил, что «вся украинская этнографическая область в Австро-Венгрии» отныне является «Украинской державой» [Макарчук, 1997, с. 43]. Польская сторона отреагировала с опозданием. Польская ликвидационная комиссия во главе с В. Витосом возникла лишь 28 октября в Кракове и не сумела помешать украинскому путчу, о подготовке к которому ей было известно [Wyszczelski, s. 13].

Говоря о вышеупомянутой комиссии, историк Я. Паевский утверждает: «несмотря на название, это было подлинное правительство <...> получившее власть над Восточной Галицией, опираясь на польскую администрацию, армию и полицию» [Rajewski, s. 38]. Способность контролировать территорию и поддерживать на ней порядок силой — спорный критерий легитимности власти. Но иные аргументы, не считая исторических доводов об «исконности» польского владычества над Галицией, попросту отсутствовали.

Одним из способов легитимации власти на первом этапе развязанного конфликта стали составление и сбор документов, якобы свидетельствующих о поддержке местного населения. В ноябре-декабре 1918 г. в адрес варшавского правительства и лично начальника панства Ю. Пилсудского поступила масса писем, телеграмм и коллективных петиций, объединенных общим призывом: двинуть войска на помощь польскому Львову. Некоторые из этих воззваний самобытны и, возможно, являются проявлением подлинного общественного беспокойства. Таким примером может служить письмо «польки из Пшемышля» к «дорогому коменданту» от 7 декабря: «Верю, что хочешь, как лучше. Но прошу, ответь, почему забываешь, почему не хочешь думать о Восточной Галиции, о тех чистых душою детях, которые идут на смерть, защищая свою землю

от варваров-украинцев?» [AAN, Kancelaria Cywilna, zes. 3, sygn. 198, l. 26]. Тем не менее, подавляющая часть тех документов была несомненно сфабрикована. Бросается в глаза однотипность формулировок и риторических приемов. Кроме того, совершенно неестественно выглядят приводимые «простым народом» глубоко идеологические доводы, которые впоследствии были использованы польской делегацией на полях мирной конференции в Париже. Ярким примером служит воззвание от имени русин и лемков Ново-Сончского повета, датированное 17 ноября, в котором проводится настоящий исторический экскурс в историю Галиции, завершающийся выводом о необходимости присоединения края к Польше, так как «галицийские русины жили под властью Польши со времен Владислава Ягеллы вплоть до первого раздела Речи Посполитой, то есть около 390 лет» [Ibid., l. 30–38].

Если среди воззваний ноября-декабря 1918 г. встречаются оригинальные по содержанию письма и телеграммы, не вписывающиеся в общую идеологическую канву, то вторая волна «документальных свидетельств», которая пришлась на май-июнь 1918 г., была практически полностью сфабрикованной и скоординированной. К этому времени польским войскам удалось нанести ряд поражений Украинской галицкой армии (УГА) и взять под контроль большую часть Восточной Галиции. Лидеры западных держав на конференции в Париже вскоре должны были вынести свой вердикт, поэтому новая волна документов, скорее всего, была призвана стать дополнительным доводом в пользу Польши. Речь идет о десятках резолюций, составленных от лица жителей городов и сел региона. Они якобы свидетельствовали о единодушной поддержке польских властей. Некоторые отличались оригинальной формой, но не содержанием. Большинство резолюций представляли собой стандартный бланк, куда следовало лишь вписать название населенного пункта и поставить подписи главы местной администрации и секретаря. Начинались они словами: «Мы, собравшиеся в ... граждане и гражданки свободной Республики Польской, требуем, чтобы Восточная Галиция была немедленно освобождена и присоединена к Польше. Исходя из этой цели, требуем от правительства, чтобы оно немедленно отправило войска для спасения Галиции от свирепствующих там болезней, голода и варварства» [Ibid., sygn. 199, l. 8].

В качестве аналогичных «свидетельств» можно рассматривать рапорты комиссаров правительства ЗУНР о ситуации на местах, составленные в ноябре-декабре 1918 г., когда украинские силы еще владели инициативой и контролировали немалую часть Восточной Галиции. Они отличаются самобытностью и явно отражают реальное положение точнее, нежели польские сфабрикованные воззвания. Например, в рапорте от 9 ноября комиссар М. Захидный так описал ситуацию в повете Бережаны: «На 10/XI во всех общинах повета назначены выборы гражданских комиссаров на основе прямого и общего голосования. В тот же день общины выберут по одному представителю для выборов комиссара повета и его заместителя в Бережанах. Пожилые поляки заявляют о своей лояльности. Молодежь сперва организовала свои боевые группы, но взглянув

на значительные военные силы в повете, бросила свою затею. Евреи в повете держат нейтральную сторону» [AAN, Kolekcja organizowań..., zes. 45, sygn. 55, l. 13]. Делегат правительства А. Козакевич в донесении середины ноября из повета Бибрки сообщил о горячей поддержке населения: «В повете прошел с 11 по 15 число сего месяца общий призыв возрастов от 18 до 34 лет. Население радостно спешит под ружье, осозная, что несет ответственность за безопасность и целостность новообразованной украинской Державы. В ближайшие дни будет проведено обучение для новобранцев, необученных солдат. Население доставит в скорейшем времени хлеб, скотину и картофель» [Ibid., l. 8]. Процесс формирования органов местного самоуправления описан в протоколе собрания комиссаров Бучачского повета от 7 ноября: «На собрание явились 209 делегатов от 70 общин повета Бучачского <...> После выборов членов поветового комитета комиссар пояснил инструкцию УНР касаясь выборов мейских и сельских комиссаров и комитетов. Было решено созвать 11/11 сего года весь поветовый комитет с целью совещания и решения всех задач, поставленных в инструкции поветового комиссара УНР» [Ibid., l. 15–16].

Из этих документов следует, что Государственный секретариат ЗУНР подходил к задаче легитимации своей власти очень ответственно. Под контролем его комиссаров в поветах проводились выборы в органы местного самоуправления, явка и результаты которых были куда более серьезным аргументом, нежели эмоциональные воззвания от имени польского меньшинства. В то время, как Польша создавала лишь видимость, ЗУНР предпринимала меры для реального обеспечения легитимности своей власти. Однако военные поражения и территориальные потери не позволили завершить эту работу.

Российский историк С. А. Скларов справедливо заметил, что польский и украинский национально-государственные проекты в Восточной Галиции изначально имели неравные шансы на реализацию из-за предубеждений западных держав против украинского движения [Скларов, с. 137]. Во-первых, в годы войны галицийские украинофилы организовали батальон УСС и выступали на стороне Центральных держав, что лишало их доверия стран Антанты. Начальник польского панства Ю. Пилсудский также «запятнал» себя сотрудничеством с немцами и австрийцами, поэтому в начале 1919 г. посредником варшавского правительства в отношениях с Западом стал Польский национальный комитет в Париже во главе с Р. Дмовским. В украинском же движении не было союзов и организаций, ориентированных на Антанту в годы войны, что существенно затрудняло задачу дипломатов ЗУНР. Важным фактором также была позиция Франции, которая стремилась создать сильную Польшу, способную заменить Россию в качестве союзника на востоке, служить противовесом Германии и буфером на пути большевизма. Независимому украинскому государству не было места в планах французского руководства.

На первом этапе конфликта идею независимого русинского государства поддерживала Великобритания, не одобрявшая излишнего усиления Польши. Она призывала к прекращению огня и проведению плебисцита [Goldstein, p. 145].

В середине января 1919 г. во Львов отправилась британская миссия во главе с полковником Г. Уэйдом. Он выступил в качестве посредника мирных переговоров, однако компромиссный проект демаркационной линии не удовлетворил противников. Возмущение обеих сторон вызвала также идея временной оккупации силами Антанты нефтяного бассейна под Бориславом [Sprawy Polskie..., t. I, s. 227–230]. В конце января в спорный регион прибыла объединенная миссия Антанты под председательством французского генерала А. Бертело — главнокомандующего силами интервентов на юге России. Последнему удалось, пригрозив силой Антанты [Ukraine and Poland..., doc. 13, p. 78–79], добиться временного перемирия с 24 февраля 1919 г. Вскоре был сформулирован новый проект компромисса, согласно которому демаркационная линия проходила по р. Буг и железной дороге на Стрый, в 20 км к востоку от Львова, что совпадало с существовавшей линией фронта. Бориславский нефтяной бассейн отходил при этом под контроль Польши [Ibid., doc. 17, p. 85–86].

К концу февраля Директория УНР потеряла большую часть своей территории в результате наступления Красной армии и была вынуждена выбирать между полным крахом и компромиссным соглашением с Польшей. Главной атаман С. Петлюра склонялся ко второму варианту: отдать Галицию, чтобы сохранить хотя бы часть Приднепровья. Но такой вариант абсолютно не устраивал руководство ЗУНР, которое в таком случае лишалось собственной страны. Кроме того, галичан обеспокоило известие о переброске из Франции польской армии генерала Ю. Галлера, сформированной из эмигрантов и военнопленных, получившей французское оружие и подготовку. Командующий УГА генерал И. Омелянович-Павленко утром 2 марта отдал приказ о возобновлении наступательных действий [Грицкевич, с. 245].

Срыв мирных переговоров привел к расколу в украинском лагере. Пока части УГА продолжали вести бои на фронте, С. Петлюра пытался наладить сотрудничество со странами Антанты, взяв на себя невыполнимое обязательство создать 300-тысячную армию для войны с большевиками [Гражданская война, т. 1, д. 144, с. 201–202]. Руководство ЗУНР направило в Париж независимую делегацию — искать защиты непосредственно у Верховного совета Антанты. Ее возглавил заместитель госсекретаря иностранных дел ЗУНР М. Лозинский. Тем временем для разрешения польско-украинского конфликта в рамках мирной конференции в Париже была создана особая комиссия во главе с южноафриканским генералом Л. Бота. Предложенный им в мае 1919 г. новый проект демаркационной линии был отвергнут польским командованием, получившим подкрепление и стремившимся завладеть всей Восточной Галицией. Делегация ЗУНР предприняла попытку добиться помощи через генерала Л. Бота, изложив в письме от 24 мая свои многочисленные и вполне справедливые жалобы, но в ответ получила сухой и короткий ответ: «вопрос будет решен советом так, как тот посчитает нужным» [Documents..., vol. III, No. 227, p. 322–323].

В конце мая 1919 г. судьба ЗУНР уже была предрешена. Даже главный противник усиления Польши, британский премьер Д. Ллойд Джордж, выразив

возмущение своеволием Ю. Пилсудского, не стал отстаивать право украинцев на государственность. 27 июня в Париже состоялось решающее заседание по этому вопросу, на котором глава британского МИДа А. Бальфур заявил, что «большевики атаковали Галицию», а союзники лишь «препятствуют действиям Польши» по защите своей независимости. Ввиду таких чрезвычайных обстоятельств он предложил разрешить временную оккупацию Восточной Галиции при условии, что в дальнейшем польское правительство обеспечит свободное самоопределение русинскому населению. Присутствующие на заседании представители западных держав поддержали своего британского коллегу и вынесли соответствующую резолюцию [Documents..., vol. III, No. 700, p. 844–850].

Хотя власть правительства ЗУНР имела самопровозглашенный характер, она обладала внутренними основаниями легитимации. Украинские политики могли рассчитывать на поддержку русинского этнокультурного большинства и стремились как можно скорее провести выборы в органы местного самоуправления, чтобы получить реальное свидетельство поддержки населения. Польская сторона сделала ставку на исторические доводы и силу оружия, чего оказалось достаточно. В упомянутом выше письме делегации ЗУНР к генералу Л. Бота указывается на несправедливость того, что Польша получает военную помощь Антанты. Вслед за этими упреками — наивные слова: «В надежде, что великие державы продемонстрируют силу правосудия, мы прибыли в Париж» [Ibid., No. 227, p. 322–323]. Дипломаты просили заступничества у покровителей своих же врагов. Кажется парадоксальным, но члены Верховного совета Антанты сумели сохранить статус признанных мировых арбитров, хотя открыто пренебрегали установленными принципами международного права, действуя из собственных империалистических интересов и геополитических соображений. «Идеалист» В. Вильсон отказался от собственного десятого пункта о праве народов Австро-Венгрии на автономное развитие, подчеркнув, что теперь важнейшей задачей является создание «санитарного кордона» против большевизма [Ibid., No. 231, p. 326–328]. Геополитический произвол западных держав, основанный на их экономической и военной мощи, обесценивал смысл каких-либо принципов, способствовал размыванию всяких представлений о праве и справедливости в международных отношениях.

Гражданская война на Украине 1918–1920. Сборник документов и материалов : в 3 т., 4 кн. / под ред. С. М. Короливского. Киев : Наук. думка, 1967.

Грицкевич А. П. Борьба за Украину, 1917–1921. Минск : Соврем. шк., 2011.

Литвин Н. Р. Украинский вопрос в годы Первой мировой войны: проблема исследования // Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств. Т. 1 / под ред. М. Волоса, Г. Д. Шкундина. М. : Квадрига, 2012. С. 179–184.

Макарчук С. А. Этносоциальное развитие и национальные отношения на западно-украинских землях в период империализма. Львов : Выща школа, 1983.

Макарчук С. А. Українська Республіка галичан. Львів : Світ, 1997.

Михутина И. В. Национальное движение русинов Галиции во время Первой мировой войны // Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств. Т. 1 / под ред. М. Волоса, Г. Д. Шкундина. М.: Квадрига, 2012. С. 185–207.

Савченко В. Н. Восточнославянско-польское пограничье, 1918–1921 гг. Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание. М.: ИСБ, 1995.

Скляр С. А. Определение польско-украинской границы на Парижской мирной конференции // Версаль и новая Восточная Европа : сб. ст. / под ред. Р. П. Гришина, В. Л. Малькова. Москва : ИСБ, 1996. С. 136–158.

Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора. Т. 1 / под ред. С. Дёрнберга и др. М.: Политиздат, 1968.

AAN. Zespól № 3. Kancelaria Cywilna Naczelnika Państwa w Warszawie 1918–1922. Sygn. 198–199. Akta Kancelarii Cywilnej NP. Wschodnia Galicja i obrona Lwowa.

AAN. Zespól № 45. Kolekcja opracowań i odpisów dokumentów dotyczących stosunków Polski z Łotwą, Litwą, Rosją Radziecką, Gdańskiem, Ukrainą 1914–1928, 1932–1938. Sygn. 55. Odpisy raportów delegatów Ukr. Nac. Rady z listopada r. 1918.

Documents on British foreign policy, 1919–1939. First series. Vol. 3 / ed. by E. L. Woodward, R. Butler. London : H. M. State office, 1949.

Garlicki A. U źródeł obozu belwederskiego. Warszawa : PWN, 1983.

Goldstein E. Winning the Peace. British Diplomatic Strategy, Peace Planning, and the Paris Peace Conference, 1916–1920. Oxford : Clarendon press, 1991.

Kaminski M. W cieniu zagrożenia. Polityka zagraniczna RP 1918–1939. Warszawa : Gryf, 1993.

Pajewski J. Budowa Drugiej Rzeczypospolitej 1918–1926. Poznań : UAM, 2007.

Sprawy Polskie na Konferencji pokojowej w Paryżu w 1919. Dokumenty i materiały / oprac. K. Lapter, J. Kukulka. Warszawa : PWN, 1965.

Ukraine and Poland in documents 1918–1922. Part I / ed. by T. Hunczak. New York : Shevchenko Scientific Society, 1983.

Wybór źródeł do historii powszechnej, 1918–1945. Cz. 1 / oprac. B. Renz, B. Szabat. Kielce : Wyższa szkoła pedagogiczna im. J. Kochanowskiego, 1997.

Wyszczelski L. Wojna o polskie Kresy 1918–1921. Warszawa : Bellona, 2013.

Статья поступила в редакцию 14.12.2015 г.

Пятовский Сергей Александрович
аспирант кафедры всеобщей истории
Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
191186, Санкт-Петербург,
наб. р. Мойки, 48
E-mail: sapiatovskij91@mail.ru

Piatowski, Sergej Aleksandrowicz
Postgraduate student,
Chair of General History,
Herzen State Pedagogical University
of Russia (Saint Petersburg)
48, River Moyka Embankment,
191186 Saint Petersburg, Russia
E-mail: sapiatovskij91@mail.ru

THE POLISH-UKRAINIAN CONFLICT OF 1918–1919 IN THE CONTEXT OF THE RISE OF THE VERSAILLES SYSTEM

The article studies the process of peace settlement of the war in Eastern Galicia between 1918 and 1919. The author conducts a comparative analysis of the policy

of Poland and the West Ukrainian People's Republic meant to legitimate power in the disputed region. He also studies the mediation initiative of the Entente and the conflict settlement process during the peace conference in Paris, revealing the motives of the parties' actions. With reference to a particular example, the article mainly aims to prove that the idea of law and justice was degrading and failing due to the hegemony of western states that assumed the role of world arbiters following the defeat of the German-Austrian alliance. This status let them ignore the principles of international relations and take decisions relying on geopolitical motives and their own imperialist interests.

The analysis is made with reference to archival and published sources, i.e. texts of international treaties, minutes of the Supreme War Council's meetings, diplomatic correspondence, reports of povit commissars of the West Ukrainian People's Republic, appeals on behalf of the Polish population of Galicia, etc. Additionally, the author takes into account the achievements of modern historiography relating to the issue in question in the Russian, Polish, Ukrainian, and English languages.

Key words: international relations; conflicts; international law; peace settlement; Polish-Ukrainian war; Paris Peace Conference; Versailles system; legitimacy; justice.

Acknowledgements

The research is sponsored by the *Russian Science Foundation* (project 14-18-00390) in Herzen State Pedagogical University of Russia.

Dernberg, S. (Ed.). (1968). *Sovetsko-germanskie otnosheniia ot peregovorov v Brest-Litovske do podpisaniia Rappal'skogo dogovora* [The Soviet-German Relations from the Negotiations in Brest-Litovsk to the Signing of the Treaty of Rapallo] (Vol. 1). Moscow: Politizdat. (In Russian)

Garlicki, A. (1983). *U źródeł obozu belwederskiego* [At the Origins of the Belvedere Camp]. Warszawa: PWN. (In Polish)

Goldstein, E. (1991). *Winning the Peace. British Diplomatic Strategy, Peace Planning, and the Paris Peace Conference, 1916–1920*. Oxford: Clarendon Press.

Gritskievich, A. P. (2011). *Bor'ba za Ukrainu, 1917–1921* [The Struggle for Ukraine, 1917–1921]. Minsk: Sovremennaia shkola. (In Russian)

Hunczak, T. (Ed.). (1983). *Ukraine and Poland in Documents 1918–1922* (Part 1). New York: Shevchenko scientific society. (In Ukrainian and Polish)

Kaminski, M. (1993). *W cieniu zagrożenia. Polityka zagraniczna RP 1918–1939* [In the Shadow of Danger. The Foreign Policy of the Polish Republic 1918–1939]. Warszawa: Gryf. (In Polish)

Korolivski, S. M. (Ed.). (1967). *Grazhdanskaia voina na Ukraine 1918–1920. Sbornik dokumentov i materialov* [The Civil War in Ukraine in 1918–1920. A Collection of Documents and Materials]. Kiev: Naukova dumka. (In Russian)

Lapter, K., & Kukułka, J. (Eds.). (1965). *Sprawy Polskie na Konferencji pokojowej w Paryżu w 1919. Dokumenty i materiały* [The Polish Issues at the Paris Peace Conference in 1919. Documents and Materials]. Warszawa: PWN. (In Polish)

Litvin, N. R. (2012). *Ukrainski vopros v gody Pervoi mirovoi voiny: problema issledovania* [The Ukrainian Question during World War I: Research Problem]. In M. Volos, & G. D. Shkundin (Eds.), *Narody Gabsburgskoi monarchii v 1914–1920 gg.: ot natsional'nykh dvizhenii k sozdaniiu natsional'nykh gosudarstv* [The Nations of the Habsburg Monarchy in 1914–1920: From National Movements to the Creation of National States] (Vol. I, pp. 179–184). Moscow: Kvadriga. (In Russian)

Makarchuk, S. A. (1983). *Etnosotsial'noe razvitie i natsional'nye otnosheniia na zapadno-ukrainskikh zemliach v period imperializma* [Ethno-Social Development and National Relations in the West-Ukrainian Lands in the Period of Imperialism]. Lviv: Vishcha shkola. (In Russian)

- Makarchuk, S. A. (1997). *Ukrainska Respublika galichan* [The Ukrainian Republic of Galicia]. Lviv: Svit. (In Ukrainian)
- Mikhutina, I. V. (2012). Natsional'noe dvizhenie rusinov Galicii vo vremia Pervoi mirovoi voiny [The National Movement of Rusyns of Galicia during World War I]. In M. Volos, & G. D. Shkundin (Eds.), *Narody Gabsburgskoi monarchii v 1914–1920 gg.: ot natsional'nykh dvizhenii k sozdaniu natsional'nykh gosudarstv* [The Nations of the Habsburg Monarchy in 1914–1920: From National Movements to the Creation of National States] (Vol. 1, pp. 185–207). Moscow: Kvadriga. (In Russian)
- Pajewski, J. (2007). *Budowa Drugiej Rzeczypospolitej 1918–1926* [The Construction of the Second Polish Republic 1918–1926]. Poznań: UAM. (In Polish)
- Renz, B., & Szabat, B. (Eds.). (1997). *Wybór źródeł do historii powszechnej, 1918–1945* [Selected Sources on Universal History, 1918–1945] (Part 1). Kielce: Wyższa szkoła pedagogiczna im. J. Kochanowskiego. (In Polish)
- Savchenko, V. N. (1995). *Vostochnoslaviansko-polskoe pogramich'e, 1918–1921. Etnosocial'naia situacia i gosudarstvenno-politicheskoe razmezhevanie* [East Slavic – Polish Frontier, 1918–1921. The Ethno-Social Situation and State-Political Demarcation]. Moscow: ISB. (In Russian)
- Skliarov, S. A. (1996). Opredelenie polsko-ukrainskoi granicy na Parizhskoi mirnoi konferencii [The Determination of the Polish-Ukrainian Border at the Paris Peace Conference]. In R. P. Grishina, & V. L. Mal'kova (Eds.), *Versal' i novaia Vostochnaia Evropa: sbornik statei* [Versailles and New Eastern Europe: A Collection of Articles] (pp. 136–158). Moscow: ISB. (In Russian)
- Woodward, E. L., & Butler, R. (Eds.). (1949). *Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. First Series* (Vol. 3). London: H. M. State office.
- Wyszczelski, L. (2013). *Wojna o polskie Kresy 1918–1921* [The War for the Polish Frontiers 1918–1921]. Warszawa: Bellona. (In Polish)

Received 14 December 2015

DOI 10.15826/izv2.2016.18.2.031
УДК 316.344.42(410) + 323(410) +
+ 329(410)

Д. П. Адамов
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

БРИТАНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА И ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ ПАРТИИ ЦЕНТРА В 1919–1923 гг.

Статья посвящена относительно краткому и малоизученному, но яркому эпизоду в британской политической истории: проекту создания новой «партии Центра», направленному на преобразование британской партийной системы после окончания Первой мировой войны. Предпринимается попытка рассмотреть историю проекта в его политическом контексте, вызовы, на которые он должен был ответить и мотивы принявших участие в его развитии представителей политической элиты. Также уделяется внимание различным концепциям этого проекта и причинам его конечной неудачи. Автор использует периодику и материалы партийных архивов. Раскол внутри либеральной партии, относительный рост влияния лейбористов и неустойчивая парламентская гегемония коалиционного правительства в первые послевоенные годы одновременно создали как потребность, так и возможность для формирования новой партии, которая объединила бы на постоянной основе центристские элементы из обеих традиционных партий. Если премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж и его ближайшие сторонники видели в партии Центра платформу для своей реформаторской социальной и экономической политики, то руководство консервативной партии по большому счету надеялось использовать ее в качестве преграды для лейбористов. По мере того, как потребность в такой преграде становилась менее очевидной для рядовых консерваторов и партийной элиты, проект начал утрачивать их поддержку. Тем не менее, окончательный отказ от проекта произошел лишь в 1923 г., через несколько месяцев после распада коалиции, что свидетельствует о его привлекательности для определенной части элиты.

К л ю ч е в ы е с л о в а: история Великобритании; политическая история; партийная система; межвоенный период; коалиция; антисоциализм; политическая элита.

Первая мировая война произвела переворот в партийно-политической системе Великобритании. Суть этого переворота заключалась в уничтожении существовавшего до войны «эдвардианского равновесия» либеральной и консервативной партий и самой двухпартийной системы, действовавшей с начала XIX в. Война сначала вынудила либералов вступить в коалицию с консерваторами, а затем расколола партию на сторонников ее официального лидера и предыдущего премьер-министра Герберта Генри Асквита и приверженцев сместившего его на посту главы коалиционного правительства Дэвида Ллойд Джорджа. Хотя сам Ллойд Джордж был либералом, основной опорой его правительства в парламенте были консерваторы [McKibbin, p. 25–26]. Параллельно с этим война и связанный с ней рост недовольства существующей социально-экономической системой и правящим классом катализировали подъем левой тенденции в британской

политике. Самой значительной частью этого процесса стало окончательное превращение лейбористской партии из рыхлого объединения социалистических и рабочих организаций в полноценную партию, действующую на национальном уровне. Перспективы лейбористов улучшал принятый в 1918 г. Акт о народном представительстве, существенно расширивший круг избирателей за счет малоимущих и части женщин [Taylor, p. 127–131; Lee, p. 44–45].

Шотландский историк Росс МакКиббин охарактеризовал сложившуюся после окончания войны политическую ситуацию как «неустойчивое равновесие». На выборах 14 декабря 1918 г. лейбористы впервые выступили как национальная партия, в то время как консерваторы и коалиционные либералы образовали единый блок. В итоге коалиция выиграла 473 места: из них 332 заняли консерваторы. Независимые либералы Асквита заняли 36 мест, а лейбористы — 57 [McKibbin, p. 34]. Несмотря на сильную позицию, занятую правительством Ллойд Джорджа в результате этой сокрушительной электоральной победы, политическое будущее премьер-министра и его последователей было отнюдь не безоблачным. На повестке дня стояли такие животрепещущие и сложные вопросы, как выработка удовлетворительных условий заключения мира с Германией, создание новой системы международных отношений, экономическая демобилизация и реконструкция и обеспечение достойной жизни для ветеранов [Taylor, p. 179; Crosby, p. 261]. Любой ложный шаг в этих вопросах неизбежно поставил бы правительство под удар со стороны оппозиции и привел бы к утрате значительной части его первоначальной популярности. Вышеупомянутое усиление левых сил и кажущийся рост влияния среди них коммунистов вызывали опасения, как у консерваторов, так и у либералов, видевших в этом угрозу для частной собственности и традиций индивидуализма. Такое положение играло на руку премьер-министру. Страх перед левой волной заставлял многих консерваторов рассматривать Ллойд Джорджа с его политическим талантом и старой репутацией народного заступника как незаменимого человека, что в значительной степени развязывало ему руки, несмотря на то, что он возглавлял более слабую часть коалиции [Pugh, p. 152]. Но нестабильность такого порядка была налицо.

Неудивительно, что на этом фоне в правящих кругах Великобритании сумели получить широкое распространение идеи коренного переустройства партийно-политической системы. Из них самой известной стала идея «слияния партий» (*Party Fusion*) или создания «партии Центра» (*Centre Party*). Суть этого проекта заключалась в формировании новой партии, способной противопоставить себя левым силам с одной стороны, а с другой — провести необходимые для преодоления послевоенных трудностей и общего усиления Великобритании реформы.

Первоначально термин «партия Центра» использовался журналистами для обозначения Комитета новых членов (*New Members Group*) — ассоциации младших членов парламента, впервые попавших в него после окончания войны. Среди основателей и предводителей Комитета были либерал Оскар Гест и консерватор Освальд Мосли. Комитет включал в себя примерно 100–150 членов парламента от обеих коалиционных партий. Для «новых членов» была

характерна высокая степень социального идеализма, выходящего за узкие рамки довоенных партийных интересов. Они выступали в качестве сторонников коалиции, Ллойд Джорджа и обещанных им в предвыборном манифесте 1918 г. социальных и экономических реформ [1918 Conservative Party...]. Многие из них также надеялись использовать опыт экономической мобилизации военного времени для целенаправленного развития после войны. Все это делало их естественным ядром потенциальной новой партии. По словам Мосли, «новые члены» понимали, что они были всего лишь «новичками, которым предстояло всему научиться» и надеялись получить поддержку «опытных генералов от политики» [Mosley, p. 86; Self, p. 132].

У этой надежды были достаточные основания, поскольку многие из их позиций действительно разделялись существенной частью политической элиты. Тезис об отмирании традиционных противоречий между либералами и консерваторами в принципиально новых послевоенных условиях в той или иной форме озвучивался Ллойд Джорджем [Crosby, p. 241] и консерватором Остином Чемберленом [McKibbin, p. 34–35]. У многих из «генералов» можно было также найти отголоски довоенного «движения за национальную эффективность», которое связывало социальные реформы и экономическую модернизацию с усилением нации на мировой арене. Этот мотив, возникший после того, как неожиданно трудная англо-бурская война сделала очевидным относительный упадок Британской империи, стал еще более острым и актуальным после тяжелой и дорогостоящей мировой войны [Searle, p. 67–68]. Впрочем, к этой положительной программе у них, как и у многих «новых членов», добавлялся страх перед «социалистами», которых они обвиняли в «классовом эгоизме» и отсутствии патриотизма. Сторонники «партии Центра» противопоставляли таким идеям свое стремление к примирению не только партий, но и классов ради общих интересов страны. Социальные реформы были нужны еще и для того, чтобы упредить левых и ликвидировать угрозу революции в Великобритании. В то же время, партия Центра (как и существующая коалиция) должна была действовать и как чисто политический противовес лейбористам в парламенте. Преобладание этой позиции было более характерным для консерваторов [Self, p. 131–133]. Противоречие между двумя концепциями партии Центра — позитивной (реформаторской) и негативной (антисоциалистической) — стало сквозным мотивом в истории этого проекта, хотя многие из его приверженцев старались в какой-то степени совмещать и то, и другое.

Связующим звеном между сторонниками слияния в политической элите и Комитетом новых членов стали военный министр Уинстон Черчилль, либерал, и лорд канцлер Биркенхед, консерватор [Mosley, p. 85–86]. 15 июля 1919 г. Черчилль посетил торжественный ужин Комитета в ресторане «Критерион» и выступил с речью, в которой он подчеркнул необходимость создания новой партии для защиты Империи от «экстремистов». Он выступил за полное слияние консервативной и либеральной партий, с общим партийным аппаратом и единым списком кандидатов. В качестве лидера новой партии он порекомендовал Ллойд

Джорджа, «самого необходимого человека в стране». Согласно Черчиллю, разногласия между либералами и консерваторами были в значительной степени искусственными и утратили свою актуальность в послевоенную эпоху. В качестве главного врага, против которого следовало сплотиться, был назван «большевизм», что в данном контексте было явным намеком на лейбористскую партию, которая, согласно ее критикам, находилась под чрезмерным влиянием своего крайнего левого крыла и коммунистов [New Party; Mr. Churchill and the Centre Party].

Выступление военного министра сразу же стало громкой политической сенсацией, отмеченной во всех крупных газетах. Большое внимание уделялось кратким речам в поддержку Черчилля лорда Биркенхеда, Фредерика Геста («главного кнута» коалиционных либералов и одного из главных сторонников «партии Центра») и Джорджа Янгера («главного кнута» консерваторов). В то же время отмечалось, что Черчилль отказался выдвинуть конкретную программу для новой партии, всего лишь намекнув на возможность национализации некоторых отраслей [New Party]. С предсказуемой критикой проекта новой партии выступили независимые либералы и лейбористы, последние из которых назвали этот план очередной демагогической попыткой подчинить пролетариат капиталистическим интересам [Is Lloyd George In It?; Birth of a New Party]. Некоторые из консервативных газет также отнеслись к этому проекту с некоторой долей скептицизма, в частности обращая внимание на тот факт, что Ллойд Джордж не дал никакого подтверждения своей поддержки этого выступления [The Galvanic Battery; “The Babes” Dinner]. Однако в целом пресса рассматривала Черчилля как агента премьер-министра, а выступление — как «пробный шар» для создания новой партии [The Centre Party].

В августе 1919 г. Ллойд Джордж и его ближайшее окружение начали активно работать над формированием новой партии. Однако довольно скоро они столкнулись с трудностями на обоих фронтах, связанными, прежде всего, с разногласиями по поводу порядка формирования партии. Хотя Чемберлен открыто и последовательно разделял взгляды Черчилля, Геста и Комитета новых членов на необходимость создания новой партии, состоящей из прогрессивных элементов среди консерваторов и патриотических элементов среди либералов и лейбористов [Кертман, с. 376; McKibbin, p. 34–35], многие другие сторонники «партии Центра» среди консерваторов (например, лидер партии Эндрю Бонар Лоу и бывший премьер-министр Артур Бальфур) все больше склонялись к идее слияния на основе существующей консервативной партии. Такая позиция делает понятным сопротивление Янгера и других консервативных партийных чиновников идее создания «коалиционного кнута» [Pugh, p. 154]. Открытой поддержке слияния также мешало сопротивление этой идее части рядовых членов парламента и партийных активистов, отрицательно расположенных по отношению к самой коалиции [Self, p. 132]. В свою очередь, коалиционные либералы не спешили отказываться от своей политической идентичности и справедливо опасались быть поглощенными консерваторами.

В феврале 1920 г. либеральный министр образования Герберт Фишер получил от Ллойд Джорджа указание разработать программу «партии Центра», которую Бальфур мог бы озвучить для консерваторов. Но черновой вариант его программы, включавший в себя щедрое трудовое законодательство, пропорциональную избирательную систему и предоставление гомруля Уэльсу и Шотландии, показался излишне радикальным как Бальфуру, так и самому Ллойд Джорджу [Тоуе, р. 214]. На протяжении февраля и марта премьер-министр пытался убедить свою собственную партию поддержать идею слияния, чтобы после этого он и его союзники могли представить эту идею консерваторам с позиции силы. На 18 марта была назначена встреча депутатов — коалиционных либералов. За два дня до нее Ллойд Джордж попытался заручиться поддержкой либеральных министров. Он заявил о невозможности возвращения либералов к власти на самостоятельной основе. Чтобы продолжать играть роль в политической жизни страны, либералы должны будут пойти на постоянный союз с другой партией. Союз с лейбористами невозможен, поскольку лейбористы находятся под опасным влиянием коммунистов и выступают за национализацию промышленности, в то время как «между консерваторами и либералами нет принципиальных разногласий». Но ему не удалось получить единогласной поддержки министров. В частности, противником слияния оказался Фишер, а также министр по делам Индии Эдвин Монтегю. Они восприняли это предложение как отказ от либеральной идеологии в пользу беспринципного оппортунизма. Им не хотелось идти на союз с консерваторами против прогрессивных лейбористов, и они опасались, что именно так слияние воспримет либеральный электорат. В итоге 18 марта Ллойд Джордж вновь выступил с критикой лейбористов и призвал к более тесному сотрудничеству с консерваторами на местах, но оставил вопрос о единой партии открытым. Работа над «партией Центра» заглохла [Crosby, p. 283; Тоуе, р. 214].

Тем не менее, неудача начала 1920 г. не стала концом для проекта «партии Центра». На ежегодной конференции консервативных и юнионистских организаций в июне 1920 г. среди консерваторов также обнаружили серьезные разногласия по поводу будущего коалиции. Свои мнения высказали как сторонники слияния, так и противники коалиции, однако в итоге восторжествовала компромиссная линия сохранения существующего уровня взаимодействия и свободы маневра. При этом Бонар Лоу намекнул, что желаемым исходом может оказаться постепенная интеграция коалиционных либералов с консерваторами по примеру либералов-юнионистов [Bodleian Library, Conservative Party Archive, NUA 2/1/36]. В марте 1921 г. Бонар Лоу подал в отставку по состоянию здоровья. Его сменил Остин Чемберлен. Хотя с точки зрения жизнеспособности коалиции утрата опытного, авторитетного и самостоятельного Бонар Лоу и его замена на Чемберлена, казавшегося многим марионеткой Ллойд Джорджа, была скорее неблагоприятным знаком, для проекта «партии Центра» это создавало новую надежду [Кертман, с. 371–372, 376]. На партийной конференции в ноябре 1921 г., невзирая на растущую критику коалиции в рядах партии, Чемберлен заявил, что

приближается критический момент в истории Великобритании: коалиция либо распадется, либо превратится в новую национальную партию, способную объединить «силы порядка» для поддержания «стабильности и конституционного прогресса». Он противопоставил стремления умеренных сил в стране амбициям сторонников классовой борьбы и подчеркнул необходимость национального единения перед революционной опасностью [Bodleian Library, Conservative Party Archive, NUA 2/1/37].

Последняя попытка осуществить слияние партий пришлось на начало 1922 г. Подписание англо-ирландского договора 6 декабря 1921 г., предоставившего Ирландии (кроме Ольстера) самоуправление, неизбежно вызвало негодование многих из «твердолобых» юнионистов, но в целом было расценено как политический триумф Ллойд Джорджа как в парламенте, так и в прессе. Даже такой упрямый юнионист, как Бонар Лоу, был вынужден выступить в поддержку этого договора [Crosby, p. 305]. У лорда Биркенхеда возник план воспользоваться этой благоприятной политической обстановкой для проведения досрочных выборов на коалиционной основе. Ллойд Джордж и Черчилль были готовы поддержать этот план, надеясь таким образом ускорить процесс трансформации коалиции в партию. Однако многие другие видные консерваторы, в том числе Чемберлен, считавший, что слияние должно произойти органически, были против идеи досрочных выборов, рассматривая их как авантюру. Решающий удар нанес Янгер, решивший, что сторонники слияния были готовы ради своих целей пойти на неоправданный риск интересами консервативной партии. 5 января, пока Ллойд Джордж был на Каннской конференции, Янгер публично раскритиковал идею досрочных выборов и пригрозил выступить против правительства в случае их проведения. Вслед за этим он и его сторонники развернули кампанию агитации против досрочных выборов в местных юнионистских организациях. Хотя Чемберлен выступил 19 января в Глазго в поддержку Ллойд Джорджа и продолжения коалиции, он отказался комментировать позицию Янгера или как-либо препятствовать его кампании. Вернувшись из Франции, Ллойд Джордж решил отступить и формально отрекся от идеи проведения выборов [Кертман, с. 381–384; Hattersley, p. 561–562].

Надежда Чемберлена на постепенную интеграцию ненадолго пережила план форсированного слияния. На известной встрече консерваторов в клубе Карлтон 19 октября 1922 г. под предлогом критики внешней политики правительства существенным большинством голосов было принято решение выйти из коалиции и восстановить Бонар Лоу, здоровье которого к этому времени улучшилось, в качестве лидера партии [Crosby, p. 332–333]. На последующих выборах консерваторы одержали убедительную победу. Однако Бонар Лоу пришлось сформировать правительство «второй сборной», так как многие из наиболее выдающихся деятелей партии с опытом министерской работы (в частности Чемберлен, Биркенхед, Бальфур и Роберт Горн) отказались занять в нем посты. В начале 1923 г. газеты высказывали предположения о возможном «совместном плане действий» сторонников Чемберлена и Ллойд Джорджа, подразумевая под

этим оживление проекта «партии Центра» [Towards Reunion]. Однако скоро Ллойд Джордж публично отказался от этой идеи, вместо этого взяв курс на воссоединение либеральной партии [Centre Party Scheme Abandoned (Glasgow Herald); Centre Party Scheme Abandoned (Westminster Gazette)]. Чемберлен и его союзники, в свою очередь, начали постепенный процесс возвращения в ряды лояльных членов своей партии, завершившийся лишь после падения первого лейбористского правительства в конце 1924 г. [Кертман, с. 397–401].

Проект создания «партии Центра» в чистом виде представлял собой грандиозный план реструктуризации британской политики. Он был ответом как на кризис партийно-политической системы, так и на социально-экономические и административные вызовы начала межвоенного периода. Это был бунт против «устаревшей» довоенной политической системы, в котором приняли участие как политические ветераны, так и «новички». Если для последних довоенные правила партийной борьбы не успели стать привычными, то для многих из первых поддержка «партии Центра» стала закономерной страницей в нетипичной политической биографии, особенно в плане партийных отношений¹.

Учитывая их критику традиционной либеральной британской политической системы, их стремление найти оригинальные решения проблем послевоенного мира, антисоциалистическую и национал-реформаторскую направленность их деятельности, а также наличие харизматичного лидера-визионера, возникает соблазн сравнить сторонников «слияния» с итальянскими фашистами и их аналогами в других странах. Но следует иметь в виду два существенных различия: во-первых, «центристы» не предлагали полного разрыва с политическими традициями и сохраняли преданность идеям демократии и, во-вторых, они не пытались организовать массовую поддержку их движения.

В последнем обстоятельстве можно видеть роковую слабость этого проекта. Движение за создание «партии Центра» так и не распространилось за пределы меньшей части политической элиты и «заднескамеечников». Его организаторы надеялись, что им удастся построить новую партию на основе слияния уже существующих партий. Но это означало, что кроме своих идей и имен, им было нечего предложить этим партиям. При этом партийное слияние все чаще рассматривалось рядовыми членами и отчасти руководителями старых партий как угроза для собственной идеологии и политической идентичности. Кроме того, к 1922 г. многие из ведущих консерваторов перестали считать коалицию необходимой для победы над «социалистами» и в результате утратили интерес к такому сомнительному проекту [Адамов, с. 17]. В итоге, вместо центристской реструктуризации, в британской политике восстановились довоенные нормы двухпартийной системы, в которой главную роль играли две сравнительно умеренные партии с более или менее четкой идеологией и социальной базой: лейбористы и консерваторы. Лишенные такой базы и претерпевающие

¹ Например, Черчилль и Гест перешли от консерваторов к либералам в 1904 г., а Ллойд Джордж еще в 1910 г. выступал за создание коалиции.

идеологический кризис либералы пришли в упадок, а предполагаемая «партия Центра», сторонники которой не смогли приобрести ни то, ни другое, оказалась мертворожденной. На этом примере видна устойчивость партийных традиций в политической жизни Великобритании. Представляется, что это одновременно и сильная, и слабая сторона британской политической системы: она обеспечивает ей стабильность и континуитет, и в то же время ограничивает ее гибкость и динамизм.

Адамов Д. П. Перспективы коалиции Ллойд Джорджа в мышлении британских консерваторов в 1918–1922 гг. // Материалы научных конференций. Вопросы науки: проблемы и перспективы развития общества в XXI веке / под ред. С. В. Кручинина. Воронеж: Вэлборн, 2014. С. 13–18.
Кертман Л. Е. Джозеф Чемберлен и сыновья. М.: Мысль, 1990.

1918 Conservative Party General Election Manifesto [Electronic resource]. URL: <http://www.conservativemanifesto.com/1918/1918-conservative-manifesto.shtml> (accessed: 28.04.2015).

Birth of a New Party // Daily Herald. 1919. July 17. P. 1.

Bodleian Library. Conservative Party Archive. NUA 2/1/36, 2/1/37.

Centre Party Scheme Abandoned // Glasgow Herald. 1923. March 9. P. 9.

Centre Party Scheme Abandoned // Westminster Gazette. 1923. March 9. P. 1–3.

Crosby T. L. The Unknown Lloyd George. London: I. B. Tauris, 2014.

Hattersley R. David Lloyd George: The Great Outsider. London: Little, Brown, 2010.

Is Lloyd George in It? // Star. 1919. July 16. P. 1–2.

Lee S. J. Aspects of British Political History 1914–1995. London: Routledge, 1996.

McKibbin R. Parties and People: England 1914–1951. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010.

Mosley O. My Life. London: Friends of Oswald Mosley, 2006.

Mr. Churchill and the Centre Party // Morning Post. 1919. July 16. P. 2.

New Party // Daily Mail. 1919. July 16. P. 2.

Pugh M. Lloyd George. Abingdon: Routledge, 2013.

Searle G. R. The Politics of National Efficiency and of War, 1900–1918 // A Companion to Early Twentieth-Century Britain / ed. by C. Wrigley. Oxford: Blackwell Publishers Ltd, 2003.

Self R. C. Evolution of the British Party System: 1885–1940. Abingdon: Routledge, 2014.

Taylor A. J. P. English History 1914–1945. London: Pelican, 1970.

“The Babes” Dinner // Pall Mall Gazette. 1919. July 16. P. 5.

The Centre Party // Evening Standard. 1919. July 16. P. 1.

The Galvanic Battery // Globe. 1919. July 16. P. 2.

Towards Reunion // Manchester Guardian. 1923. March 9. P. 11.

Toye R. Lloyd George & Churchill: Rivals for Greatness. London: Pan Books, 2007.

Статья поступила в редакцию 14.03.2016 г.

Адамов Даниил Павлович

аспирант кафедры новой и новейшей истории

Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева 4,
к. 470

E-mail: von_das@yahoo.co.uk

Adamov, Daniil Pavlovich

Postgraduate student, Chair of Modern
and Contemporary History

Ural Federal University
Room 470, 4, Turgenev Str., 620000
Yekaterinburg, Russia

E-mail: von_das@yahoo.co.uk

THE BRITISH POLITICAL ELITE AND THE CENTRE PARTY PROJECT IN 1919–1923

The article concerns a relatively brief and little-studied, but striking episode in British political history: the Centre Party project, aimed at the transformation of the British party system after the end of World War I. The author makes an attempt to examine the history of the project in its political context, the challenges that it was supposed to answer and the motives of the members of the political elite that took part in its development. Additionally, the article focuses on the different concepts of this project and the causes behind its eventual failure. The author refers to newspapers and party archive materials. The schism inside the Liberal Party, the relative growth of Labour influence and the uncertain parliamentary hegemony of the Coalition government in the first few post-war years created both the need and the opportunity for the establishment of a new party which would permanently unify the centrist elements of both traditional parties. While Prime Minister David Lloyd George and his closest supporters saw the Centre Party as a platform for their reformist social and economic policies, the leadership of the Conservative Party largely hoped to use it as a barrier against Labour. As the need for such a barrier became less apparent for rank and file Conservatives and the party elite, the project began to lose their support. Nevertheless, the final rejection of the project only came in 1923, a few months after the Coalition's dissolution, which points to its attractiveness for a certain segment of the elite.

Key words: history of the United Kingdom; political history; party system; interwar period; coalition; antisocialism; political elite.

Adamov, D. P. (2014). Perspektivy koalitsii Lloyd Dzhordzha v myshlenii britanskikh konservatorov v 1918–1922 gg. [Prospects of the Lloyd George Coalition in the Minds of British Conservatives in 1918–1922]. In S. V. Kruchinin (Ed.), *Materialy nauchnykh konferentsiy. Voprosy nauki: problemy i perspektivy razvitiia obshchestva v XXI veke* [Proceedings of Academic Conferences. Issues of Science: Problems and Prospects of the Development of Society in the 21st Century] (pp. 13–18). Voronezh: Wellborn. (In Russian)

Kertman, L. E. (1990). *Dzhozef Chamberlen i synov'ia* [Joseph Chamberlain and Sons]. Moscow: Mysl'. (In Russian)

1918 Conservative Party General Election Manifesto. In *Conservative Party Manifestos*. Retrieved from <http://www.conservativemanifesto.com/1918/1918-conservative-manifesto.shtml>

Birth of a New Party (1919, July 17). *Daily Herald*, p. 1.

Centre Party Scheme Abandoned (1923, March 9). *Glasgow Herald*, p. 9.

Centre Party Scheme Abandoned (1923, March 9). *Westminster Gazette*, pp. 1–3.

Crosby, T. L. (2014). *The Unknown Lloyd George*. London: I. B. Tauris.

Hattersley, R. (2010). *David Lloyd George: The Great Outsider*. London: Little, Brown.

Is Lloyd George in It? (1919, July 16). *Star*, pp. 1–2.

Lee, S. J. (1996). *Aspects of British Political History 1914–1995*. London: Routledge.

McKibbin, R. (2010). *Parties and People: England 1914–1951*. Oxford: Oxford University Press.

Mosley, O. (2006). *My Life*. London: Friends of Oswald Mosley.

Mr. Churchill and the Centre Party (1919, July 16). *Morning Post*, p. 2.

New Party (1919, July 16). *Daily Mail*, p. 2.

Pugh, M. (2013). *Lloyd George*. Abingdon: Routledge.

Searle, G. R. (2003). The Politics of National Efficiency and of War, 1900–1918. In C. Wrigley (Ed.), *A Companion to Early Twentieth-Century Britain* (pp. 56–71). Oxford: Blackwell Publishers Ltd.

- Self, R. C. (2014). *Evolution of the British Party System: 1885–1940*. Abingdon: Routledge.
- Taylor, A. J. P. (1970). *English History 1914–1945*. London: Pelican.
- “The Babes” Dinner (1919, July 16). *Pall Mall Gazette*, p. 5.
- The Centre Party (1919, July 16). *Evening Standard*, p. 1.
- The Galvanic Battery (1919, July 16). *Globe*, p. 2.
- Towards Reunion (1923, March 9). *Manchester Guardian*, p. 11.
- Toye, R. (2007). *Lloyd George & Churchill: Rivals for Greatness*. London: Pan Books.

Received 14 March 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.2.032
УДК 327.54 + 327.8(73:470) +
+ 327.37:341.67 + 341.24

Д. М. Калинин
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ПЕРЕГОВОРЫ ДЖ. БУША И М. С. ГОРБАЧЕВА НА МАЛЬТЕ В 1989 г. (по материалам Библиотеки Дж. Буша)

Статья посвящена анализу переговоров Дж. Буша и М. С. Горбачева на Мальте на основании документов из архива Библиотеки Дж. Буша. Мальтийский саммит 2–3 декабря 1989 г. стал рубежным фактом в процессе окончания Холодной войны, что было отражено как в воспоминаниях участников, так и в журналистских заметках. Действительно, подобный переговорный процесс был возможен только в относительно мирных условиях. Однако анализ встречи на Мальте не находится на передовой исторической науки, а изданные работы основаны преимущественно на источниках личного происхождения. Для Администрации Дж. Буша принципиальным вопросом было определение характера изменений в Советском Союзе. Саммит стал попыткой найти подтверждение реального внешнеполитического поворота при М. С. Горбачеве, поэтому подготовка к нему была весьма кропотливой. На встрече не было определенной повестки, однако Дж. Буш выступал с конкретными предложениями как по вопросам разоружения, так и по проблемам региональной политики. М. С. Горбачев больше использовал миротворческую риторику и апеллировал к новому статусу советско-американских отношений. Несмотря на то, что на встрече был задан дружественный тон общения, по некоторым вопросам стороны к консенсусу прийти не смогли. На саммите не было подписано никаких соглашений, поэтому значение его остается во многом психологическим. Администрация Дж. Буша удостоверилась в реальности изменений советской внешней политики и возможности получать уступки от СССР по многим вопросам, в том числе и по проблеме объединения Германии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: холодная война; американско-советские отношения; внешняя политика Дж. Буша; встреча на Мальте; «перестройка»; объединение Германии; проблемы контроля вооружений.

2–3 декабря 1989 г. на советском круизном теплоходе «Максим Горький» в акватории Мальты прошла первая официальная встреча Председателя Верховного Совета СССР М. С. Горбачева и Президента США Дж. Буша. Как пишет один из участников встречи А. С. Черняев «встреча на Мальте обозначила конец “холодной войны”» [Черняев, с. 117]. Британский исследователь А. Браун в главе к «Кембриджской истории Холодной войны» приводит слова официального представителя МИД СССР Г. Герасимова, который объявил, что участники «похоронили Холодную войну на дне Средиземного моря» [Brown, p. 264]. Историк Д. Шумакер подчеркивает, что «Буш и Горбачев уехали из Мальты убежденные в честности и надежности друг друга» [Shumaker, p. 132]. На следующий день

после саммита 4 декабря 1989 г. газета «Вашингтон пост» выпустила материал журналиста Д. Хоффмана под названием «Буш и Горбачев приветствуют новое сотрудничество» [Hoffman]. Действительно, если посмотреть на сложившиеся концепты американо-советского противостояния, то становится очевидно, что подобный переговорный процесс был возможен только в относительно «мирных» условиях. Именно заключительный этап существования Советского Союза во многом заложил основы советско-американских отношений на последующие годы.

Тем не менее, проблема анализа переговорного процесса Дж. Буша и М. С. Горбачева на Мальте не находится в авангарде исторической науки. Отчасти это объясняется относительной временной близостью описываемых событий и недостаточной открытостью документальных источников. Однако, несмотря на это, встреча на Мальте была отмечена вниманием как отечественных, так и зарубежных ученых. Статьи с оценкой и анализом переговоров глав государств написали В. И. Батюк [Батюк] и М. Ф. Польшов [Польшов]. Итоги встречи на Мальте подводятся в труде В. О. Печатнова и А. С. Маныкина «История внешней политики США» [Печатнов, Маныкин]. Подробный анализ принятия решений, подготовки и нюансов Мальтийской встречи, а также воспоминания действующих лиц можно найти в обширном труде С. Тэлбота¹ и М. Бешлосса [Бешлосс, Тэлбот]. Детальный анализ значения Мальты в окончании «холодной войны» проведен в работе Р. Гартхоффа [Garthoff].

Основным недостатком всех вышеперечисленных исследований является опора преимущественно на источники личного происхождения, что объясняется недоступностью документов. Тем не менее, в 2010 г. «Горбачев-фонд» опубликовал сборник, составленный по материалам бесед М. С. Горбачева с зарубежными политическими деятелями [Отвечая на вызовы времени...], однако документы представлены в сборнике зачастую в урезанном виде. Теперь в распоряжении историков есть открытые материалы стенограмм переговоров на Мальте из архива Президентской библиотеки Дж. Буша.

Крайне ценным источником для изучения Мальтийской встречи стала статья воспоминаний участника саммита, помощника М. С. Горбачева по международным делам А. С. Черняева [Черняев], который очень точно передает детали обсуждений. Естественно, что и другие участники встречи, как с советской², так и с американской³ стороны оставили в своих мемуарах воспоминания об этих переговорах. Опираясь на них и на документальные материалы архива, можно провести более полный анализ переговоров Дж. Буша и М. С. Горбачева.

¹ Струоб Тэлбот занимал не последнее место в американской политической элите, в 1980-е гг. он работал корреспондентом на советско-американском направлении, а в период с 1994 по 2001 гг. занимал пост заместителя Госсекретаря США.

² В этой связи следует упомянуть воспоминания М. С. Горбачева, Э. А. Шеварднадзе, А. Ф. Добрынина, С. Ф. Ахромеева.

³ Ценнейшими источниками стали мемуары Дж. Буша и Б. Скоукрофта и Госсекретаря США Дж. Бейкера.

Период с января 1989 г., когда Дж. Буш вступил в должность Президента США, до мая 1989 г. был ознаменован «паузой» в официальных советско-американских отношениях. Дж. Буш, осознававший стремительное изменение советской политики, пытался создать новую стратегию в отношении СССР⁴.

Принципиальным для американской стороны оставался вопрос определения характера «перестройки». Дж. Буш не был согласен с подходом некоторых консервативных кругов внутри своей Администрации, которые считали реформы в СССР обманным ходом М. С. Горбачева⁵. Президент США видел в «перестройке» реальную попытку реформирования советского государства. На встрече с премьером Государственного совета КНР Ли Пэном 26 февраля 1989 г. Дж. Буш прямо заявлял, что «мы хотим, чтобы “перестройка” продолжилась и была успешной» [Memorandum... Li Peng, p. 5].

«Пауза» в советско-американских отношениях закончилась в мае 1989 г., когда Государственный Секретарь США Дж. Бейкер побывал с официальным визитом в Москве. Результат встречи и заявления М. С. Горбачева еще раз убедили Дж. Буша в серьезности реформистских намерений советской стороны [Печатнов, Манькин, с. 540]. Тем не менее, официальные контакты по линии глав государств не возобновлялись вплоть до Мальтийской встречи. Как отмечал сам Дж. Буш на встрече с председателем Христианско-социального союза Германии Тео Вайгелем 26 сентября 1989 г., он получал много критических замечаний за то, что ведет себя слишком медленно и осторожно с М. С. Горбачевым. Но спешить он был не намерен — события шли в выгодном для США направлении [Memorandum... Theo Waigel, p. 2].

Дж. Буш серьезно подошел к подготовке к Мальтийской встрече. Он изучал материалы по Советскому Союзу, консультировался с учеными-специалистами по СССР, бывшими политическими деятелями, разведкой. Так, вниманию Дж. Буша были представлены два, по сути, противоположных отчета Совета национальной безопасности (СНБ) и ЦРУ о реформаторских усилиях М. С. Горбачева. Первый был подготовлен специальным помощником Президента по европейскому и советскому направлению СНБ Р. Блэкуиллом и содержал в целом положительные оценки действий и перспектив М. С. Горбачева [Бешлосс, Тэлбот, с. 95]. Второй отчет от старшего политического аналитика Бюро анализа событий в СССР Г. Ходнетта характеризовал изменения в Советском Союзе как авантюрные и рискованные [SOV 89-10077].

Дж. Буш не ограничивался только информацией, поставляемой ему его Администрацией, но и общался с главами государств-союзников США. В телефонном разговоре с Дж. Бушем премьер-министр Испании Ф. Гонсалес заявил, что переговоры будут тяжелыми, а лучший способ помочь М. С. Горбачеву — убедить

⁴ Более подробно о процессе выработки новой концепции отношений с Советским Союзом перед Мальтой см.: [Батюк, с. 75–76].

⁵ Так, в частности, К. Райс, в то время один из главных советников Дж. Буша по СССР и Восточной Европе, отмечала, что «новое мышление» Горбачева могло оказаться лишь прикрытием для политики силы [Бешлосс, Тэлбот, с. 73].

его позволить западным союзникам ему помочь, а не настаивать на скорейшем уничтожении ОВД и НАТО [Memorandum... Felipe Gonzalez, p. 1]. В ходе переговоров с министром иностранных дел ФРГ Х.-Д. Геншером президент Буш заверил собеседника в том, что на Мальте сюрпризов для союзников по НАТО не будет [Memorandum... Genscher, p. 1].

26 ноября 1989 г. Дж. Буш провел рабочий ужин с премьер-министром Канады Б. Малруни, основной темой которого стал Советский Союз. Б. Малруни, только что вернувшийся из СССР, делился своими наблюдениями с американским президентом и отмечал, что М. С. Горбачев выглядел спокойным и уверенным в себе. Малруни также передал американскому президенту слова М. С. Горбачева, который надеялся упрочить доверие на Мальте [Memorandum... Mulroney, p. 5].

Перед началом переговоров Дж. Буш попытался оставить себе максимум пространства для маневра. В телефонном разговоре с М. Тэтчер 24 ноября 1989 г. он отметил, что четкой повестки дня у встречи с М. С. Горбачевым не будет, поскольку «люди предупреждали» американского президента, что советский лидер «всегда полон сюрпризов» [Memorandum... Thatcher, p. 1].

Мальта стала местом проведения этой встречи как компромиссный вариант [Vaker, p. 169]. А. С. Черняев отмечает, что предложенный президентом Бушем вариант встречи в Кэмп-Дэвиде М. С. Горбачев отверг, но согласился встретиться у берегов Мальты, куда должны были подойти советский и американский военные корабли [Черняев, с. 118].

2 декабря 1989 г. оба лидера прибыли на Мальту. Первоначально планировалось провести две встречи расширенным составом на советском ракетном крейсере «Слава» и затем на американском крейсере «Белнап». Однако поднявшийся шторм вынудил провести оба дня саммита на более тяжелом советском круизном лайнере «Максим Горький».

Расширенное заседание началось с приветственного слова М. С. Горбачева, который выразил свое намерение увеличить количество рабочих контактов с американской стороной [Memorandum... First Expanded Bilateral, p. 2]. После того, как слово взял Дж. Буш, стало понятно, что подготовка к саммиту не прошла бесследно. Президент пояснил, что основной причиной проведения встречи являлось желание прояснить позиции сторон по «драматическим» изменениям в мире [Ibid.]. Дж. Буш еще раз выразил поддержку «перестройке», что, скорее всего, должно было настроить переговорный процесс с М. С. Горбачевым на позитивный лад.

Несмотря на то, что заявленной повестки у переговоров не было, американский президент сразу обозначил те темы (он назвал их «инициативами»), которые он считал необходимыми обговорить. С самого начала советской стороне была предложена отмена поправки Джексона-Вэника⁶, в обмен на изменение

⁶ Поправка 1974 г. к Закону о торговле США, которая ограничивала торговлю со странами, препятствующими эмиграции и нарушающими права человека. Поправка запрещала предоставление режима наибольшего благоприятствования СССР.

советского закона об эмиграции. Затем Дж. Буш обещал поспособствовать включению СССР в Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ)⁷ в качестве наблюдателя [Memorandum... First Expanded Bilateral, p. 3].

Важной темой всего саммита, и первого заседания в частности, стала проблема Центральной Америки. Естественным раздражителем для США по-прежнему оставалась Куба, поэтому Дж. Буш отметил, что в США его часто спрашивают: «Как они (Советский Союз. — *Д. К.*) могут вкладывать все свои деньги в Кубу и все еще хотеть от нас кредита?» [Ibid., p. 4].

Далее Дж. Буш кратко и четко прошелся по тематике контроля над вооружениями. Он призвал избавиться от химического оружия, заключить Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) на саммите в Вене в 1990 г., а к встрече в следующем году прийти к соглашению по вопросу о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ) [Ibid., p. 5].

Затем слово взял Председатель Верховного Совета СССР. Его выступление было полной противоположностью конкретным предложениям Дж. Буша. М. С. Горбачев поднял философскую тему перспектив сотрудничества с США и оценки периода Холодной войны. Он заметил, что в американском политическом сообществе преобладает идея победы в Холодной войне, результатом чего и стали политические уступки СССР [Ibid., p. 7]. Американского президента он призвал пойти на более решительные шаги, чтобы доказать свое отношение к «перестройке», и принимать во внимание интересы других стран [Ibid., p. 9].

Советский лидер попытался ответить на все пункты, изложенные Дж. Бушем, однако становилось понятно, что аргументам М. С. Горбачева не достает той конкретики, которая присутствовала в выступлении американского президента. Так, в частности, М. С. Горбачев согласился по многим пунктам с «инициативой» Дж. Буша о контроле над вооружениями, но не предложил четкой программы действий, ограничившись общей формулировкой о новых инструкциях командам переговорщиков [Ibid., p. 10].

По группе экономических вопросов М. С. Горбачев выразил восхищение предложениями Дж. Буша, обозначив одной из основных целей экономических реформ «перестройки» интеграцию советской экономики в мировую, что в перспективе означало и переход к конвертируемому рублю [Ibid.].

М. С. Горбачев признал, что у СССР больше «нет пути назад» в плане обеспечения свобод граждан и отметил, что законы об эмиграции и свободе совести и печати находятся в процессе принятия [Ibid.].

Более интересная и открытая дискуссия началась уже через несколько минут в формате «один-на-один». Также на ней присутствовали советник по национальной безопасности Б. Скоукрофт и советник по международным делам А. С. Черняев. М. С. Горбачев начал с изложения своей позиции по Кубе. Советский лидер передал американскому Президенту желание Ф. Кастро нормализовать

⁷ ГАТТ выполняло функции международной торговой организации до появления ВТО, поэтому интеграция советской экономики в мировую, пусть и в статусе наблюдателя, была выгодна М. С. Горбачеву.

отношения с США [Memorandum... First Expanded Bilateral, p. 1] и даже проявил готовность выступить посредником процесса [Ibid., p. 4]. В свою очередь, Дж. Буш выразил удивление в отношении советской политики на Кубе и заметил, что ортодоксальная позиция Ф. Кастро не отвечает вызовам времени, а его политические позиции в Латинской Америке сильно пошатнулись [Ibid., p. 2].

Далее дискуссия перешла на ситуацию в Никарагуа, где Дж. Буш был недоволен советскими действиями. Жесткая риторика американского президента привела к взаимным обвинениям в поставках оружия с обеих сторон в зону конфликта [Ibid.], а М. С. Горбачев также представил советскую версию американской политики: «Люди спрашивают, неужели нет никакого барьера для американских действий в независимых странах? Соединенные Штаты там распространяют свое правосудие и сами вершат его» [Ibid.].

В том же духе диалог продолжился и в ответ на советские претензии к американской стороне по поводу Филиппин, где американцы применили силу, чтобы защитить президента страны К. Акино от повстанцев. Дж. Буш «выразил удивление» такой реакцией советской стороны на действия американцев, подчеркнув, что США защищали законно избранного президента от восставших. М. С. Горбачев подверг сомнению этот тезис и заявил, что «некоторые в Советском Союзе считают, что “доктрина Брежнева” была заменена на “доктрину Буша”» [Ibid., p. 3].

Вслед за этим стороны переключились на крайне актуальный германский вопрос⁸. Здесь М. С. Горбачев попытался четко прояснить позицию Советского Союза — с вопросом объединения Германии нельзя спешить, необходимо сначала прояснить судьбу нового государственного образования в мировой геополитической системе, а именно — войдет ли Германия в НАТО или останется нейтральной страной [Ibid., p. 5]. Американский президент согласился с позицией М. С. Горбачева и пообещал не пытаться ускорить решение этой проблемы.

Неформальная беседа была продолжена за обедом. Наиболее интересная дискуссия разгорелась по экономическим вопросам. М. С. Горбачев поделился своими размышлениями по поводу реформирования экономической системы СССР, пояснив, что главной проблемой в стране является деформация рынка и избыток денежных средств у населения. Дискуссию поддержал Государственный Секретарь США Дж. Бейкер, бывший министр финансов. Он указал, что для советской экономики главнейшим является обеспечение конвертируемости рубля, а борьбу с излишком денег у населения предлагал решить за счет использования золота и облигаций, обеспеченных золотом [Memorandum... Luncheon Meeting, p. 4]. Дж. Буш заметил, что чем больше советское правительство будет стимулировать приватизацию, тем лучше будет для международной торговли и торговли с США в частности [Ibid., p. 5].

Характер неформальной дискуссии за обедом продемонстрировал важную тенденцию в советско-американских отношениях — советское руководство

⁸ За несколько недель до встречи, 9 ноября 1989 г., была разрушена Берлинская стена.

теперь открыто признавало внутривнутриполитические просчеты и без стеснения делилось ими с главным противником по Холодной войне. Американская сторона, вовлеченная в подобный диалог, также проявляла признаки качественно нового подхода, но по-прежнему прагматичного.

3 декабря 1989 г. состоялось второе расширенное совещание двух сторон. М. С. Горбачев подтвердил, что СССР больше не относится к США как к противнику, но, тем не менее, указал на те моменты, которые беспокоят советскую сторону, как, например, численность морских вооружений США и положение американских военных баз [Memorandum... Second Expanded Bilateral, p. 3]. Далее М. С. Горбачев выдвинул ряд конкретных предложений по сокращению численности всех вооруженных сил. По вопросам химического оружия стороны выразили согласие в недопустимости его распространения и договорились совместно работать на уровне министерств [Ibid., p. 4].

Затем переговоры переключились на тему Европы. Дж. Буш заявил, что американская сторона одобряет процесс объединения Германии и спросил М. С. Горбачева о его видении европейского будущего. Советский лидер ответил, что все изменения в Европе должны в итоге перейти в контекст построения общего «Европейского дома», а ОВД и НАТО стать политическими, а не военными блоками [Ibid., p. 6].

Интересной и показательной стала дискуссия о «западных ценностях» [Ibid., p. 7]. В этой риторике М. С. Горбачев видел прежде всего попытку навязать европейским государствам американскую модель развития. Дж. Буш ответил на это, что, в его понимании, «западные ценности» — это гласность, открытость, плюрализм, те ценности, которые естественным образом присущи как США, так и Западной Европе [Ibid., p. 8]. «Когда кто-то говорит, что он обладает истиной в последней инстанции, приходится ждать беды», — ответил М. С. Горбачев [Ibid., p. 9]. Спор двух сторон закончился принятием компромиссного термина «демократические ценности», предложенного Дж. Бейкером [Ibid., p. 10].

После окончания второго совещания в расширенном составе главы государств провели часовую встречу с глазу на глаз, в ходе которой М. С. Горбачев высказал свою позицию по поводу ситуации в Прибалтике. Председатель Верховного Совета СССР не рассматривал возможность отделения Прибалтики, считая это опасным шагом в силу сложной этнической обстановки. Американский президент, в свою очередь, предостерег своего советского коллегу от применения силы в регионе. Дж. Буш подвел краткий итог советско-американским переговорам, заявив, что визит был в точности таким, каким он надеялся его видеть [Memorandum... Second Restricted Bilateral, p. 2].

Результаты Мальтийских переговоров могут быть оценены по-разному. Очевидным, однако, остается подход Администрации Дж. Буша к советскому направлению своей внешней политики, который по-прежнему был построен на принципах прагматизма. Через три дня после окончания Мальтийского саммита, 6 декабря 1989 г., на встрече с секретарем Социалистической партии Италии Б. Кракси, Дж. Буш отметил, что переговоры с М. С. Горбачевым

прошли хорошо, но выразил беспокойство по вопросу объединения Германии и нахождения там многочисленных советских войск [Memorandum... Страх, р. 3]. Американский президент также вкратце передал суть возникшего спора с М. С. Горбачевым по поводу термина «западные ценности». При этом Дж. Буш отметил, что «у него (Горбачева. — Д. К.) есть гордость, чтобы не говорить, что ценности Запада возобладали, а ценности Востока потерпели неудачу» [Ibid.].

Интересно проанализировать то, как сами участники переговоров оценивали их результаты. М. С. Горбачев в своей книге «Жизнь и реформы» оценил итоги встречи как выход отношений на «новый уровень» [Горбачев, кн. 2, с. 149]. Дж. Буш и Б. Скоукрофт также положительно оценивали результаты переговоров, в ходе которых прошел важный обмен мнениями [Буш, Скоукрофт, с. 160]. Маршал С. Ф. Ахромеев пришел к выводу, что большего успеха на встрече смогли добиться американцы. Они поняли, что «решительной оппозиции» Советского Союза объединению Германии не будет, а внутривосточная ситуация в СССР остается близкой к критической. Маршал пишет, что «соотношение сил между СССР и США изменилось в пользу США» [Ахромеев, Корниенко, с. 254]. К схожему выводу в своих мемуарах пришел и бывший посол СССР в США А. Ф. Добрынин. По его мнению, Дж. Буш смог прочувствовать отсутствие жесткой позиции М. С. Горбачева по вопросу объединения Германии и по многим другим проблемам внешней политики [Добрынин, с. 664]. Министр иностранных дел Э. А. Шеварднадзе оценивал Мальту по-другому. Для него диалог Дж. Буша и М. С. Горбачева означал прежде всего окончание «эпохи вражды» между двумя государствами [Шеварднадзе, с. 119]. Советский переводчик П. Палажченко также пишет, что для М. С. Горбачева саммит на Мальте стал доказательством искренних намерений Дж. Буша по отношению к «перестройке» [Palazchenko, p. 156].

Переговорный процесс Дж. Буша и М. С. Горбачева на Мальте, безусловно, ознаменовал новый этап в советско-американских отношениях. Однако ставить вопрос в плоскости «выиграл / проиграл», очевидно, будет в известной степени упрощением. Участники сумели наладить диалог по принципиальным вопросам двусторонних отношений, но Дж. Буш уже ясно понимал, что жесткая позиция Советского Союза по многим вопросам осталась в прошлом. Это позволяло американскому президенту более свободно проводить свою внешнюю политику.

Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М. Глазами маршала и дипломата. Критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 года. М.: Междунар. отношения, 1992.

Батюк В. И. Мальта — 1989 // США — Канада. Экономика, политика, культура. № 12. Декабрь 2009. С. 72–84.

Бешлосс М., Тэлбот С. Измена в Кремле: протоколы тайных соглашений Горбачева с американцами. М.: Алгоритм, 2010.

Буш Дж., Скоукрофт Б. Мир стал другим. М.: Междунар. отношения, 2004.

Горбачев М. С. Жизнь и реформы: в 2 кн. М.: Новости, 1995.

Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести Президентах. М. : Автор, 2003.

Отвечая на вызовы времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед Горбачева с зарубежными деятелями и другим материалам / ред. А. С. Черняев, А. Б. Вебер. М. : Весь мир, 2010.

Печатнов В. О., Манькин А. С. История внешней политики США. М. : Междунар. отношения, 2012.

Полынов М. Ф. Закрытая встреча с большими последствиями. Переговоры М. С. Горбачева и Дж. Буша на Мальте в 1989 г. // Общество, среда, развитие. 2011. № 3. С. 40–44.

Черняев А. С. Горбачев — Буш: встреча на Мальте в 1989 г. // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 117–130.

Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания. М. : Европа, 2009.

Baker J. The Politics of Diplomacy. N. Y. : Putnam Adult, 1995.

Brown A. The Gorbachev Revolution and the End of the Cold War // The Cambridge History of the Cold War. Vol. 3 / eds. M. P. Lefler, & O. A. Westad. N. Y. : Cambridge Univ. Press, 2010. P. 244–267.

Garthoff R. L. The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of The Cold War. Washington, D. C. : Brookings Institution, 1994.

Hoffman D. Bush and Gorbachev Hail New Cooperation [Electronic resource] // Washington Post Staff Writer. Monday, December 4, 1989. P. A01. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-srv/inatl/longterm/summit/archive/dec89.htm> (accessed: 15.10.2015).

Memorandum of Conversation with Li Peng, Premier of the People's Republic of China, 1989-02-26 [Electronic resource] // Memoranda of Meetings and Telephone Conversations (Memcons / Telcons). Bush Presidential Records. URL: <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1989-02-26-Peng.pdf> (accessed: 29.10.2015).

Memorandum of Conversation with Theo Waigel, Chairman of the Christian Social Union of the Federal Republic of Germany, 1989-09-26 [Electronic resource] // Memoranda of Meetings and Telephone Conversations (Memcons / Telcons). Bush Presidential Records. URL: <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1989-09-26-Waigel.pdf> (accessed: 29.10.2015).

Memorandum of Conversation with Foreign Minister Hans-Dietrich Genscher of the Federal Republic of Germany, 1989-11-21 [Electronic resource] // Memoranda of Meetings and Telephone Conversations (Memcons / Telcons). George Bush Presidential Library and Museum. URL: <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1989-11-21-Genscher.pdf> (accessed: 29.10.2015).

Memorandum of Conversation with Prime Minister Margaret Thatcher of UK, 1989-11-24 [Electronic resource] // Memoranda of Meetings and Telephone Conversations (Memcons / Telcons). Bush Presidential Records. URL: <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1989-11-24-Thatcher.pdf> (accessed: 29.10.2015).

Memorandum of Telephone Conversation with Prime Minister Felipe Gonzalez of Spain, 1989-11-25 [Electronic resource] // Memoranda of Meetings and Telephone Conversations (Memcons / Telcons). Bush Presidential Records. Presidential Meetings — Memorandum of Conversations. URL: <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1989-11-25-Gonzalez.pdf> (accessed: 29.10.2015).

Memorandum of Conversation with Prime Minister Brian Mulroney of Canada, 1989-11-26 [Electronic resource] // Memoranda of Meetings and Telephone Conversations (Memcons / Telcons). Bush Presidential Records. Presidential Meetings — Memorandum of Conversations. URL: <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1989-11-26-Mulroney.pdf> (accessed: 29.10.2015).

Memorandum of Conversation. Gorbachev Malta First Expanded Bilateral Meeting GB and Gorbachev in Malta, 1989-12-02 [Electronic resource] // Memoranda of Meetings and Telephone Conversations (Memcons / Telcons). Bush Presidential Records. Presidential Meetings — Memorandum of Conversations. URL: <https://bush41library.tamu.edu/files/>

memcons-telcons/1989-12-02--Gorbachev%20Malta%20First%20Expanded%20Bilateral%20Meeting%20GB%20and%20Gorbachev%20in%20Malta.pdf (accessed: 29.10.2015).

Memorandum of Conversation. Gorbachev Malta First Restricted Bilateral, 1989-12-02 [Electronic resource] // Memoranda of Meetings and Telephone Conversations (Memcons / Telcons). Bush Presidential Records. Presidential Meetings – Memorandum of Conversations. URL: <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1989-12-02--Gorbachev%20Malta%20First%20Restricted%20Bilateral.pdf> (accessed: 29.10.2015).

Memorandum of Conversation. Gorbachev Malta Luncheon Meeting, 1989-12-02 [Electronic resource] // Memoranda of Meetings and Telephone Conversations (Memcons / Telcons). Bush Presidential Records. Presidential Meetings – Memorandum of Conversations. URL: <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1989-12-02--Gorbachev%20Malta%20Luncheon%20Meeting.pdf> (accessed: 29.10.2015).

Memorandum of Conversation. Gorbachev Malta Second Expanded Bilateral, 1989-12-03 [Electronic resource] // Memoranda of Meetings and Telephone Conversations (Memcons / Telcons). Bush Presidential Records. Presidential Meetings – Memorandum of Conversations. URL: <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1989-12-03--Gorbachev%20Malta%20Second%20Expanded%20Bilateral.pdf> (accessed: 29.10.2015).

Memorandum of Conversation. Gorbachev Malta Second Restricted Bilateral, 1989-12-03 [Electronic resource] // Memoranda of Meetings and Telephone Conversations (Memcons / Telcons). Bush Presidential Records. Presidential Meetings – Memorandum of Conversations. URL: <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1989-12-03--Gorbachev%20Malta%20Second%20Restricted%20Bilateral.pdf> (accessed: 29.10.2015).

Memorandum of Conversation with Bettino Craxi, Secretary of the Socialist Party of Italy, 1989-12-06 [Electronic resource] // Memoranda of Meetings and Telephone Conversations (Memcons / Telcons). Bush Presidential Records. URL: <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1989-12-06--Craxi.pdf> (accessed: 29.10.2015).

Palazchenko P. My Years with Gorbachev and Shevardnadze. The Memoir of a Soviet Interpreter. University Park, Pennsylvania : Penn State Univ. Press, 1997.

Shumaker D. Gorbachev and the German Question: Soviet-West German Relations, 1985–1990. L. : Praeger, 1995.

SOV 89-10077, Central Intelligence Agency, Office of Soviet Analysis, September – 1989, Gorbachev's Domestic Gambles and Instability in the USSR [Electronic resource]. URL: <https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/at-cold-wars-end-us-intelligence-on-the-soviet-union-and-eastern-europe-1989-1991/16526pdf/files/SOV89-10077.pdf> (accessed: 29.10.2015).

Статья поступила в редакцию 08.02.2016 г.

Калинин Дмитрий Михайлович

аспирант кафедры новой и новейшей истории

Уральский федеральный университет
620000 Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
E-mail: kalinin.dm.mih@gmail.com

Kalinin, Dmitry Mikhailovich

Postgraduate student, Chair of Modern and Contemporary History

Ural Federal University
4, Turgenev Str., 620000 Yekaterinburg,
Russia
E-mail: kalinin.dm.mih@gmail.com

**G. H. W. BUSH AND M. GORBACHEV'S NEGOTIATIONS
AT MALTA IN 1989
(With Reference to G. H. W. Bush Presidential Library Archive)**

The article analyzes the Gorbachev-Bush negotiations at the Malta Summit. The author uses documents from the George H. W. Bush Presidential Library and memoirs of the participants to research the then changing Soviet-American relations. According to the memoirs of its participants and contemporary journalists' articles, the Malta Summit became a milestone in the process of the Cold War's ending. Such negotiations were only possible only in relatively peaceful conditions. However, the analysis of the Malta Summit is not in the limelight of historical science; the works published are mainly based on memoirs. It was crucial for the George H. W. Bush Administration to determine the changes in the Soviet policy. The summit was an attempt to verify the genuineness of Gorbachev's foreign policy shift, which made the preparation for it very rigorous. There was no agenda at the Summit, but G. H. W. Bush made specific proposals both in arms control and in regional issues. M. Gorbachev used peaceful rhetoric and appealed to the new status of the USSR – US relations. Despite the fact that there was a cooperative spirit at the Summit some issues remained unresolved. There were no formal agreements at the Summit; thus, its importance lies in the psychological sphere. The G. H. W. Bush Administration made sure that the changes in the Soviet foreign policy were real, and they could get more concessions, including the German reunification.

Key words: Cold war; foreign relations; Gorbachev foreign policy; George H. Bush foreign policy; Soviet-American relations; Perestroika; German reunification; arms control.

Ahromeyev, S. F., & Kornienko, G. M. (1992). *Glazami marshala i diplomata. Kriticheskiy vzglyad na vneshn'uyu politiku SSSR do i posle 1985 goda* [In the Eyes of a Marshal and Diplomat. A Critical View on the Soviet Foreign Policy before and after 1985]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian)

Baker, J. (1995). *The Politics of Diplomacy*. New York: Putnam Adult.

Batjuk, V. I. (2009, December). Mal'ta – 1989 [Malta – 1989] *S.S.H.A. – Kanada. Ekonomika, politika, kultura*, 12, 72–84. (In Russian)

Beschloss, M. & Talbott, S. (2010). *Izmena v Kremlе: protokoly tajnyh soglasheniy Gorbacheva s amerikancami* [High Treason in the Kremlin: Protocols of Gorbachev's Secret Agreements with the Americans]. Moscow: Algoritm. (In Russian)

Brown, A. (2010). The Gorbachev Revolution and the End of the Cold War. In M. P. Lefler, & O. A. Westad (Eds.), *The Cambridge History of the Cold War* (Vol. 3, pp. 244–267). New York: Cambridge University Press.

Bush, G. H. W., & Scowcroft, B. *Mir stal drugim* [A World Transformed]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian)

Chernyaev, A. S. (2001). Gorbachev – Bush: vstrecha na Mal'te v 1989 g. [Gorbachev – Bush: The Meeting at Malta in 1989]. *Novaya i noveyshaya istoria*, 3, 117–130. (In Russian)

Chernyaev, A. S., & Weber, A. B. (Eds.). (2010). *Otvechaya na vyzovy vremeni. Vneshnyaya politika perestroiki: dokumental'nye svidetel'stva. Po zapisyam besed Gorbacheva s zarubezhnyimi deyatel'nyami i drugim materialam* [Reacting to the Challenges of the Time. The Foreign Policy of Perestroika: Documental Evidence. Based on Records of Gorbachev's Negotiations with Foreign Officials and Other Materials]. Moscow: Ves' mir. (In Russian)

Dobrynin, A. F. (2003). *Sugubo doveritel'no. Posol v Vashingtone pri shesti Prezidentah* [Top Trust. An Ambassador in Washington under Six Presidents]. Moscow: Avtor. (In Russian)

Garthoff, R. L. (1994). *The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of The Cold War*. Washington, D. C.: Brookings Institution.

Gorbachev, M. S. (1995). *Zhizn i reformy* [The Life and Reforms] (Books 1–2). Moscow: Novosti. (In Russian)

Hoffman, D. (1989, December 4). Bush and Gorbachev Hail New Cooperation. *Washington Post Staff Writer, Monday*, A01. Retrieved from <http://www.washingtonpost.com/wp-srv/inatl/longterm/summit/archive/dec89.htm>.

Memorandum of Conversation with Li Peng, Premier of the People's Republic of China, 1989-02-26/. In *Memoranda of Meetings and Telephone Conversations (Memcons/Telcons). Bush Presidential Records*. Retrieved from <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1989-02-26--Peng.pdf>.

Memorandum of Conversation with Theo Waigel, Chairman of the Christian Social Union of the Federal Republic of Germany, 1989-09-26. In *Memoranda of Meetings and Telephone Conversations (Memcons/Telcons). Bush Presidential Records*. Retrieved from <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1989-09-26--Waigel.pdf>.

Memorandum of Conversation with Foreign Minister Hans-Dietrich Genscher of the Federal Republic of Germany, 1989-11-21. In *Memoranda of Meetings and Telephone Conversations (Memcons/Telcons). George Bush Presidential Library and Museum*. Retrieved from <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1989-11-21--Genscher.pdf>.

Memorandum of Conversation with Prime Minister Margaret Thatcher of UK, 1989-11-24. In *Memoranda of Meetings and Telephone Conversations (Memcons/Telcons). Bush Presidential Records*. Retrieved from <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1989-11-24--Thatcher.pdf>.

Memorandum of Telephone Conversation with Prime Minister Felipe Gonzalez of Spain, 1989-11-25. In *Memoranda of Meetings and Telephone Conversations (Memcons/Telcons). Bush Presidential Records. Presidential Meetings – Memorandum of Conversations*. Retrieved from <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1989-11-25--Gonzalez.pdf>.

Memorandum of Conversation with Prime Minister Brian Mulroney of Canada, 1989-11-26. In *Memoranda of Meetings and Telephone Conversations (Memcons/Telcons). Bush Presidential Records. Presidential Meetings – Memorandum of Conversations*. Retrieved from <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1989-11-26--Mulroney.pdf>.

Memorandum of Conversation. Gorbachev Malta First Expanded Bilateral Meeting GB and Gorbachev in Malta, 1989-12-02. In *Memoranda of Meetings and Telephone Conversations (Memcons/Telcons). Bush Presidential Records. Presidential Meetings – Memorandum of Conversations*. Retrieved from <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1989-12-02--Gorbachev%20Malta%20First%20Expanded%20Bilateral%20Meeting%20GB%20and%20Gorbachev%20in%20Malta.pdf>.

Memorandum of Conversation. Gorbachev Malta First Restricted Bilateral, 1989-12-02. In *Memoranda of Meetings and Telephone Conversations (Memcons/Telcons). Bush Presidential Records. Presidential Meetings – Memorandum of Conversations*. Retrieved from <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1989-12-02--Gorbachev%20Malta%20First%20Restricted%20Bilateral.pdf>.

Memorandum of Conversation. Gorbachev Malta Luncheon Meeting, 1989-12-02. In *Memoranda of Meetings and Telephone Conversations (Memcons/Telcons). Bush Presidential Records. Presidential Meetings – Memorandum of Conversations*. Retrieved from <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1989-12-02--Gorbachev%20Malta%20Luncheon%20Meeting.pdf>.

Memorandum of Conversation. Gorbachev Malta Second Expanded Bilateral, 1989-12-03. In *Memoranda of Meetings and Telephone Conversations (Memcons/Telcons). Bush Presidential Records. Presidential Meetings – Memorandum of Conversations*. Retrieved from <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1989-12-03--Gorbachev%20Malta%20Second%20Expanded%20Bilateral.pdf>.

Memorandum of Conversation. Gorbachev Malta Second Restricted Bilateral, 1989-12-03. In *Memoranda of Meetings and Telephone Conversations (Memcons/Telcons)*. Bush Presidential Records. Presidential Meetings – Memorandum of Conversations. Retrieved from <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1989-12-03--Gorbachev%20Malta%20Second%20Restricted%20Bilateral.pdf>.

Memorandum of Conversation with Bettino Craxi, Secretary of the Socialist Party of Italy, 1989-12-06. In *Memoranda of Meetings and Telephone Conversations (Memcons/Telcons)*. Bush Presidential Records. Retrieved from <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1989-12-06--Craxi.pdf>.

Palazchenko, P. (1997). *My Years with Gorbachev and Shevardnadze. The Memoir of a Soviet Interpreter*. University Park, Pennsylvania: Penn State University Press.

Pechatnov, V. O. & Manykin, A. S. (2012). *Istoriya vneshnei politiki S.S.H.A* [The History of the US Foreign Policy]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian)

Polynov, M. F. (2011). Zakrytaya vstrecha s bol'shimi posledstviyami. Peregovory M. S. Gorbacheva i Dzh. Busha na Mal'te v 1989 g. [A Confidential Meeting with Serious Consequences. M. S. Gorbachev – G. H. W. Bush Negotiations at Malta in 1989]. *Obschestvo, sreda, razvitie*, 3, 40–44. (In Russian)

Shevardnadze, E. A. (2009). *Kogda ruhnul zheleznyi zhanaves. Vstrechi i vospominania* [When the Iron Curtain Fell. Meetings and Memoirs]. Moscow: Evropa. (In Russian)

Shumaker, D. (1995). *Gorbachev and the German Question: Soviet-West German Relations, 1985–1990*. London: Praeger.

SOV 89-10077, Central Intelligence Agency, Office of Soviet Analysis, September – 1989, Gorbachev's Domestic Gambles and Instability in the USSR. Retrieved from <https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/at-cold-wars-end-us-intelligence-on-the-soviet-union-and-eastern-europe-1989-1991/16526pdf/files/SOV89-10077.pdf>.

Received 08 February 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.2.033
УДК 811.111'271 + 821.111-31

Е. И. Королёва
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

АНГЛИЙСКИЕ ЭКСПРЕССИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ

В представленной статье исследуются экспрессивные субстантивные и глагольные словосочетания английского языка в текстах современной британской беллетристики. На основе анализа формально-структурных, семантических и функциональных аспектов отобранных средств выявляются источники экспрессивности словосочетания как некоммуникативной единицы синтаксического уровня. Установлено, что экспрессивизация данной единицы сопровождается усложнением ее системно-языковых свойств. Выражение словосочетанием экспрессивного значения в высказывании осуществляется способом прагматически мотивированного структурного преобразования синтаксического знака (включающего в себя такие механизмы, как избыточная экспликативность и упрощение строевого порядка знака), при участии стилистических средств и с помощью «не нейтральных» лексических единиц языка. По отношению к синтаксической и номинативной семантике словосочетания экспрессивное значение является второстепенным. Вместе с тем оно не теряет своей функциональной значимости в отобранных контекстах.

Произведения современной беллетристики раскрывают богатый коммуникативно-прагматический потенциал исследуемых конструкций: выявляется широкий спектр эмоциональных переживаний, объективируемых английскими экспрессивными словосочетаниями в речевом общении. Кроме того, определяются общелингвистические (выражение эмоций, эмоциональное воздействие, номинативная, когнитивная, эпистемологическая, аксиологическая) и текстовые (структурно-композиционная, формирование семантического пространства) функции данных средств.

К л ю ч е в ы е с л о в а: субстантивное и глагольное словосочетания; экспрессивность; интенсивность; эмоции; механизмы экспрессивизации; функциональная грамматика; английский язык; роман-дневник.

© Королёва Е. И., 2016

Адаптируя литературно-эстетические каноны эпохи к массовому сознанию, авторы-беллетристы зачастую обращаются к разным речевым регистрам и формам разговорной речи. В связи с этим тексты современной «серединной» литературы обнаруживают огромный арсенал средств эмоционального воздействия и позволяют проводить исследование разноуровневых экспрессивных форм языка и речи. Вслед за Б. Тошовичем мы определяем экспрессивность как категорию, (1) охватывающую гомогенные и гетерогенные связи формальных, семантических, функциональных и категориальных единиц, (2) отражающую и выражающую сознательное, целенаправленное, субъективное, эмоциональное и эстетизированное отношение А (отправителя, автора, говорящего) к В (получателю, реципиенту, собеседнику) или С (предмету, содержанию сообщения), (3) обладающую функцией воздействия и (4) служащую для подчеркивания, усиления, актуализации в процессе общения [Тошович, с. 9].

Экспрессивность реализуется в речи при помощи разнообразных языковых единиц и речевых средств, среди которых, благодаря особой функциональной активности, выделяются единицы синтаксического уровня. Употребление синтаксических единиц в речи для выражения эмоций и эмоционального отношения заинтересовало лингвистов относительно недавно. Во второй половине XX в. под влиянием работ В. В. Виноградова начали разрабатываться вопросы экспрессивного синтаксиса. Исследователь обозначил проблему «экспрессивных — выразительных, изобразительных — оттенков, присущих той или иной синтаксической конструкции или тем или иным комбинациям синтаксических конструкций» [Виноградов, с. 61], которая получила дальнейшую разработку на материале разных языков в трудах ученых, таких как О. В. Александрова, Г. Н. Акимова, И. В. Арнольд, М. П. Брандес, В. В. Бузаров, И. Р. Гальперин, Э. С. Геллер, Г. А. Золотова, Г. А. Копнина, О. А. Кострова, Ю. М. Малинович, А. П. Сквородников, Ю. М. Скребнев, Г. Я. Солганик и др. Эмоционально-экспрессивные характеристики синтаксических единиц изучаются широко и относятся к проблемному полю разных дисциплин языкознания: в известной мере указанные аспекты изучены в стилистике, в описательной и коммуникативной грамматике, в теории модального синтаксиса, в синтаксической фразеологии. Приобретает актуальность анализ экспрессивных конструкций в рамках прагматического синтаксиса [Кострова], дискурсивной лингвистики [Мельничук], а также в функциональных исследованиях сопоставительного характера [Моргоева]. В зарубежной традиции «не нейтральные» грамматические формы изучаются преимущественно с позиций семантики и прагматики, на что указывают А. Фулен, А. Хюблер [Foolen; Hübler].

Наряду с эмоциональной «отмеченностью» предложения учеными признается экспрессивный потенциал словосочетания. В частности, О. В. Александрова отмечает, что, будучи единицей номинации, словосочетание «не только что-то сообщает, но сообщает это “что-то” с целью воздействия на партнера коммуникации» [Александрова, с. 18]. Представляют интерес семантические характеристики, функциональные свойства, механизмы и способы экспрессивизации

английского словосочетания как «промежуточной», некоммуникативной единицы синтаксического уровня. Не претендуя на исчерпывающее освещение всех структурных типов данных синтаксических единиц в настоящей статье, мы ограничиваемся рассмотрением экспрессивных субстантивных и глагольных словосочетаний и анализируем их формальные, семантические и функциональные особенности в современных британских романах-дневниках («Дневник Бриджит Джонс» Хелен Филдинг [Fielding], «Адриан Моул: годы капучино» Сью Таунсенд [Townsend], «Скандалный дневник» Зои Хеллер [Heller]).

Для экспликации экспрессивности, категории семантической, имеющей непосредственную связь с прагматикой и коммуникативным контекстом, в английском языке не сформировалось отдельных структур словосочетаний. Однако можно определить закономерности употребления этих единиц в экспрессивных целях и выявить типичные способы формального выражения экспрессивного значения на данном уровне. В качестве средства номинации и одновременно средства эмоционального воздействия субстантивное словосочетание обнаруживает следующие структурные типы (или базовые модели) в романах-дневниках: субстантивное ядро с зависимой словоформой в препозиции (*the saucy schoolteacher's spin-doctor; the clearly morally bankrupt candidate*); субстантивное ядро с зависимой словоформой в постпозиции (*a happy-go-lucky lad, polite, considerate and extremely well adjusted; a skirt the size of an African postage stamp*). Это словосочетания с различной синтаксической семантикой: в указанных структурных типах единиц наблюдаются как «чистые» синтаксические отношения — атрибутивные и объектные, так и смешанные — атрибутивно-объектные, атрибутивно-адвербиальные, полупредикативные.

При выражении категории экспрессивности происходит структурное преобразование базовых моделей субстантивного словосочетания по пути добавления зависимых словоформ одного и того же ядра: *super-doooper top-notch lawyers; an icy offended-sounding answer-phone message; pagan-style twinkly festival*. В данных примерах одновременно передаются разные семантические варианты категории экспрессивности: продолжительность синтаксических конструкций служит средством интенсификации высказывания, а лексемы обладают эмоциональностью, образностью и разговорной стилистической окраской. Кроме того, важно отметить, что сложение основ как модель словообразования зависимых форм в данном случае является дополнительным приемом воздействия.

Употребление наречий со значением интенсивности в субстантивных словосочетаниях представляется еще одним вариантом их структурного преобразования в целях придания высказыванию выразительности (*Adv + Adj + N*). Особенностью таких структур является то, что наречие распространяет присубстантивную зависимую словоформу словосочетания и не связано по смыслу с ядром: *a terribly lonely and rich son; a terribly attractive chap; a rare and extremely unwelcome moment; an exceptionally bad start*. Наречия в данном контексте теряют качественное значение и выступают средствами интенсификации характеристик определяемого слова.

Структурные модели субстантивного словосочетания могут варьироваться при помощи включения в них голофразиса, например: *the rich divorced-by-cruel-wife Mark; date-with-Daniel standby*. Конструкция голофразиса представляет собой либо словосочетание, либо предложение, которое приближается к монолексемному образованию и выполняет в данных примерах функцию атрибута. Этот структурный вариант словосочетания приобретает большее воздействие, когда в рамках самого голофразиса наблюдаются атрибутивные синтаксические отношения: *their entire-tune-of-town-hallclock-style doorbell*. В целом голофразис как средство выражения экспрессивного значения является достаточно частотным в романах-дневниках и помимо своих семантических и структурных функций выполняет еще и стилеобразующую роль.

Еще один источник экспрессивизации английских субстантивных словосочетаний связан с комбинаторными свойствами ядерного компонента — имени существительного, которое обнаруживает лексико-грамматические ограничения на сочетаемость с атрибутами. Нарушение подобного рода ограничений в рамках субстантивной синтагмы является грамматической основой метафоричности / метонимичности и приводит к актуализации экспрессивности в высказывании. Ниже приведены высказывания, в которых неодушевленные имена существительные получают признаки, характерные для одушевленных существительных лица:

Incident. *The word hung in the air, pregnant with menace* [Townsend, p. 149].

She tried to kiss me, but I turned my cheek away from *her adulterous lips* [Ibid., p. 49].

Suspect *Daniel's enormously well read brain* may turn out to be something of a nuisance if things develop [Fielding, p. 59].

Прагматически мотивированное изменение строевой организации знака прослеживается в английских глагольных словосочетаниях при их употреблении в эмоционально окрашенных контекстах. Важно заметить, что в теории синтаксиса английского языка структурная классификация глагольных словосочетаний выстраивается не по принципу препозитивного / постпозитивного положения зависимой словоформы, как в примерах с субстантивными словосочетаниями, а исходя из морфолого-синтаксических свойств ядра словосочетания — глагола. Л. С. Бархударов указывает на то, что принадлежность глагола к тому или иному грамматическому подклассу и определяет структурные особенности словосочетания, в котором данный глагол является ядром [Бархударов, с. 78]. Руководствуясь общепринятым делением глаголов на переходные и непереходные, мы выявляем базовые структурные модели глагольных словосочетаний и обнаруживаем ряд их структурных преобразований, используемых в речи в целях эмоционального воздействия.

Модель «переходный / непереходный глагол + обстоятельство» преобразуется путем добавления обстоятельств одной и той же семантической группы и/или по пути интенсификации обстоятельств посредством их распространения.

Таким образом, целенаправленно создается переизбыток признаков действия в высказывании, актуализируются значения интенсивности и эмотивности:

Well, *coming round unannounced* like this *dressed as a rabbit disguised as a bridesmaid and burrowing into all the rooms in a strange way*. Not meaning to pry or anything, I just wondered if there was an explanation, that's all [Fielding, p. 177].

Структура «переходный глагол + (беспредложное / предложное) дополнение» становится экспрессивной при прагматически мотивированном распространении зависимой словоформы или ее усложнении синтаксически однородными словоформами / словосочетаниями. Большое количество указаний на признаки действия или объекты дается говорящим не столько для достижения смысловой законченности высказывания, сколько в целях эмоционального воздействия на собеседника.

I shouldn't be sorry if I never saw another old-age pensioner again. I have decided that I cannot *bear their slowness, their ill-fitting teeth and their mania for pickled vegetables* [Townsend, p. 21].

She shouted, «Yes, he has, and he *worships every wrinkle, bag and line!* He loves me to bits» [Ibid., p. 81].

Структуры сложных глагольных словосочетаний изменяются по аналогии с простыми: путем усечения необходимых для смысловой полноты элементов, путем чрезмерного распространения зависимой словоформы или ее наращивания однородными словоформами / словосочетаниями.

Итак, применение структурно-семантического и контекстуального анализа позволяет обнаружить два общих механизма экспрессивизации словосочетания на уровне формы — избыточная экспликативность и упрощение строевого порядка синтаксического знака. Выявленные механизмы, безусловно, соотносятся с общеизвестными синтаксическими процессами развертывания и расширения, описанными в традиционной грамматике. Например, по аналогии с последними, экспрессивные структурные преобразования не приводят к перемене грамматического значения единицы: в рамках трансформированных моделей глагольных и субстантивных словосочетаний сохраняются синтаксические отношения и тип синтаксической связи, выявленные в базовых моделях. Тем не менее, между данными процессами существуют функционально-прагматические различия. При нейтральном расширении и развертывании словосочетания говорящий преследует цель полноценно осведомить адресата о положении дел в действительности. В данной ситуации формальная «перегруженность» предложения обоснована информационной достаточностью высказывания. В случае когда применение структурного преобразования синтаксической конструкции мотивировано эмоциональным воздействием, обогащается прагматический компонент значения предложения, приобретаются признаки «интенсивность», «эмотивность».

Выражение категории экспрессивности на уровне словосочетания происходит и за счет единиц нижележащего языкового яруса, включенных

в синтаксические отношения, — лексем, в коннотации которых выявляются варианты категориальной семантики (эмотивность, интенсивность, оценка, образность).

Durr! I expect you're sick to death of us *old fuddy-duddies* [Fielding, p. 13].

You know Julie, darling, Mavis Enderby's daughter. Julie! The one that's got *that super-doooper job* at Arthur Andersen... [Ibid., p. 10]

As Mabel staggered down the drive of the comprehensive, I tried to *brainwash her into changing* her political affiliation [Townsend, p. 20].

Экспрессивное значение выражается при вкраплении в текст данных художественных произведений словосочетаний, которые относятся к текстам другого функционального стиля. В этом случае актуализируется окказиональная (или приобретенная) экспрессивность. Например, следующие словосочетания имеют высокую степень клишированности и являются нейтральными в научном и юридическом дискурсе, однако их наличие в бытовых диалогах или описании повседневности служит приемом, обнаруживающим ироническое отношение повествователя к событиям и их участникам:

At this Sharon practically spat into the shaved Parmesan and said that it was inhuman to leave a woman hanging in the air and *an appalling breach of confidence* and I should tell him what I think of him [Fielding, p. 69].

Будучи стилистическим вкраплением, словосочетание может одновременно представлять собой какой-либо троп (метафору, сравнение и др.):

There we were, just him and me, caught in *a massive electrical-charge field*, pulled together irresistibly, like *a pair of magnets* [Fielding, p. 58].

Обозначенные нами три способа репрезентации экспрессивности в английском словосочетании (способ структурного преобразования, лексический способ и стилистическое вкрапление) часто дополняют друг друга, благодаря чему в высказывании передаются богатые эмоционально-чувственные оттенки, происходит акцентирование субъективных смыслов.

Любопытно место экспрессивности в иерархии значений, реализуемых словосочетанием в речи. Семантический анализ выявленных средств в совокупности с их количественной оценкой (798 предложений-высказываний с экспрессивными словосочетаниями) позволяет заключить, что в 95 % отобранных контекстов экспрессивное значение сопровождается номинативное (предметно-логическое) значение и имеет статус вторичного. Тем не менее в текстах определенной жанровой принадлежности (как, например, в анализируемых нами художественных дневниках) экспрессивность способна функционально доминировать над предметно-логической семантикой (5 % отобранных контекстов). К примеру, следующее словосочетание используется в высказывании для эмоционального воздействия (эмоционально-оценочное обращение к собеседнику), а не в целях

номинации. Номинативное и синтаксическое значения словосочетания в данном лингвистическом и коммуникативном контексте становятся избыточными и частично «затухают», а экспрессивное — актуализируется.

«Effing is not swearing, you *sad bastard*,» she said [Townsend, p. 15].

Функциональное использование английских экспрессивных субстантивных и глагольных словосочетаний в современной беллетристике отличается разнообразием. Нами выявляются как общеязыковые функции экспрессивных единиц, актуализирующиеся в разнообразных ситуациях устного общения, так и текстовые, обусловленные жанрово-стилистической характеристикой источников языкового материала.

В динамичной разговорной речи, моделируемой авторами романов, наиболее ярко раскрывается основная функция экспрессивных словосочетаний, опираясь на которую мы изначально производили идентификацию объекта исследования и выборку языкового материала, — выражение эмоций коммуникантов в сообщении. Определяется широкий диапазон эмоций, передаваемых словосочетаниями в отобранных контекстах: эмоции ожидания и прогноза, удовлетворение и радость, фрустрационные эмоции, коммуникативные эмоции, аффективно-когнитивные комплексы. Анализируемые синтаксические единицы объективируют кластеры базовых переживаний человека в речевом общении и выступают средством осознанного эмоционального реагирования говорящего в целях воздействия на партнера по коммуникации.

Противопоставленные нейтральным формам по наличию признаков «выражение эмоций» и «эмоциональное воздействие», экспрессивные словосочетания сохраняют типичные для данного языкового уровня функции: номинативную, когнитивную, эпистемологическую и аксиологическую.

В рамках художественного произведения сфера реализаций словосочетания существенно расширяется, экспрессивные синтаксические конструкции приобретают ряд текстовых функций, одной из которых является структурно-композиционная. Для юмористической дневниковой прозы характерно употребление исследуемых синтаксических единиц в сильных текстовых позициях: в заглавии произведения («*Adrian Mole: The Cappuccino Years*»), в названии глав («*An Exceptionally Bad Start*», «*Valentine's Day Massacre*», «*Severe Birthday-Related Thirties Panic*»), в комментариях героя-рассказчика, которыми предваряются дневниковые записи.

Наиболее значимой текстовой функцией исследуемых конструкций, по нашим наблюдениям, является формирование сфер семантического пространства художественного дневника. Экспрессивные словосочетания передают смыслы, определяющие специфику текстовой эмотивности, а также структурируют денотативное пространство рассматриваемых произведений, обозначают объекты, процессы и их качественные характеристики.

В завершение отметим, что, реализуя свои функции, экспрессивные словосочетания взаимодействуют с общей категорией эстетического в литературном

произведении, усиливают художественные приемы и создают напряженность текста.

Проведенный анализ позволяет сделать выводы о том, что в арсенале экспрессивных средств английского языка уровень словосочетания представлен довольно убедительно. Многочисленные примеры (789 высказываний с экспрессивными словосочетаниями на 1 000 печатных страниц) подтверждают высокую частотность и функциональную значимость синтаксических единиц при объективации эмоционально-чувственной сферы человека в речи. Источники экспрессивности словосочетания разнородны и включают в себя лексико-семантические, формально-структурные, текстовые способы и механизмы экспрессивизации языковой единицы. В речевом употреблении экспрессивное словосочетание выполняет ряд важных общелингвистических и частных функций, которые свидетельствуют о существенном информативном, коммуникативно-прагматическом и эстетическом потенциале «промежуточных» единиц синтаксического уровня.

Александрова О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. М. : Высш. шк., 1984.

Бархударов Л. С. Структура простого предложения современного английского языка. М. : Высш. шк., 1966.

Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопр. языкознания. 1955. № 1. С. 60–87.

Кострова О. А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка. М. : Флинта, 2004.

Мельничук О. А. Художественный дискурс: синтаксис, экспрессивность, стратегии. Якутск : Изд. дом СВФУ, 2013.

Моргоева Л. Б. Экспрессивность разноуровневых единиц языка. Владикавказ : ИПО СОИГСИ, 2009.

Тошович Б. Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского / хорватского языков. М. : Языки славянской культуры, 2006.

Fielding H. Bridget Jones's Diary. London : Picador, 2001.

Foolen A. The Expressive Function of Language: Towards a Cognitive Semantic Approach // The Language of Emotions. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 1997. P. 15–32.

Heller Z. Notes on a Scandal. London : Penguin Books, 2009.

Hübler A. The Expressivity of Grammar. Grammatical Devices Expressing Emotion across Time. Berlin : Mouton de Gruyter, 1998.

Townsend S. Adrian Mole: The Cappuccino Years. London : Penguin Books, 2000.

Статья поступила в редакцию 04.12.2015 г.

Королёва Екатерина Игоревна

аспирант кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: korolyova87@mail.ru

Korolyova, Ekaterina Igorevna

Postgraduate student, Chair of Modern
Russian Language and Applied Linguistics
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
E-mail: korolyova87@mail.ru

EXPRESSIVE ENGLISH PHRASES IN MODERN BRITISH FICTION

The article focuses on the expressive noun and verb phrases of the English language in some texts of modern British fiction. An analysis of the formal-structural, semantic, and functional aspects of the said constructions enables the author to reveal the expressive resources of the phrase as a non-communicative syntactic unit. It is established that the expressive function of this unit leads to a shift in its systemic features. Expressive meaning is conveyed in the utterance by a pragmatically motivated transformation of the phrase structure (i.e. formal shifts towards greater sign complexity or simplicity) as well as by the stylistic means and non-neutral lexical units of the language used on the phrase level. Compared to the syntactic and denotative meanings of the phrase, its expressive semantics proves to be secondary, but still it is functionally significant in the contexts analyzed.

Works of modern British fiction show a considerable communicative and pragmatic potential of the expressive English phrases, which convey a wide range of emotions in verbal communication. The author also identifies the expressive phrase general linguistic functions (expression of emotion, emotional impact, nominative, cognitive, epistemological, and axiological functions), as well as textual functions (structural, and semantic).

Key words: noun and verb phrases; expressivity; intensity; emotions; mechanisms of expressivity; functional grammar; English language; diary novel.

Aleksandrova, O. V. (1984). *Problemy ekspressivnogo sintaksisa* [Problems of Expressive Syntax]. Moscow: Vysshaia shkola. (In Russian)

Barkhudarov, L. S. (1966). *Struktura prostogo predlozheniia sovremennogo angliiskogo iazyka* [Simple Sentence Structure of Modern English]. Moscow: Vysshaia shkola. (In Russian)

Fielding, H. (2001). *Bridget Jones's Diary*. London: Picador.

Foolen, A. (1997). The Expressive Function of Language: Towards a Cognitive Semantic Approach. In S. Niemeier, & R. Dirven (Eds.), *The Language of Emotions* (pp. 15–32). Amsterdam: John Benjamins.

Heller, Z. (2009). *Notes on a Scandal*. London: Penguin Books.

Hübler, A. (1998). *The Expressivity of Grammar. Grammatical Devices Expressing Emotion across Time*. Berlin: Mouton de Gruyter.

Kostrova, O. A. (2004). *Ekspressivnyi sintaksis sovremennogo nemetskogo iazyka* [The Expressive Syntax of the Modern German Language]. Moscow: Flinta. (In Russian)

Melnichuk, O. A. (2013). *Khudozhestvennyi diskurs: sintaksis, ekspressivnost', strategii* [Literary Discourse: Syntax, Expressivity, Strategies]. Iakutsk: Izd. dom SVFU. (In Russian)

Morgoeva, L. B. (2009). *Ekspressivnost' raznourovnevnykh edinit iazyka* [The Expressivity of Different Level Language Units]. Vladikavkaz: IPO SOIGSI. (In Russian)

Tosovic, B. (2006). *Ekspressivnyi sintaksis glagola ruskogo i serbskogo / khorvatskogo iazykov* [The Expressive Syntax of Verbs in the Russian and Serbian/Croatian Languages]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian)

Townsend, S. (2000). *Adrian Mole: The Cappuccino Years*. London: Penguin Books.

Vinogradov, V. V. (1955). Itogi obsuzhdeniia voprosov stilistiki [Results of a Stylistics Issues Discussion]. *Voprosy jazykoznaniia*, 1, 60–87. (In Russian)

Received 04 December 2015

DOI 10.15826/izv2.2016.18.2.034
УДК 821.161.1 Лесков-31 + 82.091-055.2

А. П. Кашкарева
*Сургутский государственный
педагогический университет*
Сургут, Россия

ТИПОЛОГИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ Н. С. ЛЕСКОВА «НЕКУДА»

В статье рассматриваются типы женских образов в романе Н. С. Лескова «Некуда». Анализ художественного текста позволяет сделать вывод о том, что писатель стремился к постижению особенностей характера русской женщины, выявлению разнообразных форм бытования женского начала. При этом можно говорить о типологическом сближении героинь романа «Некуда» Николая Лескова с женскими образами классической русской литературы (в качестве доказательства проводятся параллели с творчеством Ф. М. Достоевского). Уже в первом своем романе Н. С. Лесков намечает систему женских образов (женщина-праведница, женщина «нового» типа, женщина inferнального типа, женщина «на перепутье» и пр.), получившую развитие в позднем периоде творчества писателя. Обозначенные типы имеют как черты сходства, так и различия. Главным критерием выведенной типологии является выбор своего пути каждой из героинь в момент кризиса. Отмечается, что в романе «Некуда», произведении о нигилистах, на первый план Николай Лесков выводит именно фигуры девушек, женщин, показывает, как складывается их судьба, поскольку образы, типы женщин в данном тексте — индикатор ценностных ориентаций писателя.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русская литература; русская проза; Н. С. Лесков; роман «Некуда»; женские образы.

Роман Н. С. Лескова «Некуда» — произведение, отражающее сложные социально-исторические события в России 1860-х гг. Долгое время этот роман воспринимали как творческую неудачу писателя. Так, например, Б. М. Другов отмечал: «Роман “Некуда”, заполненный сырым, непродуманным материалом, излишними автобиографическими признаниями и личными выпадами, написанный словно в оправдание авторского двойника — доктора Розанова, имел скандальный обывательский успех и еще больше отдалил Лескова от передовых читателей» [Другов, с. 26]. Подобные оценки романа могли появиться, во-первых, в связи с «объяснением» Лескова («О романе “Некуда”»), где писатель смело говорит: «Роман этот писан весь наскоро и печатался прямо с клочков, нередко писанных карандашом, в типографии. <...> Роман этот носит в себе все знаки спешности и неумелости моей» [Лесков, 1997, т. 4, с. 687]. Во-вторых, как заметил А. Лесков, многие ссылались на «“фотографичность” большинства персонажей “Некуда” и описываемых в нем событий, подтверждая тем самым достоверность последних» [Лесков, 1954, с. 178]. Другими словами, за изображенными

событиями, портретами читатель угадывал конкретные исторические события, деятелей общественного движения 1860-х гг. Как пишет Н. И. Тотубалина, «портретное и вместе с тем памфлетно-карикатурное изображение ряда известных лиц особенно возмутило передовую общественность» [Тотубалина, с. 717].

Современным исследователям удалось преодолеть тенденциозные оценки романа, поскольку они (Н. Н. Старыгина, Ж.-К. Маркадэ и пр.) обратили внимание на аксиологический пласт художественного произведения, рассмотрели роман как опыт полемической прозы, увидели в тексте «антологию стилистической виртуозности писателя» [Маркадэ, с. 90], подтвердили, что персонажные образы, встречающиеся на страницах романа, служат для передачи идейных установок автора, его мировоззренческих позиций, в том числе и в понимании семьи как основополагающей ценности, философии взаимоотношения полов и пр.

Вопрос типологии женских образов в романе «Некуда» Н. Лескова интересовал многих литературоведов. Так, отдельным типам женщин в указанном романе автора посвящены труды Т. Н. Ивановой [Иванова], Н. Н. Старыгиной [Старыгина, 2003], А. В. Ганиной [Ганина] и др. Заметим, что в этих работах (за исключением труда Н. Н. Старыгиной) при анализе образной системы романа исследователи выделяют лишь два типа женщин: «новую» и «праведную» («традиционный тип» по Т. Н. Ивановой). На наш взгляд, в романе «Некуда» (1864), первом крупном произведении автора, выявляется более обширная типология женских образов, и ее можно считать исходной для всего последующего творчества писателя:

1) *ж е н щ и н а - п р а в е д н и ц а*, олицетворяющая собой осознанную и деятельную любовь к людям (*Агния Николаевна, сестра Феоктиста*); носительница народного сознания, народной нравственности (*Евгения Петровна Гловацкая, Марина Абрамовна, Николаевна* (прислуга Помады), *Ольга Сергеевна Бахарева, Дарья Афанасьевна* (жена Нечая), *Марья Михайловна Райнер, Варвара Ивановна Богатырева, Полинька Режнева* (Калистратова));

2) *ж е н щ и н а « н о в о г о » т и п а*, просвещенная и деятельная (*Лизавета Егоровна Бахарева, Марья Николаевна Брюхачева, Бертольди, Агата Мечникова*);

3) *ж е н щ и н а и н ф е р н а л ь н о г о т и п а*, несущая погибель всему и всем, встречающимся на ее пути (*Ольга Григорьевна Саренко, Ольга Александровна Розанова, Давыдовская*, «феи чистых прудов», *Мечникова*);

4) *ж е н щ и н а « н а п е р е п у т ь е »* (*Зинаида, Софи*), которая находится «в состоянии перехода от противоестественного к естественному душевному складу» [Старыгина, 1998, с. 196]. Следует заметить, что переход от противоестественного к естественному душевному складу определен не для всех героинь лесковских произведений. Во многих художественных текстах Лескова этот переход не совершается, а иногда происходит в обратном направлении, что ведет к утрате религиозности как ключевой ценности национального характера, а отсюда самоубийства женских персонажей Лескова, сумасшествие как отражение невозможности обретения гармонии (например, «Леди Макбет Мценского уезда», «Житие одной бабы», «На ножах»).

Обозначенные типы имеют определенные черты сходства, которые проявляются в моменты испытания любовью, связей с обществом, условиями жизни героинь; при этом женские персонажи дают оценку друг другу, что усиливает очевидное противостояние типов и рельефно обозначает позицию автора по «женскому вопросу». Но все же главным критерием данной типологии является выбор своего пути каждой из героинь в момент кризиса.

Тип женщин-праведниц в романе «Некуда» ориентирован на национальный идеал, для них характерны суждения, касающиеся семьи, роли женщины в ней, устройства дома, а содержание этих суждений свидетельствует об устремленности героинь к Божественному началу. Судьбы женщин этого типа в романе чаще не похожи: различно их социальное положение, противопоставлен опыт любовных отношений и т. д., но весь жизненный цикл героинь-праведниц подтверждает органичность жизни, где главное — осознанная и деятельная любовь к людям. Здесь же упомянем ключевые черты лесковских праведниц — кротость, смирение, милосердие, жалость (ср.: сестра Феоктиста: «Сама хорошо себя ведешь, так и тебе хорошо. Я ж мужа почитала, и он меня жалел» [Лесков, 1956, т. 2, с. 34]; о жене Нечая Дарье: «Вот тебе моя московка: баба добрая, жалеет меня: поздоров ее боже за это» [Там же, с. 251]; о Полиньке Калистратовой: «Полинька сама не знала, любила ли она своего мужа, но ей было его жаль...» [Там же, с. 434] — в этом целая народная философия должного взаимоотношения полов и отражение идеи «христианского равенства».

Гармоничность этого типа женщин подчеркивается Н. С. Лесковым на всех уровнях, начиная с внешности героинь, которая соответствует национальному восприятию женской красоты. Например, о Евгении Гловацкой: «Марина Абрамовна недаром назвала Евгению Петровну красавицей. Она действительно хороша <...>. Стан высокий, стройный и роскошный, античная грудь, античные плечи, прелестная ручка, волосы черные, черные, как вороново крыло, и кроткие, умные голубые глаза, которые так и смотрели в душу, так и западали в сердце <...>. Вообще в ее лице много спокойной решимости и силы, но вместе с тем в ней много и той женственности, которая прежде всего ищет раздела, ласки и сочувствия» [Там же, с. 10]; о Марье Михайловне Райнер: «В ней могло пленять человека все, начиная с ее ангельской русой головки до ангельской души, смотревшей сквозь кроткие голубые глаза» [Там же, с. 270].

Через внешность героинь Лесков старается передать принципиальное качество их характеров — кротость. Поэтому в тексте романа неоднократно подчеркивается, что понимание / непонимание женщиной собственного предназначения полностью зависит от воспитания, примирения со своей судьбой (идея ответственности матери за судьбу дочери): «Точно мать покойница: хороша; когда б и сердце тебе бог дал материно...» [Там же, с. 18]; «...дочь вся в зависимости от матери, и мать несет за нее ответственность перед обществом. Пуще всего Ольге Сергеевне понравилось это новое открытие, что она несет за дочерей ответственность перед обществом: так она стала смотреть на себя, как на лицо весьма ответственное» [Там же, с. 505]. Подобные характеристики

героинь возникают в романе Лескова в прямой зависимости от идеи, согласно которой «женщина обретает ценность в русском космосе именно в ипостаси матери» [Рябов, с. 298].

Лескову важно показать, что Мать несет ответственность за свое Дитя, и на нее возложена миссия — привести ребенка к Богу, обеспечить ему Спасение. На примере судьбы Марьи Михайловны Райнер Н. С. Лесков доказывает, что отдаление от Бога ведет не только к крушению женской судьбы, невозможности продолжения рода, но и губит ребенка: «Ульрих Райнер решил никак не крестить сына, и ему это удалось. Ребенок, пососав несколько дней материнское молоко, отравленное материнским горем, зачах, покорчился и умер» [Лесков, 1956, т. 2, с. 271]. И, наоборот, причастность к Таинствам, путь к Богу, понимание истинных смыслов вознаграждается: «Четвертого ноября 1840 года у Райнера родился второй сын. Ульрих Райнер был теперь гораздо старше, чем при рождении первого ребенка, и не сумасшествовал. Ребенка при св. крещении назвали Васильем» [Там же]. Николай Лесков показывает, что Крещение соединяет человека с Божественным началом, позволяет обрести жизнь вечную в Боге. О важности Крещения говорят многие тексты Священного Писания и несомненна их правота и истинность для Н. С. Лескова: «...если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (Ин. 3, 5), т. е. не может обрести дом (как физически, так и метафизически). Дом — символ прочности и стабильности бытия. Человек «вне дома», как правило, не имеет корней, уязвим и несовершенен.

Так, благодаря и пространственной оппозиции «дом — вне дома», героини наделяются нравственными характеристиками. Женщины-праведницы всецело посвящают свою жизнь заботе о доме / комнате, о его / ее уюте: «А уж о комнате Женни и говорить нечего. Такая была хорошенькая, такая девственная комнатка, что стоило в ней побыть десять минут, чтобы начать чувствовать себя как-то спокойнее, и выше, и чище, и нравственнее» [Там же, с. 68]. Собственно, и хозяйка комнаты привлекала своей искренностью, добротой, умением сопереживать, и, находясь рядом с ней, другие буквально «оживали»: «С приездом Женни <...> помолодел сам старик, сильнее зацвел старый жасмин, обрезанный и подвязанный молодыми ручками... <...> Люди и старик отец тотчас почувствовали, что в доме есть настоящая хозяйка, которая все видит и обо всех помнит. И стало всем очень хорошо в этом доме» [Там же, с. 130–131].

Отношение к «дому» героинь «нового» типа позволяет показать Лескову, что женщина, утратившая способность любить, жалеть, сострадать, живущая в хаосе, т. е. «вне дома», обречена на одиночество и бездетность. По сути, такая героиня утрачивает родоохранительную функцию, что приводит в итоге к неминусимой гибели, безысходности и обреченности. Ярким примером являются судьбы Лизы Бахаревой и Агаты Мечниковой: «К полуночи озноб неожиданно сменился жестоким жаром, Лиза начала покашливать, и к утру у нее появилась мокрота, окрашенная алым кровавым цветом» [Там же, с. 688]; «Агата <...> жила совершенно пропав для всего света. Она ждала времени своего разрешения и старалась всячески гнать от себя всякую мысль о будущем» [Там же, с. 627].

Н. С. Лесков замечает, что отношение Агаты к своей беременности настолько безразличное, что материнство не способно сохранить героиню в ее мире «вне дома» и вне Бога. Автор романа подчеркивает эту мысль, указывая и на внешность женщины: «Лицо ее позеленело и немного отекло, глаза сделались еще больше, фигура сильно испортилась в талии» [Лесков, 1956, т. 2, с. 621]. Об этом же, о необходимости вспомнить вечные ценности, говорят мужские персонажи романа (письмо Гижицкого к Агате): «Вспомните, что вы ведь русская. Зачем вам быть с нами? Примите мой совет: успокойтесь; будьте русской женщиной и посмотрите, не верно ли то, что стране вашей нужны прежде всего хорошие матери, без которых трудно ждать хороших людей» [Там же, с. 622]. Подобный прием (несоответствие суждений героя его социальной роли), используемый Лесковым, демонстрирует, что вопреки всем новомодным течениям, существуют вещи незыблемые, нерушимые, фундаментальные. При этом Лесков признает за женщинами «нового» типа ум, стремление действовать, поддерживает их активность в организации собственной жизни, но не наделяет силой, способной вывести их за пределы хаоса.

Важным аспектом в структуре женских образов «нового» типа является их неустойчивость, которая проявляется в испытываемых героинями сомнениях, в ощущении вынужденности выбранного решения. Благодаря этим героиням и сам Н. С. Лесков подвергает проверке свою теорию «разумной эмансипации». Лиза проникнута порывом к свободе, ищет реальные воплощения мира, что поддерживает и автор романа, но на путях «правдоискательства», в борьбе за общее дело и справедливость отрицает национальные основы жизни, что приводит к уничтожению духовной сущности женщины.

Что же касается женщин инфернального типа в романе, то они сочетают в себе все возможные пороки человечества, но главный из них, по Н. С. Лескову, — уход от архетипа матери, полное его разрушение (разрушение архетипа матери в полной мере проявится в более позднем творчестве Н. С. Лескова, но наиболее ярким примером из раннего периода можно считать образ Катерины Измайловой в «Леди Макбет Мценского уезда»). И героини на протяжении всего романа «глупы», например, о Мечниковой: «В два года, которые провела, расставшись с детьми и мужем, она успела совершенно забыть и о детях и о муже и считала себя лицом вполне свободным от всяких нравственных обязательств. По образу своей жизни и некоторым своим воззрениям Мечникова вовсе не имела ничего общего с женщинами новых гражданских стремлений. Она дорожила только свободой делать что ей захочется, но до всего остального мира ей не было никакого дела. Ей было все равно, благоденствует ли этот мир или изнывает в безысходных страданиях» [Там же, с. 596—597]. Естественно, что подобная жизнь Мечниковой ведет к смерти: «Зимой madame Мечникова, доживая последнюю сотню рублей, простудилась, катаясь на тройке, заболела и в несколько дней умерла» [Там же, с. 607]. По Н. С. Лескову, жизнь женщины, в данном случае, бессмысленна, и ее смерть — это закономерный итог. В образной системе романа «Некуда» прослеживаются черты автобиографизма. Как пишет Г. В. Мосалева,

«“автобиографизм”... усиливает исповедальность повествования» [Мосалева, с. 87]. Существует мнение, что женщины inferнального типа буквально во всех произведениях автора — это гиперболизированное изображение жизни Лескова со своей первой супругой Ольгой Васильевной Смирновой (бывшая супруга Лескова послужила прототипом образа Ольги Розановой).

Представительницами типа женщины «на перепутье» в романе «Некуда» являются сестры Лизы Бахаревой — Зинаида и Софи. Их образы отражают проблему перехода от противоестественного к естественному душевному складу. Зинаида второй год замужем, а «комедий настроила столько, что другая в двадцать лет не успеет» [Лесков, 1956, т. 2, с. 20]. Другие персонажи романа называют причины, по которым она оказалась «на перепутье», главная из которых — «в неумении скрыть от света своего горя и во всяком отсутствии желания помочь ему, исправить свою жизнь, сделать ее сносною и себе и мужу» [Там же, с. 23]. Зинаида колеблется, не знает, как ей поступить: вернуться к мужу или продолжить жить одной. И Агния Николаевна (женщина-праведница) указывает, что, выбирая для себя противоестественное для женщины состояние, Зинаида будет «ни девушка, ни вдова, ни замужняя жена», т. е. произойдет окончательный разрыв с традиционным. Допустить подобного не может глава семьи — Егор Николаевич. Благодаря его твердости и решимости Зинаида совершает выбор в пользу естественного, привычного для женщины мироустройства — возвращения в семью, признания одного авторитета — мужчины: «Ей давно смерть хотелось возвратиться к мужу, и теперь она получила разом два удовольствия: надевала на себя венок страдальцы и возвращалась к мужу, якобы не по собственной воле, имея, однако, в виду все приятные стороны совместного житья с мужем, которыми весьма дорожила ее натура, не уважавшая капризов распушенного разума» [Там же, с. 109].

Совершенно иначе складывается судьба Софи, несмотря на явную схожесть с Зинаидой: «Она несколько похожа на сестру Зину и несколько напоминает Лизу, но все-таки она более сестра Зины, чем Лизы. <...> Вообще, это барышня, каких много: существо мелочно самолюбивое, тирански жестокое и сентиментально мечтательное. Такое существо, которое растет, так ничего в нем нет, а вырастет, станет ни швец, ни жнец, ни в дуду игрец» [Там же, с. 44]. У Софи не получается перейти к естественному душевному складу, поскольку в ней не было «женства»: «У Софи наклевывались женишки, но как-то все только наклеывались, а из скорлупы не вылезали» [Там же, с. 417].

В женщине писатель видел, прежде всего, предназначение быть хранительницей семейного счастья. Н. С. Лесков отмечал следующее: «Как о мужчине экзамены и дипломы ничего не говорят, так и в женщине прежде всего важен ее характер: умение не испортить вам жизнь и затем уже ее искристый, природный ум...» [Фаресов, с. 27]. При этом Лесков указывал, что сила женщины в принадлежащей только ей возможности привести все в соответствие, в умении организовать пространство по законам гармонии, а образование, труд должны стать инструментом для достижения цели высшего порядка.

Очевидно, что во многом героини Н. С. Лескова схожи с женскими персонажами в русской литературе XIX столетия. Так, например, суждения Николая Лескова о «женском вопросе» близки идеям Ф. М. Достоевского. Последний пишет о русской женщине вообще как о «залоге... обновления» общества, приветствует «подъем в запросах ее... высокий, откровенный и безбоязненный» [Достоевский, т. 19, с. 25]; кроме того, именно в женщине «...самый прямой, честный, но неопытный юный... характер, с тем гордым целомудрием, которое не боится и не может быть загрязнено даже от соприкосновения с пороком» [Там же]. Созвучность позиций авторов прослеживается и на уровне персонажной системы — в изображении женских образов. Судьба женщины, как в творчестве Достоевского, так и в раннем творчестве Лескова, находится в руках мужчины («Скажите мне, как вы думаете: выходить мне замуж или нет? Как скажете, так и сделаю» [Достоевский, т. 7, с. 176] — Настасья Филипповна); общим для героинь является наличие оценочного клейма (сумасшедшая, безумная, калека — Настасья Филипповна, Марья Тимофеевна, Настя Прокудина и др. («Перестали сумасшедшую Настю считать человеком и стали называть ее не по-прежнему Настькой-прокудинской, а Настей-бесноватой» [Лесков, 1956, т. 1, с. 369])).

Оба писателя пользуются понятиями «натура» и «разум», но если у Достоевского это два борющихся друг с другом начала, то у Лескова такого противопоставления нет. В отличие от героинь Достоевского, героини Лескова стихийны по своей сути, их привлекает дело, практика. Героини Лескова борются с окружающим миром за возможность воплотить в жизнь свой идеал, но этот идеал они не ищут в муках и душевных страданиях, как герои Ф. М. Достоевского. Еще одним важным отличием героинь раннего творчества Лескова от женских образов Достоевского служит их отношение к материнству. Женщина в творчестве Достоевского оказывается поруганной, но ей дано материнство, единственное утешение в падшем мире. Материнство преображает женщину, подымает от этого мира, делает ее «юродивой» — заставляет отказаться от разума, забыть о себе и жить чувствами; кроме того, «через детей душа лечится» [Достоевский, т. 8, с. 86]. В раннем же творчестве Лескова материнство может быть и бременем, и величайшей ценностью.

В своем первом романе Н. С. Лесков намечает систему женских образов, получившую развитие в более позднем периоде творчества писателя, где усложняется типология образов-персонажей женщин, среди которых можно выделить такие типы, как «женщина-мать», «женщина-грешница, женщина-блудница» и пр. (как в раннем, так и в более позднем периоде каждому типу женщины соответствует свой тип мужчины).

Таким образом, Н. С. Лескова интересовали не просто частные проявления женского начала, он стремился к постижению особенностей характера русской женщины, значения ее миссии. В романе «Некуда», произведении о нигилистах, на первый план Николай Лесков выводит именно фигуры девушек, женщин, показывает, как складывается их судьба, поскольку образы, типы женщин в данном тексте — индикатор ценностных ориентаций писателя.

Ганина А. В. «Женский вопрос» в романах Н. С. Лескова «Некуда» и «На ножах» // Вестн. Тамб. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. 2008. № 12. С. 245–247.

Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 20 т. М. : Терра, 1998.

Другов Б. М. Н. С. Лесков. Очерк творчества. 2-е изд. М. : ГИХЛ, 1961.

Иванова Т. Н. «Новый» тип русской женщины в изображении И. С. Тургенева и Н. С. Лескова : романы «Накануне» и «Некуда» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Орлов. гос. ун-т. Орел, 2002.

Лесков А. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям. М. : Гослитиздат, 1954.

Лесков Н. С. Полное собрание сочинений : в 30 т. М. : Терра, 1997.

Лесков Н. С. Собрание : в 11 т. / под общ. ред. В. Г. Базанова, Б. Я. Бухштаба, А. И. Груздева, С. А. Рейсера, Б. М. Эйхенбаума. М. : ГИХЛ, 1956–1958.

Маркадэ Ж.-К. Творчество Н. С. Лескова. Романы и хроники. СПб. : Академический проект, 2006.

Мосалева Г. В. Поэтика Н. С. Лескова. Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 1993.

Рябов О. В. Русская философия женственности (XI–XX века). Иваново : Юнона, 1999.

Старыгина Н. Н. «Душа в мятущихся страстях»: (Образы женщин в антинигилистических романах Гончарова, Лескова, Достоевского) // И. А. Гончаров : материалы Междунар. конф., посвящ. 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова / сост. М. Б. Жданова и др. Ульяновск : Печатный двор, 1998. С. 196–206.

Старыгина Н. Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860–1870-х годов. М. : Языки славянской культуры, 2003.

Тотубалина Н. И. «Некуда»: примечания // Лесков Н. С. Собр. соч. : в 11 т. М. : ГИХЛ, 1956. Т. 2. С. 711–755.

Фаресов А. И. Из воспоминаний о Н. С. Лескове // Свободным художествам. 1910. № 1. С. 26–29.

Статья поступила в редакцию 13.03.2016 г.

Кашкарева Алена Петровна

преподаватель кафедры филологического образования и журналистики
Сургутский государственный педагогический университет
628400, Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2
E-mail: alynochka_6@mail.ru

Kashkareva, Alyona Petrovna

Lecturer, Chair of Philological Education and Journalism
Surgut State Pedagogical University
10/2, 50 Let VLKSM Str., 628400 Surgut,
Tyumen Region, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug, Ugra, Russia
E-mail: alynochka_6@mail.ru

**A TYPOLOGY OF FEMALE CHARACTERS
IN NIKOLAI LESKOV'S *NO WAY OUT***

The article deals with the types of female characters in N. S. Leskov's novel *No Way Out*. The analysis of the literary text allows the author to conclude that the writer tried to comprehend the peculiarities of the Russian woman's nature, and show the various forms of existence of the feminine. In this case one can talk about a typological convergence of the heroines of *No Way Out*, a novel by Nikolai Leskov,

with female images of Russian classic literature (to prove her point, the author provides examples from Dostoyevsky's works). Already in his first novel N. S. Leskov outlines a system of female characters (righteous women, women of the "new" type, women of the infernal type, women "at crossroads", etc.), which was developed during the late period of the writer's work. Both types have certain similarities and are different from each other. The main criterion for the typology is the choice each of the heroines makes during moments of crisis. The author maintains that in *No Way Out*, a work about the nihilists, it is the characters of girls, and women that Nikolai Leskov brings to the forefront and shows how their fate develops, as the characters, the types of women in the text in question are an indicator of the writer's system of values.

Key words: Russian literature; Russian prose; N. S. Leskov; *No Way Out*; female characters.

- Dostoevsky, F. M. (1998). *Sobranie sochinenij* [Collected Works] (Vols. 1–20). Moscow: Terra. (In Russian)
- Drugov, B. M. (1961). *N. S. Leskov. Ocherk tvorchestva* [An Overview of Creative Work]. (2nd ed.) Moscow: GIHL. (In Russian)
- Faresov, A. I. (1910). Iz vospominanij o N. S. Leskove [Excerpts from Memoirs about N. S. Leskov]. *Svobodnym hudozhestvam*, 1, 26–29. (In Russian)
- Ganina, A. V. (2008). «Zhenskiy vopros» v romanah N. S. Leskova «Nekuda» i «Na nozhah» [The Female Issue in N. S. Leskov's Novels *No Way Out* and *At Daggers Drawn*]. *Vestn. Tamb. un-ta. Ser. Gumanitar. nauki*, 12, 245–247. (In Russian)
- Ivanova, T. N. (2002). «Novyj» tip russkoy zhenschiny v izobrazhenii I. S. Turgeneva i N. S. Leskova: romany «Nakanune» i «Nekuda» [The New Type of the Russian Woman as Portrayed by I. S. Turgenev and N. S. Leskov: Novels *On the Eve* and *No Way Out*] (doctoral dissertation abstract). Orel: Orlov. gos. un-t. (In Russian)
- Leskov, A. (1954). *Zhizn' Nikolaja Leskova po ego lichnym, semejnym i nesemejnym zapisjam i pamjatjam* [Nikolai Leskov's Life as Described in his Private, Family and Non-Family Notes and Accounts]. Moscow: Goslitizdat. (In Russian)
- Leskov, N. S. (1956–1958). *Sobranie* [A Collection] (Vols. 1–11). Moscow: GIHL. (In Russian)
- Leskov, N. S. (1997). *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works] (Vols. 1–30). Moscow: Terra. (In Russian)
- Markadje, Zh.-K. (2006). *Tvorchestvo N. S. Leskova. Romany i hroniki* [N. S. Leskov's Creative Work: Novels and Chronicles]. Saint Petersburg: Akademicheskij proekt. (In Russian)
- Mosaleva, G. V. (1993). *Pojetika N. S. Leskova* [N. S. Leskov's Poetics]. Izhevsk: Izd-vo Udmurt. un-ta. (In Russian)
- Rjabov, O. V. (1999). *Russkaja filosofija zhenstvennosti (XI–XX veka)* [The Russian Philosophy of Femininity (11th–20th Centuries)]. Ivanovo: Junona. (In Russian)
- Starygina, N. N. (1998). «Dusha v mjatushhihsja strastjah»: (Obrazy zhenshhin v antinihilisticheskikh romanah Goncharova, Leskova, Dostoevskogo) [“Restless Soul”: (Images of Women in Antinihilist Novels of Goncharov, Leskov, Dostoyevsky)]. In M. B. Zhdanova et al. (Comp.), *I. A. Goncharov: Materialy Mezhdunarodnoj konferencii, posvjashhennoj 185-letiju so dnja rozhdenija I. A. Goncharova* (pp. 196–206). Ul'janovsk: Pechatnyj dvor. (In Russian)
- Starygina, N. N. (2003). *Russkiy roman v situatsii filosofsko-religioznoj polemiki 1860–1870-h godov* [The Russian Novel within the Philosophical and Religious Polemics of the 1860s–1870s]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kulturyi. (In Russian)
- Totubalina N. I. (1956). «Nekuda»: primechanija [*No Way Out*: Comments]. In N. S. Leskov, *Sobranie sochinenij* (Vols. 1–11) (Vol. 2, pp. 711–755). Moscow: GIHL. (In Russian)

Received 13 March 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.2.035
УДК 811.512.141'373.23 + 811.512.141'28 +
+ 821.512.141-34

Г. Н. Ягафарова
*Институт истории, языка
и литературы УНЦ РАН*
Уфа, Россия

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИМЕНА: О ЧЕМ ОНИ ГОВОРЯТ (НА ПРИМЕРЕ БАШКИРСКИХ БОГАТЫРСКИХ СКАЗОК)

В статье рассматриваются вопросы башкирского имянаречения вообще и особенности имянаречения героев башкирских богатырских сказок. На основе изучения языковых материалов автор приходит к выводу, что в башкирском языковом сознании имя не отождествляется с сущностью человека, оно является неким внешним элементом по отношению к нему. Вместе с тем наблюдается очень бережное, трепетное отношение к имени как к заместителю или представителю индивидуума. Это проявляется в том, что башкиры не использовали и не используют антропонимы родного языка в качестве кличек животных, а также не называли ими другие существа. Об этом свидетельствуют имена персонажей башкирских богатырских сказок. В сказках о богатырях герои индивидуализируются через имена. В противовес общераспространенному мнению, что сказочные герои безымянные, в башкирских богатырских и волшебных сказках у каждого героя есть свое имя. Однако если герой имеет сверхъестественное происхождение (мотив чудесного рождения), ему не дается человеческого имени, чаще всего он именуется как *егет* 'юноша', *малай* 'мальчик' или нарекается характеризующим именем, не свойственным традиционному антропонимикону башкир.

К л ю ч е в ы е с л о в а: башкирский фольклор; башкирский язык; имянаречение; антропоним; сказочные герои; сказки о богатырях.

Башкирское народное творчество характеризуется большим количеством жанров, которые включают в себя внушительный по объему фольклорный материал. Достаточно сказать, что свод произведений башкирского устного народного творчества на башкирском языке составил 18 томов (1972–1985). Поныне фонд башкирского фольклора пополняется новыми экспедиционными записями (см., например, сборники экспедиционных материалов, собранных сотрудниками отдела фольклористики ИИЯЛ УНЦ РАН в 2003–2013 гг.) [Экспедиционные материалы, 2006–2014].

Среди устного поэтического наследия башкир выделяется жанр сказок, идейно-тематические особенности которых позволяют трактовать их как нравственные ориентиры, дидактически эффективные средства воздействия, имеющие силу влияния на всех, независимо от возраста.

В современном башкирском сказковедении сказки принято условно подразделять на сказки о животных, богатырские, волшебные и бытовые (об этом см., например: [Зарипов, с. 39; Хусаинова, с. 15]). Основы данной классификации

были предложены Н. К. Дмитриевым во вступительной статье к сборнику сказок, собранных А. Г. Бессоновым [Дмитриев, 1941]. Высказывание Е. М. Мелетинского о том, что «в основу дифференциации можно положить сам образ фольклорного героя, особенности центрального героического персонажа. Рассмотрение фольклора с этой стороны очень важно, поскольку структура человеческого образа во многом определяет жанровые особенности ранних форм фольклора» [Мелетинский, с. 83], послужило методологической подосновой при составлении многотомного научного свода башкирского фольклора, а именно при распределении сказочного материала по четырем разновидностям. Как указывает один из составителей серии Н. Т. Зарипов, «из нашей классификации выпали и авантюрные, и исторические сказки, а также сказки-былички, сказки-легенды, докучные сказки. На башкирском материале ни одну из этих групп невозможно признать самостоятельным жанром» [Зарипов, с. 39]. На сегодняшний день башкирские фольклористы условно выделяют вышеназванные 4 вида сказок.

Сказки о богатырях занимают особое место в сказочном репертуаре башкир, будучи выразителями патриотического духа башкирского народа. В данной статье мы хотим рассмотреть вопрос об имянаречении в башкирских богатырских сказках. Вначале остановимся на общих вопросах имянаречения в башкирском обществе.

Имянаречение у башкир — важнейшая составляющая духовной жизни народа, «этап приобщения человека к родовой культуре, обряд, санкционирующий членство его в обществе» [Султангареева, с. 50], поэтому сам акт именовался не иначе как свадьба, торжество: *исем туйы* (букв. 'свадьба / празднество имени'). Будучи исключительным событием в жизни человека, имянаречение сопровождается и обуславливается рядом обычаев и обрядов, которые хорошо описаны в фольклористической литературе, см., например: [Башкирское народное творчество, 1995, с. 330–334; Султангареева, с. 50–58; Батыршина, с. 86–90]. Так, у башкир имя использовалось не только в номинативной функции; оно являлось своеобразным оберегом от злых духов [Батыршина, с. 87]. Считалось, что новорожденного даже на час нельзя оставлять без имени, так как безымянного ребенка может подменить нечистая сила (что является общераспространенным мотивом в архаическом фольклоре, см., например: [Дмитриев, 1990]) или успеть дать ему свое имя. В этом случае ребенок может заболеть или умереть [Башкирское народное творчество, 1995, т. 1, с. 330–331]. Поэтому уже с момента рождения младенца нарекали определенным именем: повитуха говорила в ухо младенцу его первое имя (*йүргәк исеме* букв. 'пеленочное имя', *кендек исеме* букв. 'пуповое имя', *тәүге исем* 'первое имя'). На третий, седьмой или сороковой день после рождения — сакральные отрезки времени с семантикой полноты, целостности, предела, но не позже сорока дней — ребенку давали *ысын исем* 'настоящее имя'. Более того, имя должно было даваться каждому ребенку, даже умершему сразу после рождения или мертворожденному [Хисамитдинова, с. 111]. По представлениям башкир, погребенные без имени новорожденные «в виде демона Атсыз (т. е. безымянный. — Я. Г.) блуждают вблизи дома родителей, в лесу,

на кладбище, плачут и просят имя. Если на кладбище слышится детский плач, говорят, что ребенок погребен без имени» [Хисамитдинова, с. 111]. Имянаречение символизирует принятие индивидуальности, сущности ребенка, оно является собой «способ санкционирования статуса человека» [Еремина, с. 31] через имякод, закрепляющий душу в мире [Батыршина, с. 89].

Исходя из языкового материала, можно заключить, что в представлении башкир имя — нечто внешнее, приписываемое человеку кем-то, поэтому его дают (*исем биреү* букв. 'имя дать'), оно может быть добавлено (*исем кушыу* букв. 'имя добавить'), его называют (*исем атау* букв. 'имя называть'). Когда дают имя, человек становится *исемле* (букв. 'с именем'). Имя может подойти сущности человека (*исем окшау*: если при имянаречении младенец начинал улыбаться, это воспринималось как согласие, довольство ребенка своим именем), может и не подойти (*исем килешмәү*), — в таком случае новорожденный много плакал, поэтому ему сменяли имя (*исем алмаштырыу*). Иногда неблагоприятные поступки человека связывали с именем (*исеме сығыу* 'ославиться, букв. имя (т. е. слава, обычно дурная) вышло'). Отсюда можно сделать вывод о том, что в языковом сознании башкир имя и сам человек не отождествляются, что подтверждается и башкирским паремийным фондом, в котором имеются пословицы и поговорки *исемең эсемең торһон* 'имени твоему пусть и суть твоя отвечает', *арыслан уһә — тиреһе кала, кеше уһә — исеме кала* 'если умрет лев, останется его шкура, если умрет человек, останется его имя', *якшының үзе уһә, аты калыр* 'если умрет хороший человек, останется его имя'.

Об этом говорит и существование обычая наречения вторым именем, обычай *исем йәшерәү* ('скрывание, табуирование имени') — для того, чтобы обмануть нечистую силу. Считалось, что нечистая сила, колдуны через имя могут наслать порчу [Хисамитдинова, с. 111] (подобное представление широко распространено и в других культурах, в частности, в славянском фольклоре). По представлениям башкир, дабы уберечь ребенка от влияния всяческих злых сил, перед Богом человек должен носить одно имя (*мулла кушкан исем* 'имя, данное муллой'), в миру — другое (*мин балама икенсе исем куштырзым* 'я дал своему ребенку другое имя') (ср. мирское и крестильное имена у славян). Существует вера в то, что если на кого-либо захотят навести порчу, она не достигнет цели, так как будет искать человека с другим именем. Поэтому порча, не найдя своей цели, возвращается и настигает того, кто ее наслал. Этот способ охранительной магии существует до сих пор и очень широко распространен. Несколько трансформирован лишь субъект, насылающий дурное: если раньше это были злые духи, то теперь это — недобрые люди.

Таким образом, в языковом сознании башкир хранится важный философский смысл: имя человека не есть его сущность, его нельзя отождествлять с человеком; имя давалось человеку не на всю жизнь; первое «пеленочное» имя заменялось именем, нарекаемым муллой. Возрастная инициация юношей также сопровождалась сменой имени [Бикбулатов, с. 94], которая предполагает перемену в судьбе, перемену статуса человека. По поверьям, поменяв имя, можно было даже

излечиться от болезни, т. е. обмануть болезнь. Поскольку невозможно иметь две сущности, но можно иметь несколько имен, заключаем, что в народном сознании имя и человек — не суть одно и то же, имя можно получить (*исем алыу* ‘получить имя’), заслужить (*исем/ат казаньу*), быть достойным (*исеменэ тап килэ* ‘соответствует своему имени’) или недостойным его (*исемен бысратып йөрөй* ‘чернит свое имя’). Поэтому имя для ребенка выбиралось очень тщательно, ибо играло существенную роль в прогнозировании дальнейшей судьбы младенца.

Выбор имени обусловлен рядом причин лингвистического и экстралингвистического порядка, сильнейшими из которых оказываются общественно-исторические условия, формирующие моду на имена. Как известно, древнебашкирские имена опирались на языческие представления и обычаи. К примеру, довольно часто в качестве антропонимов использовались названия тотемных животных и птиц: *Балапан* ‘птенец орла; ястреб’, *Барс* ‘барс’, *Шункар* ‘кречет’. Чаще всего имянаречение отражало веру в судьбоносный характер имени, поэтому имена подбирались как пожелание чего-либо (долгой жизни, богатства, каких-либо личностных качеств и др.): *Тимир* ‘железо — пожелание быть крепким, как железо’, *Тайбуга* ‘пожелание силы, здоровья, как у молодого бычка’, *Карагай*, *Карагас* ‘названия деревьев, пожелание быть крепким’, *Ильбул* ‘в значении: будь почтенным гражданином своей страны’, а также могли содержать указание на условия рождения ребенка: *Тан* ‘ребенок, родившийся на заре’, *Изибай* ‘очередной бай, добрый бай; так нарекали очередного сына в семье, где рождались только мальчики’ и др. В дальнейшем на смену башкирским именам, чаще всего являющимся составными антропонимами, под влиянием ислама пришли однокомпонентные заимствованные личные имена, не менее ярко выражающие чаяния родителей в более краткой словесной форме (*Абзал* ‘превосходный, самый дорогой’, *Вагиз* ‘нравовчитель’, *Инсаф* ‘порядочность, честность, справедливость’). Эта традиция оказалась очень устойчивой и живучей в среде башкир: до сих пор большинство антропонимического материала включает в себя арабские и персидские корни: *Мурат*, *Рашит*, *Ильшат*, *Ильдус*, *Рамиль*, *Дамира*, *Гульназ*, *Алия*, *Суфия* и др. Новейшие тенденции в имянаречении, выражающиеся в следовании русским и западным образцам антропонимов, привнесли в состав башкирского именника варианты типа *Радмир*, *Ринат*, *Артур*, *Арсен*, *Аделина*, *Милана*, *Сабрина* и др. Тем не менее, налицо стремление сохранить лингвистический статус башкирского антропонимикона, т. е. заимствованию подлежат, в основном, имена, не отличающиеся радикально своим фонетическим, морфематическим составом от остального антропонимического фонда. Скажем, не находят закрепления в именнике единично встречающиеся имена типа *Джулиана*, *Тельман*.

Имя — своего рода заместитель человека, языковой знак, обозначающий конкретного человека. Интересно отметить тот факт, что в традициях имянаречения башкир не отмечается антропонимов, соответствующих каким-либо артефактам или явлениям окружающей действительности, как это принято, скажем, у турков: *Deniz* ‘море’, *Rüzgar* ‘ветер’, *İmdat* ‘караул’, *Onur* ‘гордость’ и др.

[Bebek İsimleri Listesi]. Подобных имен у башкир немного, да и те не находят употребления в современности: *Абла́й* ‘репей’, древнее имя-оберег, апеллятив ныне не используется; *Акса́й* ‘белая сова’, *Алты́н* ‘золото’, *Имя́н* ‘дуб’ и др. Мы полагаем, что в отграничении апеллятивов родного языка наблюдается стремление сохранить статус антропонима именно за личным именем, не смешивая его с другими понятиями, подчеркивая исключительную важность человека. Эта мысль закреплена в пословице *эҙәмдән оло ат, икмәктән оло аш юк* ‘нет имени выше человека, нет еды лучше хлеба’.

Здесь уместно вспомнить и тот факт, что у башкир (как и у других тюркоязычных народов) нет обычая переносить человеческие имена на животных, как, например, это принято в русской культуре, в которой кличка животного должна быть традиционной (кот *Васька*, кошка *Ася*, *Соня*, корова *Машка*, *Зойка*, попугай *Гоша*, *Гриша*, *Петька*, собака *Адель*, *Ника*). Следует заметить, что у русских традиция антропозоонимов, видимо, также развилась не столь давно. По наблюдениям В. И. Даля, «собаку грешно кликать человеческим именем» [Даль, с. 252]. У тюркских народов эта заповедь свято чтится, хотя относится она только к именам родного языка; иноязычные антропонимы довольно часто используются в качестве кличек животных. К примеру, в быту бычков часто называют *Мишками* (мы полагаем, здесь сказывается созвучность слов *башмак* ‘бычок’ — *Мишка*), коров *Зойками* и др. Нам представляется, это связано с тем, что имя чужой культуры безотносительно к определенному антропониму; заимствованное имя воспринимается как самоназвание или идентифицирующий готовый языковой знак, не мотивированный ассоциациями на родном языке. (Примечательно, что, по нашим наблюдениям, попугаев — обитателей не наших широт, экзотических птиц в наших краях — в башкирских семьях принято именовать исключительно заимствованными именами, поскольку они являются элементами чужой культуры: *Кеша*, *Петька*, *Гришка*, *Гоша*). Ввиду вышесказанного возможны заимствованные, но не исконные антропозоонимы.

Таким образом, имя считается заместителем человека (он им называется, на него отзывается, фактически является его второй, но не самой сущностью), к имени требовалось относиться очень бережно, не разбрасываться именами, давая их кому-либо / чему-либо, помимо человека. Эта мысль проводится и в произведениях народного творчества башкир. Рассмотрим ее отражение в богатырских сказках.

Как нам представляется, имена героев башкирской сказки зависят от особенностей самого фольклорного героя, на которых, как мы видели выше, основана классификация башкирских сказок.

В сказках о животных [Надршина, 1993а] героями выступают животные, без конкретизации их собственных имен. К примеру, в «Указателе персонажей сказок о животных», приведенном в книге [Башкирское народное творчество, 1989, т. 4], нет ни одного личного имени.

В башкирских бытовых сказках имеющиеся антропонимы относятся к пласту заимствований из арабского и персидского языков, отражая, скорее, более

позднее время записи фольклорного материала. Наибольшее количество антропонимов фиксируется в новеллистических сказках о мудрецах. Например, в ряде сказок главным героем выступает *Ерэнсэ-сээн*, которого считают реальным историческим лицом [Сулейманов, с. 26]. Однако чаще всего героями бытовых сказок выступают обобщенные образы мудрых стариков, бедняков или нищих.

Таким образом, индивидуализация персонажей в сказках о животных и бытовых сказках минимальна. Это отвечает общей логике создания подобных сказок: они характеризуют наиболее типичные черты народа, воссоздают наиболее типичные образы, поэтому надделение персонажа собственным именем оказывается возможным, но не обязательным.

В башкирской волшебной сказке на первый план выносятся события, связанные с определенной личностью. В них каждый герой имеет свое имя, при этом имена не повторяются [Хусаинова, с. 77]. Как известно, герой здесь остается пассивным, поэтому и личностные его качества раскрываются не в полной мере. Не способствуют конкретизации и имена героев, большинство которых заимствовано из арабского и персидского языков (*Абдулла, Ахмет, Габдрахман, Зайнулла, Иблиамин, Фатих*) и имеет посыл «это не наш человек, не нашего роду-племени» (об этом мы писали раньше, см.: [Ягафарова]).

В отличие от других групп сказок, в башкирской богатырской сказке на видное место выходит герой — активно действующее лицо, через личностные качества которого передается сюжетная особенность. С точки зрения истории, «богатырская сказка, безусловно, выражает процесс выделения личности из родового коллектива и рост ее самосознания. Из безличного “одного человека”, полностью зависящего от сил природы, вырос идеализированный образ выдающейся активной и энергичной личности — богатыря, который отчасти магическими средствами, а главным образом физической силой преодолевает различные препятствия, побеждает своих противников» [Мелетинский, с. 87]. Поэтому очевидна смысловая нагрузка имени как характеризующего персонаж элемента описания.

Рассмотрим сказочные имена подробнее на материале тома «Башкирское народное творчество. Сказки» [Башкирское народное творчество, 1978, т. 3], где представлено 44 сказки о богатырях.

Исследователь башкирских богатырских сказок Н. Т. Зарипов отмечает, что «особым свойством богатырской сказки является то, что ее герой, равно как эпический богатырь, имеет собственное имя» [Зарипов, с. 89]. Как показывает анализ текстов, в 35 башкирских богатырских сказках из 44 герой имеет личное имя, в 21 из них упоминается или разъясняется мотив имянаречения, в 14 — имя героя просто констатируется, в 9 — герой без имени. Какие имена характерны для героев богатырской сказки?

По наблюдениям Н. Т. Зарипова, «в башкирских сказках лишь незначительная часть батыров носит “чисто” башкирские, в основном, древние имена: *Биши, Кинзебулат* или *Кинзебатыр* (обычное имя младшего сына), *Тимербулат, Сын-тимер, Умурзак (Оморзак), Худайбирде, Янгызак*. Встречаются обычные имена,

принятые из арабского и персидского языков: *Ахмет, Исмай, Кагарман, Хасан, Хусаин*. Имеются и другие имена, которые можно разделить на три группы:

1) имена с определенным сказочно-эпическим смыслом: *Алп (Алып), Алпамыша (Алпамыш)* — огромный человек, великан; *Алтындуга* — букв. 'золотая дуга', что является, вероятно, искажением *Алтындога*, в котором *алтын* — золото, золотой, *дога (дога)* — молитва (если так, то оно означает не что иное, как "чудесно-молитвенный"); *Урал, Идель, Яик, Хакмар* — от известных географических терминов;

2) имена, намекающие на чудесное происхождение или чудесную черту героя: *Аюголак, Акъял, Акъяляк, Алатаев, Бузансы, Икмекбай, Камыр-батыр, Карабэкэл, Тюштюк*;

3) древние имена, смысл которых неясен: *Хунак, Имряк, Караса, Курукса (Корокса), Кыран, Алсудар, Кирсудар, Актым, Юлбат, Ертаныс (Ертанас), Алюкей* [Зарипов, с. 90].

«Как видно, — заключает Н. Т. Зарипов, — имена сказочных (и фольклорных — в целом) героев — это еще не тронутая область башкирской филологии, которая при должном изучении может раскрыть глубокие пласты духовной истории народа» [Там же]. Эти слова, написанные в конце 1990-х гг. (монография Н. Зарипова была издана только в 2008 г. уже после смерти ученого), остаются актуальными до сих пор.

Изучая имена героев башкирской богатырской сказки, мы обратили внимание на тот факт, что, как и в волшебных сказках, в богатырских сказках имена героев не повторяются. Тем самым происходит индивидуализация героя через его имя.

На наш взгляд, имена сказочных персонажей о богатырях подразделяются на несколько типов.

1. Башкирские имена, обычные и необычные, т. е. имена из традиционного антропонимикона башкир без указания их мотивировки. Такие антропонимы обычно в тексте сказки особо не оговариваются, просто даются сведения о том, что у старика со старухой / бая был сын, звали его так-то. Подобные антропонимы можно подразделить на несколько видов:

1) исконно башкирские, которые, в свою очередь, делятся на:

а) имена характеризующего типа, т. е. разъясняющие личностные качества или внешние свойства батыра. Такие имена героев сказок, на наш взгляд, больше близки к прозвищам, которые, в отличие от имен, отражают не желательные, а реальные свойства и качества человека: *Ташбаш-батыр* 'богатырь Каменная голова / с каменной головой'; *Кыркатар-батыр* 'богатырь, стреляющий сорок раз, или богатырь, стреляющий без промаха', *Курукса (Корокса)* 'цепкий, хваткий';

б) имена, связанные с пожеланиями: *Умурзак (Оморзак)* 'пожелание долгой жизни'; *Тимерхан* 'пожелание быть крепким, как железо'; *Карабэкэл кара* 'крепкий' + *бэкэл* 'лодыжка'; *Юлбат*, обрядовое имя, диалектный сокращенный вариант от *Юлбулат*: *юл* 'дорога' + *булат* 'сталь высшего сорта'; давалось с пожеланием, чтобы дорога жизни мальчика была твердой и прочной, как булатная сталь;

в) имена, указывающие на особенности рождения батыра: *Алатаев*, имя связано с мастью коня — ровесника героя: *ала тай* ‘пегий стригунок’; *Караса-батыр* ‘имя дается ребенку, родившемуся поздней осенью, в месяц *караса* (22 октября — 21 ноября)’; так как здесь герой — самый младший из одиннадцати братьев, возможно, в значении ‘младший, последний ребенок’; *Алсудар* ‘имя связано с мастью *ала* предназначавшегося ребенку пегого жеребца’; *Кирсудар* ‘имя связано с мастью *кире* предназначенного ребенку мухортого жеребца’; *Алтындуга-батыр* ‘богатырь Золотая Дуга’, возможно, как было указано выше у Н. Зарипова, ребенок был чудеснорожденным;

г) имена, связанные с этнонимами: *Хунак*, от этнонима *сунак* ‘древний род арабов-миссионеров, поселившихся в Казахстане’; *Санай*, от этнонима *санай*; *Таз*, от этнонима *тазлар*;

д) древние имена с непрозрачной этимологией: *Имряк* ‘влюбленный, любящий’; в тюркской антропонимии данный антропоним встречается нечасто, в шежере более распространенным вариантом является *Умряк*; *Алюкей* (первая запись сказки «Алюкей» была осуществлена на русском языке, поэтому имя переводное, возможно, неверная передача звукового состава широко распространенного имени *Аликей*; известно имя *Алкей*, *Алькей* (от древнегреч. ἄλκαῖος ‘богатырь’); *Хэмендир*, возможно, от *хэмэн* ‘тотчас, быстро, быстрый’ + *ир* ‘мужчина’. Эти имена сказочных персонажей требуют дополнительного, более углубленного изучения;

2) заимствованные: *Булат-батыр*; *Хасан*; *Хусаин*; *Ахмет* (единственный антропоним, который встречается в двух разных сказках: «Ахмет-батыр и Касим-батыр» и «Ахмет-батыр и Худайбирде-батыр»); *Султангул*, букв. ‘раб по имени Султан’; *Султанбай*, букв. ‘богач по имени Султан’; *Кагарман* ‘храбрый, мужественный богатырь, герой’ (существует мнение, что слово *кагарман* произошло от имени собственного, которое впоследствии стало восприниматься как нарицательное имя в значении ‘герой’) [Бараг, Зарипов, с. 11].

2. Сказочные имена с указанием мотива выбора имени. В башкирских богатырских сказках специальное внимание уделяется акту имянаречения и его мотивам: в самом начале повествования обычно разъясняется, почему выбрано именно то или иное имя. Так, в сказке «Алп-батыр» героя называли так, потому что подобным образом к нему обратился единственный раз перед смертью его отец; имя *Янгызак* (т. е. ‘одинокий’) было дано вследствие того, что ребенок был единственным; *Тан-батыр* — из-за того, что ребенок родился на заре; *Худайбирде* (досл. ‘Бог дал’) был найденышем, его нашел Ахмет на охоте; седьмой ребенок в семье — *Етегэн* ‘ете — семь’. Непременность имянаречения особо подчеркивается в сказках «Алсудар и Кирсудар», «Алпамыша». В первой отец, отправляясь странствовать, наказывает назвать еще не родившихся сыновей *Алсудар* и *Кирсудар*, во второй отец с матерью подбирают имя, задаваясь вопросом, как назвать ребенка.

3. Особую группу имен персонажей башкирской богатырской сказки составляют имена чудесных помощников героя. Их основная функция — помогать

герою — отражается в их именах-прозвищах. Традиционными выступают такие спутники, как *Угатар* 'Стрелок, меткий стрелок из лука'; *Кульуртлар* 'Водоглот, великан с большим ртом, вбирающий в рот воду целого озера'; *Тау-батыр* 'Гора-богатырь, Горыня, Горовик'; *Ертынлар* 'Землеслух, букв. слушающий землю'; *Урман-батыр* 'Лес-богатырь'; *Сатан югерек* 'Хромой бегун' с вариантами *Аткысы* 'Стрелок', *Куралай тинкес* 'Стрелок, букв. охотник на косуль', *Кыран-батыр* 'истребитель-богатырь'; *Хыуурттагыс* 'Водоглот, букв. воду пьющий'; *Куль кусереусе* 'Водоглот, букв. передвигающий озера'; *Хыуатлар* 'Водоход, богатырь, перешагивающий озера'; *Таузытаугасугар* 'Горовик, букв. гору об гору ударит'; *Хартхугар* 'Горовик'; *Тау кусереусе* 'Горовик, букв. передвигающий горы'; *Бура-батыр* 'Сруб-богатырь, то же, что Урман-батыр'; *Имян-батыр* 'Лес-богатырь, Вырвидуб, букв. дуб-богатырь'; *Елгуар* 'бегун, букв. гонящийся за ветром'; *Кукьякарар* 'смотрящий в небо, долговязый богатырь, способный ловить птиц на лету'.

4. Безымянные герои богатырской сказки встречаются в сказках «Золотая рыбка», «Батыры-близнецы», «Джигит, победивший тысячеглавого аждаху», «Три батыра», «Золотое перо», «Белый волк», «Искатели лекарства», «Мировой батыр». На наш взгляд, здесь подмечается очень интересный объединяющий момент: в данных сказках герои не являются человеческими детьми с рождения. Так, в сказке «Золотая рыбка» рождаются два мальчика от мяса съеденной рыбы; в «Батыры-близнецы» герои — дети дэва; в сказке «Три батыра» батыры, видимо, не являются человеческими детьми; в сказке «Золотое перо» есть мотив чудесного рождения; в сказке «Мировой батыр» герой неизвестного происхождения, о нем лишь известно, что он постоянно лежит на печи, но оказывается сказочно сильным богатырем. Богатырей чудесного рождения фольклористы называют «наиболее древними героями сказки» [Зарипов, с. 62], а сам мотив чудесного рождения считают направленным на идеализацию незаурядного характера батыра [Мингажетдинов, с. 58]. Как нам представляется, к героям с чудесным рождением примыкают и герои неизвестного происхождения, которые не имеют собственных человеческих имен.

Таким образом, человеческие имена (вспомним исключительное отношение к антропонимам в народе) не даются детям, рожденным неестественно, не от человека. Даже если дети являются человеком лишь наполовину (мать — человек, отец — медведь, волк, дэв и др.), они не получают человеческого имени. К примеру, в сказке «Бузансы-батыр» лошадь приносит ребенка, ему дают имя *Бузансы*; ребенку с ушами как у отца-медведя дают имя *Аюголак*, букв. 'медвежье ухо' («Аюголак»). В сказках «Икмекбай» и «Камыр-батыр и убырлы карсык» мальчик сделан из теста, назван нечеловеческим именем (*Икмекбай* 'хлеб + богач', *Камыр-батыр* 'тесто + богатырь'). Еще более показательна сказка «Камыр-батыр», в которой два мальчика сделаны из теста. Однако имя дают лишь одному — *Камыр-батыр*, другой в тексте просто именуется *кустыны* 'его младший брат'. Пожалуй, самым интересным в этом плане является герой сказки «Джигит, победивший тысячеглавого аждаху». В начале сказки сообщается

о том, что герой — сын старика со старухой, но у него нет своего имени, что вызывает недоумение, так как сын человеческий всегда с именем. Однако в сказке есть эпизод о том, что, когда герой попадает к дэву, тот признает его своим сыном [Башкирское народное творчество, 1978, т. 3, с. 94].

Таким образом, с одной стороны, здесь очевиден и еще раз подтверждается вывод о том, что народ очень бережно относился к именам, не применял антропонимы по отношению к нечеловеческим существам. С другой стороны, как нам представляется, здесь отражается вера в то, что имя, выполняя вокативную функцию, может накликать или призвать нечистую силу, поэтому не следует лишний раз все упоминать ее имена. В фольклористической и этнографической литературе не раз приводилось утверждение о том, что башкиры не называли по имени представителей демонических сил, обходились безличными *теге* 'тот', *тегелэр* 'те', либо табуированным *олатай* 'дедушка' (см., например: [Надршина, 2003, с. 72]). Считалось, что, зная имя нечистой силы, можно избавиться от ее влияния. Как сообщается в одной быличке, для исцеления человека от кикиморы (*бисура*) муллы спрашивали у одержимого бесом, дескать, как зовут твоего любимого (ибо бисура привораживала / привораживал людей). Если человек произносил имя, муллы писали это имя на листочке и с молитвами сжигали листочек, — происходило выздоровление, во время которого исцеляемый человек обычно громко плакал, произнося: «Вы же сожгли, сожгли!» [Надршина, 1993, с. 134]. Итак, имя человека, будучи заместителем и оберегом, не подлежало использованию в отношении любых других существ, реальных или вымышленных; имя же нечистой силы, являющееся словом-табу, не следовало упоминать, называть, произносить, дабы ненароком не вызвать обладателя имени. Этим, на наш взгляд, объясняется появление безымянных героев богатырской сказки, которые в большинстве своем имеют чудесное нечеловеческое происхождение.

Согласно некоторым представлениям об истории возникновения языка, вначале появились имена собственные, затем — имена нарицательные. Эта теория хорошо коррелирует с представлением о развитии фольклорных жанров, в частности, сказок. Вначале развитие получили сказки о животных (персонажи имеют видовые имена), затем — сказки о богатырях (богатырская сказка — это «типологически наиболее древний эпический жанр фольклора тюркоязычных и исторически с ними связанных монгольских народов Южной Сибири и Центральной Азии» [Жирмунский, с. 222]), в них имена идентифицируют каждого героя, индивидуализируют человеческий персонаж), после них появились сказки волшебные (персонажи имеют свои имена, но индивидуализация в них заметно уменьшается). Сказки бытовые постоянно модернизируются, приспособляясь к условиям и реалиям своего времени, поэтому они и вовсе не фокусируют внимания на персонализации, в них героем является кто-то неопределенный (девушка, юноша, женщина, мужчина, старик, бедняк). Можно предположить, что так угасает традиция бережного отношения к имени как к сущности, имеющей сакральное значение, духовную силу.

Таким образом, имя в народном сознании представляет собой удивительный культурный пласт, хранящий в себе информацию разного уровня: о сущности имянаречения, о традициях, характерных для определенного временного отрезка, о моде на имена, проявляющейся в частотности антропонимов, и др. Ввиду разноплановости направлений исследования, в рамках данной статьи мы ограничились рассмотрением вопросов статуса имянаречения в языковом сознании башкир и отражения имянаречения в одном из наиболее древних жанров башкирского фольклора — башкирской богатырской сказке. Основные выводы нашего исследования сводятся к следующему.

1) имянаречение — важнейший обрядовый акт в жизни башкирского общества;

2) традиции имянаречения башкир подвергались изменениям вследствие социально-исторических причин;

3) имя у башкир — заместитель, представитель сущности человека, выполняющий номинативную функцию, а также функцию оберега;

4) башкиры относились к именам очень бережно, антропонимы родного языка применялись (и применяются поныне) исключительно в качестве человеческих личных имен, отсутствуют антропозоонимы, образованные на базе исконных и традиционных личных имен;

5) в башкирских богатырских сказках, которые являются одним из древнейших жанров башкирского фольклора, герои индивидуализируются через имена (почти каждая сказка о богатырях названа по имени одного батыра);

6) в богатырских сказках антропонимы даются только детям людей. Там, где присутствует мотив чудесного рождения или происхождения героя неизвестно, имя не дается, герой именуется «егет», «малай» или используется характерное имя, тем самым выказывается бережное отношение к антропонимам;

7) наличие в сказках героев без определенного имени отражает веру народа в магию слова: подобные персонажи, будучи существами нечеловеческого происхождения, могли оказаться представителями нечистой силы, имена которых были табуированными.

Изучение фольклорных имен на материале башкирских богатырских сказок показало сложившееся в народном сознании особенное почтительное отношение к антропонимам, имеющим номинативную, идентифицирующую, охранительную, заместительную функции. На наш взгляд, исследование антропонимов на материале других жанров устного народного творчества даст не менее интересные выводы и заключения.

Бараг Л. Г., Зарипов Н. Т. Башкирские богатырские сказки // Башкирское народное творчество : в 12 т. (1987–2010). Т. 3 : Богатырские сказки / сост. Н. Т. Зарипов; вступ. ст., коммент. Л. Г. Барага и Н. Т. Зарипова. Уфа : Башк. кн. изд-во, 1988. С. 5–32.

Батыршина Г. Р. Лексика родинного обряда башкир (этнолингвистический анализ). Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011.

Башкирское народное творчество : в 18 т. (1972–1985). Т. 3 : Сказки / сост. Н. Т. Зарипов, М. Х. Мингажетдинов. Уфа : Башк. кн. изд-во, 1978. (на башк. яз.)

Башкирское народное творчество : в 12 т. (1987–2010). Т. 4 : Волшебные сказки и сказки о животных / сост. Н. Т. Зарипов, вступ. ст., коммент. Л. Г. Барага и Н. Т. Зарипова. Уфа : Башк. кн. изд-во, 1989.

Башкирское народное творчество : в 13 т. (1995–2009). Т. 1 : Обрядовый фольклор / сост., вступ. ст., коммент. А. М. Сулейманова и Р. А. Султангареевой. Уфа : Китап, 1995. (на башк. яз.)

Бикбулатов Н. В. Башкирская система родства. М. : Наука, 1981.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : РИПОЛ классик, 2006.

Дмитриев Н. К. Введение // Башкирские народные сказки / ред., введ. и примеч. проф. Н. К. Дмитриева. Уфа : Башгосиздат, 1941. С. 3–29.

Дмитриев С. В. Мотив подмены младенцев // Фольклор народов РСФСР : межвуз. науч. сб. / ред. Л. Г. Бараг. Вып. 17. Уфа : Изд-во БГУ, 1990. С. 12–18.

Еремина В. И. Ритуал и фольклор. Л. : Наука, 1991.

Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л. : Наука, 1974.

Зарипов Н. Т. Башкирские богатырские сказки: Эстетика жанра. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2008.

Мелетинский Е. Л. О генезисе и путях дифференциации эпических жанров // Русский фольклор : материалы и исследования / отв. ред. В. Е. Гусев. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. Вып. 5. С. 81–101.

Мингажетдинов М. Х. Мотив чудесного рождения в башкирской богатырской сказке // Эпические жанры устного народного творчества : сб. ст. / под ред. А. Н. Киреева. Уфа : БашГУ, 1969. С. 55–76.

Надршина Ф. А. Башкирские сказки о животных // Башкирский фольклор : исследования и материалы : сб. ст. / ред. Ф. А. Надршина, А. М. Сулейманов. Уфа : Гилем, 1993а. С. 26–48. (на башк. яз.)

Надршина Ф. А. Былички // Башкирский фольклор: исследования и материалы : сб. ст. / ред. Ф. А. Надршина, А. М. Сулейманов. Уфа : Гилем, 1993б. С. 100–173. (на башк. яз.)

Надршина Ф. А. Персонажи башкирских народных быличек // Актуальные проблемы башкирского эпосоведения : материалы междунар. науч. конф. / ред. Р. Г. Буканова, Р. Ф. Рязяпов, А. М. Сулейманов. Уфа : Гилем, 2003. С. 68–84.

Сулейманов А. М. Башкирская народная новелла: Исследования с приложением 105 новеллистических сказок. Уфа : Уфим. полиграфкомбинат, 2005.

Султангареева Р. А. Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. Уфа : Гилем, 1998.

Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. М. : Наука, 2010.

Хусаинова Г. Р. Башкирские волшебные сказки : поэтика и текстология. Уфа : Китап, 2014. Экспедиционные материалы / сост. Г. Р. Хусаинова, Р. А. Султангареева, Л. К. Сальманова, Г. М. Ахметшина, Г. В. Юлдыбаева, Ф. Ф. Гайсина. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2006–2014.

Ягафарова Г. Н. Роль арабских и персидских слов в формировании стиля сказок // Проблемы сохранения башкирского фольклора : тр. респ. науч.-практ. конф. (3 ноября 2006 г., г. Стерлитамак) / отв. ред. Д. С. Тикеев. Уфа : Гилем, 2007. С. 105–108.

Bebek İsimleri Listesi [Electronic resource]. URL: <http://bebekveben.com/bebek-ismileri> (accessed: 25.03.2016).

Статья поступила в редакцию 05.04.2016 г.

Ягафарова Гульназ Нурфаязовна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН 450054, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Проспект Октября, 71
E-mail: rishrinat@mail.ru

Yagafarova, Gulnaz Nurfayezovna

PhD (Philology), Senior researcher Department of Linguistics Institute for History, Language and Literature Ufa Scientific Centre of RAS 71, Oktyabr Ave., 450054 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia
E-mail: rishrinat@mail.ru

FOLKLORE NAMES: WHAT THEY SPEAK ABOUT (WITH REFERENCE TO BASHKIR HEROIC TALES)

This article discusses the general features of the Bashkir naming tradition and the naming of heroes in Bashkir heroic tales. The author studies Bashkir language materials and comes to the conclusion that in the Bashkir linguistic consciousness the name is not identified with the essence of man, but it is rather a separate external element as related to man. However, there is a very careful attitude to the name as to a substitute or representative of an individual. It is reflected in the fact that Bashkirs did not use and do not use anthroponyms of their mother-tongue as names of animals, nor did they use them to denote any other creatures. This is proved by the names of characters of Bashkir heroic tales. In fairytales about heroes the characters are individualized by means of their names. As opposed to the common belief that fairytale characters are nameless, in Bashkir fairytales and heroic tales each character has his / her own personal name. However, if the hero has a supernatural origin (miraculous birth motif), they do not get a human name, and they are often referred to as *yeget* 'lad' or *malay* 'boy'. Sometimes a character is called by a descriptive name, not typical of traditional Bashkir anthroponyms.

К е y w o r d s: Bashkir folklore; Bashkir language; naming; anthroponym; fairytale heroes; fairytales about heroes.

Barag, L. G., & Zaripov, N. T. (1988). Bashkirskie bogatyrskie skazki [Bashkir Heroic Tales]. In N. T. Zaripov (Ed.), *Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo. Bogatyrskie skazki* [Bashkir Folk Creativity. Heroic Tales] (Vols. 1–12) (Vol. 3). Ufa: BPH. (In Russian)

Batyirshina, G. R. (2011). *Leksika rodinnogo obryada bashkir (etnolingvisticheskiy analiz)* [The Lexicon of Bashkirs' Birth Rite (Ethnolinguistic Analysis)]. Ufa: IHLL USC RAS. (In Russian)
Bebek İsimleri Listesi [Baby Names List]. Retrieved from <http://bebekveben.com/bebek-isimleri>. (In Turkish)

Bikbulatov, N. V. (1981). *Bashkirskaya sistema rodstva* [Bashkir Kinship System]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Dahl, V. I. (2006). *Tolkovyyiy slovar zhivogo velikorusskogo yazyika* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language] (Vols. 1–4). Moscow: RIPOL klassik. (In Russian)

Dmitriev, N. K. (1941). Vvedenie [Introduction]. In N. K. Dmitriev (Ed.), *Bashkirskie narodnye skazki* [Bashkir Folk Tales] (pp. 3–29). Ufa: Bashgosizdat. (In Russian)

Dmitriev, S. V. (1990). Motiv podmeny mladentsev [The Motif of the Substitution of Babies]. In L. G. Barag (Ed.), *Fol'klornarodov RSFSR: Mezhvuzovskii nauchnyi sbornik* [The Folklore of the Peoples of the RSFSR: An Interuniversity Studies Collection] (Vol. 17, pp. 12–18). Ufa: BSU. (In Russian)

- Eremina, V. I. (1991). *Ritual i folklor* [Ritual and Folklore]. Leningrad: Nauka. (In Russian)
- Hisamitdinova, F. G. (2010). *Mifologicheskiiy slovar bashkirskogo yazyika* [A Mythological Dictionary of the Bashkir Language]. Moscow: Nauka. (In Bashkir and Russian)
- Husainova, G. R. (2014). *Bashkirskie volshebnyie skazki: poetika i tekstologiya* [Bashkir Fairytales: Poetics and Textology]. Ufa: Kitap. (In Russian)
- Husainova, G. R., Sultangareyeva, R. A., Salmanova, L. K., Ahmetshina, G. M., Yuldybaeva, G. V., & Gaysina, F. F. (Comp.). (2006–2014). *Ekspeditsionnyie materialyi* [Expedition Materials]. Ufa: IHLL USC RAS. (In Bashkir and Russian)
- Meletinskiy, E. L. (1960). O genezise i putyah differentsiatsii epicheskikh zhanrov [On the Genesis and Ways of Epic Genres Differentiation]. In V. Y. Gusev (Ed.), *Russkiy folklor: materialyi i issledovaniya* [Russian Folklore: Materials and Research] (Vol. 5, pp. 81–101). Moscow; Leningrad: AS SSSR. (In Russian)
- Mingazhetdinov, M. H. (1969). Motiv chudesnogo rozhdeniya v bashkirskoy bogatyirskoy skazke [The Motif of the Miraculous Birth in the Bashkir Heroic Tale: A Collection of Articles]. In A. N. Kireyev (Ed.), *Epicheskie zhanryi usnogo narodnogo tvorchestva* [Epic Genres of Folklore] (pp. 55–76). Ufa: BSU. (In Russian)
- Nadrshina, F. A. (1993a). Bashkirskie skazki o zhivotnyih [Bashkir Fairy Tales about Animals]. In F. A. Nadrshina, & A. M. Suleymanov (Eds.), *Bashkirskiy folklor: issledovaniya i materialyi: Sbornik statey* [Bashkir Folklore: Researches and Materials: A Collection of Articles] (pp. 26–48). Ufa: Gilem. (In Bashkir)
- Nadrshina, F. A. (1993b). Bylichki [Bylichki (Mythological Stories)]. In F. A. Nadrshina, & A. M. Suleymanov (Eds.), *Bashkirskiy folklor: issledovaniya i materialyi: Sbornik statey* [Bashkir Folklore: Studies and Materials: A Collection of Articles] (pp. 100–173). Ufa: Gilem. (In Bashkir)
- Nadrshina, F. A. (2003). Personazhi Bashkirskih narodnyh bylichek [Characters of Bashkir Folk Bylichki]. In R. G. Bukanova, R. F. Razapov, & A. M. Suleymanov (Eds.), *Actual Problems of Studying the Bashkir Epos: Materials of the International Scientific Conference* (pp. 68–84). Ufa: Gilem. (In Russian)
- Suleymanov, A. M. (2005). *Bashkirskaya narodnaya novella: Issledovaniya s prilozheniem 105 novellisticheskikh skazok* [The Bashkir Folk Novella: Studies with an Appendix of 105 Novellas]. Ufa: Ufa Polygraphcombinat. (In Russian)
- Suleymanov, A. M., & Sultangareyeva, R. A. (Eds.) (1995). *Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo. Obryadovyyiy folklor* [Bashkir Folk Creativity. Ritual Folklore] (Vols. 1–13) (Vol. 1). Ufa: Kitap. (In Bashkir)
- Sultangareyeva, R. A. (1998). *Semeyno-byitovoy obryadovyyiy folklor bashkirskogo naroda* [Family and Domestic Ritual Folklore of the Bashkir People]. Ufa: Gilem. (In Russian)
- Yagafarova, G. N. (2007). Rol arabskikh i persidskikh slov v formirovaniy stilya skazok [The Role of Arabic and Persian Words in the Style Shaping of Fairy Tales]. In D. S. Tikeyev (Ed.), *Problemyi sohraneniya bashkirskogo folklor: Trudyi respublikanskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Problems of Preservation of Bashkir Folklore: Works of the Republican Scientific and Practical Conference] (pp. 105–108). Ufa: Gilem. (In Russian)
- Zaripov, N. T. (Ed.) (1989). *Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo. Volshebnyie skazki i skazki o zhivotnyih* [Bashkir Folk Tradition. Magic Fairy Tales and Stories about Animals] (Vols. 1–12) (Vol. 4). Ufa: BPH. (In Bashkir)
- Zaripov, N. T. (2008). *Bashkirskie bogatyirskie skazki: Estetika zhanra* [Bashkir Heroic Tales: Aesthetics of the Genre]. Ufa: IHLL USC RAS. (In Russian)
- Zaripov, N. T., & Mingazhetdinov, M. H. (Eds.) (1978). *Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo. Skazki* [Bashkir Folk Tradition. Fairy Tales] (Vols. 1–18) (Vol. 3). Ufa: BPH. (In Bashkir)
- Zhirumskiy, V. M. (1974). *Tyurkskiy geroicheskiiy epos* [Turkic Heroic Epos]. Leningrad: Nauka. (In Russian)

DOI 10.15826/izv2.2016.18.2.036

УДК 769.2(44) + 094.3 + 096 +

+ 929 Кошен

Е. В. Борщ

*Уральский государственный
архитектурно-художественный университет*
Екатеринбург, Россия

ГРАВЮРЫ ПО РИСУНКАМ Ш.-Н. КОШЕНА-МЛАДШЕГО ВО ФРАНЦУЗСКИХ КНИГАХ XVIII в. ИЗ СОБРАНИЙ ЕКАТЕРИНБУРГА*

В Екатеринбурге сохранилась богатая коллекция французских книг с гравюрами XVIII в. В данной работе анализируются гравюры, выполненные по рисункам французского гравера и иллюстратора Шарля-Никола Кошена-младшего (1715–1790). Для исследования были взяты гравюры, помещенные во французские иллюстрированные издания XVIII в. из трех книжных собраний — Свердловского областного краеведческого музея, Свердловской областной универсальной научной библиотеки им. В. Г. Белинского и Зональной научной библиотеки Уральского федерального университета. В статье приводятся результаты обследования указанных книжных коллекций, итоги определения и атрибуции гравюр. На основании описания и анализа изображений гравюры систематизируются с точки зрения жанрово-тематических, композиционных и стилевых особенностей. Изучение гравюр по рисункам Кошена-младшего из екатеринбургских собраний позволяет проследить стилевую эволюцию от рококо к неоклассицизму в рамках основных этапов его творчества. Особенностью книжных иллюстраций художника является информативность, взаимодействие с текстом, аллегоричность, обращение к мифологической и экзотической тематике, подчинение декоративной форме, сочетание художественного и документального методов изображения, сбалансированность

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Свердловской области в рамках научного проекта № 15-14-66601 «Французские книги с гравюрами 18 века в коллекциях Екатеринбурга». Автор благодарит за организацию доступа к материалам О. М. Кадочигову, заведующую отделом редких книг ЗНБ УрФУ, а также сотрудников отдела; В. Н. Оносову, хранителя коллекции редкой книги, старшего научного сотрудника фондов СОКМ; О. А. Токареву, заведующую отделом редких книг СОУНБ им. В. Г. Белинского.

в рамках серии. Статья фиксирует результаты атрибуции творческого наследия Ш.-Н. Кошена-младшего из собраний Екатеринбурга.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Ш.-Н. Кошен-младший; французское книжное искусство XVIII в.; книжная гравюра; иллюстрация; виньетка; атрибуция объектов книжного искусства.

Уральские коллекции редкой книги пока недостаточно изучены с точки зрения художественной составляющей. Немалый интерес представляют французские издания XVIII в., дополненные гравированными иллюстрациями и виньетками. Их вкладные иллюстрации исполнены в технике гравюры на меди (резец и офорт), а виньетки, — как правило, в технике ксилографии. В книжных собраниях Екатеринбурга, богатых французскими изданиями с гравюрами, можно найти работы известных иллюстраторов и граверов XVIII в.

Так, в ходе изучения фондов трех книжных собраний Екатеринбурга удалось найти ряд книг с гравюрами, исполненными по рисункам Шарля-Никола Кошена-младшего (1715–1790), самого авторитетного французского иллюстратора XVIII в. В процессе работы с коллекциями редких книг из Свердловской областной универсальной научной библиотеки им. В. Г. Белинского (СОУНБ), Зональной научной библиотеки Уральского федерального университета (ЗНБ УрФУ) и Свердловского областного краеведческого музея (СОКМ) были обнаружены 6 изданий с гравюрами по рисункам художника.

Отметим ряд трудностей, возникших при работе с коллекциями. Прежде всего, это недостаток сведений об иллюстрациях в каталогах и даже отсутствие самих каталогов. Поиск гравюр проводился путем сплошного просмотра французских изданий XVIII в., включая те, что имеют ложные выходные данные. Путем сквозного просмотра каждой книги были отобраны экземпляры с гравюрами, распознаны и идентифицированы имена рисовальщиков и граверов, с помощью справочников атрибутированы анонимные гравюры. В целом, изучение французской книжной гравюры в составе книжных коллекций требует комплексного подхода, применения сравнительно-исторического, биографического и стилистического методов.

Ш.-Н. Кошен-младший (Кошен-сын) вошел в историю французского искусства не только как художник-график, но как один из стратегов художественной политики в 1750–1760-х гг., один из «крестных отцов» раннего неоклассицизма. Творчество художника живо интересовало его современников. Первым каталогизатором работ и биографом Кошена-младшего был его издатель Ш.-А. Жонбер [Jombert]. В XIX в. появился первый фундаментальный очерк об иллюстраторе, подготовленный известными знатоками искусства «галантной эпохи» братьями Э. и Ж. де Гонкурами [Goncourt, vol. 2, p. 45–104]. По их мнению, «истинный талант Кошена-младшего заключался в оформлении празднеств и торжеств Людовика XV» [Ibid., p. 85]. Одновременно сведения о книжных работах художника опубликовал коллекционер Р. Порталис [Portalis, p. 95–125]. В России ценители «изящной книги» узнали детали биографии иллюстратора благодаря

А. Н. Бенуа, который вольно переложил французские источники [Бенуа, т. 4, с. 412–414]. Высоко оценивая станковую графику художника, Бенуа критично замечал, что его иллюстрации «менее приятны, нежели такие же произведения его товарищей. Они менее жизненны, нежели работы Гравело и Эйсена, и в то же время более претенциозны» [Там же, с. 414]. В XX в. изучением творчества художника успешно занимались историки искусства [Rocheblave], были изданы его работы из собрания Национальной библиотеки Франции [Roux]. Ныне ведущим специалистом по творчеству иллюстратора является швейцарский историк искусства К. Мишель [Michel].

Ш.-Н. Кошен-младший родился в Париже в 1715 г. в семье, где гравированием занимались все, включая мать и сестер. По рождению он принадлежал к числу «аристократии кисти и резца» [Bassy, p. 144]. Его отец, Ш.-Н. Кошен-старший, гравёр Кабинета короля, был мастером репродукционной гравюры. В частности, он гравировал по А. Ватто и Ж.-Б.-С. Шардену [Goncourt, vol. 2, p. 45–46]. Ремеслу гравирования Кошен-младший обучался, помимо семьи, в мастерской Ж.-Ф. Леба.

Его первые гравюры — копии эстампов и иллюстраций — относятся к 1727–1728 гг. [Jombert, № 1, 2]. С этого времени он занимался гравированием разного рода рисунков, включая орнаментальные, и специализировался на исполнении книжных гравюр. Так, в 1736 г. Кошен-младший гравировал фронтисписы и виньетки по рисункам Ф. Буше [Ibid., № 35]. В роли гравёра художник также занимался исполнением фронтисписов, заставок и «серых букв» [Le Blanc, vol. 2, p. 25–29]. Вскоре он начал гравировать по собственным рисункам, впервые — по заказу ювелира Стра в 1735 г. [Jombert, № 23].

Первый опыт иллюстрирования художник получил в 1735 г., создавая эскизы для «Сказок» Лафонтена [Jombert, № 22]. В 1730–1740-х гг. он работал над иллюстрациями для произведений таких авторов, как Вергилий (1734), Ж. Лафонтен (1745, 1746), Ж.-Ж. Руссо (1746), Сервантес (1746) [Voissais, p. 189–191]. С 1746 г. Кошен-младший сотрудничал с издателями, особенно с книготорговцем короля по артиллерии и военно-инженерному делу Ш.-А. Жонбером, который объединил вокруг себя художников, литераторов, влиятельных персон и библиофилов [Bassy, p. 144].

В 1739 г. Кошен-младший был назначен рисовальщиком и гравёром Кабинета короля, в 1741 г. получил признание в Академии. Ключевым эпизодом в карьере художника стало путешествие в Италию в 1749–1751 гг. в качестве наставника молодого маркиза де Вандьера, получившего должность «генерального директора королевских построек». Вояж имел целью воспитание вкуса этого высокопоставленного чиновника, позднее известного как маркиз де Мариньи (1727–1781). По возвращении из Италии художник был избран в академики (1751), назначен на должность хранителя рисунков Кабинета короля (1752), чуть позже — занял пост секретаря и историографа королевской Академии живописи и скульптуры (1755). Наконец, получил дворянство, орден св. Михаила и место цензора гравюр (1757) [Goncourt, vol. 2, p. 63–64]. Карьера Кошена-младшего была «исключительна для

гравера», учитывая то, что «в течение пятнадцати лет Мариньи видит с помощью его глаз, предоставляет или отклоняет милости, следуя его советам» [Michel, p. 15,16]. Художник утратил влияние после отставки Мариньи в 1773 г.

В период 1750–1770-х гг. Кошен-младший подготовил иллюстрации для произведений Л. Ариосто (1773), Д. Боккаччо (1757), Вольтера (1764), Гомера (1776), Мармонтеля (1765), Овидия (1783), Т. Тассо (1784), Фенелона (1781) [Boissais, p. 189–191]. Особое место заняла серия иллюстраций для «Иконологического альманаха» 1765–1773 гг., созданная в тандеме с Ю. Гравело. Художественный критик Д. Дидро неоднократно отзывался о книжных работах Кошена-младшего, выставленных в Салонах: фронтисписе к «Энциклопедии» — в 1765 г. [Дидро, т. 1, с. 106], заставках для издания Теренция и фронтисписе к изданию Персия — в 1771 г. [Дидро, т. 2, с. 292], иллюстрациях для «Эмиля» Руссо — в 1781 г. [Там же, с. 324]. Имя художника ассоциировалось у современников с самой иллюстрацией. Л.-С. Мерсье иронично заметил, что «виньетки в книге» в будущем станут называть «не иначе как “кошены”» [Мерсье, с. 132]. В общей сложности, он участвовал в подготовке более двухсот изданий с гравюрами [Michel, № 1–213]. Последней его иллюстраторской работой стали эскизы для «Освобожденного Иерусалима» Тассо 1784–1786 гг. [Ibid., № 178]. Художник умер в 1790 г. в Париже в почтенном возрасте.

Обратимся к идентификации и описанию гравюр по рисункам Кошена-младшего, обнаруженных в собраниях Екатеринбурга.

К о л л е к ц и я С О К М располагает двумя изданиями с гравюрами по рисункам Кошена-младшего, которые относятся к 1740-м гг., т. е. «доитальянскому» периоду творчества иллюстратора. Прежде всего представим работы художника для «Всеобщей истории путешествий» аббата Прево. Впервые это многотомное издание с иллюстрациями и картами было выпущено в Париже, в 1746–1761 гг. [Cohen, p. 824]. Оно было «наиболее амбициозным» среди прочих книг путешествий «благодаря его энциклопедическим рисункам, его критичности, его открытости к современности» [Histoire de l'édition française, vol. 2, p. 216–217]. В собрании СОКМ хранится третий том форматом в четверть листа, происходящий из голландской версии издания 1747 г. с «теми же фигурами и картами» (инв. № ПИ 14165) [Prevost]. Экземпляр, некогда принадлежавший А. И. Кронебергу, включает тринадцать гравюр по рисункам Кошена-младшего, из которых семь не имеют подписи рисовальщика. Все гравюры подписаны голландским гравером французской школы Я. ван дер Шлеем (1715–1779). Преобладают односторонние гравюры, за исключением двух, занимающих целый разворот.

При сравнении с идентичными гравюрами из второго тома издания Дидо 1746 г. (гравер П.-К. Шедель) оказывается, что изображения тождественны, но не зеркальны, что исключает копирование по гравированным образцам. Рамы гравюр также идентичны. Известно, что Кошен-младший нарисовал для второго тома парижского издания семнадцать из двадцати четырех иллюстраций [Michel, № 65]. Как можно заметить, голландская версия гравюр отличается от французской «легендой» по-голландски, иным шрифтом надписей и дополнительной

разлиновкой в нижней части рамы. Возможно, голландский гравер работал по оригинальным рисункам Кошена-младшего.

Тематика иллюстраций отвечает этнографическим и географическим сведениям книги путешествий: гравюры визуализируют быт, нравы и среду обитания жителей Канарских островов и Западной Африки. Изображения варьируются от жанровых сцен до пейзажей, причем художественные изображения дополняются документальными. В декоративной и живописной манере рококо представлены жанровые сцены с темнокожими аборигенами на фоне экзотической растительности: «Мужчины и женщины острова Сен-Жан» [Jombert, № 160-14], «Мужчины и женщины острова Сен-Жан в своих одеждах» [Ibid., № 160-15] (ил. 1), «Одежда негров Кабо-Верде» [Ibid., № 160-18], «Негры Кашао и Бисау, которые готовят маниоку» [Ibid., № 160-21], «Негры взбираются на деревья» [Ibid., № 160-23], «Женщины Казегута в разных одеждах» [Ibid., № 160-24]. Иллюстратор детально изображает фон действия — пальмы, банановые деревья и прочую экзотическую флору. Иногда художественная иллюстрация имеет пояснение в виде схематичной «врезки»: например, музыкальный инструмент на гравюре «Гирио, или Негр, играющий на балафо» [Ibid., № 160-19].

Контраст к жанровым иллюстрациям создают эпичные, лишенные детализации и отчетливых стилизованных признаков пейзажные иллюстрации с изображением моря, кораблей и берега: «Остров Сен-Филипп» [Ibid., № 160-13], «Вид на город и порт Кашао с северной стороны» [Ibid., № 160-22], «Вид Руфиско» [Ibid., № 160-17]. Больше внимания здесь уделяется состоянию атмосферы, а не конкретизации места действия. Отчасти это можно объяснить тем, что, иллюстратор явно использовал в качестве образцов аналогичные гравюры из ранее изданных книг путешествий. Тем не менее, художник иногда вносит живописные детали в схематичные изображения ландшафта, как, например элементы растительности и стаффаж на гравюре «Вид города Фули» [Ibid., № 160-20]. Время от времени он акцентирует в пейзажных композициях фигуры любопытных путешественников, например, на иллюстрациях «Погребальная пещера гуанчей» [Ibid., № 160-12] и «Вид Порто-Гранде на острове Сен-Винсент» [Ibid., № 160-16]. Данная серия иллюстраций Кошена-младшего производит впечатление информативной, но неоднородной с точки зрения методов, жанра, композиции и стиля изображений. Наиболее интересен ряд согласованных по стилю жанровых иллюстраций.

Впечатление целостности художественного замысла оставляют гравюры по рисункам Кошена-младшего, принадлежащие другому изданию из собрания СОКМ. Двухтомный трактат по агрономии «Школа огородничества» Комбле впервые был выпущен в 1749 г. форматом в двенадцатую долю листа без указания автора текста [Ibid., № 190]. В собрании музея есть идентичное переиздание 1770 г., происходящее из коллекции А. И. Кронеберга (инв. № С/м28661/58, 59) [Combles]. Двухтомник дополняют три гравюры по рисункам иллюстратора. Первый том имеет фронтиспис с подписями рисовальщика (Кошен-младший) и гравера (Д. Сорник) (ил. 2). Кроме того, титульные листы обоих томов украшает виньетка (флерон) без подписей авторов, которая также создана

1. «Мужчины и женщины острова Сен-Жан в своих одеждах».
По рис. Ш.-Н. Кошена, грав. Я. ван дер Шлей [Prevost, 1747, vol. 3].
Свердловский областной краеведческий музей

2. Фронтиспис. По рис. Ш.-Н. Кошена-младшего, грав. Д. Сорник [Combles, vol. 1]. Свердловский областной краеведческий музей

по рисунку Кошена-младшего и исполнена тем же гравером [Jombert, № 190] (ил. 3). Авторство Кошена-младшего не вызывает сомнения, если обратиться к анализу изображений.

Расположенные напротив, фронтиспис и титульная виньетка передают содержание книги по агрономии в художественно-повествовательной форме. Тема огородничества развивается от фронтисписа к виньетке посезонно: от лета к осени, от посадок к урожаю. Персонажи фронтисписа представлены на фоне усадьбы и огорода летом, тогда как обрамление виньетки красноречиво образуют ветви с осыпающимися листьями. Параллельно прослеживается педагогическая тема: два мальчика, получающие инструкции по уходу за огородом от наставников (фронтиспис), превращаются в молодых людей, оценивающих плоды своего труда (виньетка). Изображения имеют жанровый характер, причем виньетка повторяет такие детали фронтисписа, как атрибуты огородничества (лейка) и указующие жесты героев. Как можно заметить, по отношению к фронтиспису виньетка играет роль дополнительной малой иллюстрации, завершающей сюжет. Обе композиции — объемно-пространственные, полуоткрытые, сквозные и чуть асимметричные — выполнены в манере, близкой рококо. Гравюры взаимосвязаны по тематике, жанру, композиции и стилю.

3. Виньетка (флерон). По рис. Ш.-Н. Кошена-младшего, грав. Д. Сорник [Combles, vol. 1]. Свердловский областной краеведческий музей

Описание и анализ данных гравюр уместно дополнить замечаниями К. Мишеля о формировании рококо в иллюстрациях художника в период 1730–1740-х гг. Его признаки состоят в том, что «иллюстрации уменьшаются, светотень нарастает, а правильные формы и симметрия исчезают» [Michel, p. 67].

К о л л е к ц и я С О У Н Б располагает одним, но знаменитым иллюстрированным изданием, которое появилось вскоре после итальянского путешествия Кошена-младшего и, соответственно, обозначило переломный момент в его творчестве. Речь идет об увраже «Наблюдения за древностями Геркуланума», подготовленном художником совместно с другим вояжером, архитектором-гравером Ж.-Ш. Белликаром (1726–1786). Книга форматом в двенадцатую долю листа впервые вышла в 1754 г. и затем переиздавалась. Помимо сорока документальных иллюстраций с изображением артефактов и планов построек древнего города, исполненных Белликаром, увраж дополнили две работы Кошена-младшего. Во-первых, виньетка, гравированная им по собственному рисунку, и, во-вторых, иллюстрация «Везувий», гравированная К.-О. Галлимаром [Cohen, p. 245].

Экземпляр из СОУНБ, происхождение которого не удалось установить, увидел свет в 1757 г. (инв. № и66163) [Cochin]. К сожалению, это издание не было дополнено виньеткой, которая должна была украсить вступление — посвящение маркизу де Мариньи (в предыдущих изданиях — Вандьеру). Тем не менее, иллюстрация с изображением вулкана Везувия — в наличии. Гравюра не имеет «легенды» и подписей, хотя в предыдущих изданиях идентичная гравюра подписана. Иллюстрация состоит из двух частей: большую часть сверху занимает пейзаж, меньшую снизу — чертеж. На иллюстрации изображено жерло вулкана, однако пейзаж передает не столько особенности ландшафта, сколько живописное состояние атмосферы: огромные клубы дыма и гейзеры лавы. Лаконичный чертеж уточняет характер ландшафта: показывает жерло вулкана в разрезе. Из-за схематичности силуэтных фигур путешественников, которые едва заметны, иллюстрация напоминает набросок. Действительно, вид вулкана был сделан художником с натуры [Jombert, № 224]. Здесь, как и в предшествующих работах, Кошен-младший при создании иллюстрации стремится к максимальной информативности и поэтому использует разные способы изображения. Гравюра с видом Везувия, по существу, является художественно-документальной иллюстрацией.

К о л л е к ц и я З Н Б У р Ф У обладает тремя неординарными изданиями 1750-х гг., гравюры которых представляют «послеитальянский» период творчества художника. Прежде всего, назовем «Французскую архитектуру» Ж.-Ф. Блонделя, выпущенную в 1752–1756 гг. в четырех томах форматом инфолио [Blondel]. Издание, относящееся к категории архитектурных увражей, дополнили пятьсот листов проектной графики — планов, разверток, разрезов и профилей различных построек Парижа и его окрестностей. Увраж также украсили винюетки по рисункам Кошена-младшего и Белликара [Cohen, p. 157]. Экземпляр из ЗНБ УрФУ — полный. Он происходит из библиотеки Императорского Александровского лицея. Три гравюры по рисункам Кошена-младшего находятся в первом и втором томах.

Титульный лист первого тома (инв. № 528218) украшен виньеткой, подписанной автором композиции (Кошен-младший) и гравером (Ж.-Ж. Флипар). Виньетка (флерон) открытого типа в виде «островка» треугольной формы включает наклонный картуш, в поле которого помещено изображение мадонны с младенцем. Картуш окружают атрибуты войны и архитектуры. Судя по асимметрии элементов, композиция типична для рококо. В ленте над картушем помещена надпись «À l'image Notre-Dame», которая повторяется в выходных данных рядом с именем Ш.-А. Жонбера. Это означает, что виньетка является «сигнетом» издателя. Действительно, рассматривая другие, в том числе более ранние издания Жонбера, можно убедиться в том, что эта виньетка повторяется. Так, аналогичная, но зеркальная виньетка, гравированная К.-О. Галлимаром, помещена в книге «Новый метод обучения рисунку» 1740 г. [Nouvelle méthode...]. Следовательно, виньетка была создана художником ранее 1750-х гг., что объясняет ее принадлежность к стилю рококо.

В первом томе увража также помещена заставка по рисунку Кошена-младшего, которая имеет его имя и подпись гравера К.-О. Галлимара (1752). Заставка увенчивает текст посвящения маркизу де Вандьеру. Она представляет собой аллегория искусств: четыре героини в античных одеяниях, расположившись на облаках, украшают цветочными гирляндами картуш с гербом. Слева — Архитектура, атрибутами которой являются циркуль, абак и угольник. Справа, очевидно, Живопись, Скульптура и Рисунок. Четыре путто увенчивают их венками из роз. Заставка напоминает по форме «облако» и трактована в живописной манере. Асимметрия композиции указывает на рококо, тогда как симметричный картуш и мотив гирлянды восходит к неоклассицизму. Совокупность признаков, таким образом, позволяет отнести заставку к «стилю транзисьон». В целом, несмотря на «переходность», она отвечает манере исполнения и стилистике титульной виньетки.

Виньетка (флерон) титульного листа второго тома (инв. № 161160), напротив, контрастна по отношению к аналогичному декору первого тома. Прямоугольная, закрытого типа, увенчанная связками лавра и бантом, она напоминает рельефное панно, точнее, «имитирует античный барельеф» [Jombert, № 207]. Виньетка снабжена именами рисовальщика (Кошен-младший, 1752) и гравера (К.-О. Галлимар). Она представляет собой аллегорическую сцену: 7 женских фигур в античных одеяниях ассоциируются со свободными искусствами. Повторяются уже знакомые атрибуты: абак, циркуль, угольник, кисти, молоток. Впрочем, характер изображения меняется: фигуры рельефно выступают на плоском фоне. Правильная геометрическая форма, антураж Античности, фризообразная композиция и характерные орнаменты, — все свидетельствует в пользу неоклассицизма. Как можно заметить, по теме, жанру и составу виньетка напоминает заставку первого тома, однако они контрастны по средствам выразительности и стилю.

К сожалению, титульные листы третьего-четвертого томов увража декорированы без участия Кошена-младшего, так как их украшают орнаментальные

ксилографические виньетки. Складывается впечатление, что иллюстратор принимал в оформлении издания эпизодическое участие. Гравированный декор, исполненный по рисункам художника, по какой-то причине, возможно, коммерческой, малочисленный и не согласованный по стилю.

Четырехтомное издание «Избранных басен в стихах» Лафонтена выпущено форматом ин-фолио в 1755–1759 гг. [La Fontaine]. В общей сложности оно содержало 276 листов гравюр, которые исполнили по рисункам живописца Ж.-Б. Удри, ретушированным Кошеном-младшим, 40 граверов [Cohen, p. 548]. Комплект, сохранившийся в полном объеме, происходит из библиотеки Императорского Александровского лицея (инв. № 528225, 773511, 161146, 161159). Особенностью данной серии иллюстраций является то, что она создавалась поэтапно. В 1729–1734 гг. Удри сделал серию рисунков, предназначенных для исполнения gobеленов на мануфактуре Бове. Позднее рисунки приобрел Ш.-Ф. де Монтено, который задумал выпустить иллюстрированное издание с помощью финансиста Дарси [Histoire de l'édition française, p. 146]. Монтено поручил Кошену-младшему «пересмотреть» рисунки для гравирования [Cohen, p. 548]. Распределение ролей рисовальщиков и граверов поясняет «легенда» на фронтисписе: «Придумал Ж.-Б. Удри. Закончил резцом Н. Дююи. Гравировал в офорте Ш.-Н. Кошен-сын, который по оригиналам делал все штрихи, вел и направлял весь увраж» [La Fontaine, vol. 1]. Р. Порталис уточняет: «Так как чертежи г. Удри были в большинстве случаев только эскизными набросками, слегка отмытыми... были некорректны и очень неопределенны, г. Кошен-сын, ответственный за ведение всего увража, должен был нарисовать их повторно» [Portalis, p. 103–104]. Точнее, иллюстратор «перерисовал без теней» каждый из рисунков живописца [Michel, № 198]. «Басни» Лафонтена, кроме того, были украшены ксилографическими виньетками, причем Кошен-младший нарисовал «флерон в виде листьев дуба», который гравировал по дереву Ж.-М. Папийон [Jombert, № 233].

Данное издание, входящее в число «трех великих иллюстрированных книг» столетия [Histoire de l'édition française, p. 146], раскрывает тонкости процесса подготовки книжных гравюр и эволюцию технологии. Дело в том, что начиная с 1752 г. трансформировалась манера гравирования: офорт перестал быть «душой» гравюры и использовался только для обозначения контура рисунка. Углубилась специализация граверов: все чаще один работал в технике офорта, а другой завершал гравюру резцом. Поэтому гравюры имеют подписи двух исполнителей [Michel, p. 133–136].

В коллекции ЗНБ УрФУ хранится еще одно литературно-художественное издание, в иллюстрировании которого принимал участие Кошен-младший. Это поэма «Месяцы» Ж.-А. Руше, выпущенная в двух томах форматом в четверть листа в 1779 г. [Roucher]. Известно, что издание дополняли 5 гравюр и что кроме Кошена-младшего книгу иллюстрировали К.-П. Марилье и Ж.-М. Моро-младший [Cohen, p. 900]. Экземпляр ЗНБ УрФУ, происходящий из собрания Императорского Александровского лицея, имеет 3 гравюры, одна из которых исполнена по рисунку Кошена-младшего (гравер Ш.-Э. Гоше, 1780). Это

иллюстрация-фронтиспис для песни I первого тома, посвященная весенним месяцам (инв. № 161031). Известно, что художник подготовил еще одну иллюстрацию, посвященную зиме [Michel, p. 341], однако в данном экземпляре она отсутствует.

Гравюра имеет пояснение: «Ежегодный триумф самого благородного из ремесел». Жанровая иллюстрация представляет персонажей в китайских одеждах. Внимание привлекает крупная статичная фигура в центре: на фоне жертвенного костра, плуга и алтаря изображен китайский император, который бросает горстями зерно в распаханную землю. Комментарий поясняет текст, посвященный церемонии открытия праздника посева у китайцев [Roucher, p. 55]. Пейзажный фон сцены достаточно типичен для иллюстратора, но герои имеют одинаковые черты лица. Несмотря на перспективное построение и живописные эффекты, иллюстрация имеет документальный оттенок. По существу, это этнографическое изображение, напоминающее аналогичные гравюры из книг путешествий. Гравюру отличает четкая и сухая манера исполнения, в частности, в передаче орнаментов, складок и фактуры ткани. Это явно отвечает замыслу рисовальщика. Несмотря на то, что художник окончательно прекратил гравировать после 1770 г., он следил за исполнением своих рисунков другими граверами, исправлял и дополнял пробные оттиски [Michel, p. 137]. Так же, как и на других иллюстрациях зрелого периода творчества, здесь можно найти признаки разных стилей. Бесформенные клубы дыма и извилистые языки пламени напоминают формы рококо, а мотивы цветочных гирлянд на алтаре восходят к неоклассицизму. Из этого следует, что иллюстрация наделена чертами «стиля транзисьон». В целом, данная иллюстрация демонстрирует сочетание разных методов изображения и разных стилей.

Итак, в ходе работы с коллекциями редких книг их трех собраний Екатеринбурга были обнаружены 6 французских изданий (11 экземпляров книг) XVIII в., в которых находится порядка трехсот гравюр, созданных при участии Кошена-младшего. В процессе обработки материалов коллекций было проведено определение иллюстрированных книг и гравюр по справочным изданиям. Удалось установить авторство 10 анонимных гравюр, исполненных по рисункам Кошена-младшего, происходящих из трех изданий. Кроме того, были идентифицированы имена всех граверов. Обнаруженные работы представляют специальности художника: 21 гравюра исполнена по его оригинальным рисункам, 276 гравюр — с его помощью в роли ретушера и гравера.

Творчество Кошена-рисовальщика представляют преимущественно гравюры из специальных изданий по агрономии [Combles], по архитектуре [Blondel], по археологии [Cochin], по географии [Prevost]. По этой причине, несмотря на редкость отдельных изданий, найденные работы иллюстратора трудно отнести к «первому кругу» его произведений. Среди установленных произведений художника почти нет иллюстраций к литературным произведениям, за исключением одной [Roucher], не считая иллюстрации знаменитого литературного издания, которое представляет творчество Кошена-гравера [La Fontaine].

Оценивая степень полноты екатеринбургских книжных коллекций в данном аспекте, отметим, что больше всего гравюр по оригинальным рисункам иллюстратора было обнаружено в собрании СОКМ (более десятка гравюр). С точки зрения художественных достоинств наибольший интерес, на наш взгляд, представляют работы иллюстратора из того же собрания, так как они дают возможность оценить взаимосвязь иллюстраций внутри одной серии [Prevost; Combles]. Самое роскошное издание, созданное при участии художника, происходит из собрания ЗНБ УрФУ [La Fontaine]. Одно из самых известных — из собрания СОУНБ [Cochin].

Изучение гравюр по рисункам Кошена-младшего из екатеринбургских собраний позволяет проследить стилевую эволюцию от рококо к неоклассицизму в рамках основных этапов его творчества. Особенностью книжных иллюстраций художника является информативность, взаимодействие с текстом, аллегоричность, обращение к мифологической и экзотической тематике, подчинение декоративной форме, сочетание художественного и документального методов изображения, сбалансированность в рамках серии. В целом, на примере гравюр из книжных собраний Екатеринбурга можно проследить эволюцию французской иллюстрации и книжного декора XVIII в.

-
- Бенуа А. Н.* История живописи : в 4 т. Петроград : Шиповник, 1912–1917.
Дидро Д. Салоны : в 2 т. М. : Искусство, 1989.
Мерсье Л.-С. Год две тысячи четыреста сороковой. Л. : Наука, 1977.
Bassy A.-M. Le texte et l'image // Histoire de l'édition française. 1984. Vol. 2. P. 140–171.
Blondel J.-F. Architecture française. 4 vol. Paris : Ch.-A. Jombert, 1752–1756.
Boissais M. Le livre à gravures au XVIIIe siècle : suivi d'un essai de bibliographie. Paris : Gründ, 1948.
Cochin C.-N. Observations sur les antiquités d'Herculanum. Paris : Ch.-A. Jombert, 1757.
Cohen H. Guide de l'amateur de livres à gravures du XVIIIe siècle. Paris : A. Rouquette, 1912.
[Combles, de]. L'École du jardin potager. 2 vol. Paris : P. Fr. Didot, 1770.
Goncourt E. et J. de. L'art du dix-huitième siècle. 2 vol. Paris : Rapilly, 1873–1874.
Histoire de l'édition française / sous la dir. de H.-J. Martin et R. Chartier. 4 vol. Paris : Promodis, 1983–1986. Vol. 2 : Le livre triomphant (1660–1830). Paris : Promodis, 1984.
Jombert C.-A. Catalogue de l'oeuvre de C.-N. Cochin fils. Paris : Prault, 1770.
La Fontaine J. Fables choisies mises en vers. 4 vol. Paris : Desaint et Saillant : Durand, 1755–1759.
Le Blanc Ch. Manuel de l'amateur d'estampes. 4 vol. Paris : P. Jannet, 1854–1890.
Michel C. Charles-Nicolas Cochin et le livre illustré au XVIIIe siècle. 1735–1790. Genève : Droz ; Paris : Champion, 1987.
Nouvelle méthode pour apprendre à dessiner sans maître / [Ch.-A. Jombert]. Paris : Ch.-A. Jombert, 1740.
Portalis R. Les dessinateurs d'illustrations au dix-huitième siècle. Paris : D. Morgand, C. Fatout, 1877.
Prevost A.-F. Histoire générale des voyages. 21 vol. La Haye : P. de Hondt, 1747–1767.
Rocheblave S.-É. Charles-Nicolas Cochin, graveur et dessinateur. Tours : Arrault et Cie ; Chelles : A. Fauchoux ; Paris ; Bruxelles, G. Vanoest, 1927.
Roucher J.-A. Les Mois, poème en douze chants. 2 vol. Paris : Quillau, 1779.
Roux M. Inventaire du fonds français, graveurs du XVIIIe siècle / Bibliothèque nationale, Département des estampes. 14 vol. Paris : Bibliothèque nationale, 1930–1977. Vol. 5 : Cochin fils — H. Dambun. Paris : Bibliothèque nationale, 1946.

Борщ Елена Викторовна

кандидат искусствоведения, профессор кафедры декоративно-прикладного искусства
Уральский государственный архитектурно-художественный университет
620075, Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 23
E-mail: ev_borshch@lenta.ru

Borshch, Elena Viktorovna

PhD (Art Studies), Professor
Chair of Arts and Crafts
Ural State University of Architecture and Arts
23, Karl Liebknecht Str.,
620075 Yekaterinburg, Russia
E-mail: ev_borshch@lenta.ru

**ENGRAVINGS BASED ON C.-N. COCHIN
THE YOUNGER'S DRAWINGS IN 18TH CENTURY FRENCH BOOKS
FROM YEKATERINBURG COLLECTIONS**

Yekaterinburg has a vast collection of 18th century French books with engravings. The article analyzes engravings based on C.-N. Cochin the Younger's (1715–1790) drawings. The analysis is made referring to the engravings that can be found in the 18th century French illustrated books kept in the three collections of French books in Yekaterinburg, namely, the Sverdlovsk Regional Museum of Local History, Sverdlovsk Regional Universal Scientific Library named after V. G. Belinsky, and the Regional Scientific Library of Ural Federal University. The article presents results of the examination of the said book collections, as well as conclusions made as to the attribution of the engravings. The engravings are systematized from the point of view of genre, thematic, compositional and style features on the basis of their description and image analysis. The study of C.-N. Cochin the Younger's creative heritage enables the author to trace the style evolution from Rococo to Neoclassicism as part of the main stages of his creative work. The artist's book illustrations can be characterized as highly informative, corresponding with the text, and allegorical. They turn to mythological and exotic subjects and follow a decorative pattern, combine the artistic and documentary methods of depiction, and bear a balanced nature as part of a series. The article describes the results of attribution of C.-N. Cochin the Younger's artistic heritage that makes part of Yekaterinburg collections.

Key words: C.-N. Cochin the Younger; French book art; book engraving; illustration; vignette; 18th century; attribution of book art objects.

Acknowledgements

The article is sponsored by the *Russian Foundation for the Humanities* and Sverdlovsk Region as part of project 15–14–66601 “French Books with 18th Century Engravings in Yekaterinburg Collections”. The author would like to thank O. M. Kadochigova, head of the Department of Rare Books of the Regional Scientific Library of Ural Federal University as well as the personnel of the Department; V. N. Onosova, keeper of the Collection of Rare Books, senior research fellow of the funds of the Sverdlovsk Regional Museum of Local History; O. A. Tokareva, head of the Department of Rare Books of the Sverdlovsk Regional Universal Scientific Library named after V. G. Belinsky for granting access to the materials for the research.

- Bassy, A.-M. (1984). Le texte et l'image [The Text and the Image]. *Histoire de l'édition française*, 2, 140–171. (In French)
- Benois, A. N. (1912–1917). *Istoria zhivopisi* [The History of Painting] (Vols. 1–4). Pertograd: Scipovnik. (In Russian)
- Blondel, J. -F. (1752–1756). *Architecte française* [French Architecture] (Vols. 1–4). Paris: Ch.-A. Jombert. (In French)
- Boissais, M. (1948). *Le livre à gravures au XVIIIe siècle : suivi d'un essai de bibliographie* [The Book with Engravings in the 18th Century: A Follow-up of an Attempt at Bibliography]. Paris: Gründ. (In French)
- Cochin, C.-N. (1757). *Observations sur les antiquités d'Herculanum* [Observations on the Antiquities of Herculaneum]. Paris: Ch.-A. Jombert. (In French)
- Cohen, H. (1912). *Guide de l'amateur de livres à gravures du XVIIIe siècle* [A Guide of the Amateur of 18th Century Books with Engravings]. Paris: A. Rouquette. (In French)
- [Combes, de]. (1770). *L'École du jardin potager* [The School of Vegetable Garden] (Vols. 1–2). Paris: P. Fr. Didot. (In French)
- Diderot, D. (1989). *Salon* [Salons] (Vols. 1–2). Moscow: Iskusstvo. (In Russian)
- Goncourt, E. et J. de. (1873–1874). *L'art du dix-huitième siècle* [The Art of the Eighteenth Century] (Vols. 1–2). Paris: Rapilly. (In French)
- [Jombert, Ch.-A.]. (1740). *Nouvelle méthode pour apprendre à dessiner sans maître* [A New Method to Learn how to Draw without a Teacher]. Paris: Ch.-A. Jombert. (In French)
- Jombert, C.-A. (1770). *Catalogue de l'oeuvre de C.-N. Cochin fils* [A Catalogue of C.-N. Cochin the Younger's Works]. Paris: Prault. (In French)
- La Fontaine, J. (1755–1759). *Fables choisies mises en vers* [Selected Fables in Verse] (Vols. 1–4). Paris: Desaint et Saillant: Durand. (In French)
- Le Blanc, C. (1854–1890). *Manuel de l'amateur d'estampes* [A Manual of the Prints Collector]. (Vols. 1–4). Paris: P. Jannet. (In French)
- Martin, H.-J., & Chartier, R. (Comp.) (1983–1986). *Histoire de l'édition française* [History of the French Edition] (Vols. 1–4) (Vol. 2: Le livre triomphant (1660–1830) [The Triumphant Book (1660–1830)]). Paris: Promodis. (In French)
- Mercier, L.-S. (1977). *God dve tysyachi chetyresta sorokovoj* [The Year 2440]. Leningrad: Nauka. (In Russian)
- Michel, C. (1987). *Charles-Nicolas Cochin et le livre illustré au XVIIIe siècle. 1735–1790* [Charles-Nicolas Cochin and the Illustrated Book in the 18th Century. 1735–1790]. Genève: Droz; Paris: Champion. (In French)
- Portalis, R. (1877). *Les dessinateurs d'illustrations au dix-huitième siècle* [Designers of Illustrations in the Eighteenth Century]. Paris: D. Morgand, C. Fatout. (In French)
- Prevost, A.-F. (1747–1767). *Histoire générale des voyages* [A General History of Travel] (Vols. 1–21). La Haye: P. de Hondt. (In French)
- Rocheblave, S.-E. (1927). *Charles-Nicolas Cochin, graveur et dessinateur* [Charles-Nicolas Cochin, Engraver and Draughtsman]. Tours: Arrault et Cie; Chelles: A. Faucheux; Paris; Bruxelles, G. Vanoest. (In French)
- Roucher, J. -A. (1779). *Les Mois, poème en douze chants* [The Months, a Poem in Twelve Songs] (Vols. 1–2). Paris: Quillau. (In French)
- Roux, M. (1930–1977). *Inventaire du fonds français, graveurs du XVIIIe siècle* [An Index of French Funds, French Engravers of the 18th Century] (Vols. 1–14) (Vol. 5: Cochin fils – H. Dambrun [Cochin the Younger – H. Dambrun]). Paris: Bibliothèque nationale. (In French)

DOI 10.15826/izv2.2016.18.2.037
УДК 745.513 + 929.737 Демидовы +
+ 94(470.54) + 94(470-25)

О. Н. Силюнова
*Уральский колледж
прикладного искусства и дизайна
(филиал Государственной художественно-
промышленной Академии
им. С. Г. Строганова г. Москва)
Нижний Тагил, Россия*

ЛАКОВЫЙ КАБИНЕТ Н. А. ДЕМИДОВА В МОСКОВСКОМ СЛОБОДСКОМ ДОМЕ-ДВОРЦЕ (1782–1784): ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ, ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

В статье рассматривается история создания и художественные особенности Лакового кабинета Н. А. Демидова в московском Слободском доме-дворце (1782–1784). Лаковый кабинет Н. А. Демидова в московском Слободском доме-дворце — уникальный проект, опыт осуществления которого является забытой страницей в истории русского декоративно-прикладного искусства второй половины XVIII столетия. Нижнетагильские лаки XVIII столетия почти не сохранились. Поэтому важно внимательно и всесторонне проанализировать этот единственный в своем роде крупный проект, который подтверждает высокий уровень развития лакового искусства в уральских владениях Демидовых. Лакированные живописные панно — доминирующий вид оформления комнаты — не сохранились, однако документальные источники, косвенные сведения позволяют восстановить художественный образ этого удивительного творения уральских мастеров. В данном исследовании впервые делается попытка выявления оригинальных источников, которые могли быть использованы при создании живописных композиций лакированных панно. Кроме того, собранные сведения позволили воссоздать виртуальный образ лакового кабинета Н. А. Демидова, который занимал особое место среди достопримечательностей московской усадьбы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Демидовы; Нижний Тагил; лаковая живопись; лакировщики Худояровы; московский Слободской дом-дворец; Ж.-Л. Бюффон; Мария Сибилла Мериан; Сан-Суси.

Лаковый кабинет Н. А. Демидова в московском Слободском доме-дворце — уникальный проект, опыт осуществления которого является забытой страницей в истории русского декоративно-прикладного искусства второй половины XVIII столетия. Нижнетагильские лаки XVIII в. почти не сохранились, поэтому приобретает актуальность изучение этого единственного в своем роде памятника интерьерного дизайна, свидетельствующего о высоком уровне развития лакового искусства в уральских владениях Демидовых.

К сожалению, лакированные живописные панно, украшавшие кабинет, не сохранились, однако благодаря документальным источникам и косвенным

сведениям можно восстановить художественный образ этого удивительного творения уральских мастеров. Впервые о существовании лакированных дощечек в Слободском доме Н. А. Демидова упомянул крупнейший специалист по декоративно-прикладному искусству Урала Б. В. Павловский [Павловский, 1963, с. 9–10; 1975, с. 39]. На основе архивных материалов нами уже была восстановлена история создания лакового декора в кабинетном интерьере дворца [Силонова, с. 92–96]. В данном же исследовании мы попытаемся выявить оригинальные источники, которые могли быть использованы при создании композиций лакированных панно, и воссоздать виртуальный образ малого кабинета Н. А. Демидова, который занимал особое место среди достопримечательностей московской усадьбы.

Лаковый кабинет Н. А. Демидова — название одной из комнат усадебного дворца в Москве на Вознесенской улице, который строился и отделывался в 1760–1770-х гг. Это был знаковый период в жизни Н. А. Демидова: вступление в права наследования наиболее перспективной частью отцовских владений, женитьба на купеческой дочери А. Е. Сафоновой. Именно в это время Никита Акинфиевич приступил к осуществлению нового масштабного дворцового строительства на правом берегу реки Яузы в элитной зоне Немецкой слободы. Дворец Н. А. Демидова (ил. 1, 2) возводился на месте старой усадьбы, ранее принадлежавшей графу М. Г. Головкину. Уже существовавшие каменные постройки стали основой комплекса нового дворца [Горпенко, с. 82].

В XVIII столетии к частному дворцовому строительству нередко привлекали нескольких архитекторов и специалистов. Так, внешний облик загородной подмосковной усадьбы Кусково графа Шереметева создавался по проектам К. И. Бланка, Ш. де Вальи, Ю. И. Кологривова, Ф. С. Аргунова, А. Ф. Миронова, скульптурные работы выполнялись И. Зиминим, оформлением интерьеров занимался И. Юст [Кусково и Останкино, с. 10]. Возможно, такая же ситуация возникла при возведении ансамбля дома Н. А. Демидова, ведь в силу различных обстоятельств строительные и отделочные работы растянулись на несколько десятилетий. А. Е. Горпенко называет имя автора раннего проекта дворца — крепостной архитектор графа Шереметева Федор Семенович Аргунов (ок. 1732–1768) [Горпенко, с. 83]. К этому же выводу пришли и другие исследователи [Борис, Канаев, с. 66]. Первые упоминания о привлечении Аргунова к «перестройке Слободского дома» относятся к весне 1760 г. [Горпенко, с. 83]. К этому времени архитектор уже имел опыт сотрудничества с Демидовым: он проектировал церковь в нижегородском селе Фокино, здание конторы, «кладовые амбары» [Горпенко, с. 83; РГАДА, ф. 1267, оп. 1, д. 6, л. 532–534]. Серьезные трудности в осуществление проекта внесли внезапная смерть Ф. С. Аргунова в 1768 г., затем начавшаяся в 1771 г. в Москве эпидемия чумы [Горпенко, с. 85] и отъезд Н. А. Демидова на два года за границу [Журнал путешествия...].

После смерти Аргунова обязанности архитектора Слободского дома перешли к Иоганну Юсту — опытному скульптору, резчику, мастеру лепных отделочных работ [Горпенко, с. 85]. В 1774 г. Н. А. Демидов также консультировался

по вопросам строительства с архитектором В. И. Баженовым (1737–1799) [Горпенко, с. 85]. В конце 1770-х — начале 1780-х гг. началось сотрудничество с М. Ф. Казаковым, который разработал проект усадебных строений в подмосковной вотчине Демидова с. Петровском и возглавил строительные работы на территории Слободского дворца [Там же, с. 86].

Мы склонны считать, что к началу 1780-х гг. отдельные интерьеры Слободского дома уже обветшали, поэтому на Казакова могли быть возложены обязанности по реконструкции отдельных залов дворца. Так в 1782–1784 гг. в Слободском доме появился Лаковый кабинет Н. А. Демидова.

Название «Лаковый кабинет» в источниках XVIII–XIX вв. не встречается. Данное помещение обычно называлось «Китайская маленькая комната», «комната с зеркальным плафоном», «малый личный кабинет», «зеркальная комната» [Борис, Канаев, с. 69; РГАДА, ф. 1267, оп. 10, д. 282, л. 6–12]. Чертежей, планов с точной экспликацией помещений Слободского дворца обнаружить не удалось. Осложняет исследование и разная нумерация комнат, отмеченная в описях за разные годы. Но дошедший до наших дней главный дворцовый корпус, описи помещений Слободского дома XIX столетия, план дворца, опубликованный в альбоме партикулярных зданий Москвы [Архитектурные альбомы М. Ф. Казакова, с. 196–197], реконструкция планировки, предпринятая А. Г. Борис и М. Б. Канаевым [Борис, Канаев, с. 69], позволяют довольно точно определить расположение кабинета.

Кабинет находился в главном корпусе Слободской усадьбы на верхнем этаже, «входя с парадного крыльца в переднюю по правую сторону» [РГАДА, ф. 1267, оп. 1, д. 339, л. 469 об.]. На экспликации к плану в статье А. Г. Борис и М. Б. Канаева эта комната обозначена № 13 [Борис, Канаев, с. 69]. В нашем исследовании интерес представляет и комната № 12, которая значительно больше первой. В аннотации к рисунку исследователи определили эти помещения следующим образом: № 12 «Китайская», большой кабинет; № 13 «Китайская маленькая», малый кабинет [Там же, с. 69, 70]. Данная информация свидетельствует не только об одинаковом назначении комнат — служить кабинетами, — но и о том, что изначально помещения могли быть оформлены в едином китайском стиле.

Китайский стиль как направление рококо был чрезвычайно популярен в XVIII в. мода на все китайское имела широкое распространение, и в Россию вслед за Европой активно ввозились экзотические изделия из Китая и Японии. В дальнейшем европейские и русские мастера стали по-своему интерпретировать восточные мотивы и приемы. Они возводили «китайские» дворцы, «китайские» чайные домики, создавали в дворцовых интерьерах «китайские» кабинеты, где помещались произведения китайского декоративно-прикладного искусства [Уханова, с. 57, 58]. Оформление «китайских» кабинетов имело ярко выраженные особенности. Стены покрывались шелковыми обоями с мотивами китайской жизни, стилизованными цветами, птицами, бабочками. Другим вариантом декора была обивка деревянными расписными лакированными панно. Такой специфический декор породил характерное название — лаковый кабинет.

Ярким примером тому служит кабинет дворца Монплези́р (1714–1723) в Петергофе, созданный по рисункам архитектора И. Браунштейна. Великолепные «китайские» кабинеты находились в ораниенбаумском дворце А. Д. Меншикова, в Китайском дворце Петра III, созданном по проекту архитектора Антонио Ринальди [Уханова, с. 34–36].

Мы считаем, что китайские комнаты Слободского дома Н. А. Демидова изначально могли быть украшены шелковыми обоями. Описи Слободского дома 1818–1825 гг. содержат информацию о том, что в большом Китайском кабинете «...обои на стенах из материи живописные, наклеены на парусину, каймы обложены резными вызолоченными багетами» [Борис, Канаев, с. 69; РГАДА, ф. 1267, оп. 10, д. 282, л. 6–12]. Выявленные нами описи Слободского дворца за 1824–1826 гг. дополняют характеристику убранства: «Комната, бывшая Менць кабинетом, обитая травчатými китайскими обоями» [РГАДА, ф. 1267, оп. 10, д. 385, л. 7].

В XVIII столетии китайские обои стоили очень дорого. Художники выполняли роспись по шелку акварельными красками, тушью, серебром и золотом. Ткань вставлялась в рамы подобно живописным картинам [Китайское экспортное искусство, с. 171]. Упоминание в описании Китайской комнаты Слободского дома-дворца резных позолоченных багетов подтверждает использование именно этого варианта декорирования интерьера.

О едином замысле декора большого и малого китайских кабинетов свидетельствует и упоминание о красном цвете. В первом кабинете стены вокруг обоев были обрамлены «панелями красного дерева», а во втором этот цвет присутствовал в материале входной двери: «...Дверь филенчатая, красного дерева...» [Борис, Канаев, с. 69–70].

Живописные композиции обоев часто выполнялись на белом фоне (естественный цвет натурального шелка) и составлялись из сочетания растительности и цветов с мотивами сказочных птиц, плодов, насекомых. Контуры изображений прорисовывались черной тушью и серебром [Китайское экспортное искусство, с. 171] (ил. 3). Вероятнее всего, стены малого Китайского кабинета были декорированы идентичным образом — светлыми шелковыми расписными обоями, которые через 10–15 лет пришли в негодность. В начале 1780-х гг., в момент реконструкции, их заменили лаковыми панно. Кроме того, изменения в декоре кабинета могли быть вызваны и другими причинами.

К середине XVIII столетия мода на восточную экзотику заметно ослабела [Бушин, с. 64]. Изобретение европейского фарфора сделало этот материал и изделия из него необычайно популярными. Кроме того, в указанный период в архитектуре и декоре интерьеров дворцов наметился переход от барокко и рококо к классицизму. Новый стиль отдавал предпочтение новизне. Поэтому создание Лакового кабинета Н. А. Демидова было своевременным и необычайно актуальным, с одной стороны, благодаря использованию лаковой техники, близкой традиционному китайскому лаковому искусству, с другой — из-за белого фона панно, сочетавшего великолепную белизну стен с декоративной многоцветной

росписью, что напоминало фарфор и создавало иллюзию уникального фарфорового кабинета.

Прежде чем приступить к рассмотрению проекта создания Лакового кабинета Н. А. Демидова, обратимся к некоторым важным деталям декора интересующего нас интерьера. В описях малого Китайского кабинета, который в дальнейшем мы будем называть Лаковым, упоминается отопительная конструкция, называемая составителями описей то печью, то камином: «Печка покрыта мраморной доской, на коей 2 спящих купидона поддерживают пальму» [РГАДА, ф. 1267, оп. 10, д. 385, л. 7]. А. Г. Борис и М. Б. Канаев приводят цитату из другого источника: «Камин мраморный, над ним резную вызолоченную пальму как бы поддерживают два вызолоченных купидона» [Борис, Канаев, с. 70; РГАДА, ф. 1267, оп. 10, д. 282, л. 6–12]. При расхождении в деталях все известные нам описания одинаково атрибутируют наверхше: сюжетная композиция, состоящая из пальмы и двух купидонов. Точно такой же декор имел камин в библиотеке Слободского дома: «...камин изразчатый, а вверху доска мраморная. На оной глобус и пальмовое дерево поддерживают два купидона. Все оное изразчатое» [Там же].

Тема пальмы имеет прямое отношение к искусству Китая. В XVIII в. это экзотическое дерево стали выращивать в дворцовых садах и парках Европы. Во время путешествия по Европе в мае 1771 г. Н. А. Демидов посетил пригород Потсдама и осматривал дворцы загородной королевской резиденции — «старый, именуемый Sans Soucis и новый, построенный нынешним королем Mon Bijou» [Журнал путешествия..., с. 19]. В королевских оранжереях Сан-Суси в кадках выращивали экзотику Китая — пальмы, которые в теплое время года размещали в парке. Здесь же находится Китайский чайный домик (1755–1764), рабочий эскиз которого нарисовал лично Фридрих Великий, а осуществил проект архитектор Иоганн Готфрид Бюринг. В декоре домика активно представлен мотив пальмы: несущие колонны павильона у стен кабинетов и на открытых верандах выполнены в виде позолоченных пальмовых стволов в окружении жанровых скульптурных композиций в виде позолоченных китайцев в национальных костюмах. Кроме того, в театре Нового дворца Сан-Суси в виде позолоченных пальмовых стволов выполнены колонны сцены.

Н. А. Демидов активно участвовал в создании художественного образа интерьеров московского дворца. Возможно, именно впечатления от посещения Сан-Суси привели к появлению декора в виде пальмы в комнатах его Слободского дома. Пальма в культуре народов Востока считалась символом знания, которое облегчает жизнь человека, поэтому мотив пальмы появился в помещениях, бывших культурными центрами дома-дворца — в библиотеке, в Китайском кабинете-коллекции.

Дворцы Сан-Суси могли оказать влияние на декор еще одного объекта Слободского дома. Модной частью дворцовых комплексов знати являлись гроты, которые создавались в двух вариантах: садовый павильон-грот и дворцовый зал-грот. Гроты имитировали естественную пещеру и украшались природными материалами [Кусково и Останкино, с. 115]. В Новом дворце Сан-Суси на втором

и верхнем третьем этажах разместился придворный театр, а под ним, на первом этаже, Фридрих Великий построил великолепный гротовый зал. Зал имеет пять окон, выходящих в дворцовый парк. Потолок и стены были выложены ракушками и раковинами, орнаментами из разноцветных камешков, кораллами, белым мрамором, стекольным шлаком. Пол в виде шахматных квадратов, изображений растений и животных выложили мастера И. М. Камбли и М. Мюллер [Грицак, с. 201–202].

В Слободской усадьбе Н. А. Демидова также был построен грот. Он, как и во дворце Сан-Суси, был создан по типу гротового зала и размещался на первом этаже дворца, под лестницей, со стороны фасада, обращенного в парк. В декоре грота Слободского дворца было применено зеркальное стекло, а пол был «шахматный мраморный» [Борис, Канаев, с. 70].

В усадьбе Демидова грот проектировал и начинал создавать крепостной архитектор Шереметевых Ф. С. Аргунов. Незадолго до этого им был построен павильон — грот в загородной усадьбе П. Б. Шереметева Кусково (1756–1761), оформлением которого с перерывами (1761–1775) занимался Иоганн Фохт. В усадьбе Шереметева Фохт довольно точно воспроизвел «ракушечный зал» прусского дворца Сан-Суси. Вполне возможно, что услуги И. Фохта при создании зала-грота в Слободском доме не потребовались. По аналогии с гротом в Кусково проект мог выполнить Ф. С. Аргунов, после смерти которого оформление завершил И. Юст.

Мы неслучайно обратили внимание на грот. В декоре гротов применялся такой эффектный материал, как кусочки зеркального стекла. Во дворце Сан-Суси зеркальное стекло активно использовалось для оформления концертной комнаты и мраморной галереи. При внимательном рассмотрении этого декоративного приема становится заметно, что мастера работали с большими зеркалами, на поверхность которых накладывалась тонкая решетка из гипса или дерева. Она и создавала эффект дробления композиции на мелкие зеркальные фрагменты.

Аналогичный декор был использован в Лаковом кабинете Слободского дома. В описях дворца помещение Лакового кабинета иногда называется «комната с зеркальным плафоном» или «зеркальная комната» [Борис, Канаев, с. 70]. Данное определение дано по характерному приему оформления. Документ за 1818–1825 г. сообщает: «Потолок из мелких зеркал, обложены бронзовыми вызолоченными багетами» [РГАДА, ф. 1267, оп. 10, д. 282, л. 6–12]. Вполне возможно, что плафон набирался штучно из небольших кусочков зеркального стекла, но с тем же декоративным эффектом могла использоваться и прусская техника, применявшаяся для отделки залов в Сан-Суси.

Идея создания Лакового кабинета, несомненно, заинтересовала Н. А. Демидова. Переписка, которую Никита Акинфиевич вел с заводской нижнетагильской конторой, свидетельствует о его личном участии в обсуждении каждой детали проекта. Первое упоминание о кабинете содержится в письме, написанном в Москве 31 декабря 1781 г. [ГАСО, ф. 643, оп. 1, д. 263, л. 14]. При оформлении кабинета Демидов отказался от применения обоев из ткани. Вместо этого для

обивки стен он приказал использовать металлические дощечки, которые нижнетагильские мастера Худояровы — Степан Андреевич и его сыновья Вавила и Федор — должны были расписать указанными мотивами.

Теоретически, без опыта воплощения, Н. А. Демидов не мог определиться с материалом основы. Поэтому он велел сделать по 6 экспериментальных образцов из меди и железа: «Помянутые же обойные плитки, каковые по мере масштаба приходиться станут, выковать из меди толщиной не более полушки» (дописано слева: «или вырезать из листового черного четвертинного железа как делаются подносы») [ГАСО, ф. 643, оп. 1, д. 237, л. 65]. Следовательно, толщина плакеток не должна была превышать 2 мм. Изначально оговаривалась и техника крепления панно. Каждая дощечка должна была иметь небольшой срез на уголках. В документе он называется «полуциркульный» — $\frac{1}{4}$ круга. В этом случае четыре дощечки сдвинутыми уголками образовывали круглое отверстие, в которое завинчивался винтик с декоративным медным позолоченным навершием: «Сделать между всяких 4-х штук железные винтики с медными позолоченными репейками» [Там же]. Дополним эту информацию фрагментом еще одного документа: «...чтоб у каждой плитки все уголки были полуциркульные самотщательно вырублены и гладко обтерты, дабы из четырех штук, когда они вместе сдвинуты будут, составить точную пропорцию тех винтиков, которыми сии штуки будут к стене привинчиваться» [Там же, л. 26]. В XVIII столетии данный способ монтажа декоративных материалов на стенах дворцовых помещений имел применение. Подобный прием фиксации керамических плиток на стенах и сводах был использован в частности в декоре петербургского дворца А. Д. Меншикова (ил. 4).

Двенадцать экспериментальных дощечек должны были быть расписаны в соответствии с заданием проекта. Приказчикам нижнетагильской конторы предписывалось составить смету расхода материалов, записать выводы специалистов о достоинствах и недостатках железной и медной основы, особенностях применения грунта, сложности работ. Весной 1782 г. готовые дощечки с отчетом служителей были отправлены в Москву, где получили высокую оценку заводчика: «...по посланным от меня рисункам для кабинета лакированные медные и железные, обоих дюжина штук, дощечки исправно получены, которые по усмотрению моему как в рисунке, так и в колерах, так в аккуратной и гладкой отделке оказались изрядные, чем я и доволен» [Там же]. По отчету нижнетагильской конторы окончательное решение было принято в пользу листового железа как материала для основы обойных плиток. Расчеты и практика показали его экономические и эстетические преимущества.

В мае 1782 г., находясь в подмосковном имении Сергиевское, Н. А. Демидов приказал нижнетагильским слесарям: «...велеть потребное количество 280 штук нарезать из листового железа, которое привести можно в настоящую против рисунков пропорцию» [Там же]. Завершающая часть текста предписания содержит важную информацию, свидетельствующую о соответствии железных обойных дощечек формату гравюр или книжных иллюстраций, которые были

рекомендованы как источники для копирования, следовательно, плакетки имели прямоугольную форму и размер печатного оригинала. В качестве художественного образца Н. А. Демидов выслал не стилизованные мотивы, а научные иллюстрации из солидных издательских проектов и атласов. В декабре 1781 г. он приказал отправить из Москвы в Нижнетагильский завод книжные образцы: «...а для лучшего понятия оным мастерам таковых вид при сем присылается 3 книги и 40 листов. Из книг выключить отмеченные мною карандашом (т. е. взять для образца. — О. С.), а из листов выбирать только инсектад (насекомых? — О. С.) и птичек, да и те не самомелкие» [ГАСО, ф. 643, оп. 1, д. 237, л. 26].

При выполнении росписи на 280 лакированных дощечках Худояровы не ограничивались указанными выше источниками. В их распоряжении было более сотни гравированных изображений цветов и других мотивов. Об одном из таких комплектов свидетельствуют документы. Несколькоми годами ранее, в 1779 г., для обучения и художественной практики мастеров, которых Демидов готовил для создаваемой в заводах лакировальной фабрики, он выслал гравюры с цветами: «Для обучающихся лакировальному искусству учеников посылаю при сем 19 листов разных цветков, которые и содержать в оной конторе, а по надобности как ученикам, так и мастерам Худояровым, для срисовывания на столики и подносы давать с запискою и опять обратно получать, дабы они оставались навсегда оригинальные; копировать же с них, кто пожелает, кажется, мудрости не много, также располагать препорцию и наблюдать натуральный вид в самой точности очень дело возможное. Да и для них же самих будет бесполезно. О чем от меня им объявить» [ГАСО, ф. 643, оп. 1, д. 221, л. 57]. В момент подготовки 12 пробных дощечек Худояровы получили от конторы следующее: «1782 год 23 января Федору и Вавиле Худояровым дано для срисовывания книжек 2, листов из числа 40 да другого разбору 129» [ГАСО, ф. 643, оп. 1, д. 237, л. 66].

К сожалению, конкретной информацией об источниках художественной части проекта Лакового кабинета мы не располагаем, но, опираясь на косвенные сведения, постараемся реконструировать возможный живописный состав композиций. Еще раз вернемся к тексту документа, в котором упоминаются три книги, высланные в Нижний Тагил в конце 1781 г. Две из них, видимо, особо ценные, после завершения работ необходимо было вернуть Демидову: «По списании оных оригинальные книги возвратить ко мне, но только б оные сохраняемы были под глазами, а не изодранными и запачканными могли остаться» [Там же, л. 65 об.]. В отношении третьего издания было сделано отдельное распоряжение: «При сем присылаются разные книшки, а именно... 3-я книшка 76 листов разных цветов в натуральных их видах и колерах... 3-ю содержать в конторе и по надобности лакировальным мастерам для срисовывания отдавать с запискою и после не забывать обратно получать» [Там же, л. 59 об.].

Начнем интерпретацию содержания источника со сведений о третьей книге. В документе упомянута важная деталь — издание имело 76 листов с иллюстрациями, которые воспроизводили цветочные образцы в реалистической манере, следовательно, были точной копией природных растений в форме и цвете.

В нашем исследовании мы уже обращались к тексту Журнала путешествия Н. А. Демидова по Европе. Вновь вернемся к его страницам, где есть интересные сведения. 20 января 1772 г., во время пребывания в Париже, в Журнале сделана запись: «...ездили по книжным лавкам и купили книгу в эстампах, иллюминированную всякого рода произрастания и пресмыкающихся сюринамских» [Журнал путешествия..., с. 53]. Несомненно, речь идет о книге знаменитой исследовательницы и художницы Марии Сибиллы Мериан «Метаморфозы суринамских насекомых», которая в 1771 г. была переиздана в Париже в издательстве П.-Ж. Бюко [Лукина, с. 182]. В книге было 72 гравюры в формате ин-фолио [Там же]. Это свидетельствует о том, что фолиант являлся роскошным альбомом с великолепными цветными иллюстрациями, размер которых был примерно 40 × 29 см.

Мария Сибилла Мериан (1647–1717) была удивительным человеком. Она родилась в семье известных немецких художников-граверов XVII — начала XVIII в. Ее имя хорошо известно в истории искусства и естествознания — она была художницей-флористкой, гравером, издателем, одной из первых женщин, посвятивших себя энтомологии [Долгодрова]. В 1699 г. вместе с дочерью Марией Доротеей она отправилась в Суринам, голландскую колонию в Южной Америке. За два года путешествия Мериан собрала коллекцию насекомых, сделала многочисленные зарисовки экзотических растений и фруктов [Там же]. Важнейшим итогом исследований стала книга «Метаморфозы суринамских насекомых», изданная на средства Мериан. Рисунки для издания выполнялись на тонком пергаменте, который грунтовался белым цветом. Для росписи использовались акварель и гуашь. Цветные оригиналы переводились на медные пластины лично Мериан, граверами П. Слейтером, И. Мюлдером, Д. Стоопендаалом. Затем гравюры расписывались вручную [Там же]. До Суринама Мария Сибилла Мериан подготовила и издала «Книгу цветов» в трех выпусках с иллюстрациями, издание продавалось отдельными листами [Лукина, с. 179].

XVII в. — время расцвета специализированного натюрморта. На раскрашенных гравюрах Мериан были представлены великолепные тюльпаны, пионы, розы, ирисы, лилии, подснежники, незабудки, вьюнки, дельфиниумы и др. Садовые цветы изображались с натуры отдельно или собранными в букеты. Почти всегда в композицию вводились насекомые, бабочки, стрекозы, комары, мелкие мушки. Цветочные мотивы соединялись с изображением птиц. Такие гравюры назывались «флорилегиумы» и продавались отдельными листами [Долгодрова].

Итак, объем книги Мериан и третьей книги для копирования, высланной в Нижний Тагил Демидовым, почти совпадают: в первой было 72 гравюры, информация о второй идет в листах — 76. Мы считаем, что это неслучайное совпадение. В качестве источника живописных мотивов для оформления Лакового кабинета могла использоваться книга Марии Сибиллы Мериан (ил. 5–7), так как ее гравюры идеально подходили как образец для создания композиций на лакированных панно.

Для росписи дощечек кабинета было выслано еще две книги. Описи Слободского дома свидетельствуют о том, что это были тома из многотомного издания Бюффона, посвященные птицам и бабочкам.

Самые ранние сведения о Лаковом кабинете относятся к 1807–1810 гг. В описи он имеет № 7: «Зеркальная комната, убранная разными птицами на железных досках, в ней шкаф буковой о 6 стеклах, купидонов вызолоченных на печке держащих пальму 2» [РГАДА, ф. 1267, оп. 10, д. 119, л. 50]. Борис и Канаев цитируют документ 1818–1825 гг.: «В малом кабинете стены обложены из 258 медных досок под белым лаком, на каждой написаны живописные разные птицы» [Борис, Канаев, с. 70; РГАДА, ф. 1267, оп. 10, д. 282, л. 6–12]. Кроме того, данный источник содержит важные детали, уточняющие образ Лакового кабинета: живописные дощечки располагались не на одной стене, а украшали все пространство комнаты; мотив птицы присутствовал на каждой доске, доминировал над другими декоративными формами, поэтому подсчет убранства комнаты велся по изображениям птичек.

Следующий документ конкретизирует ситуацию и точно называет оригинал заимствования данного декоративного мотива — «Натуральная история» Бюффона: «под № 20 Комната с зеркальным плафоном, убранная по стенам лакированными дощечками с изображениями разных птиц, бабочек из натуральной истории» [РГАДА, ф. 1267, оп. 10, д. 385, л. 7].

Жорж-Луи Леклерк граф де Бюффон (1707–1788) — французский натуралист, биолог, математик, писатель. В 1739 г. Бюффон был назначен управляющим Королевским садом и «Кабинетом короля» (Музеем) в Париже. Бюффону вверили составление описи коллекции Королевского кабинета. Одновременно он начал работать над всеобъемлющим трудом, издание которого обрело известность под названием «Естественная (натуральная) история». Лучшим изданием стало парижское 1749–1788 гг., включавшее 36 томов. Текст «Натуральной истории» сопровождали иллюстрации в виде раскрашенных гравюр, которые выполнил знаменитый художник Жак де Сев (1742?–1788). Однако тома о птицах иллюстрировал другой мастер — Франсуа Никола Мартине (1725–1804), художник, мастер медной гравюры, специализировавшийся на орнитологии. Интересно и то, что в 1783 г. Мартине издал гравюры с изображением бабочек Суринама (размер листа гравюры 33,5 x 25,5 см; размер самого изображения 24 x 18,2 см). Таким образом, вторым оригинальным источником творческого заимствования мотивов для оформления Лакового кабинета Слободского дома были тома «Натуральной истории» Бюффона, посвященные птицам (ил. 8–9) и бабочкам.

Необходимо заметить, что использование трудов Бюффона для лаковой живописи на металле могло быть определено европейскими впечатлениями Н. А. Демидова. Дело в том, что во время пребывания в Европе Демидов посещал все крупнейшие фарфоровые мануфактуры, часть которых имела опыт украшения изделий птицами из научных атласов [Бушин, с. 64, 66, 67, 69].

Одновременно с книгами в Нижний Тагил прислали отдельные листы гравюр, на которых среди других изображений были птицы и насекомые [ГАСО,

ф. 643, оп. 1, д. 237, л. 26]. Не исключено, что авторами графики могли быть уже упоминавшиеся Мериан и Мартине.

О количестве дощечек для обивки кабинета Н. А. Демидова в Слободском доме-дворце свидетельствуют два архивных источника, в которых число панно значительно отличается. Своим предписанием в мае 1782 г. Демидов приказал изготовить 280 плиток [ГАСО, ф. 643, оп. 1, д. 237, л. 26]. Примерно через тридцать лет приказчики при осмотре комнаты обнаружили 258 лакированных дощечек [Борис, Канаев, с. 70]. Не исключено, что изменение количественного состава могло произойти в момент монтажа. Мы уже обращали внимание на то, что Н. А. Демидов приказал выполнить два отличных по содержанию комплекта: лаковые композиции с цветами, птицами, бабочками и лаковые композиции с изображениями исключительно насекомых: жуков, пауков, скарабеев и пр. Возможно, лакировщики Худояровы полностью выполнили заказ, расписали и облакировали 280 плакеток, но при монтаже выяснилось, что панно второго комплекта из-за содержания и малой декоративности не согласовались с мотивами первого, и по этой причине от них отказались.

Изготовление лакированных дощечек было сложнейшим и многотрудным заданием. Предписания Н. А. Демидова, присылка образцовых изданий имели целью пояснение содержания работ. Мастера Худояровы должны были подготовить 280 эксклюзивных лаковых панно, композиции которых создавались ими самостоятельно. Из печатных гравюр и книг для каждой дощечки выбирался цветок (растение), бабочки, птичка и насекомые, чтобы создать естественно-научный натюрморт. Сначала эскиз рисовался в цвете на бумаге, затем переносился на поверхность железной плитки. Реализм и натуралистичность форм не позволяли использовать материал повторно. Худояровы сообщали заводчику: «...Для кабинета Его Высочородия господина Н. А. Демидова о повеленных им лакировальных досках, что оные доски художеством поданным от Его Высочородия рисункам в деле против подносов и прочих разных штук тем не способнее, что для каждой доски надлежит сделать особой рисунок, который после должен остаться без действия, ибо при таковых рисунках на подносах писать несколько неприлично» [ГАСО, ф. 643, оп. 1, д. 237, л. 25]. Именно по этой причине лакировщики повышали цену, что вызывало возмущение Демидова: Худояровы просили заплатить за каждую дощечку не менее пяти рублей, Демидов же предлагал оценить работу в три с половиной рубля, учитывая расходы на материалы [Там же, л. 43].

Необходимые для живописи краски по предоставленным от мастеров образцам контора покупала в Москве. Затраты на материалы высчитывались из гонорара лакировщиков. Процесс приобретения красок происходил неоднократно. Очередная закупка делалась в августе 1783 г.: «...Для лакировщиков Худояровых по присланным образчикам краска куплена посылается при сем, которую по получении им отдать. Заплаченные за нее 17 рублей 45 копеек при выдаче за облакирование кабинетных дощечек денег вычесть и записать по оной конторе в приход» [Там же, л. 93 об.].

Панно для обивки кабинета Слободского дома расписывались и лакировались частями. Последний комплект дощечек был отправлен в Москву вместе с рапортом Нижнетагильской конторы 16 января 1784 г. [ГАСО, ф. 643, оп. 1, д. 263, л. 14]. В апреле месяце Н. А. Демидов обратился к мастерам с благодарностью: «...вылакированные художниками Худояровыми кабинетные дощечки выработаны весьма хорошо, то в знак моего благоволения и любви к художеству, а им к дальнейшему поощрению в достижении сего искусства, при сем из милости моей посылаю им, Вавиле и Федору Худояровым, на кафтаны сукна, по кушаку, шапке, которые по получении, объявля мою милость, им и отдать. А отца их старика Андрея Худоярова от заводских работ увольняю, которых на него и не накладывать, чем же они за сию милость мою отзовутся, ко мне рапортовать» [Там же].

По замыслу заводчика, специфическому декору Лакового кабинета должна была соответствовать и мебель, поэтому одновременно с росписью дощечек поступил заказ на изготовление шкафа и четырех столиков. Для этого в Нижний Тагил были присланы деревянные образцы, которые местные мастера должны были повторить в железе и меди: «При сем отправлены с караванным Дмитрием Козновым с товарищами 1 кабинетный шкаф, 3 английских красного дерева столика и 1 столик же выкрашенный белой краской с назначенной на верхней доске шашечницей. По получении коих, и отдать делать по ним точно таким же фасоном без всякой в пропорции перемене, выбрав из мастеров, которые познающее и могли бы оное исправить со всякой аккуратностью, ибо сии штучки будут лакированные; а дабы они не слишком были тяжеловесны и коштovatы, то, как у шкафа бока и двери гладкие места, так у столиков верхние доски и ящички равно и ножки (но только в сих последних была б пустота и для способности передорожить), внизу кольца признаю за лучшее сделать из листового черного железа [вставка слева: которое б было обыкновенного потолще и самопрямое, не пузыреватое], а по местам резьбу и другие мелкие штучки вычеканить из меди искусным мастерством» [ГАСО, ф. 643, оп. 1, д. 237, л. 96]. Лакировка и роспись поручались Худояровым. Поверхность изделий покрывалась мотивами птичек, цветов, жучков: «Сказать от меня, чтоб постарались все оные штучки облакировать лучшим мастерством, полагая лак и расписание цветов с мелкими птичками и жучками по приличности каждого места, в чем на их искусство полагаюсь» [Там же].

Лаковый кабинет Н. А. Демидова был уникален. Неповторимое, единственное в своем роде убранство интерьера свидетельствовало об увлечении естественными науками, модном занятии дворянина эпохи Просвещения. Это был первый в мировой практике опыт создания естественно-научной иллюстрации в технике лаковой живописи на металле. Гимн природе, живописный союз энтомологии, орнитологии и ботаники (ил. 10).

В источниках не сохранилось информации о точном назначении Лакового кабинета. Возможно, в соответствии с живописным декором здесь хранились тома парижского издания Бюффона, посвященные птицам, коллекции бабочек, насекомых, гербарии редких растений. Не исключено, что когда-нибудь мы

сможем ответить на этот вопрос более точно, ведь изучение Лакового кабинета Н. А. Демидова только начинается. Собранные и проанализированные нами сведения могут помочь в атрибуции и выявлении живописных лаковых панно Худояровых из Слободского дома-дворца Н. А. Демидова в запасниках музеев России.

Архитектурные альбомы М. Ф. Казакова. Альбомы партикулярных строений: жилые здания Москвы XVIII века / подгот. к изд., ст. и коммент. Е. А. Белецкой; [Акад. архитектуры СССР, музей архитектуры]. М.: Гос. изд-во по строительству и архитектуре, 1956.

Борис А. Г., Канаев М. Б. Слободской дом Демидовых в Москве // Демидовский временник / под ред. А. С. Черкасовой. Екатеринбург: Демид. ин-т, 1994. Кн. 1. С. 65–73.

Бушин И. Эпоха просвещенного интерьера // Антиквариат. Предметы искусства и коллекционирования. 2004. № 4. С. 63–69.

Долгодрова Т. Художница цветов и насекомых. Гравированные издания семейства Мериан [Электронный ресурс] // Наше наследие. 2010. № 96. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/9604.php> (дата обращения: 24.01.2016).

ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 221, 237, 263.

Грицак Е. Н. Парки и дворцы Берлина и Потсдама. М.: Вече, 2006.

Горпенко А. Е. Неизвестная страница из истории русского декоративно-прикладного искусства // Труды научно-исследовательского института художественной промышленности. 1967. Вып. 4. С. 75–105.

Журнал путешествия Никиты Акинфиевича Демидова (1771–1773) / сост.: А. Г. Мосин, Е. П. Пирогова. Екатеринбург: Сократ, 2005.

Китайское экспортное искусство из собрания Эрмитажа. Конец XVI – XIX век: каталог выставки / под ред. Т. Б. Араповой. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003.

Кусково и Останкино / авт.-сост. Е. Н. Грицак. М.: Вече, 2004.

Лукина Т. А. Мария Сибилла Мериан 1647–1717. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980.

Меншиковский дворец-музей: фотоальбом / [авт. текста и сост. Н. В. Калязина]; фото-съемка Б. В. Кузьмина. [2-е изд., изм. и доп.]. Ленинград: Лениздат, 1989.

Павловский Б. В. Крепостные художники Худояровы. Свердловск: Свердл. кн. изд-во, 1963.

Павловский Б. В. Декоративно-прикладное искусство промышленного Урала: альбом. М.: Искусство, 1975.

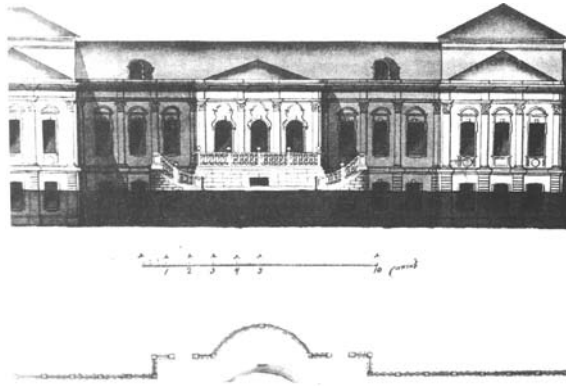
РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 6, 119, 282, 339, 385.

Силонова О. Н. Крепостные художники Демидовых. Училище живописи. Худояровы XVIII–XIX вв. Из истории подготовки специалистов художественных и художественно-ремесленных профессий Демидовыми. Екатеринбург: Баско, 2007.

Уханова И. Н. Лаковая живопись в России XVIII–XIX вв. СПб.: Искусство, 1995.

Maria Sibylla Merian: Leningrader Aquarelle. Leipzig, 1974. Bd. 1.

Статья поступила в редакцию 20.02.2016 г.

Ил. 1. Фасад главного корпуса московского
Слободского дома-дворца Н. А. Демидова XVIII в.
[Архитектурные альбомы М. Ф. Казакова]

Ил. 2. План главного корпуса московского
Слободского дома-дворца Н. А. Демидова XVIII в.
[Борис, Канаев, с. 69]

Ил. 3. Фрагмент китайских обоев XVIII в. Расписной шелк; акварельные краски, тушь, свинцовые белила, серебряная краска [Китайское экспортное искусство..., с. 170]

Ил. 4. Петербург. Меншиковский дворец-музей. Расписные голландские керамические плитки XVIII в. [Меншиковский дворец-музей]

Ил. 5. Мария Сибилла Мериан. Акварельный рисунок афеляндры, глазчатки большой атлас (бабочка и куколка), дикой осы из Марибонсе и гусеницы павлиноглазки [Maria Sibylla Merian, Bd. 1, Taf. 50]

Ил. 6. Мария Сибилла Мериан. Акварельный рисунок птичка и цветущие растения [Долгодрова]

Ил. 7. Мария Сибилла Мериан. Акварельный рисунок софоры, булавоусой софровой бабочки и стеклянницы эгла [Maria Sibylla Merian, Bd. 1, Taf. 47]

Ил. 8. Гравюра «Старинный французский петух» из «Натуральной истории» Бюффона

Ил. 9. Франсуа-Никола Мартин. Гравюра «Курочка» из «Натуральной истории» Бюффона

Ил. 10. Р. Ю. Ашихмин (Уральский колледж прикладного искусства и дизайна, филиал Государственной художественно-промышленной академии им. С. Г. Строганова). Реконструкция лакового декора малого кабинета Н. А. Демидова в московском Слободском доме-дворце

Силонова Ольга Николаевна

кандидат искусствоведения, преподаватель
Уральский колледж прикладного искусства
и дизайна (филиал Государственной
художественно-промышленной академии
им. С. Г. Строганова, г. Москва)
622034, Нижний Тагил, пр. Мира, 27
E-mail: S.O.N.11_11@mail.ru

Silnova, Olga Nikolaevna

PhD (Art History), Lecturer
Ural College of Applied Arts and Design
(Branch of the Moscow State Stroganov
Academy of Industrial and Applied Arts)
27, Mir Ave., 622034 Nizhny Tagil, Russia
E-mail: S.O.N.11_11@mail.ru

**N. A. DEMIDOV'S LACQUER STUDY
IN THE MOSCOW SLOBODSKOY MANSION (1782–1784):
CREATION HISTORY, AN ATTEMPT AT RECONSTRUCTION**

The article reveals the history of creation and artistic features of the lacquer study of N. A. Demidov in the Moscow Slobodskoy mansion (1782–1784). N. A. Demidov's lacquer study in the Moscow Slobodskoy mansion is a unique project in the history of Russian decorative and applied art of the second half of the 18th century. Little has survived of Nizhny Tagil's lacquers of the 18th century. Therefore, it is important to give a careful and comprehensive analysis of this unique large-scale project, which confirms the high level of development of the lacquer art in the Ural Demidov estate. The colourful lacquered panels – the dominant type of the interior decoration – have not survived, but some documentary sources, and indirect information allows the author to restore the artistic image of this amazing creation of the Ural masters. The research is the first attempt to identify the original source, which could be used to create the colourful compositions of the lacquered panels. In addition, the collected data enable the author to create a virtual image of N. A. Demidov's lacquer study, which took a special place among the sights of the Moscow estate.

Keywords: Demidov Family; Nizhny Tagil; lacquer painting; Khudoyarov vanishers; Moscow Slobodskoy mansion; Georges-Louis Leclerc, Comte de Buffon; Maria Sibylla Merian; Sanssouci.

Arapova, T. B. (2003). *Kitajskoe ehksportnoe iskusstvo iz sobraniya Ehrmitazha konets XVI – XIX vek. Katalog vystavki* [Chinese Export Art from the Hermitage Collection, Late 16th – 19th Centuries. A Catalogue of the Exhibition]. Saint Petersburg: Izd-vo Gosudarstvennogo Ehrmitazha. (In Russian)

Belezkaja, E. A. (Comp.) (1965). *Arkhitekturnye al'bomy M. F. Kazakova. Al'bomy partikulyarnykh stroenij: zhilye zdaniya Moskovy XVIII veka* [Architectural Albums of M. F. Kazakov. Albums of Civil Buildings: Residential Buildings of 18th Century Moscow]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo po stroitel'stvu i arkhitekture. (In Russian)

Boris, A. G., & Kanaev, M. B. (1994). Slobodskoj dom Demidovykh v Moskve [Demidovs' Slobodskoy Mansion in Moscow]. In A. S. Cherkasova (Ed.), *Demidovskij vremennik* [Demidov Annals] (Book 1, pp. 65–73). Ekaterinburg. (In Russian)

Bushin, I. (2004). Epokha prosveshhennogo inter'era [The Epoch of Enlightened Interior]. *Antikvariat. Predmety iskusstva i kollekcionirovaniya*, 4, 63–69. (In Russian)

Dolgodrova, T. (2010). Khudozhnitsa tsvetov i nasekomykh. Gravirovannye izdaniya semejstva Meridan [The Painter of Flowers and Insects]. *Nashe nasledie*, 96. Retrieved from <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/9604.php>.

- Gorpenko, A. E. (1967). Neizvestnaya stranitsa iz istorii russkogo dekorativno-prikladnogo iskusstva [An Unknown Page in the History of Russian Decorative and Applied Arts]. *Trudy nauchno-issledovatel'skogo instituta khudozhestvennoj promyshlennosti*, 4, 75–105. (In Russian)
- Gritsak, E. N. (Ed.). (2004). *Kuskovo i Ostankino* [Kuskovo and Ostankino]. Moscow: Veche. (In Russian)
- Gritsak, E. N. (2006). *Parki i dvortsy Berlina i Potsdama* [Parks and Palaces of Berlin and Potsdam]. Moscow: Veche. (In Russian)
- Kalyazina, N. V. (1989). *Menshikovskii dvorets-muzei: fotoal'bom* [Menshikov's Palace Museum: Photo Album]. 2nd ed. Leningrad: Lenizdat.
- Lukina, T. A. (1980). *Mariya Sibylla Merian 1647–1717* [Maria Sibylla Merian 1647–1717]. Leningrad: Nauka. Leningr. otd.-nie. (In Russian)
- Maria Sibylla Merian: Leningrader Aquarelle* [Maria Sibylla Merian: Leningrad Watercolors]. (1974). (Vol. 1). Leipzig. (In German)
- Mosin, A. G., & Pirogova, E. P. (Eds.) (2005). *Zhurnal puteshestviya Nikity Akinfiyevicha Demidova (1771–1773)* [The Journal of Nikita Akinfiyevich Demidov's Travel (1771–1773)]. Yekaterinburg: Sokrat. (In Russian)
- Pavlovskij, B. V. (1963). *Krepostnye khudozhniki Khudoyarovy* [Serf-Artists Khudoyarovs]. Sverdlovsk: Sverdlovskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)
- Pavlovskij, B. V. (1975). *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo promyshlennogo Urala. Al'bom* [Decorative and Applied Arts of the Industrial Urals. An Album]. Moscow: Iskusstvo. (In Russian)
- Sil'anova, O. N. (2007). *Krepostnye khudozhniki Demidovykh. Uchilishhe zhivopisi. Khudoyarovy XVIII–XIX vv. Iz istorii podgotovki spetsialistov khudozhestvennykh i khudozhestvenno-remeslennykh professij Demidovymi* [The Serf-Artists of the Demidovs. The Art School. The Khudoyarovs in the 18th–19th Centuries. From the History of Specialists' Training in Art and Craftwork by the Demidovs]. Yekaterinburg: Basko. (In Russian)
- Ukhanova, I. N. (1995). *Lakovaya zhivopis' v Rossii XVIII–XIX vv.* [Lacquer Painting in Russia in the 18th–19th Centuries]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb. (In Russian)

Received 20 February 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.2.038
УДК 736.2:679.87(470.23-25) +
+ 929 Анатолий Демидов

Л. А. Будрина

1) Екатеринбургский музей
изобразительных искусств
2) Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ПЯТЬ МАЛАХИТОВЫХ КАМИНОВ (ПРОИЗВЕДЕНИЯ МАЛАХИТОВОЙ ФАБРИКИ ДЕМИДОВЫХ И ИМПЕРАТОРСКОЙ ПЕТЕРГОФСКОЙ ГРАНИЛЬНОЙ ФАБРИКИ, 1847–1856)*

Статья посвящена сравнительному анализу пяти произведений двух фабрик — малахитовой Демидовых и императорской Петергофской гранильной, — созданных по одной модели в 1847–1856 гг. Целью исследования является введение в научный оборот сведений об обнаруженных произведениях, их достоверных атрибуций, выполненных на основании документальных источников и подтвержденных ранее выявленными атрибуционными признаками (материал, характер мозаики). Актуализируется проблема одновременного участия приглашенных зарубежных специалистов в работах как государственных, так и частных предприятий России, затрагиваются некоторые аспекты экспонирования отечественных произведений на Лондонской всемирной выставке 1851 г. Выявление памятников в музейных и частных собраниях Европы потребовало изучения рынка произведений прикладного искусства середины-конца XIX в. через архивные документы, периодику того времени, современные публикации музейных собраний, а также ранее осуществленные автором исследования. Все рассматриваемые произведения были тщательно изучены, проведены стилистический, технико-технологический и материаловедческий анализы предметов. В результате сопоставления деталей произведений, времени и места их создания, становится очевидным использование единой модели; ограниченное время применения эффективной, затратной технологии мозаичного набора; сложившаяся традиция использования определенного сорта малахита (светлого, с бирюзовыми крапинками и контрастным рисунком) для произведений в стилистике второго рококо. Данная публикация подводит итог шестилетним поискам малахитовых экспонатов Русского отдела первой Всемирной выставки (Лондон, 1851), созданных на малахитовой фабрике Демидовых в Санкт-Петербурге в 1847–1851 гг.

К л ю ч е в ы е с л о в а: малахит; камин; Всемирная выставка 1851 г.; Анатолий Демидов Сан-Дonato; малахитовая фабрика Демидовых; Жоффрио; императорская Петергофская гранильная фабрика.

* Данное исследование было бы невозможно без помощи коллег, которым выражаю искреннюю благодарность: Anna Maria Giusti из музея *Opificio delle Pietre Dure* (Флоренция); Наталье Александровне Вьюевой, хранителю фондов Большого кремлевского дворца (Москва); Saskia Hüneke, хранителю коллекции скульптуры *Stiftung Preußische Schlösser und Gärten Berlin-Brandenburg* (Потсдам); Т. Д. Исмагуловой и В. А. Фролову, сотрудникам Российского института истории искусств (Санкт-Петербург); Daru Rooke, управляющему *Bradford Museums and Galleries, Cliffe Castle* (Кейли); Paul Dayson (Лондон) и бывшим владельцам камня (Великобритания).

Открытие в 1835 г. в шахте Надежная Меднорудянского рудника колоссального монолита малахита оказало большое влияние как на хозяйственную деятельность Демидовых — владельцев нижнетагильского месторождения, — так и на развитие камнерезного дела в России. Благодаря новому источнику качественного сырья, техника малахитовой мозаики претерпевает существенные изменения, а созданные с ее применением произведения занимают лидирующие позиции среди дипломатических даров российских самодержцев.

Особенности малахита этого месторождения обусловили его популярность и широкое распространение в работах отечественных мастеров. Так, касаясь особенностей тагильского малахита, один из ведущих исследователей уральских месторождений Г. Н. Вертушков пишет о том, что нижнетагильский малахит более изменен (т. е. значительно хуже изолирован от действия поверхностных вод). Малахит этого месторождения замещался, главным образом, хризоколлой, здесь чаще встречается более светлая окраска камня [Вертушков, Веретенникова, Мазурин, с. 12–13]. В обработке это позволяло получить пластинки камня с пастельным зеленовато-бирюзовым тоном фона, рисунком из выраженных волн более темного тона и пикантными округлыми пятнышками-крапинками голубой хризоколлы. Эти особенности делали меднорудянский малахит материалом, созвучным вкусам «второго рококо».

Монолитность найденного блока позволяла получить относительно большие по площади пластины, которые стало возможно стыковать между собой без зазоров и брекчиевидного заполнения лакун, с помощью ровных швов.

Наличие столь качественного материала и стремление извлечь из этого максимум финансовой выгоды становятся, вероятно, основными причинами основания Демидовыми в 1847 г. собственной Малахитовой фабрики на 3-й линии Васильевского острова, история которой впервые была изложена В. Б. Семеновым [Семенов, с. 82–84]. Благодаря этому исследованию, мы знаем, что Демидовы создавали передовое производство. Его руководителем был назначен Леопольд (Людовик) Жоффрио — французский инженер [подробнее о нем см.: Budřina, p. 156], который 31 июня 1847 г. подает заявку на получение «привилегии» на 5 лет на использование изобретенных им устройств для обработки малахита. Запрашиваемая преференция была получена с оговоркой, что ограничение не распространяется на «гранильные фабрики императорского двора» [Семенов, с. 81].

Запатентованные Жоффрио механизмы позволяли создавать волнистый шов между пластинками, почти незаметный благодаря подгонке линий соединения под рисунок камня (ил. 1). Используя это изобретение, Демидовы планировали создавать произведения, призванные способствовать увеличению продаж малахита, который без этого «не имеет удовлетворительного сбыта» [РГАДА, ф. 1267, оп. 8, д. 1476, л. 13]. С этой же рекламной целью через несколько лет после основания фабрика создаст роскошную коллекцию малахитовых изделий для участия в первой Всемирной выставке в Лондоне (1851).

Необычную для малахитовых произведений русских мастеров рокайльную стилистику работ фабрики Демидовых подчеркивает бронзовое убранство. Его

исполнитель — Санкт-Петербургское гальванопластическое и литейное заведение герцога Лейхтенбергского [Budrina; Будрина]. Сотрудничество с этой бронзолитейней, возможно, было призвано отчасти восстановить отношения с русским двором, пошатнувшиеся в результате скандального развода Анатолия Демидова с племянницей императора Николая I Матильдой де Монфор в 1847 г. Предприятие было основано в 1844 г. зятем императора Николая I, герцогом Максимилианом Лейхтенбергским. Вместе с тем, причиной сотрудничества могли стать новаторство используемого этим предприятием процесса гальванического золочения, изобретенного незадолго до открытия литейни, и приверженность к рокайльным мотивам руководителя ее бронзового отделения Адольфа Морана [Гончарова, с. 91–93; Сычев, с. 62–170].

Долгое время произведения демидовской малахитовой фабрики были практически неизвестны исследователям и широкой публике, их атрибуция в коллекциях часто имела условный характер. Однако, благодаря исследованию, которое началось около шести лет тому назад, сегодня завершена атрибуция и публикация полутора десятков наиболее значительных изделий этого предприятия [Budrina]. Одним из основных иконографических источников для этой работы стали гравюры из «Официального описательного и иллюстрированного каталога большой выставки промышленности всех народов» [Official descriptive and illustrated catalogue...] (первой Всемирной выставки, состоявшейся в Лондоне в 1851 г.). Демидовы не только привезли в столицу Великобритании роскошные предметы, среди которых находились великолепные двустворчатые двери, вазы, изящная мебель, полностью покрытые мозаикой из нижнетагильского малахита. Руководитель фабрики отвечал за выбор цвета ткани для обивки стен Русского отдела в Хрустальном дворце [Budrina, p. 175–176] (ил. 2). Бархат насыщенного гранатового цвета был использован и в обивке ряда малахитовых предметов, что не могло не оказать влияние на эффективность экспозиции.

Среди экспонатов этой выставки большое внимание публики привлекал камин, изображение которого мы находим на одной из страниц каталога Всемирной выставки [Official descriptive and illustrated catalogue..., il. 180] (ил. 3). Модель его созвучна модным тенденциям конца 1840-х — начала 1850-х гг.: причудливо изогнутая линия края доски, волюты стоек, многочисленные ниши-картуши причудливых контуров свидетельствуют об увлечении автора «вторым рококо». В этой же стилистике выполнена бронза: углы каминки отмечены женскими полуфигурами на фоне прихотливо очерченных раковин, над жерлом — львиная маска, поддерживающая цветочные гирлянды. Изящество произведения подчеркивают подставки для дров, украшенные рокайльными завитками и фигурами Венеры и Вулкана. В издании были указаны размеры «вышиною 1 арш. 12 верш., шириною 2 арш. 14 верш.» (125 x 205 см) и цена предмета — 10 000 руб.

Поиски этого экспоната Лондонской выставки заставили изучить несколько каминов, созданных как при участии Л. Жоффрио, так и без него по одной и той же модели. Запутанность перемещений и неожиданно большое количество

весьма своеобразных произведений заставили нас также обратить внимание на взаимодействие частного и казенного производств — частной Малахитовой фабрики Демидовых и императорской Петергофской гранильной фабрики, заимствование кадров и образцов, неожиданное в условиях России середины XIX столетия.

Архивы Малахитовой фабрики Демидовых содержали информацию о трех каминах, созданных на этом предприятии в 1847–1851 гг. На Всемирной выставке был представлен второй по времени изготовления камин, выполненный мастерами Демидовых. Вероятно, именно он был представлен на Петербургской выставке изделий промышленности 1849 г. в качестве образца работы «Жоффрио Ивана Ивановича» [Указатель С.-Петербургской выставки..., с. 76]. Для того чтобы выяснить, где сейчас находится это произведение, необходимо проследить хронологию создания и место хранения всех предметов этой модели.

Одной из первых работ, исполненных под руководством Л. Жоффрио на демидовской фабрике, стал камин для Зеленой гостиной дома графа Арсения Закревского — одного из опекунов малолетнего Павла, сына Авроры Карловны и безвременно скончавшегося Павла Николаевича Демидова (ил. 4).

Интерьер был создан архитектором Гаральдом Боссе. Опыт работы с малахитом, он, возможно, приобрел еще в самом начале творческой карьеры: известно, что в 1830-х гг. Г. Боссе работал чертежником в мастерской А. П. Брюллова [Андреева, с. 36], отвечавшего за создание малахитового зала в восстанавливаемом после пожара 1837 г. Зимнем дворце. Перестраивая в 1843–1848 гг. для графа А. А. Закревского особняк на Исаакиевской площади, Боссе создает парадную анфиладу, где последовательно сменяли друг друга цветные залы: Белый балльный зал, Красная и Зеленая гостиные, Синий будуар хозяйки, названия которых определялись колером стен и убранством. В Зеленой гостиной он создает собственный вариант малахитового зала, построенный на сочетании деталей убранства, выполненных в одной гамме: светло-зеленых с золоченым лепным орнаментом стен и ярко-зеленых предметов из уральского камня. Малахитовая гостиная дома Закревского отличалась богатым каменным декором: окна, простенки с зеркалами, камин, столы, часы были отделаны малахитом [Андреева, с. 138; РГИА, ф. 942, оп. 1, д. 252, л. 8–9]. Известно, что опекун несовершеннолетнего П. П. Демидова заказал для этого интерьера камин и подоконники на Малахитовой фабрике, владельцем которой, наравне с матерью, Авророй Карловной (во втором браке — Карамзиной), и дядей, Анатолием Николаевичем, был его подопечный. В ведомости демидовской фабрики за 1847 г. отдельной строкой указаны работы в доме графа Закревского, стоимостью почти 5 500 руб. [РГАДА, ф. 1267, оп. 8, д. 1286, л. 6 об.–7]. Есть сведения и о расходе малахита на этот особняк: «1 июля 1847 года было получено для выполнения работ для графа Закревского 28 фунтов малахита (ок. 12,7 кг), использованных для изготовления 4 подоконников, 7 столов, 1 камин в силе Луи XV и для исправления разных предметов» [Там же, л. 11]. Кроме того, 20 февраля 1848 г. главным мастером фабрики Л. Жоффрио был выставлен счет за исполнение камин (в том

числе — моделей камина и топки) на 3 944 руб. 80 коп. [РГАДА, ф. 1267, оп. 8, д. 1286, л. 6 об.–7]. В эту сумму был включен счет от ноября 1847 г. на 1 500 руб. от бронзолитейного и гальванопластического заведения герцога Максимилиана Лейхтенбергского: «золоченые украшения из бронзы для малахитного камина, ваение некоторых моделей, чеканение и золочение, золоченый очаг из бронзы, перенос и установка камина на месте» [Там же, л. 8].

Малахитовое убранство этого зала, несмотря на смену владельцев, сохранялось достаточно долго. Так, оно было на месте в 1869 г., о чем свидетельствует описание особняка, составленное при его продаже графу Зубову [РГИА, ф. 942, оп. 1, д. 252, л. 21]. К сожалению, в настоящее время от малахитовой отделки гостиной сохранился лишь великолепный камин (утративший лишь часть бронзового убранства: исчезли полуфигуры с углов, подвесные гирлянды, подставки для дров). В малахите, покрывающем поверхность предмета, присутствуют характерные особенности меднорудянского материала, а часть стыковочных швов между элементами мозаики выполнена по методу французского инженера, волнистыми линиями.

Третий раз эта модель камина была использована мастерами Демидовых для произведения, оплаченного из средств П. П. Демидова и установленного в Малахитовом зале его собственного особняка на Большой Морской, 43. Основная работа по перестройке этого дома была выполнена Огюстом Монферраном в 1836–1840 гг. Тогда же был оформлен парадный Малахитовый зал. Однако внутренняя отделка строителем Исаакиевского собора завершена не была, и в 1848 г. Аврора Карловна Карамзина обратилась к архитектору Г. Э. Боссе. Он оформил комнаты третьего этажа, внутреннюю лестницу и столовую на втором этаже [Андреева, с. 102–103]. В ходе этих перестроек в Малахитовом зале произвели замену мраморного камина на новый, малахитовый, в стиле Людовика XV (ил. 5). Изготовление этого камина обошлось в 5 229 руб. 68 коп. [РГАДА, ф. 1267, оп. 8, д. 1805, л. 11], включая бронзу и установку. Ансамбль Малахитового зала был запечателен на фотографии, сделанной незадолго до его разрушения.

В России декор Малахитового зала особняка Демидовых на Морской долгое время считался утраченным: дом с 1863 г. занимало итальянское посольство, выкупившее его в начале XX в. После Октябрьской революции отозванные в Италию сотрудники сняли каменный декор и вывезли его из России [Семенов, с. 67]. Нам удалось обнаружить этот памятник в собрании флорентийского музея Фабрики поделочных камней (Opificio delle Pietre dure): в 1959 г. Министерство иностранных дел Италии передало на реставрацию в существующие при музее мастерские несколько ящиков малахита, вывезенного из посольства в России [Giusti, Mazzoni, Pampaloni Martelli, p. 359]. Отреставрированный камин остался в музее, и сегодня его можно увидеть в первозданном блеске (ил. 6). Единственный из всех, он полностью сохранил бронзовое убранство, включающее подставки для дров в виде пары богов — Вулкана и Венеры. Любопытно, что персонажам приданы портретные черты Анатолия Николаевича и Матильды

де Монфор. Материал и характер мозаичного набора соответствуют характерным для других произведений Демидовской малахитовой фабрики.

Еще два камина по этой модели вышли из мастерских императорской Петергофской гранильной фабрики. Необычное на первый взгляд сходство работ двух предприятий находит объяснение в биографии руководителя Малахитовой фабрики Демидовых. В монументальном труде, посвященном камнерезному делу в российских центрах, Н. М. Мавродина указывает имена Людвига (Леопольда) Жоффрио и его сына Эмиля в списке сотрудников Петергофской гранильной фабрики: в 1840-х гг. они занимались устройством разнообразных механизмов для обработки поделочного камня [Мавродина, с. 510]. Подтверждает сотрудничество Л. Жоффрио с разными камнеобрабатывающими предприятиями российской столицы и его переписка с управляющим петербургской конторой Демидовых Д. Кожуховским. Так, французский специалист обсуждает вопрос поставки тагильского зеленого мрамора (лиственита) для исполнения на императорской гранильной фабрике мозаичных полов для дворцов [РГАДА, ф. 1267, оп. 8, д. 1363, л. 1–2]. В то же время, Жоффрио, отмечая свою большую занятость и невозможность полностью посвятить себя производству Демидовых, соглашается получать две трети ранее согласованной суммы годового жалования [Там же, л. 8].

На конец 1840-х гг. приходится последний этап в оформлении внутреннего убранства новой императорской резиденции в старой столице — Большого кремлевского дворца. В будуаре императрицы был установлен малахитовый камин, форма которого, решетки, крылатые фигуры на боковых ризолитах и маскарон в центре полностью соответствуют изображениям демидовских каминов (ил. 7). В статье 2003 г. хранитель фондов Большого Кремлевского дворца Н. А. Вьюева цитирует данное в 1849 г. указание Николая I о размещении в интерьерах новой резиденции изготовленного на Петергофской гранильной фабрике малахитового с бронзой камин [Вьюева, с. 12–13]. В некоторой степени это подтверждается перечнем изделий петергофского предприятия, составленным Н. М. Мавродиной, где в списке за 1849 г. фигурирует «камин малахитовый с бронзовой отделкой» за 8 800 руб. [Мавродина, с. 440]. Московский камин, сохранивший оригинальное местоположение в интерьерах дворца, был создан по той же модели, что и три демидовских. Более того, в мозаичном декоре его применен запатентованный Жоффрио метод соединения малахитовых пластинок. Здесь необходимо вспомнить о том, что выданная французскому инженеру преференция на способ соединения пластинок малахита не распространялась на императорские гранильные фабрики. Это позволило одновременно наладить изготовление произведений, аналогичных по технологии набора, и на частном предприятии, и на государственной фабрике.

Примечательно, что разработанная для Демидовых модель камин воспроизводится не только в части основного объема и мозаики. Бронзовая оправа повторена в деталях: даже подставки для дров, ныне отсутствующие, были украшены «прекрасными бронзовыми золочеными фигурами Вулкана и Венеры» [Вельтман, с. 10].

Чуть позже создается убранство еще одного дворцового ансамбля. В 1851–1864 гг. по заказу прусского короля Фридриха-Вильгельма IV (брата российской императрицы Александры Федоровны) архитектор Фридрих-Август Штюлер возводит в комплексе Потсдама новый дворец — Оранжерейный. В нем создали комнаты, название которых было продиктовано основными декоративными элементами: лазуритовая (предметы из лазурита и драпировки из синего шелка), булевая (с мебелью в стиле Буль), малахитовая. В центре композиционного решения последней — рокайльной формы камин, зеленый цвет которого поддержан темно-зеленым мрамором обрамляющих альков колонн и большим числом малахитовых предметов в интерьере (столики в центре зала, часы, подсвечники на каминной полке). Малахитовый камин был создан мастерами Петергофской императорской гранильной фабрики в 1856 г. и в том же году по велению императрицы Александры Федоровны отослан в подарок прусскому королю (ил. 8). Общая стоимость произведения составила 7 395 руб., из которых 925 руб. были уплачены художнику, бронзовых дел мастеру Клейну за «позолоченную бронзовую оправу, за вырубку мраморной подготовки и за новую модель прусского орла» [Мавродина, с. 547].

Здесь вновь воспроизводится уже известная нам модель камина, однако характер мозаики стал проще, кусочки соединены по прямым линиям, отсутствует извилистый «шов Жоффрио». Существенно отличается и новая бронза: раковины на углах становятся больше, ажурнее, исчезают полуфигуры. Центр камина теперь отмечен гербом Пруссии, заключенным в богатое рокайльное обрамление. Топка также выполнена по другому образцу.

Долгое время не удавалось найти второй из созданных на демидовском предприятии каминов, обозначенный в списке изделий Малахитовой фабрики как исполненный для А. Н. Демидова за 5 026 руб. 18 коп. для Всемирной выставки в Лондоне в 1851 г.

Было известно, что вместе с другими предметами малахитовой коллекции, продемонстрированной в Англии, он был доставлен в Италию, на флорентийскую виллу Сан-Дonato. Здесь камин установили в галерее Людовика XVI, где он оставался до грандиозной распродажи имущества виллы в 1880 г. [Palais de San Donato, p. 129]. На этом аукционе предмет был приобретен дилером по фамилии Крампolini. Следы камина казались потерянными, но помогла счастливая случайность.

На сайте, предназначенном для размещения произведений живописи из частных и музейных собраний «BBC — Your Painting» была размещена репродукция картины Мэри-Луиз Рузвельт Пьерпон «Большая гостиная с малахитовым камином, замок Клифф» [Large Drawing Room...]. Несмотря на достаточно свободную манеру письма художницы и выбранный ракурс, демидовский камин не узнать было невозможно.

Удалось выяснить, что вскоре после аукциона 1880 г. его (как и еще некоторые произведения, ранее входившие в собрание виллы Демидовых Сан-Дonato) перекупил успешный британский текстильный фабрикант и коммерсант Генри

Исаак Баттерфилд, проводивший в то время работы по реконструкции замка Клифф в западном Йоркшире. Сделанная после окончания этих работ фотография запечатлела камин в парадной Большой гостиной замка (ил. 9).

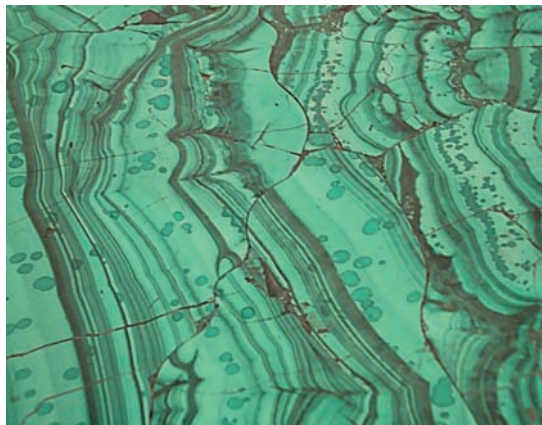
С течением времени наследники отказывались от требующих затрат крупных сооружений (так, замок Клифф в настоящее время занимает музей, а в Торесби Холле находится престижный пансионат). Камин переезжал из дома в дом, и в 1989 г. был установлен в частном доме последней прямой наследницы семьи Баттерсфилд, где находился до последнего времени и где нам любезно разрешили с ним ознакомиться. Несмотря на существенные изменения, коснувшиеся топки, и отсутствие оригинальных поставок для дров, этот камин сохранил свое убранство в том виде, в котором его запечатлел автор гравюры для каталога Всемирной выставки в 1851 г. Многочисленные перемещения почти не сказались на состоянии малахитовой мозаики. Использованный вид малахита и рисунок швов также убеждают нас в том, что пятый рокайльной формы камин, созданный для экспонирования на Всемирной выставке 1851 г., найден.

Согласно завещанию последней владелицы этого камина, в январе 2016 г. предмет вернулся в замок Клифф, где отныне будет доступен всем посетителям этого британского музея (ил. 10).

Таким образом, пять каминов идентичны в каменной части как по пластическому решению, так и по совпадающим до сантиметра размерам. Единственное отличие между четырьмя каминами 1847–1851 гг. и последним, созданным Петергофской фабрикой в 1856 г., можно найти в исполнении мозаики. Отсутствие волнистого «шва Жоффрио» на позднейшем произведении объясняется, скорее всего, прекращением сотрудничества с французским изобретателем, трудоемкостью и высокой стоимостью технологии, требовавшей большого расхода малахита. Учитывая отсутствие собственных месторождений этого камня у казны, очевидно стремление сократить излишний расход.

Созданная Л. Жоффрио модель камина в полной мере отражала моду на прихотливые линии «второго рококо» середины XIX столетия. Пластическое богатство формы нашло достойное воплощение в дорогом материале и затратной технике исполнения. Выполненные по этой модели каминные свидетельствуют о популярности «второго рококо», проявившейся даже в манере сочетания фрагментов малахитовой мозаики.

Эти пять произведений представляют собой редчайший комплекс. Они дают пример движения модели, соответствующей наиболее актуальному для времени их создания стилистическому направлению, не только из придворных мастерских в частные (множество образцов чего можно найти среди работ мастеров Петербурга и Екатеринбурга), но и в обратном направлении. Это можно считать свидетельством высокой оценки современниками уровня работ Малахитовой фабрики Демидовых.

Ил. 1. «Шов Жоффри» малахитовой мозаики.
Малахитовая фабрика Демидовых

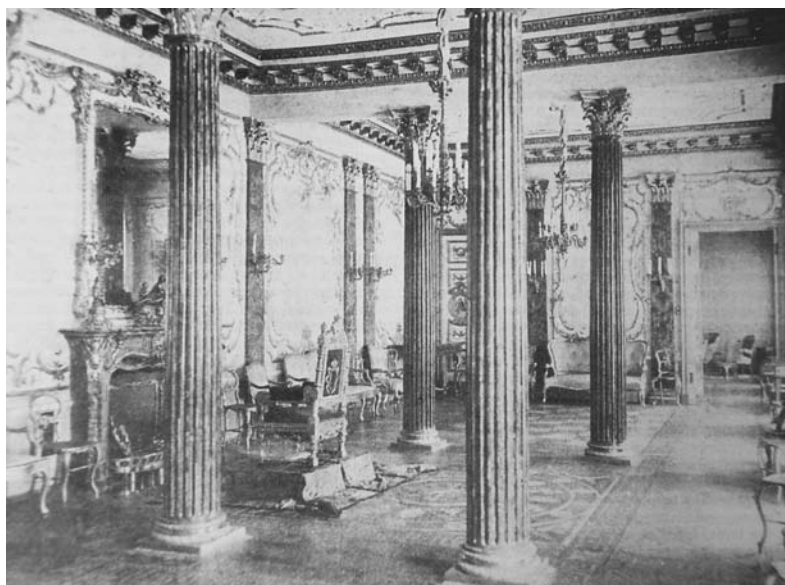
Ил. 2. Русский отдел Лондонской выставки 1851 г.
[Dickinson's comprehensive pictures, vol. 5, il. 3]

Ил. 3. Камин из малахита с золоченой бронзой господ Демидовых, Россия
[Official descriptive and illustrated catalogue..., il. 180]

Ил. 4. Камин Зеленой гостиной особняка графа Закревского. Малахитовая фабрика Демидовых, 1847. Российский государственный институт искусств, Санкт-Петербург

Ил. 5. Малахитовый зал особняка Демидовых на Большой Морской
[Итальянское посольство, с. 19]

Ил. 6. Камин Малахитового зала особняка П. П. Демидова. Малахитовая фабрика
Демидовых, 1849. Музей Opificio delle Pietre dure, Флоренция

Ил. 7. Камин Будуара императрицы. Императорская Петергофская
гранильная фабрика, 1849. Большой кремлевский дворец, Москва

Ил. 8. Камин Малахитового зала. Императорская Петергофская гранильная фабрика,
1856. Orangerieschloss, Stiftung Preußische Schlösser und Gärten Berlin-Brandenburg,
Потсдам

Ил. 9. Гостиная замка Клифф, ок. 1885 г.
Image courtesy of Bradford Museums and Galleries, Cliffe Castle

Ил. 10. Камин для Лондонской выставки. Малахитовая фабрика Демидовых, 1849–1850. Bradford Museums and Galleries, Cliffe Castle, Кейли. Фотограф John Ashton

Бударина Л. А. Бронзовые оправы демидовских малахитов: от европейских заказов к поддержке отечественных инициатив // Художественный металл в России и Европе в XIX–XX веках : сб. тез. Всерос. науч.-практ. конф. 14–15 апреля 2015 г. Екатеринбург : Екатеринбург. музей изобразительных искусств, 2015. С. 12–13, 68.

Вельтман А. Описание нового императорского дворца в кремле московском. М. : Тип. Александра Семена, 1851.

Вертушков Г. Н., Веретенникова Т. Ю., Мазурин К. П. Месторождение малахита в окрестностях Нижнего Тагила // Минералогия и петрография Урала. Тр. Свердл. горн. ин-та им. В. В. Вахрушева. 1976. Вып. 124. С. 3–21.

Вьюева Н. Каминное великолепие // Антиквариат. Предметы искусства и коллекционирования. № 7, май 2003. С. 6–15.

Гончарова Л. Н. Русская художественная бронза XIX в. М. : Изд-во Ирины Касаткиной, 2001. Итальянское посольство // Столица и усадьба. 1914. 1 апреля. № 7. С. 19.

Мавродина Н. М. Искусство русских камнерезов XVIII–XIX веков : каталог коллекции Государственного Эрмитажа. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007.

РГАДА. Ф. 1267 «Демидовы». Оп. 8. Д. 1286 «Петербургская контора. 1. Предписания главноуполномоченного И. А. Кожухова. 2. Ведомости и справки о расходах с Жоффрио. 3. Записка о меднорудянском малахите»; Д. 1363 «Петербургская контора. Письма Жоффрио Кожуховскому»; Д. 1476 «Годовой отчет о приходах и расходах денежных сумм, поступающих в доход с нераздельного имения Демидовых по главному петербургскому управлению»; Д. 1805 «Отчет о стоимости различных изделий, поставленных Демидову и разным лицам за его счет описи работ».

РГИА. Ф. 942 «Зубовы, графы». Оп. 1. Д. 252 «Опись имущества в доме графа Platona Александровича Зубова, бывшем Голенцевой, от 15 октября 1869 г.».

Семенов В. Б. Малахит : в 2 т. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987. Т. 2 : Хроника. Документы. Комментарии.

Сычев И. Русская бронза. М. : Трилистник, 2003.

Указатель С.-Петербургской выставки изделий промышленности Российской империи, Царства Польского и Великого княжества Финляндского в 1849 г. СПб. : [б. и.], 1849.

Budrina L. La produzione in malachite dei Demidov: sulle tracce degli oggetti alla prima esposizione universale // I Demidoff fra Russia e Italia. Gusto e prestigio di una famiglia in Europa dal XVIII al XX secolo / Cultura e memoria, vol. 50 / a cura di L. Tonini. Firenze : Leo S. Olschki, 2013. P. 151–176.

Dickinson's comprehensive pictures of the Great Exhibition of 1851 : from the originals painted for H. R. H. Prince Albert / by Messrs Nash, Haghe, and Roberts, R. A. London : Dickinson, Brothers, 1854. Vol. 5.

Giusti A. M., Mazzoni P., Pampaloni Martelli A. Il museo dell'Opificio delle Pietre Dure a Firenze. Milano : Electa, 1978.

Large Drawing Room with a Malachite Fireplace, Cliffe Castle [Electronic resource]. URL: <http://www.bbc.co.uk/arts/yourpaintings/paintings/large-drawing-room-with-a-malachite-fireplace-cliffe-castle123682> (accessed: 14.12.2015)

Official descriptive and illustrated catalogue of the great exhibition of the industry of all nation : in 5 vols. London : Spicer Brothers, Wholesale Stationers : W. Cloves and Son, Printers, 1851. Part 5 : Foreign states.

Palais de San Donato. Catalogue des Objets d'art et d'ameublement, Tableaux dont la vente aux encheres publique aura lieu a Florence, au Palais de San Donato le 15 mars 1880 et les jours suivants. Paris : Pillet et Dumoulin, 1880.

Статья поступила в редакцию 09.02.2016 г.

Будрина Людмила Алексеевна
кандидат искусствоведения
заведующая отделом декоративно-
прикладного искусства,
Екатеринбургский музей
изобразительных искусств
620014, Екатеринбург, ул. Воеводина, 5;
доцент кафедры истории искусств
Уральский федеральный университет
E-mail: ludmila.budrina@gmail.com

Budrina, Ludmila Alexeevna
PhD (Art History)
Head of the Department of Decorative
and Applied Arts,
Yekaterinburg Museum of Fine Arts
5, Voevodin Str., 620014 Yekaterinburg,
Russia;
Associate Professor, Chair of Art History
Ural Federal University
E-mail: ludmila.budrina@gmail.com

**FIVE MALACHITE FIREPLACES
(WORKS OF THE DEMIDOV MALACHITE FACTORY
AND IMPERIAL PETERHOF LAPIDARY FACTORY, 1847–1856)**

The article is devoted to the comparative analysis of five works of two factories – the Demidov Malachite Factory and the Imperial Peterhof Lapidary Factory – based on the same model and produced between 1847 and 1856. The author aims to provide an academic description of the recently discovered works, as well as their reliable attributions, referring to documentary sources and confirmed by some previously revealed signs of attribution (the material and character of the mosaic). The author studies the involvement of the invited foreign specialists in the work of both state and private enterprises as well as some aspects of Russian works exhibited at the Great Exhibition in London in 1851. All the works in question have been thoroughly studied: the author conducted a stylistic, technical and technological analysis, as well as material studies of the pieces. A comparison of the details of products, time and place of their creation demonstrates that they follow a single model; also, that they used – though for a limited amount of time – a spectacular and very expensive technology of mosaic; and followed the established tradition of using a certain kind of malachite (relatively light-coloured, speckled with turquoise and contrasting patterns) for the works in the style of the second Rococo. This publication summarizes a six-year search for malachite pieces from the Russian section of the Great Exhibition (London, 1851), produced at the Demidov malachite factory of in Saint Petersburg between 1847 and 1851.

Key words: malachite; fireplace; the Great Exhibition, London, 1851; Anatoly Demidov, Prince of San Donato; Demidov Malachite Factory; Joffriaud; Imperial Peterhof Lapidary Factory.

Acknowledgements

The research would have been impossible without my colleagues' support, and I would like to express my deep gratitude to Anna Maria Giusti (Opificio delle Pietre Dure, Florence); Natalia Aleksandrovna Vyuyeva, keeper of the Funds of the Grand Kremlin Place (Moscow); Saskia Hüneke, keeper of the sculpture collection (Prussian Palaces and Gardens Foundation Berlin-Brandenburg, Potsdam); T. D. Ismagulova and V. A. Frolov of the Russian Institute of Art History (Saint Petersburg); Daru Rooke, Museum Manager at Bradford Museums and Galleries, Cliffe Castle (Keighley); Paul Dayson (London) and the former owners of the fireplace.

- Andreeva, V. I. (2009). *Garal'd Bosse* [Garald Bossé]. Saint Petersburg: Kolo. (In Russian)
- Budrina, L. (2013). La produzione in malachite dei Demidov: sulle tracce degli oggetti alla prima esposizione universale [Demidov Malachite Production: Follow the Trace of Objects from the First World Exhibition]. In L. Tonini (Ed.), *I Demidoff fra Russia e Italia. Gusto e prestigio di una famiglia in Europa dal XVIII al XX secolo. Cultura e memoria* [Demidov between Russia and Europe. The Taste and Prestige of a Family in Europe between the 18th and 20th Century. Culture and Memory] (Vol. 50, pp. 151–176). Florence: Leo S. Olschki. (In Italian)
- Budrina, L. A. (2015). Bronzovye opravy demidovskikh malakhitov: ot evropejskikh zakazov k podderzhke otechestvennykh initsiativ [Bronze Frames of Demidov's Malachite Pieces: From European Orders to the Support of Domestic Initiatives]. In *Khudozhestvennyj metall v Rossii i Evrope v XIX–XX vekakh* [Artistic Metalwork in Russia and Europe in the 19th and 20th Centuries] (pp. 12–13, 68). Yekaterinburg: Yekaterinburg Museum of Fine Arts. (In Russian)
- Giusti, A., Mazzoni, P., & Pampaloni Martelli, A. (1978). *Il museo dell'Opificio delle Pietre Dure a Firenze* [The Opificio Delle Pietre Dure Museum in Florence]. Milan: Electa. (In Italian)
- Goncharova, L. N. (2001). *Russkaya khudozhestvennaya bronza XIX v.* [Russian Artistic Bronze of the 19th Century]. Moscow: Publishing House of Irina Kasatkina. (In Russian)
- Ital'ianskoe posol'stvo [Italian Embassy] (1914, April 1). *Stolitsa i usad'ba*, 7, 19.
- Large Drawing Room with a Malachite Fireplace, Cliffe Castle. Retrieved from <http://www.bbc.co.uk/arts/yourpaintings/paintings/large-drawing-room-with-a-malachite-fireplace-cliffe-castl23682>.
- Mavrodina, N. M. (2007). *Iskusstvo russkikh kamnerozov XVIII–XIX vekov. Katalog kolleksii Gosudarstvennogo Ermitazha* [The Art of Russian Stonecutters of the 18th–19th Centuries. A Collection Catalogue of the State Hermitage]. Saint Petersburg: State Hermitage Publishing House. (In Russian)
- Messrs Nash, Haghe, & Roberts, R. A. (1854). *Dickinson's comprehensive pictures of the Great Exhibition of 1851: from the originals painted for H. R. H. Prince Albert* (Vol. 5). London: Dickinson, Brothers.
- Official Descriptive and Illustrated Catalogue of the Great Exhibition of the Industry of All Nations* (Vols. 1–5) (Part 5. Foreign states). (1851). London: Spicer Brothers, Wholesale Stationers: W. Cloves and Son, Printers.
- Palais de San Donato. Catalogue des Objets d'art et d'ameublement, Tableaux dont la vente aux encheres publique aura lieu a Florence, au Palais de San Donato le 15 mars 1880 et les jours suivants* [Palace of San Donato. The Catalogue of Objects of Art and Furniture, Paintings that Will Be on Sale at the Public Auction in Florence, at the Palace of San Donato March, 15, 1880 and the Next Days]. (1880). Paris: Pillet et Dumoulin. (In French)
- Semenov, V. B. (1987). *Malakhit* [Malachite] (Vols. 1–2) (Vol. 2. Khronika. Dokumenty. Kommentarii [Chronicle. Documents. Commentaries]). Sverdlovsk: Middle-Ural Book Publishing House. (In Russian)
- Sychev, I. (2003). *Russkaya bronza* [Russian Bronze]. Moscow: Trilistnik. (In Russian)
- Ukazatel' S.-Peterburgskoj vystavki izdelij promyshlennosti Rossijskoj imperii, Tsarstva Pol'skogo i Velikogo knyazhestva Finlyandskogo v 1849 g.* [A Guide to the St Petersburg Exhibition of Industrial Works of the Russian Empire, Kingdom of Poland and Grand Duchy of Finland]. (1849). Saint Petersburg: [s. n.]. (In Russian)
- Veltman, A. (1851). *Opisanie novogo imperatorskogo dvortsa v kremle moskovskom* [A Description of the New Imperial Palace in the Moscow Kremlin]. Moscow: Typography of Alexandre Semen. (In Russian)
- Vertushkov, G. N., Veretennikova, T. Yu., & Mazurin, K. P. (1976). Mestorozhdenie malakhita v okrestnostyakh Nizhnego Tagila [A Malachite Deposit in the Nizhny Tagil Neighborhood]. *Mineralogiya i petrografiya Urala. Trudy Sverdlovskogo gornogo instituta im. V. V. Vakhrusheva*, 124, 3–21. (In Russian)
- V'yueva, N. (2003, May). Kaminnoe velikolepie [The Splendor of Fireplaces]. *Antikvariata. Predmety iskusstva i kolleksionirovaniya*, 7, 6–15. (In Russian)

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.15826/izv2.2016.18.2.039
УДК 94(37) + 94(560.118) +
+ 94(100):325.111

А. С. Козлов
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ФЕНОМЕН ДВУХ РИМОВ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

Рец. на кн.: Two Romes: Rome and Constantinople in Late Antiquity / ed. L. Grig, G. Kelly. — Oxford ; New York : Oxford Univ. Press, 2012. — xv + 465 p. (Oxford Studies in Late Antiquity)

Рецензия раскрывает концептуальную и содержательную стороны сборника статей преимущественно англоязычных специалистов, анализирующих развитие Рима и Константинополя в IV–VI вв. Указана актуальность избираемой исследователями тематики в рамках заявленной сборником проблемы. Подчеркнута спорность решения вопросов, касающихся формирования инфраструктуры раннего Константинополя и развития исторической топографии позднеантичного Рима. Особое внимание обращено на статьи, по-новому раскрывающие социально-политические аспекты функционирования обеих столиц позднеантичного общества и их социальное влияние на консервацию структур, восходящих к классическому полису и западному «цивитас» как коллективам полноправных свободных граждан.

К л ю ч е в ы е с л о в а: поздняя античность; Рим; Константинополь; проблемы урбанизма.

Рецензируемый сборник, вышедший под редакцией шотландских антиковедов *Л. Григ* и *Г. Келли*, посвящен теме отнюдь не новой, а именно — феномену позднеантичного бытия двух столиц, Рима и Константинополя. Книга состоит из семнадцати статей и поделена на пять сюжетных разделов с одним дополнительным очерком в качестве эпилога к разделу VI. Сами разделы скомпонованы так, чтобы типологизировать отдельные аспекты сравнительной истории развития двух мегаполисов, включая топографию и демографию этих городов,

© Козлов А. С., 2016

Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 2 (151). С. 210–216

посвященные им панегирики и демонстрацию «широкого диапазона дисциплинарных подходов» (р. V) к изучению урбанистских феноменов.

В первой статье первого раздела книги ее редакторы подчеркивают значимость феномена двух столичных мегаполисов для поздней античности и демонстрируют свою солидарность с коллегами, полагающими, что преобразование маленького Византия в Константинополь серьезно редуцировало первенство Рима (которое до тех пор сохранялось, хотя императоры реально там не жили уже больше столетия). Также нельзя не заметить, что хотя Григ и Келли не очень верят в правдоподобность описания Иоанном Лидом (*De mag.*, IV, 2) церемонии освящения Константинополя и роли в этом акте римского сенатора-язычника Веттия Претекстата (ср.: р. 10, п. 33), однако не отрицают и медленности поворота новой столицы к христианству в первые годы ее существования. Не может быть речи и о какой-то функциональной взаимодополняемости обоих имперских центров, ибо довольно скоро Константинополь стал политически конкурировать с Вечным городом и его тысячелетним сенатом. Наблюдения, как мы видим, не очень оригинальны, но в качестве зачина к дальнейшему содержанию сборника вполне адекватны.

Бросается в глаза, в связи с этим, другое. Эпилог к книге, написанный Э. Калделисом, развивает аргументацию (содержащуюся и в других его работах), которая отличается от взглядов редакторов сборника весьма интересной методикой ее приведения. (Я не думаю, что эти два подхода несовместимы, но они, конечно, стимулируют продолжение дискуссии). Если говорить кратко, то тезис Калделиса подразумевает, что перемещение на Восток имперского центра было одновременно и признаком, и упрочением глубинных процессов, протекавших на закате древности. Отсюда — в восточной части империи стала формироваться *римская идентичность*, ставшая базой для национального самосознания людей, позднее ошибочно представленных западными интеллектуалами как византийцы. Получается, что у нас нет никаких оснований сомневаться в самоидентификации позднеантичного Востока и его жителей как римлян, и возражение, что доминирующим языком там был греческий, а не латынь, отражает лишь модернистское представление о соотношении языка и статуса государственности. Бурно дискутируемое сегодня антиковедами «греческое культурное возрождение» II в. с этой точки зрения оказывается прелюдией к «агонии греческой идентичности» (р. 401). Полагаю, аргументация Калделиса отражает очень важную тенденцию в современной историографии античности и Средневековья. Возражая постулатам европейского модерна, представляющего (начиная с Э. Гиббона) Византию стагнационным и тупиковым путем цивилизации, современные историки начинают показывать, что процессы, формирующие в европейских землях средневековые институты и культуру нового типа, вполне прослеживаются и в Империи ромеев. Здесь Калделис вполне солидарен прежде всего с такими византинистами, как Э. Камерон, Л. Браунворт и их последователями (называю только англоязычных авторов).

В связи с этим замечу, что одна из оригинальных мыслей сборника — о том, что именно обеспечение Рима ресурсами провинций являлось важнейшим

фактором в формировании экономической интеграции Средиземноморья¹. Для византиниста принципиально важно продолжение этого тезиса — с IV в. аналогичное обеспечение Константинополя играло ту же роль для Восточного Средиземноморья. Такого рода выводы позволяют резюмировать, что связь экономики поздней античности с политической властью, сосредоточенной в подобных центрах и завязанной на специфических позднеантичных общественных отношениях, а также связанные с этим суперпараметры Рима и Константинополя оказываются взаимозависимыми сторонами для современной дискуссии о бесчисленном множестве явлений, вытекавших из указанных феноменов. Поэтому надо согласиться с тем, что понимание многих *meanings and significances* (смыслов и значений) Рима и Константинополя выводит на существенные вопросы поиска лучших интерпретаций явлений поздней античности. Поэтому почти все сюжеты рецензируемого сборника нацелены на четкую перспективу, которая предусматривает сосредоточение на конкретных моментах развития этих городов. При этом речь идет не столько о Риме и Константинополе как исторических данностях, сколько об анализе позднеантичных и раннесредневековых текстов, касающихся этих центров. Суть рецензируемой книги в основном заключается в интерпретациях, которые ориентированы прежде всего на внимательное прочтение источников, ибо объекты исследования слишком громадны, чтобы сосредотачиваться на них как таковых.

Несколько известных текстов, привлеченных специалистами, получают в сборнике новые толкования. Так, *Люси Григ* сосредоточила свое внимание отчасти на картографических, отчасти на нарративных описаниях двух Римов. Естественно, первое из известных позднеантичных визуально-картографических представлений о них — знаменитые Певтингеровы таблицы. Надо сказать откровенно — здесь анализ Григ далеко не столь глубок, нежели скрупулезные наблюдения, проведенные А. В. Подосиновым или Л. Босио. То же самое относится

¹ Что касается Рима, то соответствующие тезисы сборника прежде всего подчеркивают его экстраординарность в эпоху империи. Известно, что Рим стал первым городом-миллионником в истории, и численность его населения, скорее всего, оставалась устойчивой в течение трех столетий от Августа до Константина I. Отчасти эти цифры зависели от удачного расположения города. Много людей устремлялось в Рим в качестве беженцев уже в период гражданских войн Поздней республики, сюда переезжали разорявшиеся италийские земледельцы, а жаждавшие соответствовать столичному престижу собственники наполняли город своими свитами.

Весьма важно не так уж часто встречающееся наблюдение, что провинции уже тогда были способны обеспечивать этот демографический рост продовольствием и прочими ресурсами. Способствовал этому и географический фактор — равноудаленность Рима от большинства провинций и судоходность Тибра обеспечивали полноту и постоянство доставки средств для сносной жизни. С другой стороны, размеры территории и населения города во времена империи были возможны в силу конкретных обязанностей императоров перед ним. В течение ряда столетий только принцессы имели право распоряжаться изъятием зерна из провинций, его доставкой в порты Италии и распределением среди населения Рима. Крупные собственники, в том числе сенаторы, самостоятельно такую деятельность развернуть не могли. Иначе говоря, высокие урбанистские показатели города были во многом следствием политических решений, а не закономерностью развития экономики. В этой связи важно еще одно наблюдение — когда в IV в. население Рима сократилось (по сравнению с I–II вв.) наполовину, префект Симмах паниковал по поводу того, что император способен изменить своему слову относительно обязательств по поставке зерна.

и к анализу изображений этих городов на позднеантичной чеканке. Касается исследовательница и историографической ситуации с их топографией, причем в связи с изучением топографии имперских столиц иных регионов и иных эпох. Особое место уделено описанию Аммианом Марцеллином монументальных построек Рима, которые он видел в 357 г. Отражение схожих представлений о монументализме шотландский антиковед видит в таких своеобразных источниках как *Curiosum urbis Romae* (согласно которому в IV в. в 14 римских округах насчитывалось 46 290 инсул) и *Notitiae urbis* (фиксирующей 46 902 инсулы). Верно подмечено, что если в *Notitia*, касающейся Константинополя, наряду с жилыми зданиями перечисляются и церкви, то в *Notitia*, посвященной Риму, такого нет.

Б. Солвей предполагает, что основной целью путешественника, зафиксировавшего свой раут в «Бурдигальском итинерарии», был Константинополь, где он намеревался вести какие-то дела с Константином и его двором. Иначе говоря, желание путешественника попасть в Святую Землю было результатом посещения Константинополя, а Иерусалим, таким образом, не являлся изначальной целью маршрута.

Д. Вэндерспойл анализирует известную речь Фемистия, произнесенную перед Констанцием в Риме в 357 г. Акцент исследователя делается на том, что Фемистий был представителем посольства константинопольского сената и в заключительном разделе своей речи связал успехи императора с благоволением к новой столице. Поскольку подобная увязка могла расцениваться как выпад против Рима, то Вэндерспойл считает, что это место в речи реально озвучено не было.

Н. Маклин предполагает, что канон, принятый Константинопольским собором 381 г., не был предназначен для поддержания приоритета новой столицы. В этой связи, поскольку восточные прелаты никогда не признавали первенства Рима, то «предоставляя епископу Константинополя второе место после римского, они... не предоставляли ему ничего». Т. е., по Маклину, епископы на соборе 381 г. стремились сделать церковь Константинополя нейтральной, а не возвысить ее авторитет (р. 345–363).

Есть в рецензируемом сборнике и статьи, хотя и отличающиеся глубоким вниманием к исследуемым текстам, но отношение которых к заявленной редакторами теме, на мой взгляд, весьма косвенное. Так, например, *Э. Жиллет* сосредоточивает внимание на использовании Клавдианом в эпическом стиле стихотворных панегириков. По мнению австралийского специалиста, это приятно контрастировало с традиционными прозаическими панегириками, адресованными императорам или иным влиятельным лицам (типа Стилихона), ибо новый тип восхваляющей речи позволял, оказывая почтение к адресату, обращаться и к аудитории. *Д. Кьюрран* подробно разбирает значение и важность литературных приемов, применяемых поэтессой Пробой в IV в. в работе над «вергилиевыми» материалами и темами, — приемов, в известной степени отражавших, по мнению исследователя, специфические пути приобщения римской элиты к христианским ценностям, а именно — через использование языческих литературных моделей.

В какой-то мере к подобным статьям примыкает и рассмотрение *П. Ван Ньюфеленом* участия императоров в константинопольских публичных церемониях, выходящих за пределы традиционных «выходов», — тема с ярко выраженным социально-политическим и культурно-цивилизационным зарядом. Бельгийский исследователь не разделяет мнения тех специалистов, которые видят в них обычные проявления позитивных аккламаций. Один из его оригинальных приемов — сравнение подобных церемоний со схожими церковными ритуалами и местом в них высшего духовенства V — начала VI в. Другой прием — поиск схожих элементов в публичных цирковых «зрелищах» в самом широком смысле, от конфликтов партий и кровавых игр до состязаний колесниц, ораторов, и т. д. Иными словами, античная агональная культура имела место и в это время, находя яркое выражение именно в столицах.

Совсем иной ракурс подхода к теме «двух Римов» избран в статьях, посвященных урбанистской топографии. *Д. Мэтьюз* дает обширный комментарий и перевод официальной описи построек Константинополя (*Forma urbis*, она же *Notitia urbis Constantinopolitanae*), датируемой началом V в. (р. 81–115). Поскольку эта опись в известной степени была схожа с региональными списками построек позднеантичного Рима, то возможно прямое сравнение физической топографии обоих городов. Вывод Мэтьюза по сути подхватывает известный английский археолог *Б. Уорд-Перкинс*, подчеркнувший, что монументальное строительство, возможно, отразило противостояние траекторий развития двух столиц. Сохранившиеся остатки римских церквей V в. позволяют предполагать, что эти здания, возможно, были крупнее аналогичных строений Константинополя, но их мраморные колонны и капители почти все были взяты из построек классической империи. Напротив, для сооружения церквей Восточного Рима использовался недавно добытый мрамор, обработанный в технологиях и художественных стилях поздней античности.

Особая группа изысканий анализирует инфраструктуру городов. Исследование *Джеймсом Кроу* водоснабжения Константинополя — увлекательный расчет уровней уязвимости новой столицы. В городе, который был «чуть ли не островом» пресная вода являлась дефицитом. Акведук, законченный императором Валентом, дал воду новым районам города, созданным в пределах стен Константина. Но поскольку эти районы располагались выше кварталов старого Византия, то любое последующее разрушение водоснабжения прежде всего затрагивало новые цистерны и ванны. Например, в 626 г. авары разрушили часть акведука Валента, и Константинополь устоял лишь благодаря большим внутригородским запасам воды.

Совсем иной предмет исследования у *Карлоса Мачадо* — столичные постройки, принадлежавшие аристократам. Интересен сам концепт его статьи (ибо приводимая фактология хорошо известна) — если городское пространство Константинополя формировалось при императорском патронаже, то в позднеантичном Риме бывшие общественные здания, вместе со статуями, фресками и мозаиками, а также целые кварталы и общественное водоснабжение во многом

зависели от средств частных лиц, зачастую приспособляющих топографию отдельных районов под собственные вкусы и нужды. Мачадо приводит примеры мультижилых зданий, преобразованных в аристократические усадьбы. Уже в начале своей статьи он высказывает предположение, что подобная тенденция свидетельствует об ухудшении демографической ситуации в Риме. Такого рода наблюдения Мачадо заслуживают пристального внимания специалистов, занимающихся параметрами генезиса раннесредневековых структур, ибо, например, по оценкам Жана Дюрлиа, явно заниженным, население города в течение IV в. сократилось до 500 тыс. человек.

Рассмотрение более долгосрочных демографических тенденций подчеркивает ряд интереснейших особенностей позднеантичного урбанизма. Рассматривая обстоятельства пребывания в Риме Валентиниана III (в течение десятилетия до его смерти в 455 г.), М. Хэмфрис обращает внимание прежде всего на то, что епископ Лев нуждался в поддержке императора для обретения папского достоинства. Параллельно, для демонстрации своей власти, император реставрировал чисто языческий монумент — Колизей. Впоследствии его примеру следовали Одоакр и Теодорих Великий. Это тем более примечательно, что к началу VI в. население Рима сократилось, скорее всего, до 60 тыс. человек и было вполне способно разместиться в этом цирке.

Демографический коллапс Рима затрагивает и Ф. Блодо, анализирующий религиозную политику ряда епископов крупных городов — в том числе Александрии, Рима и Константинополя последней трети V — начала VI в. Известно, что хотя первосвященники Рима и настаивали на своем приоритете, но Рим тогда уже охватывал своими кварталами $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{3}$ той площади, что имела Александрия, и, возможно, $\frac{1}{10}$ той, что имел Константинополь. Подобные диспропорции явно работают на выводы Блодо, касающиеся несоответствия между папской идеологией и реалиями социальной и политической обстановки раннего Средневековья.

Представляется, что практически все наблюдения, сделанные в статьях сборника, должны учитываться при исследовании более масштабных тем, касающихся не только позднеантичного и раннесредневекового урбанизма, но и судеб крупных городов нового времени. Так, например, параллели к идеям книги, отредактированной Л. Григ и Г. Келли, а также дополняющие ее оригинальные идеи, можно обнаружить в коллективной монографии 2003 г. «Rome the Cosmopolis» (ред. К. Эдвардс и Г. Вулф). Например, ряд разделов этой книги анализирует высокую смертность среди римлян раннего Нового времени из-за сугубо местных болезней, что, по мнению авторов, порождало необходимость перманентной иммиграции, так как города Нового времени могли поддерживать свою инфраструктуру и функции, только «импортируя» новых жителей.

Такого рода исследования диктуют необходимость статистического моделирования урбанистских ситуаций и дополнения ими осторожного сравнительно-исторического анализа. Во «Введении» к рецензируемому сборнику дан, к сожалению, лишь краткий обзор современной библиографии феномена «двух Римов», преимущественно IV–VI вв., но одновременно здесь подчеркивается,

что при рассмотрении прежде всего реалий экономики, культуры, демографии и религии в рамках объектов исследования не следует забывать о наличии в феноменах столиц не только статистической составляющей. Рим и Константинополь также были прочнейше вплетены в систему власти. Отсюда, с одной стороны, мегаполисам того времени периферия была жизненно необходима для извлечения из нее ресурсов, потребляемых городом, являющимся одновременно политическим гегемоном. С другой стороны, сам властный механизм извлечения и, главное, распределения этих ресурсов работал на принципы сохранения империи. Иначе говоря, наличие таких мегаполисов — историческая необходимость для существования империй. Полагаю, это один из основных и наиболее перспективных (для дальнейших исследований данной темы) выводов сборника.

Rome the Cosmopolis / ed. C. Edwards, G. Woolf. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003.

Рецензия поступила в редакцию 29.02.2016 г.

Козлов Александр Сергеевич

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории Древнего мира
и Средних веков
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
E-mail: alarich@olympus.ru

Kozlov, Aleksandr Sergeevich

PhD (History), associate professor,
Chair of the History of the Ancient World
and Middle Ages
Ural Federal University
4, Turgenev Str., 620000 Yekaterinburg, Russia
E-mail: alarich@olympus.ru

THE PHENOMENON OF TWO ROMES IN LATE ANTIQUITY

Review of Grig, L., & Kelly, G. (Eds). (2012). Two Romes: Rome and Constantinople in Late Antiquity. Oxford Studies in Late Antiquity. Oxford; New York: Oxford University Press. xv + 465 p.

The review describes the conceptual and content side of the collection of articles, mainly authored by English-speaking specialists that focus on the development of Rome and Constantinople between the 4th and the 6th century. The reviewer emphasizes the topicality of the collection as related to the subject of research. He also points out the arguable nature of issues that have to do the infrastructure formation of early Constantinople and the development of historical typography of Rome in late antiquity. Special attention is paid to the articles that have a new interpretation of the social and political aspects of the two capitals of the late antique society and their social influence on the conservation of structures originating from the classical polis and the western *civitas* as societies of free citizens enjoying full rights.

K e y w o r d s: late antiquity; Rome; Constantinople; urbanism issues.

Edwards, C., & Woolf, G. (Eds.). (2003). *Rome the Cosmopolis*. Cambridge: Cambridge University Press.

Received 29 February 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.2.040
УДК 821.161.1 Полонский-1 +
+ 908:80(470.313)

А. А. Решетова
Рязанский государственный университет
им. С. А. Есенина
Рязань, Россия

ЯКОВ ПОЛОНСКИЙ НА РЯЗАНСКОЙ ЗЕМЛЕ*

Рец. на кн.: Яков Петрович Полонский : личность и творчество в истории русской культуры / под ред. Л. В. Чекурина. — Рязань : ПервопечатникЪ, 2014. — 208 с.

В рецензии представлен аналитический обзор коллективного исследования «Яков Петрович Полонский: личность и творчество в истории русской культуры», изданного в Рязани в 2014 г. Монография была подготовлена учеными Рязани и их коллегами из Москвы и Великого Новгорода в связи с обсуждением актуальных вопросов изучения творчества Я. П. Полонского. Цель работы — обозначить его значимость в контексте развития регионального литературоведения: появление монографии стало знаковым этапом в истории изучения поэтического наследия писателя XIX в., которое многоаспектно рассматривается в системе русской литературной классики. Методологическая основа исследования обусловлена целью работы: первая коллективная монография по творчеству самобытного русского поэта XIX в. рассматривается в сопоставлении с более ранними работами регионального и отечественного литературоведения, с использованием историко-культурного, историко-функционального и сравнительно-типологического методов. Рецензируемая книга обладает научной ценностью, в ее рамках был предложен современный взгляд на ключевые аспекты поэтики Я. П. Полонского, самобытный характер его поэзии, предпринята попытка раскрыть символические подтексты образной системы поэта, уточнить жанровое своеобразие его сочинений.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Я. П. Полонский; художественный мир; поэтическое наследие; поэзия XIX в.; культура Рязани; литературное краеведение.

В год 195-летия со дня рождения Якова Петровича Полонского (1819–1898) на Рязанской земле была издана коллективная монография «Яков Петрович Полонский: личность и творчество в русской культуре». Представленный фундаментальный труд обладает безусловной научной ценностью, в определенной степени снимая существовавшее до сей поры противоречие: жизненный и творческий путь, поэтическое мировоззрение и художественный мир яркого и оригинального поэта и прозаика не был удостоен комплексного исследования. Поэтому цель изданной монографии ответственный редактор и ее соавтор,

* Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и Правительства Рязанской области. Проект 15-14-62001 а(р) — «Рязанский край в контексте русской литературы: региональный аспект исследования».

рязанский ученый Л. В. Чекурин определил максимально конкретно: в условиях «тревожного» «современного состояния полоноведения» «привлечь внимание исследователей к творчеству нашего земляка», «более тщательно и <...> более точно и объективно дать оценку личности и творчеству Полонского» [Яков Петрович Полонский, 2014, с. 7]¹. На высоком научном уровне имя писателя, чей поэтический гений связал две эпохи: золотой и серебряный век отечественной литературы, — уверенно вписано в пантеон русских классиков. Верность оценок Полонского обусловили связь его многожанрового творчества с национальной традицией, широта художественно-эстетических воззрений и цельный, жизнеутверждающий характер мировосприятия, вера в гармоничное сосуществование человека с природой и обществом, романтическая преданность идеальному миру красоты и поэзии. Творчество поэта, дискуссионно воспринятое его современниками, лишенное внимания в XX столетии, по достоинству оценено современными исследователями.

Коллективный труд рязанских ученых и их коллег из других регионов России (Москвы и Великого Новгорода) объединил усилия филологов и историков, краеведов и переводчиков, искусствоведов и музыкантов. Монография позволила ввести в научный оборот малоизученные и ранее неизвестные документально-исторические источники: архивные материалы, свидетельства мемуаристов, заметки из дореволюционной столичной и губернской прессы. Не остались без внимания поэтические и прозаические произведения, переводы Полонского, его поэтические «исследования» этнографии и культуры Грузии. Научные изыскания, собранные под живописной обложкой с зарисовкой дома И. С. Тургенева, выполненной самим Полонским, обращены к его личности и творчеству как к явлению русской культуры: его литературному дару и оценкам исторических событий, произведениям поэта, положенным на музыку, отражению в его наследии рязанских реалий «мятежного и строгого» XIX в., наконец, стихам и пьесам, посвященным самому писателю. Впервые целостно представленное в таком многообразии наследие автора, проанализированное в контексте русской и зарубежной литературы и истории, показало масштаб влияния личностного и творческого пути Полонского на русскую литературу и музыку XIX–XX вв.

Эта монография стала также долгожданным трудом для ценителей поэзии и для рязанцев во исполнение долга перед памятью великого земляка. Сложилась история долгих и непростых отношений Полонского с Рязанской землей. До конца жизни он поддерживал связь с земляками, хотя на родину после поступления в Московский университет больше не возвращался, а с рядом рязанских деятелей (А. В. Селивановым, А. И. Черепниным, Д. А. и А. Д. Повалишиными, бароном Н. В. Остен-Дризенем) состоял в переписке. С 1887 г. были установлены контакты Полонского с Рязанской ученой архивной комиссией (РУАК) и лично с ее основателем А. В. Селивановым, который стремился привлечь к сотрудничеству как можно больше земляков — деятелей культуры

¹ Далее коллективная монография цитируется с указанием страниц в тексте в круглых скобках.

и литературы (из письма к Селиванову по поводу включения поэта в состав архивной комиссии: «Для меня, как уроженца города Рязани, в высшей степени лестно Ваше постановление» (с. 169)). И сами рязанцы были частыми гостями на «пятницах» Полонского, собраниях литературного салона поэта в Петербурге. Известно также о его замыслах по сотрудничеству с «Трудами РУАК» и желании поддержать начинание Н. В. Остен-Дризена по изданию газеты «Рязанский вестник». В историко-археологический музей архивной комиссии при жизни и по завещанию им были переданы ценные экспонаты (например, принадлежавшие Полонскому золотая медаль, бисерный и серебряные венки, деревянные костыли и др.), рукописи, в том числе со стихами, которые остаются не опубликованными по настоящее время. Сейчас в музейных фондах Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника хранятся личные вещи и фотографии Полонского, публикации в разного рода периодических изданиях и сборниках, а в Государственном архиве Рязанской области — рукописи и документы, с ним связанные. Всё это свидетельства неразрывного духовного сплочения с Рязанью, о котором Полонский писал: «До сих пор я не мог еще разлюбить мою родину...» (из письма к А. И. Черепнину). Неслучайно завещал он себя похоронить на берегу Оки у стен Ольгова монастыря, что и было исполнено — могила находилась на кладбище бывшего Богородице-Успенского Ольгова монастыря, рядом с захоронением матери, до 1959 г., когда прах поэта был перенесен на территорию Рязанского Кремля и упокоен в пределах Спасо-Преображенского монастыря.

После смерти Полонского на Рязанской земле заговорили об увековечении его памяти. Обществом исследователей Рязанского края отмечались юбилейные даты, связанные с его именем; издавались труды общества и сборники РУАК со статьями деятелей этой архивной комиссии о Полонском (например, Е. И. Воскресенского). В 1918 г. одна из улиц города была названа его именем. К этому же времени в музее РУАК сложилась и была представлена в экспозиционном комплексе коллекция рязанского поэта, которая в дальнейшем успешно пополнялась и стала основой его фонда в новом губернском музее (впоследствии Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике). Уже в XX—начале XXI в. данный фонд существенно изменился, так как была проведена серьезная научно-фондовая работа по дополнению, атрибутированию, упорядочиванию и унификации материалов.

Однако в целом XX столетие не столь много добавило к исследованию и сохранению памяти писателя [Яков Петрович Полонский, 1906], творчество которого в это время оценивалось большей частью критически и не всегда объективно. Возможно, в силу этого Рязань до сих пор ожидает появления памятника и музея знаменитого земляка (дом, где родился писатель, не сохранился), а также переиздания полного собрания сочинений (два прижизненных полных собрания сочинений вышли в Санкт-Петербурге в 1886 и 1896 гг., первое — 10-томное [Полонский, 1886], следующее — 5-томное, было просмотрено самим автором [Полонский, 1896]; но абсолютной полнотой не отличается ни то, ни другое).

Одним из первых в 1960-е гг. обратился к изучению творческого наследия Полонского П. А. Орлов, уроженец Рязани, с 1947 по 1962 г. преподававший русскую литературу в РГПИ, впоследствии — профессор МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1961 г. была издана его книга о творческом пути и поэтическом искусстве Полонского, в которой ученый заявлял, что поэт «первого ряда», к сожалению, «такого места в литературоведении не имеет» [Орлов]. В 2000-е гг. исследовательская история наследия Полонского на Рязанской земле была отмечена изысканиями рязанских краеведов [Фонякова], в 2008–2009 гг. увидел свет биографический роман о Полонском «Золотая арфа» А. Н. Потапова [Потапов].

Новым этапом в изучении биографии и творчества Полонского стала в 2000-е гг. исследовательская работа кафедры общенаучных дисциплин Рязанского филиала Московского института культуры и лично его заведующего Л. В. Чекурина, ученика П. А. Орлова. Он продолжительное время интересовался творчеством рязанского поэта и в разные годы обнаружил неизвестные ранее автографы Полонского, его гимназическое сочинение и письма к рязанцам, а также открыл другие материалы о писателе в областных и столичных архивах. К частным вопросам биографии и культурно-общественной деятельности писателя, его связям с Рязанским краем обратились преподаватели кафедры: И. Н. Гаврилов в рамках обзорного труда «Писатели и Рязанский край» [Гаврилов] и В. А. Толстов в ряде своих статей и в формате диссертации [Толстов].

По инициативе коллектива кафедры, обратившегося к музыкально-режиссерскому и дизайнерскому направлениям работы института, шло многоаспектное изучение произведений Полонского как поэта, прозаика, драматурга, переводчика, художника, автора текстов, на которые 157 русских и зарубежных композиторов создали более 200 романсов и хоровых произведений. А в 2009 г. в честь 190-летия со дня рождения поэта была организована и проведена первая в России научно-практическая конференция «Яков Петрович Полонский: личность и творчество в истории русской культуры», представившая результаты научно-исследовательской работы, прежде всего, рязанских ученых, прояснявшей положение Полонского в литературной культуре России как творца первого ряда. По итогам работы конференции была опубликована рецензируемая в данном издании коллективная монография. Ее появление и конференция состоялись во многом благодаря многолетнему сотрудничеству с кафедрой литературы РГУ имени С. А. Есенина, сотрудники которой в настоящее время активно обращаются к актуальным вопросам изучения творчества Я. П. Полонского [Решетова, Федосеева].

Четко обозначенные проблемы, ставшие предметом исследования в монографии «Яков Петрович Полонский: личность и творчество в русской культуре», позволили структурировать коллективное исследование по тематическим разделам, в ряду которых: литературоведческий (лирическое творчество поэта в контексте истории русской культуры), историко-философский (малоизученные проявления историко-политических и философских взглядов писателя), краеведческий (значимость местных историко-культурных и биографических

реалий в произведениях рязанского поэта), культурологический (роль поэтического наследия Полонского в развитии отечественного музыкального искусства) и поэтический (тексты произведений, посвященных Полонскому).

Первый раздел «Грани литературного таланта» открывается главой «Лирика Я. П. Полонского 1860–1870-х гг. в контексте западничества и славянофильства» (д. ф. н., проф. РГУ им. С. А. Есенина *Т. В. Федосеева*). Обращение к поэзии этого периода обусловлено стремлением осознать жизненный опыт и творческий путь Полонского «как пример особого рода “самостояния” художника, умевшего оставаться независимым в напряженной борьбе идей и мнений» (с. 10). По мнению автора основополагающей статьи данного раздела, в сложный момент русской истории, в состоянии спора о прошлом, настоящем и будущем страны Полонский был знаком со многими известными людьми, чьи взгляды повлияли на оформление этого противостояния: оригинального учения славянофильства и «западничества». Указано на одновременное влияние на мировоззрение поэта взглядов и убеждений разных представителей русской интеллектуальной элиты: ученых, философов, публицистов, размышлявших об историческом пути России. С одной стороны, это П. Я. Чаадаев, сформулировавший в «Философических письмах» (1829) коренные отличия Запада и Востока, и профессор Т. Н. Грановский, историк и лидер западнического движения, с другой — поэт и публицист А. С. Хомяков, известный своими богословскими идеями, в первую очередь идеей православной «соборности». В связи с чем сделан вывод: авторское сознание и эстетическая программа поэта сложились под смешанным влиянием славянофильской идеи национальной самобытности и западнической идеи общественного прогресса. Обоснованно исследовательница отталкивается от суждений В. С. Соловьева, который назвал Полонского «отзывчивым сыном своего века» и одним из первых отметил цельный характер мирозерцания поэта, предполагающий сосуществование идеального и реального и определяющий жизнеутверждающее начало его творчества, верность идеалу красоты и поэзии и его слиянность с миром реальным (действительным).

Логичным является обращение к трем концептам в творчестве писателя — трем его идейно-тематическим комплексам: Родине, Западу и Востоку. Последующий анализ лирики Полонского 1860–1870-х гг. имел целью показать особое, свойственное только этому поэту их понимание и поэтическое выражение. Стихотворения и поэмы 1860–1890-х гг. («Признаться сказать, я забыл, господа...», «Беглый», «Век», «Поэту-гражданину», «Неизвестность» и др.) продемонстрировали, насколько органично поэт осознавал связь своего творчества с национальной русской действительностью, а также отразили напряженные размышления Полонского о судьбах Родины, его душевную боль в мире «мятежного, строгого века». Такого рода лирика рассмотрена в сравнении с творчеством Н. А. Некрасова, с которым Полонского связывали взаимное уважение и сочувственное отношение друг к другу. В отличие от некрасовской концепции «поэта-гражданина», назначение творца, по Полонскому, состоит в служении вечным ценностям мира — любви, красоте, свободе, что, в свою

очередь, определило мотивный комплекс поэзии тех лет: социальное неблагополучие, утопическая мечта о свободной и счастливой жизни, бездушный век, чуждый человеку, и т. д. Сделан акцент на том, что Полонский разделял позиции славянофильства и Ф. И. Тютчева, с которым сблизился в 1860-е гг., ощущая родство душевное и духовное, общность воззрений на славянские народы, защиту их национальной независимости и религиозной свободы. Проблема Запада для Полонского раскрылась в дружеском общении с И. С. Тургеневым, стоявшим на западнических позициях.

Споры западников и славянофилов были близки рязанскому поэту, он видел уязвимые и слабые места в обеих идеологемах, в равной степени они были привлекательны для его поэтического вдохновения. В ряде его стихотворений противопоставлены Восток, многогранный и сложный, и Запад, средоточие вольнодумия, ведущего к разрушению. Россия для поэта занимала срединное место: источник истинных ценностей — в ее православной истории, духовно ориентированной на Восток, но существование ее немыслимо без европейской цивилизации. Взгляд Полонского на современную русскую и европейскую действительность вызван его внутренними, нравственными ориентирами — общечеловеческими ценностями бытия, определенными христианской моралью и горячими патриотическими чувствами.

Первый раздел монографии продолжает глава «Поэтика времени-пространства в кавказской лирике Я. П. Полонского» (д. ф. н., проф. РФ МГИК *И. Ф. Герасимова*). Образ Кавказа, неизменно привлекающий русских поэтов, широко и ярко представлен в лирике и воспоминаниях Полонского, волею случая оказавшегося жителем Грузии с 1846 по 1851 гг. В данной главе анализируются созданные на Кавказе стихотворения из сборника «Сазандар»: «Прогулка по Тифлису», «В Имеретии», «Грузинская песня», «Тамара и поэт ее Шота Руставели» и др.

Выделены разные виды хронотопа: локальный, психологический, исторический, культурный, фольклорный и христианский, а также их смешанные формы, причем последний вариант доминирует. Предпочтение того или другого, а также модификации хронотопа подчиняются принципу свободного перемещения лирического героя во времени и пространстве, его культурной памяти или «душевному ритму автора», так как перед нами, по сути, выразительный образец автопсихологической лирики, раскрывающий тождественность автора и лирического героя, их размышлений. Смещение разновидностей хронотопа исследовательницей объясняется также неразделимым сочетанием идеального и реального миров, христианским мирозерцанием поэта и утверждением в его творчестве общечеловеческих ценностей: «мирочувствование лирического героя простирается далеко за пределы конкретики (исторического события, истории, любви, психологического состояния) к земному бытию в целом» (с. 43).

Специфику пространственно-временной организации лирических текстов кавказского периода исследовательница связывает, в том числе, с насыщенностью многочисленными реминисценциями (в частности, отмечается связь с поэмой Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре»). Очевидна и связь с ключевыми

в русской поэзии XIX в. топосами (*дорога*) и архетипами (*дом (семья), женщина, Бог, любовь*). Гармоничным сосуществованием разных типов хронотопов в лирике Полонского И. Ф. Герасимова объясняет и наличие жанрового синкретизма (обращение к путевым заметкам, этнографически точным очеркам, дружеским посланиям, вольному переложению фольклорных песен), что отмечено как характерная особенность кавказской лирики поэта. Здесь обращение к истории и инокультуре, осмысление современной действительности в национальной и христианской традиции, гуманистические устремления выделены как определяющие для Полонского и для русской литературы XIX в. в целом.

В том же ключе трактуется «поэтическая» проза писателя в следующей главе «Символический план рассказа Я. П. Полонского “Статуя Весны”» (д. ф. н., доц. НФ РГГУ *Е. А. Гаричева*). Недооцененность прозаических произведений поэта не делает их менее привлекательными для исследования, что подтверждает анализ рассказа, в свое время вызвавшего восхищение Н. А. Добролюбова как текст, наиболее близкий по своему характеру лирическому творчеству Полонского.

Рассказ имеет автобиографический характер, на что указывал и сам автор, что в сочетании с символизацией повествования создает ту смысловую глубину произведения Полонского, которая недоступна однозначному определению. Символический подтекст открывается там, где обнаруживается мифологический план (прежде всего, обращение к образам античной мифологии), а также он синтезируется с библейским. Неслучайно исследовательница делает акцент на ключевых образах-символах (статуя Весны, окно, свеча) и утверждает, что символизация образов «происходит благодаря совмещению разных точек зрения и расширению ассоциативного плана повествования» (с. 55). Для Полонского характерен именно такой тип повествования, особенно в текстах, для которых доминирующей является тема жизни и смерти, а также искупления и любви.

И, безусловно, данное произведение дает основание для обращения к проблеме литературной рецепции — в рассказе очевидны аллюзии как к стихотворному наследию самого автора (стихотворение «Кумир» с библейскими цитатами), так и к «Повестям Белкина» А. С. Пушкина на тематическом и образном уровнях. В анализируемом произведении, как и во всем наследии Полонского, следует отметить гармоничное взаимопроникновение внутреннего и внешнего, благодаря которому через самопознание и происходит постижение духовного смысла бытия — Божественного Промысла.

К частной литературоведческой проблеме, связанной с переводческими опытами Полонского, обращена еще одна глава литературоведческого раздела «Я. П. Полонский — переводчик» (сотрудник Рязанского музея истории молодежного движения *И. А. Соболева*). Источником для исследования послужили вольные пересказы Полонским стихотворений английского поэта Ф. У. Бурдильона «Ночь» и И. В. Гёте «Рыбак» (в сопоставлении с переводом А. А. Фета). Автором отмечено, что, с одной стороны, Полонский подходит к произведению с позиции максимально аутентичной передачи как авторской идеи, так и тонкостей авторского языка, а с другой, — привносит в оригинал особенности

собственной поэтической речи. Продиктовано это стремлением Полонского к созданию самобытного художественного произведения.

Основополагающей для второго раздела монографии «Я. П. Полонский и история» является глава «Историческая тематика в творчестве Я. П. Полонского» (проф. *Л. В. Чекурин*). Изучены публикации в журналах «Современник», «Отечественные записки», «Время», «Эпоха» — здесь идет открытое осуждение поэтом как тактики террора, так и ответных мер правительства. В строках Полонского звучит забота о сохранении общественного согласия, а также рассуждения по вопросам веры — всё это вкуче постоянно вызывает у исследователей интерес. В данной главе впервые так последовательно выявляются исторические и философские воззрения писателя, несмотря на признания самого Полонского, что он «только историк впечатлений...» [Полонский, 1986, т. 2, с. 198]. Исторический интерес писателя был подготовлен и семейным воспитанием (отец читал вслух «Историю государства российского» Н. М. Карамзина), и образованием (преподавателем истории Полонского в Московском университете был М. П. Погодин), и последующими знакомствами и дружескими связями с М. Ф. Орловым, А. С. Хомяковым, Т. Н. Грановским, П. Я. Чаадаевым.

В главе объясняется, насколько глубоким было понимание Полонским прошлого России, насколько емким был его взгляд на мировую и отечественную историю. Свидетельствует об этом и участие писателя в проекте создания памятника «Тысячелетие России» в Новгороде, и широта отраженных в его прозаических, поэтических, эпистолярных и мемуарных произведениях исторических фактов и событий, в том числе имеющих отношение к жизни в Рязани разных эпох: от монгольского нашествия и правления Великого князя Олега Рязанского до губернского бытия XIX в. Особое внимание в ракурсе данной исследовательской проблемы уделяется вопросу о тех исторических личностях, которые привлекли к себе писателя — он умел через конкретных участников событий четко увидеть и образно воспроизвести суть общемировых и общечеловеческих проблем. В российском стихотворном пантеоне Полонского «колеблющийся современник побоища на Куликовом поле» Олег Рязанский, «грозный» Петр I, «слуга империи и в ней борец великий» М. В. Ломоносов...

Галерея исторических персонажей античной Греции и Древнего Рима, Европы времен Средневековья, эпохи Возрождения и французских революций столь же многочисленна (выделяется фигура «стопобедного сына молвы» Наполеона). Важен в данном случае ракурс подачи темы — это полная трагических перипетий история связей Европы и России. Особым звучанием наполнена лирика Полонского, посвященная событиям Крымской войны, русско-турецкой войны 1870-х гг.; роковые события военного времени воспринимались поэтом в контексте темы войны, несущей не только героизм и дух освобождения, но и народное страдание, несчастные судьбы ее жертв. Уверенно исследователем обозначено главное место России в исторических текстах и воззрениях Полонского, патриотизм проявляется во всем: в конкретных деталях родного края, в изображении разных эпох существования страны, в оценках роли России в мире.

Поэтому столь внутренне диалогично и образно обращение поэта к историческим темам, столь явны отмеченные исследователем переключки творчества Полонского с историческими произведениями А. С. Пушкина. Поэтому столь очевидны параллели его произведений со стихотворными размышлениями о трагической эпохе А. А. Блока. Неслучайно Л. В. Чекурин отмечает то, что круг ныне переиздаваемых произведений поэта все более расширяется, что свидетельствует, в том числе, о «многосюжетно» звучащей на его страницах истории, о привлекательной для современного читателя гражданской позиции автора, независимой «от политических поветрий его времени и ошибочных оценок», о его стремлении увидеть и во время роковых эпох нравственные идеалы и ценности.

Продолжая магистральную тему этого раздела, об истоках патриотизма и гражданской позиции Полонского в главе «Идеи панславянизма в мировоззрении Я. П. Полонского» пишет рязанский краевед *И. А. Филатов*. В качестве основной причины он определяет польско-малороссийские корни происхождения писателя, воспитание в нем с ранних лет «русскости», панславистских представлений, которым он остался верен до конца своих дней, интерес к философии славянофильства, к быту патриархальной русской старины и истории славянских народов и стран. Поэтому на страницах монографии звучит концептуальная мысль о сохранении национальных корней и традиций в творчестве писателя-рязанца.

В монографии особым звучанием наполнен культурологический раздел «Поэт и музыка». Ценность ему придает глава к. и. н., доц. РФ МГИК *В. А. Толстова* «Музыкальные произведения на стихи Я. П. Полонского», содержащая перечень музыкальных произведений на стихи Полонского, который насчитывает 156 позиций. Таким образом, в настоящее время он является наиболее точным и полным, несмотря на то, что попытки проделать данную работу возобновлялись не раз, начиная с 1921 г. (даже по сравнению с предыдущим списком 2001 г. количество музыкальных композиций было удвоено и выяснено, что композиторов, обращавшихся к стихотворному наследию Полонского, в два раза больше). Исследователь указал, что работа такого рода должна иметь продолжение, так как изучение феномена Полонского в отечественной музыкальной культуре далеко еще не исчерпано.

Продолжена музыкальная тема в главе рязанского краеведа *В. М. Касаткина* «Поэзия Я. П. Полонского в русской классической музыке». Обоснованность интереса исследователей к ней очевидна: стихи Полонского отличает столь притягательная для музыкантов и композиторов яркость поэтических образов и изящество формы, ритмичность и музыкальность. Сам поэт любил музыку, называя ее самым возвышенным видом искусства, кроме того он был близко знаком и ощущал духовное родство с выдающимися композиторами своего времени: А. Г. Рубинштейном, П. И. Чайковским, С. В. Рахманиновым, С. И. Танеевым и др., впоследствии написавшими музыку на его стихи. Именно их музыкальные произведения на поэтические тексты Полонского в статье отмечены в качестве

лучших образцов романсовой лирики. Заняв в истории русской музыкальной культуры достойное место, классическая поэзия Полонского, рассмотренная в музыковедческом аспекте, еще ожидает самого тщательного изучения.

Не менее интересная тема намечена в главе «Хоровые произведения русских композиторов на стихи Я. П. Полонского», выполненной преподавателем музыкальной школы г. Рязани *И. С. Мещеряковой*. Это обращение к хоровым произведениям, написанным на стихи Полонского, С. И. Танеева (ему принадлежит самый крупный — «Двенадцать хоров *a cappella* для смешанных голосов»), П. И. Чайковского, А. Г. Рубинштейна, Ц. А. Кюи, А. С. Аренского, С. Н. Василенко, А. Т. Гречанинова. Э. Ф. Направника и др., в том числе малоизвестных композиторов и музыкантов, академическое изучение которых — в перспективном будущем.

Блок краеведческих исследований «Рязанские реалии в творчестве Я. П. Полонского» самодостаточен, в том числе потому, что насыщен новыми архивными находками, рукописными открытиями на краеведческом материале. Историко-биографическими изысканиями наполнена глава *Л. В. Чекурина* «Гимназические учителя Полонского», обращенная к годам обучения поэта в Рязанской гимназии (1833–1838), признанной в те годы передовым учебным заведением, в котором преподавали выпускники Московского университета. Многие воспоминания тех лет отразились впоследствии в лирике Полонского и сыграли свою роль в его личной судьбе. Почти все учителя Полонского описаны в его воспоминаниях «Школьные годы (Начало грамотности и гимназия)». Лучшие из них отличались оригинальными способностями, широтой интересов, эрудицией и научным и практическим опытом работы. Основное, что объединяло их, по мнению поэта, — это стремление обучить детей рассуждению, самостоятельному мышлению, развитие у гимназистов творческих способностей, что способствовало их добротному гуманитарному образованию. Особое впечатление на гимназиста Якова Полонского произвели историк и литературовед Ф. И. Ляликов, директор гимназии Н. Н. Семенов, в прошлом гвардейский офицер, талантливый педагог прибалтийский немец и протестант Ф. И. Шиллинг, учитель Закона Божьего священник Николо-Дворянской церкви отец Стефан, преподаватель естественной истории и личность видная в те годы в рязанском обществе Д. Т. Воздвиженский, а также особо любимый Полонским учитель русской словесности Н. В. Титов и повлиявший на воспитание личности поэта учитель латинского языка К. Яновский. Далекое неслучайно в гимназии наиболее любимым занятием Полонского стала русская словесность, особую любовь к чтению и живописи поэт приобрел также здесь.

Интерес к рязанским страницам в биографии Полонского проявился и в главе *В. А. Толстова* «Переписка Я. П. Полонского с рязанцами: новые архивные находки». Данная работа готовилась исследователем на протяжении ряда лет (с 1990-х гг.), за это время было обнаружено значительное количество писем Полонского к рязанцам. Ранее они были неизвестны, следовательно, не опубликованы и в рамках данной монографии впервые была обнародована информация

о них. Речь идет о переписке писателя с А. И. Черепниным, рязанским археологом и деятелем РУАК (именно в одном из писем к нему поэт высказал желание быть похороненным «близ Рязани в Ольговом монастыре»), с семьей рязанских дворян Д. А. и А. Д. Повалишиных (на подаренной им фотографии сохранилась запись последнего стихотворения Полонского, как было выяснено Л. В. Чекуриным, созданного незадолго до смерти), с основателем РУАК А. В. Селивановым, бароном Н. В. Остен-Дризенем (из писем которого становится известно о планах писателя на сотрудничество с рязанской прессой). Известным стал и тот факт, что Полонского, так и не вернувшегося на свою малую родину, в Санкт-Петербурге посещали рязанцы, зачастую бывавшие на его известных в культурной среде «пятницах».

В результате изучения комплекса эпистолярных источников исследователь приходит к выводу о том, что «поэт не порывал связей со своей малой родиной и ее людьми до конца жизни» (с. 165), именно они, как ничто иное, показывают истинное отношение поэта к Рязани, контакты с ее жителями были дороги Полонскому и нередко сохранялись с детства. Сотрудничество с РУАК, фонды которой он пополнял, поддержка всех культурных начинаний и инициатив рязанцев, переписка с известными людьми своего времени — это то новое, что открывает эпистолярное наследие Полонского и документально подтверждает неразрывную духовную связь писателя с Рязанской землей.

Этой же мыслью проникнуты наблюдения рязанского краеведа *М. Н. Мухаревского* в статье «Материалы о Я. П. Полонском на страницах “Рязанского вестника” 1908–1909 гг.». Публикации указанной газеты посвящены 10-й годовщине со дня смерти писателя и рассказывают о вечерах, подготовленных в его память, об учреждении именной премии Полонского и обсуждениях памятной доски, которая должна появиться в родном городе поэта.

Новым является литературоведческое изучение рязанских реалий в лирике Полонского, представленное *И. В. Грачевой*. К анализу ею были привлечены художественные произведения, в которых отразились воспоминания юного поэта о проведенном в Рязани детстве, о его семье и людях, встречавшихся ему в начале его творческого пути (стихотворения «Жницы», «В гостинной», «Детское геройство», «Старая няня»). Типологически близки им стихотворные произведения, написанные под влиянием фольклорных мотивов, сказочных сюжетов, услышанных еще в детстве («Зимний путь», «Иная зима», цикл «Сны», поэма «Мечтатель»). Продолжает тему и созданный Полонским собирательный образ губернского городка, вобравший черты провинциальной Рязани (поэма «Анна Галдина»). Справедливо исследовательница отмечает теснейшую связь лирики, пронизанную детскими рязанскими впечатлениями, с созданными на склоне лет мемуарами, в которых вновь во всем многообразии художественных деталей раскрывается период его рязанского бытия — рязанский топос, до конца жизни близкий сердцу поэта.

Последний раздел «Стихи и пьесы о Я. П. Полонском» составили лирические посвящения поэту рязанцев — малоизвестные стихотворения из архивов

и дореволюционных газет, с тех пор не переиздававшиеся, а также музыкально-поэтическая драма «Вечерний звон» современных рязанских авторов С. Б. Полупанова и Р. Е. Маркина. В качестве приложения здесь же расположен некролог Я. П. Полонскому от редактора журнала «Нива» Р. И. Сементковского (от 1898 г.).

Таким образом, систематизируя опыт коллективного исследования, можно констатировать, что в формате этого издания были реализованы биографический, культурно-исторический, типологический аспекты изучения наследия рязанского поэта, был предложен современный взгляд на ключевые аспекты поэтики Полонского, самостоятельность и самобытный характер его поэзии, предпринята попытка расшифровать символические подтексты образной системы в отдельных произведениях, уточнено контекстуальное поле сочинений, что было понятно для читателя второй половины XIX столетия, но что, возможно, стало неочевидным для читателя начала XXI в. В рецензируемой коллективной монографии были выявлены первоочередные задачи, стоящие перед исследователями творческого наследия Полонского, к числу которых относятся не только разработка летописи его жизни и творчества по академическим канонам и подготовка академического собрания сочинений, но и изучение произведений писателя с точки зрения жанрового многообразия, его связи с национальной поэтической традицией, мировосприятия и мироощущения поэта, творческих связей с поэтами-современниками, отношения к философско-эстетическим исканиям эпохи, с точки зрения христианской антропологии и аксиологии, что, разумеется, должно иметь под собой объективные научные основания и исследовательское продолжение.

Гаврилов И. Н. Писатели и Рязанский край. Рязань : Изд. РИНФО, 2000.

Орлов П. А. Я. П. Полонский. Критико-биографический очерк. Рязань : Рязан. кн. изд-во, 1961.

Полонский Я. П. Полное собрание стихотворений : в 5 т. Изд., просмотренное автором. СПб. : Изд. А. Ф. Маркса, 1896.

Полонский Я. П. Полное собрание сочинений : в 10 т. СПб. : Изд. Ж. А. Полонской, 1886.

Полонский Я. П. Сочинения : в 2 т. М. : Худ. лит., 1986.

Потанов А. Н. Золотая арфа. Жизнь и творчество Я. П. Полонского. Ч. 1 : Пленительный певец. Рязань : Поверенный, 2008; Ч. 2 : Костёр в ночи. Рязань : Рязан. обл. тип., 2009.

Решетова А. А. «Много было жен добродетельных, но ты превзошла всех их» (к проблеме рецепции древнерусского текста в «Рассказе вдовы» Я. П. Полонского) // Вестн. славянских культур. 2015. № 1. С. 83–101.

Толстов В. А. Я. П. Полонский и память о нем в культурной среде рязанской интеллигенции конца XIX – начала XX века // Провинциальное культурное гнездо (1778–1920-е гг.) / ред. А. А. Севастьянова. Рязань : Рязан. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2005. С. 118–134.

Федосеева Т. В. Творчество Я. П. Полонского: о направлениях современного изучения // Вестн. Рязан. гос. ун-та им. С. А. Есенина. 2014. № 8 (44). С. 66–84.

Фонякова Н. Н. Всю жизнь серьезно я был только поэтом и больше ничем... // «Мой костер в тумане светит...» Яков Полонский — художник : альбом / сост. Л. А. Пронина. Рязань : Пресса, 2004.

Яков Петрович Полонский. Его жизнь и сочинения : сб. ист.-лит. ст. / сост. В. Покровский. М. : Склад в книж. магазине В. С. Спиридонова и А. М. Михайлова, 1906.

Яков Петрович Полонский : личность и творчество в истории русской культуры / под ред. Л. В. Чекурина. Рязань : ПервопечатникЪ, 2014.

Статья поступила в редакцию 06.12.2015 г.

Решетова Анна Анатольевна

доктор филологических наук,
зав. кафедрой литературы
Рязанский государственный университет
им. С. А. Есенина
390000, Рязань, ул. Ленина, 20
E-mail: a.reshetova@rsu.edu.ru

Reshetova, Anna Anatolyevna

Dr. hab. (Philology),
Head of the Chair of Literature
Ryazan State University
named after S. A. Yesenin
20, Lenin Str., 390000 Ryazan, Russia
E-mail: a.reshetova@rsu.edu.ru

YAKOV POLONSKY IN RYAZAN REGION

Review of Chekurin, L. V. (Ed.) (2014). *Jakov Petrovich Polonskij: lichnost' i tvorchestvo v istorii russkoj kul'tury* [Yakov Polonsky: Personality and Creative Work in the History of Russian Culture]. Ryazan: PervopeshatnikЪ. 208 p.

The paper is an analytical review of the collective study *Yakov Polonsky: Personality and Creative Work in the History of Russian Culture*, published in Ryazan in 2014. The monograph is a joint effort of a group of scholars from Ryazan and their colleagues from Moscow and Veliky Novgorod in connection with the discussion of topical issues of Y. P. Polonsky's creative work studies. The research aims to demonstrate the importance of the work under review in the context of regional literary criticism development: the appearance of the monograph is a landmark in the research history of the 19th century writer's poetic heritage that is considered in many aspects in the system of Russian classics. The methodological basis of the work is imposed by its purpose, i.e. the need to analyze the first collective monograph on the legacy of an original Russian 19th century poet in relation to earlier works of local and national literary studies, which makes it possible to use the historical and cultural, historical and functional, and comparative-typological methods. The author concludes that the reviewed work is of considerable scholarly value; within its framework the authors offer a modern look at the key aspects of Y. P. Polonsky's poetics, the original character of his poetry, making an attempt to uncover the symbolic implications of his poetic imagery, and clarify the genre peculiarities of the poet's works.

Key words: Y. P. Polonsky; artistic world; poetic heritage; 19th century poetry; Ryazan culture; literary regional studies.

Acknowledgements

The research is supported by the *Russian Scientific Foundation for the Humanities* (RHSF) and by the government of Ryazan Region, project 15-14-62001 a(p) – “Ryazan in the Context of Russian Literature: Regional Aspect of Research”.

Chekurin, L. V. (Ed.) (2014). *Jakov Petrovich Polonskij : lichnost' i tvorcestvo v istorii russkoj kul'tury* [Yakov Polonsky: Personality and Creative Work in the History of Russian Culture]. Ryazan: PervopeshatnikЪ. (In Russian)

Fedoseeva, T. V. (2014). *Tvorcestvo Ja. P. Polonskogo: o napravlenijah sovremennogo izuchenija* [Y. P. Polonsky's Creative Work: On Directions of Contemporary Research]. *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina*, 8 (44), 66–84. (In Russian)

Fonjakova, N. N. (2004). *Vsju zhizn' serjezno ja byl tol'ko poetom i bol'she nichem...* [All My Life I've Seriously Been Just a Poet and Nothing Else...]. In L. A. Pronina (Comp.), *«Moj koster v tumane svetit...» Jakov Polonskij — hudozhnik. Al'bom* [“My Fire Glistens in the Fog...” Yakov Polonsky as an Artist. Album]. Ryazan: Pressa. (In Russian)

Gavrilov, I. N. (2000). *Pisateli i Rjazanskij kraj* [Writers and Ryazan Region]. Ryazan: Izd. RINFO. (In Russian)

Orlov, P. A. (1961). *Ja. P. Polonskij. Kritiko-biograficheskij ocherk* [Y. P. Polonsky. A Critical and Biographic Essay]. Ryazan: Rjazanskoe kn. izd-vo. (In Russian)

Pokrovskij, V. (Ed.) (1906). *Jakov Petrovich Polonskij. Ego zhizn' i sochinenija: sbornik istoriko-literaturnyh statej* [Yakov Polonsky. His Life and Works: A Collection of Historical and Literary Articles]. Moscow: Sklad v knish. magazine V. S. Spiridonova i A. M. Mihailova. (In Russian)

Polonskij, Ja. P. (1886). *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works] (Vols. 1–10). Saint Petersburg: Izd. Zh. A. Polonskoi. (In Russian)

Polonskij, Ja. P. (1896). *Polnoe sobranie stihotvorenij* [Complete Poems] (Vols. 1–5) (Ed., reviewed by the author). Saint Petersburg: Izd. A. F. Marksa. (In Russian)

Polonskij, Ja. P. (1986). *Sochinenija* [Works] (Vols. 1–2). Moscow: Hydozhestvennaia literatura. (In Russian)

Potapov, A. N. (2008). *Zolotaja arfa. Zhizn' i tvorcestvo Ja. P. Polonskogo* [The Golden Harp. The Life and Creative Work of Y. P. Polonsky] (Part 1: Plenitel'nyj pevec [Captivating Singer]). Ryazan: Poverennyi. (In Russian)

Potapov, A. N. (2009). *Zolotaja arfa. Zhizn' i tvorcestvo Ja. P. Polonskogo* [The Golden Harp. The Life and Creative Work of Y. P. Polonsky] (Part 2: Koster v nochi [Fire in the Night]). Ryazan: Riazanskaia obl. tip. (In Russian)

Reshetova, A. A. (2015). «Mnogo bylo zhen dobrodetel'nyh, no ty prevzoshla vseh ih» (k probleme recepcii drebnerusskogo teksta v «Rasskaze vdovy» Ja. P. Polonskogo) [“There Have Been a lot of Decent Women, but You Surpass Them All” (On the Problem of Reception of Old Russian Text in the “The Widow’s Tale” by Y. P. Polonsky)]. *Vestnik slavjanskij kul'tur*, 1, 83–101. (In Russian)

Tolstov, V. A. (2005). *Ja. P. Polonskij i pamjat' o nem v kul'turnoj srede rjazanskoj intelligencii konca XIX — nachala XX veka* [Y. P. Polonsky and His Commemoration in the Cultural Environment of Ryazan Intellectuals of the Late 19th — Early 20th Centuries]. In A. A. Sevastjanova (Ed.), *Provincial'noe kul'turnoe gnezdo (1778–1920-e gg.)* [The Provincial Cultural Nest (1778–1920s)] (pp. 118–134). Ryazan: Riazanskii gosudarstvennyi universitet imeni S. A. Esenina. (In Russian)

Received 06 December 2015

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференции

ЗАРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИИ: ЧЕМПАЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В 2013 г. научная общественность Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина широко отметила 100-летний юбилей доктора исторических наук, профессора, основателя уральской школы специалистов в области новой и новейшей истории зарубежных стран и историков-международников Ивана Никаноровича Чемпалова (1913–2008) [см.: Кузьмин, Михайленко]. Преподаватели департаментов международных отношений и «Исторический факультет» 30–31 октября 2013 г. провели научную конференцию «Международные отношения в XX–XXI вв.», посвященную этому событию. Конференция вызвала большой резонанс не только в научных кругах, но и среди широкой общественности. Материалы для участия в ней прислали ученые из различных городов России, а также Швеции, Германии, Чехии, Китая, Украины, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана. В ее организации приняли участие Российский Совет по международным делам, Шведское агентство по радиационной безопасности, Уральское отделение Ассоциации европейских исследований, Уральское отделение Российской ассоциации международных исследований, Информационно-образовательный центр атомных городов Урала, Сообщество исследователей нераспространения в Сибири и на Урале. Таким образом, конференция имела представительный международный характер.

Международный характер конференции усиливался тем, что она проводилась в тесном контакте с Министерством международных и внешнеэкономических связей Свердловской области, которое обеспечило участие в открытии конференции многих иностранных представителей в Уральском федеральном округе.

Поскольку конференция носила мемориальный характер, то со словом о И. Н. Чемпалове выступили его ученики В. А. Кокшаров, В. А. Кузьмин, В. И. Михайленко, В. Н. Земцов. Были озвучены некоторые его мысли о Великой Отечественной войне и воспоминания об участии в ней из прижизненного интервью ученого, записанного А. В. Лямзиным. В материалах конференции был опубликован библиографический указатель трудов ученого.

На конференции был рассмотрен широкий круг вопросов по истории международных отношений, глобальной и региональной безопасности, проблемам нераспространения оружия массового поражения, внешней политики России. На пленарном заседании и секциях было заслушано около 100 докладов и сообщений. Активное

участие в конференции приняли не только преподаватели, но и магистранты и студенты ИСПН, ИГНИ и других институтов УрФУ, а также ряда вузов города Екатеринбурга.

Участники конференции выработали рекомендации, главные из которых состояли в том, чтобы превратить Чемпаловские чтения в постоянный научный форум в Уральском федеральном университете, сочетать в их проблематике исторические сюжеты и анализ современных международных отношений. В то же время название Первых Чемпаловских чтений оказалось слишком широким, и участники конференции высказались за то, чтобы следующие научные форумы по международным отношениям сделать более тематическими. Положительно было воспринято широкое участие молодежи в обсуждении международной проблематики.

Материалы конференции были изданы департаментом международных отношений [Международные отношения в XX–XXI вв.].

Тему Вторых Чемпаловских чтений предложило Представительство МИД России в городе Екатеринбурге. В 2014 г. мировая общественность широко отмечала 100-летие со дня начала Первой мировой войны. В связи с этим событием 24–26 апреля 2014 г. в УрФУ прошла международная научная конференция «К 100-летию Первой мировой войны: социум, война, международные отношения». Задачами конференции было: почтить память миллионов жертв Первой мировой войны; внести посильный вклад в исследование «белых пятен» Первой мировой войны и ее последствий, используя новые источники и междисциплинарные методы исследований; привлечь исследователей, дипломатов и широкую общественность к обсуждению актуальных проблем войны и мира.

Конференция была проведена силами преподавателей департамента международных отношений ИСПН и департамента «Исторический факультет» ИГНИ УрФУ при участии Представительства МИД России в Екатеринбурге, Управления архивами Свердловской области, Уральского отделения Ассоциации европейских исследований. Среди гостей конференции присутствовали представители Генеральных консульств в Екатеринбурге: Венгрии, КНР, Киргизии, Азербайджана, Украины.

Участники конференции выступали на секциях «История Первой мировой войны: власть и общество», «Проблемы экономики и политики в годы Первой мировой войны», «Теоретические подходы и историография изучения военной истории». В то же время, выполняя рекомендации, принятые участниками Первых Чемпаловских чтений, на конференции работала секция «Влияние Первой мировой войны на послевоенные международные отношения».

На конференции было представлено около 200 участников, среди которых были представители России, Чехии, Республики Кыргызстан, Республики Казахстан. Россию представляли преподаватели и научные сотрудники различных вузов и научных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Омска, Казани, Тюмени, Нижневартовска. Проблематика конференции вызвала большой интерес в студенческой среде УрФУ. На конференции работало 5 молодежных секций, в которых приняли участие около 150 студентов и магистрантов департамента международных отношений ИСПН, департамента «Исторический факультет» ИГНИ, ИМКН, специальности «Международные отношения» Каспийского государственного университета технологий и инжиниринга имени Ш. Есенова (Республика Казахстан).

В выступлениях участников конференции поднимались такие вопросы, как оценка изученности темы в отечественной и зарубежной историографии и новые научные проблемы; военно-мобилизационные мероприятия, военное планирование, ведение военных операций, уроки военного планирования; влияние войны на социальную и политическую динамику, психологию масс и властных элит; культура, искусство, общественное сознание под влиянием мировой войны; вопросы войны и послевоенного урегулирования на международных конференциях; внешняя политика и международные отношения в послевоенный период.

По итогам конференции ее участниками также были приняты рекомендации. Было обращено внимание на то, что спустя 100 лет после начала Первой мировой войны не прекращаются дискуссии относительно оценки ее происхождения, хода событий и последствий. Утрата господства ленинско-сталинской концепции происхождения Первой мировой войны и роли в ней царской России оживили дискуссионное поле отечественной историографии. Не остаются в стороне от дискуссии зарубежные исследователи. Материалы конференции были изданы департаментом международных отношений [К 100-летию Первой мировой войны].

Третьи Чемпаловские чтения прошли 24 декабря 2015 г. Они были организованы кафедрой теории и истории международных отношений департамента международных отношений ИСПН при участии Уральских региональных отделений Ассоциации европейских исследований и Российской ассоциации содействия ООН и посвящены 70-летию Ялтинской конференции стран Антигитлеровской коалиции. Несмотря на то, что конференция проводилась в условиях непростой для России международной обстановки, в ней приняли участие более 60 человек, среди которых были представители России, Италии, Франции, Финляндии, Чехии, Таиланда, Республики Кыргызстан.

На конференции работали три секции: «Ялтинско-Потсдамская система международных отношений», «Современные международные отношения в постбиполярном мире» и студенческая секция. Основные усилия участников конференции были направлены на обсуждение следующих вопросов: динамика Ялтинского миропорядка, уроки «холодной войны», движение к новому миропорядку, место России в глобализирующемся мире.

Дискуссии по этим вопросам показали, что в настоящее время Ялтинско-Потсдамская система мира является полем активных идеологических столкновений не только между российскими и зарубежными учеными, но и внутри российского научного сообщества. Наиболее остро в выступлениях специалистов в области международных отношений, историков и политологов прозвучали проблемы итогов «холодной войны», основ пост-ялтинского мирового порядка и ответственности за рост конфронтации в современном мире.

Участники конференции в своих рекомендациях отметили в качестве положительного фактора открытость и доброжелательность международного научного сообщества при обсуждении острых вопросов современной мировой политики. Была отмечена актуальность проведения историографических исследований по наиболее актуальным вопросам современных международных отношений для составления более полного представления о мнениях экспертного сообщества о характере кризисных явлений и путях выхода из сложившегося положения. Было высказано предложение

о необходимости проведения системного анализа современных международных отношений для определения наиболее существенных признаков нового мирового порядка. Тезисы выступлений участников Третьих Чемпаловских чтений изданы в сборнике трудов конференции [70 лет Ялтинской конференции].

Таким образом, можно констатировать, что в Уральском федеральном университете в форме Чемпаловских чтений сложилась хорошая площадка для обсуждения актуальных вопросов истории международных отношений и современной мировой политики. Данный научный форум проводится регулярно, носит международный характер и привлекает специалистов различных научных дисциплин. Заметна популярность этого форума среди молодежи, как учащейся, так и вступающей в научную жизнь.

70 лет Ялтинской конференции стран антигитлеровской коалиции : материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В. И. Михайленко. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016.

К 100-летию Первой мировой войны: Война, социум, международные отношения : материалы междунар. науч. конф. (24–26 апреля 2014 г., г. Екатеринбург) / отв. ред. В. И. Михайленко. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015.

Кузьмин В. А., Михайленко В. И. Научная школа профессора И. Н. Чемпалова // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2010. Т. 79. № 3. С. 260–262.

Международные отношения в XX–XXI вв. : материалы междунар. науч. конф. в рамках Первых Чемпаловских чтений, посв. 100-летию со дня рожд. проф. Ивана Никаноровича Чемпалова (1913–2008) / отв. ред. В. И. Михайленко. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013.

В. Д. Камынин

К. Г. Муратшина

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Kuz'min, V. A., & Mikhailenko, V. I. (2010). Nauchnaja shkola professora I. N. Chempalova [Professor I. N. Chempalov's School of Thought]. *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serija 2 "Gumantarnyje nauki"*, 79, 3, 260–262. (In Russian)

Mikhailenko, V. I. (Ed.). (2013). *Mezhdunarodnyje otnoshenija v XX–XXI vv.: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii v ramkakh Pervykh Chempalovskikh chtenij, posv. 100-letiju so dnja rozhdenija prof. Ivana Nikanoroviča Chempalova (1913–2008)* [International Relations in the 20th–21st Centuries: Proceedings of the International Academic Conference in the Framework of the 1st Chempalov Conference, Devoted to the 100th Birthday Anniversary of Professor Ivan Nikanorovich Chempalov (1913–2008)]. Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Mikhailenko, V. I. (Ed.). (2015). *K 100-letiju Pervoi mirovoi voiny: voina, sotsium, mezhdunarodnyje otnoshenija. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (24–26 aprelya 2014, Yekaterinburg)* [For the 100th Anniversary of WWI: War, Society, International Relations. Proceedings of the International Academic Conference (April 24–26, 2014, Yekaterinburg)]. Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Mikhailenko, V. I. (Ed.). (2016). *70 let Yaltinskoi konferentsii stran antigitlerovskoi koalitsii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [The 70th Anniversary of the Anti-Hitler Coalition's Yalta Conference. Proceedings of the International Academic Conference]. Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Список сокращений

АВПРИ	Архив внешней политики Российской империи
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАСО	Государственный архив Свердловской области
ЗНБ УрФУ	Зональная научная библиотека Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГИА	Российский государственный исторический архив
СОКМ	Свердловский областной краеведческий музей
СОУНБ	Свердловская областная универсальная научная библиотека им. В. Г. Белинского
AAN	Archiwum akt nowych w Warszawie (Архив новых актов в Варшаве)
A. N.	Archives Nationales (Национальный архив Франции)
МАЕ	Archives du ministère des Affaires étrangères. Mémoires et documents. France (Архив министерства иностранных дел Франции. Воспоминания и документы)

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
2016. Т. 18. № 2 (151)

Редактор и корректор
Компьютерная верстка

А. А. Макарова
Л. А. Хухаревой

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48320 от 27.10.12
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

Подписано в печать 24.06.2016. Формат 70 × 100 ¹/₁₆
Уч.-изд. л. 19,51. Усл. печ. л. 19,66. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 248.

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
Отпечатано в ИПЦ УрФУ. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

ПРАВИЛА
направления, рецензирования и опубликования научных статей
в журнале «Известия Уральского федерального университета.
Серия 2. Гуманитарные науки»

I. Информация о журнале

1. Научный журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки» издается с 1999 г. Учредителем и издателем журнала является ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина». Серия «Гуманитарные науки» журнала «Известия Уральского федерального университета» является периодическим изданием (выходит 4 раза в год).

2. Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки»

- зарегистрирован как научное периодическое издание Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-48320 от 27 января 2012 г.);
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227-2283;
- включен в Перечень ВАК ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим отраслям наук: исторические науки и археология, филологические науки, искусствоведение;
- включен в Russian Science Citation Index (RSCI), размещенный на платформе Web of Science (WoS);
- включен в объединенный каталог «Пресса России. Газеты и журналы. Т. 1», подписной индекс – 43143;
- материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале Уральского федерального университета (<http://urfu.ru/ru/science/scientific-journals/izvestija-urfu/>) и на собственном сайте журнала (<http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia2>).

3. Редакционная политика журнала ориентируется на современные гуманитарные исследования, свободные от идеологических штампов, базирующиеся на использовании различных научных парадигм, введении в научный оборот новых источников. Приветствуется академический уровень подачи материала, историографическая полнота и дискуссионность (в рамках проблематики журнала и по заранее выбранным сообществом экспертов проблемам). Редколлегия журнала следует правилам научного либерализма, предусматривающего публикацию мнений вне зависимости от идеологических взглядов.

II. Порядок приема рукописи

1. Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды объемом не более одного учетно-издательского (авторского) листа (40 000 знаков с пробелами). Статьи аспирантов принимаются объемом до 0,5 а. л. (20 000 знаков с пробелами). Публикация в журнале бесплатная.

2. Журнал принимает к публикации научные статьи, научные обзоры, научные рецензии и отзывы, освещающие актуальные вопросы филологии, истории и искусствоведения.

3. Рукописи прилагается одна официальная рецензия (внешнюю рецензию дает специалист соответствующей отрасли знаний, не работающий в одном вузе, на одном факультете или на одной кафедре с автором статьи). Статьи без внешней рецензии не рассматриваются.

4. Авторский оригинал предоставляется в электронной версии и с обязательной распечаткой текста. В статье должны присутствовать следующие метаданные: название статьи; аннотация (в которой указываются тема и цель работы, методология исследования, источники, основные результаты и выводы, объемом не менее 200 слов); ключевые слова (7–10); библиографический список; сведения об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, звание, должность; место работы (с указанием адреса); e-mail). Все метаданные предоставляются на русском и английском языках.

5. Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту. Страницы рукописи нумеруются. Иллюстрации к статье высылаются отдельными файлами в формате JPEG. Все иллюстрации должны быть подписаны и пронумерованы.

6. Статьи принимаются к рассмотрению в течение всего года. Рукописи высылаются по адресу: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51. «Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки».

III. Порядок рецензирования и опубликования научных статей

1. Редакция журнала осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Срок рецензирования статей — от 2 до 6 месяцев.

2. В качестве рецензентов выступают признанные специалисты по тематике представленных на экспертизу материалов, имеющие в течение последних 3 лет публикации по проблеме рецензируемой статьи.

3. Редакция журнала хранит рецензии в течение 5 лет. При поступлении в редакцию издания соответствующего запроса она направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации.

4. Редакционная коллегия на основании заключения рецензентов принимает решение о публикации поступивших материалов. Принятые к публикации статьи включаются в ближайший выпуск журнала.

5. Редакция уведомляет автора рукописи о том, принят или не принят к публикации материал, направляет авторам копии рецензий или мотивированный отказ. Рукописи, не принятые редакцией к изданию, автору не возвращаются.

IV. Требования к авторскому оригиналу

Подготовка электронного варианта рукописи

- **Формат бумаги** — А4 (210 × 297 мм), ориентация книжная.
- **Программа** — Word, **гарнитура** — Times.
- **Поля** — все по 2 см.
- **Размер шрифта** (кегель) — 14 (алгоритм набора: Формат — Шрифт — Размер 14).

- **Межстрочный интервал** — полуторный (Формат — Абзац — Междустрочный — Полуторный).
- **Межбуквенный интервал** — обычный.
- **Абзацный отступ** — 1,25 (Формат — Абзац — Первая строка — Отступ 1,25).
- **Выравнивание текста по ширине** (Формат — Абзац — Выравнивание — По ширине).
- **Нумерация страниц** (Вставка — Номер страницы — Внизу, справа).
- **Переносы** обязательны (Сервис — Язык — Расстановка переносов — Автоматическая расстановка переносов).
- **Квадратные скобки** — на латинской клавиатуре.
- **Межсловный пробел** — один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях *т. е.*, *т. н.*, *т. д.* Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: *М., 1995*. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: *А. С. Пушкин*.
- **Дефис** должен отличаться от тире, например: *Творчество Н. Заболоцкого конца 1920-х — начала 30-х годов*.
- **Тире** должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах, например: *1941—1945 гг., с. 8—61*.
- **Кавычки** должны быть одного начертания по всему тексту («...» — внешние, “...” — внутренние).
- **Точка, запятая и точка с запятой** при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски, например: *«Наши дети — энциклопедисты по самому характеру своего мышления», — говорил Маршак¹*.
- **Римские цифры** набираются с помощью латинской клавиатуры.
- **Буква ё/ѐ** заменяется буквой *e/E* за исключением важных для смыслового различия контекстов, например: *Всем обо всём*.
- При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.
- Не допускаются пробелы между абзацами.

Виды и приемы выделений в тексте

- Основные виды выделений в рукописи — **рубрикационные** (заголовки рубрики) и **смысловые** (термины, значимые положения, логические усиления).
- Смысловые выделения в авторском тексте оформляются разрядкой (Формат — Шрифт — Интервал — Разреженный — 2).
- Короткие примеры в авторском тексте выделяются светлым курсивом, при необходимости используется полужирный курсив, например: «неблагозвучны громоздкие сочетания согласных на стыке слов (*пусть встреча состоится*)». Отдельные фрагменты цитируемого текста выделяются мелким шрифтом с отбивками от основного текста.

Примечания и библиографические ссылки

- Примечания оформляются с помощью подстрочника и арабской цифры-индекса в качестве знака сноски. Ссылки на литературу в составе примечания приводятся в виде отсылок в квадратных скобках.
- Ссылки — затекстовые, оформляются в соответствии с национальным стандартом РФ ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка», введенным с 1 января 2009 г. Обязательно указание на страницы цитируемых статей. Ссылки на иностранные источники следуют после русскоязычных.
- Отсылки в тексте — в квадратных скобках с указанием фамилий авторов (если документ создан 1–3 авторами) или названий (4 и более авторов, коллективные сборники), а также при необходимости номера тома и страницы при прямом цитировании. Например: [Толстой, т. 4, с. 287]. Год издания указывается лишь в том случае, если есть ссылки на другие книги этого автора.

Примеры оформления ссылок:

- Abaev V. I. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древние языки / под ред. В. С. Расторгуевой. М.: Наука, 1979. С. 272–346.
- Полдников Д. Ю. Этапы формирования цивилистической договорной теории *ius commune* // Государство и право. 2012. № 6. С. 106–115.
- Смирнов М. И. Адмирал Александр Васильевич Колчак (краткий биографический очерк). Париж: Изд. Воен.-Мор. Союза, 1930.
- РГАВМФ. Ф. 406, 418, 609, 701, 716. Р-181, Р-183, Р-187.
- Тосић Д. Косово. Београд: Новости, 2004.
- Bryson G. Man and Society. The Scottish Inquiry of the Eighteenth Century. Princeton: Princeton Univ. Press, 1945.
- Emerson R. The Social Composition of Enlightened Scotland: The Select Society of Edinburgh 1754–1764 // Studies on Voltaire and the Eighteenth Century, CXIV. 1973. P. 291–329.
- United States Department of State [Electronic resource] // Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers, 1941. General, The Soviet Union (1941). URL: <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1941v01> (accessed: 12.07.2013).

Список литературы должен быть продублирован в формате APA (American Psychological Association) с обязательной транслитерацией и переводом кириллических названий (за исключением названий периодических изданий).

Названия изданий на языке, использующем не латинский алфавит (например, кириллицу), должны быть транслитерированы и переведены на английский язык, при этом в качестве основного названия используется транслитерация оригинального названия, а после нее в квадратных скобках дается английский перевод.

При транслитерации используются правила Библиотеки Конгресса США (ALA-LC romanization или LC romanization), при этом следует делать исключения для имен собственных и названий периодических изданий, которые необходимо транслитерировать в соответствии со сложившейся традицией (например: В. Янин = V. Yanin, а не V. Ianin; Вопросы языкознания = Voprosy jazykoznanija, а не Voprosy iazykoznaniiа и т. п.).

Примеры оформления списка:

- Abaev, V. I. (1979). Skifo-sarmatskie narechija [Scytho-Sarmatian Languages]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), *Osnovy iranskogo jazykoznanija. Drevneiranskie jazyki* [Elements of Iranian Linguistics. Ancient Iranian Languages] (pp. 272–346). Moscow: Nauka. (In Russian)
- Berezovich, E. L. (2007). *Jazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvističeskie issledovaniia* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik. (In Russian)
- Coss, P. (1989). Bastard Feudalism Revised. *Past and Present*, 125, 27–64.
- Coss, P. (1991). *Lordship, Knighthood and Locality. A Study in English Society, c. 1180-1280*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gammeltoft, P. (2005). Islands Great and Small: A Brief Survey of the Names of Islands and Skerries in Shetland. In P. Gammeltoft, C. Hough, & D. Waugh (Eds.), *Cultural Contacts in the North Atlantic Region: The Evidence of Names* (pp. 119–126). Lerwick: NORNA.
- Harvalik, M. (2004). *Synchronni a diachronni aspekty české onymie* [Synchronic and Diachronic Aspects of Czech Proper Names]. Praha: Academia. (In Czech)
- Kleiber, G. (1992). Quand le nom propre prend l'article: le cas des noms propres métonymiques [When a Proper Name Takes an Article: The Case of Metonymic Proper Names]. *Journal of French Language Studies*, 2, 185–205. (In French)
- Kuznetsov, S. A. (Ed.). (2000). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [A Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint. (In Russian)
- Lysova, E. V. (2002). *Ornithonimiia Russkogo Severa* [Ornithonymy of the Russian North] (Doctoral dissertation). Ural State University, Yekaterinburg. (In Russian)
- Sprache [Electronic Dictionary of the German Language]. Retrieved from <http://www.dwds.de/>. (In German)
- Zaliznyak, A. A., & Yanin, V. L. (2003). Berestianye gramoty iz novgorodskikh raskopok 2002 g. [Birch Bark Manuscripts from Novgorod Excavations in 2000]. *Voprosy jazykoznanija*, 4, 3–11. (In Russian)

Принципы оформления библиографической записи в формате АРА описаны на сайте: <http://www.apastyle.org/>, а также на многочисленных сайтах библиотек.

Правила транслитерации Библиотеки Конгресса США (ALA-LC romanization) описаны на сайте: <http://www.loc.gov/catdir/cpso/roman.html>. При транслитерации кириллических названий можно воспользоваться автоматическими системами транслитерации, например: translit.net (в выпадающем меню «Варианты...» выбрать LC).

Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество	Surname, name, middle name
Ученая степень, звание, должность	Academic degree, position
Организация	Organization
Почтовый адрес и телефон места работы	Mailing address, phone number
E-mail	E-mail

E-mail: izvestia.2@yandex.ru

Сайт: <http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia2>

Почтовый адрес: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

«Известия Уральского федерального университета.

Серия 2. Гуманитарные науки»